М.И. НАУМОВ

ХИНЕЛЬСКИЕ ПОХОДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Михаил Иванович Наумов родился в 1908 году в бедной крестьянской семье в селе Большая Соснова, Пермской области. Отец его долгие годы работал председателем колхоза. Сам М. И. Наумов с юности был на комсомольской работе: как член окружкома комсомола, секретарь райкома и т. д. В 1928 г. вступил в ряды партии. Учился М. И. Наумов в Кизеловской Совпартшколе, а в 1937 г. окончил высшую пограничную школу и стал кадровым военнослужащим. В начале Великой Отечественной войны М. И. Наумов попал в окружение и посвятил себя партизанской борьбе в тылу врага. В своей книге М. И. Наумов рассказывает о славных походах под его командованием в 1942 году на стыке Сумской, Курской и Брянской областей части партизан Червонного района, Сумской области, базировавшихся в Хинельских лесах (так называемой первой группы хинельских партизан или, как их еще именовали, эсманцев). После событий, описанных в данной книге М. И. Наумов водил своих эсманцев, а также хрущевцев, котовцев и киевлян, партизан Белоцерковского, Макарьевского, Коростышевского, Армянского, Эмильчинского и Чапаевского отрядов в глубинные рейды по Украине и Белоруссии по тылам врага, о чем рассказывается в следующей его книге «Степной рейд». За мужество и заслуги в деле организаций партизанского движения М. И. Наумову в 1943 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. В книге названо много действительных имен, но есть и вымышленные, за которыми стоят люди, не всегда умевшие достойно встретить трудности партизанской жизни и борьбы. Таковы Тхориков и Пряжкин. М. И. Наумов увлекательно рассказывает, как партизанские командиры, подчас остро критикуя друг друга, неустанно воспитывали из молодых народных мстителей умелых воинов. Книга «Хинельские походы» является еще одной яркой страницей в коллективной летописи мужества нашего народа в те суровые годы, которую начали своими воспоминаниями такие прославленные партизанские командиры, как С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров и другие.

- Хинельские походы
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV

- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII
- К УЧАСТНИКАМ ПОХОДОВ И ЧИТАТЕЛЯМ
- СХЕМА ХИНЕЛЬСКИХ ПОХОДОВ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Хинельские походы

М.И. НАУМОВ
Герой Советского Союза

ХИНЕЛЬСКИЕ ПОХОДЫ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО
ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ
КИЇВ-1960

Армия лесная Брянская
Много тысяч верст прошла,
Слава наша партизанская
Океаны перешла.

Из партизанской песни.

Глава I
НА РАССВЕТЕ

Сыпучий, искристый снег, колючие звезды и луна, сверкающая холодным светом, — это было все, что видели мы с Николаем Баранниковым. Оба в длинных кожухах и наглухо завязанных ушанках, мы шли всю ночь. Голубая строчка проложенных нами следов тянулась то в одну, то в две стежки.

— Не могу больше! Выдохся! Передохнуть бы! — едва слышно произнес мой спутник и тяжело опустился на снег.

По нашим расчетам, зона, откуда были изгнаны все жители, уже кончилась, — где-то близко находятся обитаемые села, и там возможен отдых, ночлег, но мы прошли, видимо, мимо жилья, и теперь предстояло сделать привал в открытом поле.

Я огляделся. Вправо и чуть ниже белел туман.

«Река», — подумал я и сказал Баранникову:

— Вставай, у реки отдыхать будем!

Мы спустились в долину, нашли глухой овражек — он порос молодым дубняком; медно-красные листья еще цепко держались на тонких ветках. Уже начинало светать, легкий нежно-розовый пар поднимался над белоснежной долиной.

— Тут хорошо! — сказал Баранников, облегченно вздыхая.

Мы с наслаждением сели, прислонившись к глинистому обрыву. По натруженному телу разливалась истома, ныли плечи, гудели ноги.

— О-ох, и несчастливые мы, Михаил Иваныч, — сокрушался мой спутник. — Вот уже который раз, а все впустую… И полем, и по селу пытались, и опять не вышло. Аж муторно…

Более всего Николай тяготился тем, что дома не знают, какая участь постигла его в первые часы войны…

Я утешал сержанта, как мог, но на душе у меня было так же тяжело. Мои близкие эвакуировались на восток с последним эшелоном. Их жестоко бомбили, в пути уцелела лишь половина вагонов, и неизвестно было, остались ли они живы.

Что же касается нас с Баранниковым, то, как и положено пограничникам, мы встретили врага на границе… После первых схваток в ущельях Карпат, после жаркого боя за переправу на Днестре мы оказались в тылу противника…

Оставив Прикарпатье, мы продвигались вслед за наступающими войсками врага. Тяжел и опасен был путь. Не перечесть лишений, испытанных в этом походе, не выразить сердечной боли за родной край, терзаемый чужеземцами.

Мы шли необозримой степью. Шумел золотой разлив пшеницы, корни сахарной свеклы распирали могучую почву, клонились к земле шляпы подсолнухов, зрела кукуруза — урожай просился в закрома́, в кагаты, готовый щедро одарить и страну, и тружеников. Но все это, выращенное мирным трудом колхозников, любовно выпестованное девичьими руками, было окутано горьким чадом нашествия.

Пронизанные до костей ночными туманами и осенними дождями, мы шли на восток, минуя города и села, переплывали реки, брели болотами и готовы были перенести любые лишения, только бы скорее выйти к своим.

Превозмогая и голод и холод, мы твердили:

«Нет, десять тысяч раз нет. Не сдадимся! Ни за что, никогда!»

Нас охватывала ярость, когда мы слышали лающую речь врагов, когда видели отпечатки их кованой обуви на дорогах, нас мутило от вони моторов вражеских машин…

Местные жители учили нас, как обходить патрули оккупантов, указывали броды, неизвестные врагу кладки и мостики, укрывали на чердаках и в стодолах, делились с нами куском хлеба.

Но встречались и другие. Помнится — это было еще за Збручем — дом, крытый чистым цинком, хозяин из желто-блакитных[1], грубый, по-рысьи на нас глядевший. Мы зашли к нему: хотелось есть, надо было перевязать раны. Хозяин говорил с нами дерзко, вызывающе:

— Ваши деды здесь головы сложили, отцы сгнили в окопах, не уйти и вам живыми…

— Уйдем и снова вернемся! — отвечали мы.

— Больно горды! Со сброей идете… Сам в русском плену был. На Урале жил и вашу Россию знаю…

— Не знаешь! Не та Россия теперь!

— Сам из плена шел, да не по-вашему. Безоружно, смиренно. Где у хозяина неделю-две, где у солдатки… Ужом два года полз, а до Карпат добился… — Рысьи глаза его лукаво щурились. — Останьтесь у меня, поработайте с полгода, а там и с богом, дальше… А сброю сдайте.

— Не выйдет! Батраками не будем!

Мы долго шли на восток, упорно пробирались глухими дорогами и вдоль балок. Овраги и тока́ были нашим убежищем. И вот с наступлением суровой зимы оказались, наконец, в Курской степи, близ фронта.

Стремясь скорей выйти из вражеского окружения, мы совершили накануне вечером еще одну попытку перейти линию фронта и нарвались в открытой степи на расставленные врагом

мины… Прогремели взрывы, взвились ракеты, гитлеровцы начали бить из пулеметов и минометов… Потом все стихло.

Зарывшись с Николаем в снег, мы долго ждали товарищей, надеясь, что кто-нибудь из них остался в живых и мы снова соединимся. Лучи прожекторов скользили по голубому полю, появились белые фигуры лыжников.

Только мне и Николаю удалось уйти. Было больно за судьбу боевых друзей — надежных, испытанных, верных. Двое из них шли со мной от Карпат: Елфим Цымбалюк — смуглый, высокий брюнет, и лейтенант Синчин — белокурый мордвин, совсем еще юноша. Оба были остряки, отличные рассказчики, тот и другой с высшим образованием. Остальные — сержанты-кадровики, присоединившиеся к нам в Сумской области.

И вот опять мы с Николаем одни.

— Куда податься? — спрашивает он, силясь втиснуть большие руки в узкие рукава ветхого кожуха. — Вон зароюсь, усну тут под снегом, и поминай как звали!

— Ничего, сержант, держись, будем жить! И побеждать еще будем! — стремился я поддержать бодрый дух в Баранникове, а сам думал о том, на какой еще шаг решиться, как выйти с честью из казавшегося безвыходным положения…

Не раз думал я, что все уже кончено, что иссяк смысл жизни, и порою пробегала черная мысль: не поступить ли так, как делали слабые духом, — уйти из жизни…

И только в прошлом черпал я мужество и силы. Заброшенный в глухой овраг среди пустынных полей, я вспоминал самое дорогое и яркое в моей жизни.

Мое прошлое — это детство и юность советской эпохи, заполненные борьбой простых людей за обновление и лучшее будущее своей Родины.

На морозе, в пустынном белом поле, примостившись в овраге, припоминаю свой жизненный путь, казавшийся таким светлым и коротким до 22 июня 1941 года и столь хмурый и длинный за несколько последних военных месяцев.

Я сидел неподвижно. Розоватые снежинки беззвучно и медленно опускались, поблескивая. Не хотелось ни шевелиться, ни говорить. Тянуло ко сну, Николай как бы отодвинулся в дальний угол овражка и казался совсем маленьким. Потом он превратился в черноглазого мальчика, который спорил о чем-то со своей мамой.

Малыш забрался под елку, к Деду Морозу, и глядел оттуда знакомыми смеющимися глазами.

— Это — Славик! Мой Славик! — шепчу я.

А мать, темноглазая, с толстыми каштановыми косами,

тянется к мальчику, приговаривая:

— Пойдем, мой маленький, пойдем в кроватку…

— Да это же Славик и Надя! Как я не узнал их сразу?

Я хотел улыбнуться, но лицо сковывала какая-то маска. Почувствовал, что склеены и ресницы. Я вскинул руку и очнулся от сонного забытья.

С трудом поднялся на ноги. По всему телу словно прошлись иглы. Уже было светло. Взглянув на Баранникова, я ужаснулся: его грубо высеченное лицо с крупным носом побелело и казалось каменным.

«Замерз!» — подумал я.

И, не раздумывая долго, крикнул во всю силу легких:

— Вста-ать! Смир-р-но!..

Я был убежден, что эти два слова, если только они дойдут до сознания солдата, подействуют на него магически.

Так и произошло. Николай вскочил, но тут же, не в силах выпростать из кожуха своих рук, не устоял и упал. Я помог ему подняться и начал быстро растирать снегом его лицо.

— Что вы?

— А ну, на месте бе-е-гом!..

Николай начал неуклюже топтаться.

— Сильней, скорей, локтями работай! — подгонял я сержанта, чувствуя, что согреваюсь при этом и сам. Потом мы расчистили снег и, наломав сухих веток, развели небольшой костер.

— Теперь до лета не сунься к фронту, — сказал Баранников.

«Зима только что началась, — думал я, — до весны в здешних местах еще полгода, и немыслимо все это время, когда идут решающие сражения под Москвой, ничего не делать».

— Нет, — сказал я, — лета ждать невозможно! Нужно уходить отсюда к лесам…

— Это как же? — не понял Николай. — Выходит — спиной к фронту?.. Ладно ли будет так, товарищ капитан?

Я любовно оглядел этого простого парня, честного солдата, который даже тут, в тылу у противника, боится одного: быть спиной к фронту.

— Фронт сейчас всюду, сержант Баранников, — сказал я. — А мы не медведи, чтобы лезть на рогатину.

Я вынул из кармана листовку, подобранную неделю назад в поле. Политуправление фронта обращалось в ней ко всем оставшимся в тылу врага с призывом переходить фронт или присоединяться к партизанам.

— Возьми, прочитай, сержант, еще раз.

— Где же они — партизаны? — сказал Баранников, читая

листовку. — Отмахали мы тысячу, а то и больше верст — и ни одного не видели.

— Значит, плохо смотрели, да и шли мы степным краем, а вот недалеко Брянские леса, там они наверняка действуют.

— А если и там не найдем? — спросил, недоверчиво улыбаясь, Николай.

— Не найдем партизан, — найдутся люди, которых мы сделаем партизанами. Согласен, что ли?

Баранников рассмеялся:

— Вот на это согласен! Только, ой, незнакомо для меня это дело! Может быть, неподходящий я для этого!

— Очень даже подходящий. Тебе на роду написано быть партизаном!

О партизанах Брянских лесов я слышал мимоходом от местных жителей на Сумщине, а более подробно — от одного старика, который приютил нас на двое суток, когда мы шли к Курску. Звали этого старика Артемом, а по фамилии — Гусаковым, Он жил на небольшом выселке, как раз на меже между Сумской и Курской областями. Он принял нас как родных, подарил Николаю кожух своей жены, сказав при этом: «Не жалей для добрых людей, стара́я, обойдешься моим, а хлопцам далекая дорога». Мне Артем дал рукавицы, теплые носки, табаку.

Полмесяца назад Артем возвратился из Щигров. Там он под расписку оставил колхозный скот и вернулся домой. Но от Курска он уже шел по территории, захваченной оккупантами. Линию фронта перешел без особых трудностей.

— А прочной линии еще и нет, — уверял Артем, — фашисты пока укрепились по селам, я обходил их полями, шел скоро. Земля сухая: ни снегу, ни грязи. Не хотел оставить Никифоровну одну у врагов.

Артем уверил нас, что перейти фронт на этом участке — дело нехитрое. Он многих направлял туда. С его слов я записал точный маршрут.

Но все оказалось сложнее, чем мы предполагали. Под Москвой и Тулой фашисты наткнулись на непреодолимое сопротивление наших войск. Там перемалывали их солдат так быстро, что командование не успевало подвозить пополнение. Наконец, их армии были наголову разбиты и отброшены мощным контрударом советских войск на сотни километров. Во избежание катастрофы немецкое командование поспешило перейти к позиционной обороне, усилило бдительность в тылах и на фронте, ввело свирепые законы, запрещающие передвижение жителей от одного села к другому. А тут наступила зима, она еще более усложнила нашу задачу, и все это привело к тому, что мы

теперь вынуждены были обращаться за помощью к тому же Артему Гусакову.

Расстояние от истоков Сейма до шляха Севск — Глухов, где жил Гусаков, нам удалось пройти легко и быстро.

Уже тут, в каких-нибудь ста километрах от линии фронта, тыл оккупантов был оголенным и слабым. Многие глухие села, гнездившиеся вдоль оврагов и балок, наполненных снегом, были свободны от гарнизонов противника.

Население открыто проклинало грабителей, резало скот, прятало под снегом зерно, муку и пожитки. Ребятишек, одетых в рванье, да голые стены — вот что увидели мы в те дни… А еще так недавно хлебосольно и весело было в богатых курских избах.

К исходу третьих суток мы перешли Глуховский шлях и оказались в деревне Выселки-Святище, у Гусакова.

Он не удивился нашему приходу, спокойно сказал:

— Не прошли, и не дивно. Дают им туляки да сибиряки жару… Слава богу, побили! Ночевал у меня вчера один фриц, с обоза при бомбежке утек, все бросил и конячек покинул. Стоит наша Москва нерушимо, не взять им ее! А сколько их пораненых, мороженых? Весь Глухов и Рыльск забиты ими. Да и то, правду сказать, в соломенных чоботах по нашим местам не сунься.

Артем весело засмеялся.

— Да вы раздевайтесь, хлопцы! Вот Никифоровна вечéрять нам приготовит. Притомились, поди, крепко!

В соседней комнатке у стола сидела молодица. Она держала на руках ребенка. Он еще не совсем твердо стоял на пухлых ножках и все тянулся к лампе. Золотисто-бледный свет падал на красивое лицо женщины, на ее пышные волосы. Занятая ребенком, она ни кого и ничего не замечала.

— Племянница Аня, — негромко проговорил Артем. — Муж в первых боях загинул, а она вот осталась с малюткой, да и не знает покоя, все пристают. Сбежала к нам из села, скрывается.

Артем махнул рукой а грустно добавил:

— У каждого свое горе.

За те десять дней, что прошли со дня нашего знакомства, Артем заметно изменился. Узкое правильное лицо его вытянулось еще больше, впалые щеки заросли темно-рыжей щетиной. Но карие глаза, часто щурившиеся под густыми бровями, по-прежнему смотрели проницательно.

Артем заправил вторую керосиновую лампу: на дворе уже совсем стемнело. От неяркого, плоского язычка пламени все предметы в комнате словно подернулись легким желтоватым туманом. Неподалеку от меня стоила этажерка с книгами и какими-то вещами, а на ее верхней полке я увидел фотографию

молодого большеглазого человека с открытым, мужественным лицом. Я чуть привстал, чтобы лучше разглядеть черты незнакомца. Артем заметил мое движение и кашлянул. Я поймал его взгляд: он был также устремлен на эту фотографию. И, может быть, для того, чтобы отвлечь меня от этого снимка и избежать расспросов, Артем поспешно закурил, а затем протянул кисет и мне.

— Выручайте нас, Артем Михайлович, — сказал я, поблагодарив старика. — Подскажите, как найти партизан.

— Так их и искать нечего… — он погасил спичку. — Вчерашней ночью по шляху проехали. Много. И пешие, и вершники, и на санях танки везли.

Я рассмеялся.

— Ей-богу, не брешу! — засмеялся и Артем, — Так люди говорили, кажут, сани велики, а на них танки брезентом накрытые. Во как!

— Вы, конечно, знаете, как попасть к ним? — спросил я.

— Люди скажут, — неопределенно ответил Артем, прищурившись.

— Артем Михайлович, далеко ли до них? Отвезите нас к ним, помогите!

Артем задумался:

— Хлопцы вы добрые, только… Каратели появились: в Барановке людей постреляли, на дорогах прохожих убивают…

— Вот потому-то, Артем Михайлович, и просим. На подводе удобнее, — возьмем пилу, топоры, будто по дрова едем, — уговаривал я старика.

— Так-то оно так, — тянул он, — да ведь нарвемся на карателей, а у вас в карманах тяжелым чем-то постукивает. Вот в чем дело, — он поглядел на меня и, отведя взгляд, начал чесать свой затылок.

— Ну, это не так уж худо, — буркнул молчавший до этого Николай. — Нарвутся — взорвутся!

— Вот это любо! — с жаром произнес Артем. — У меня Петро такой же! — и осекся. Я заметил, что взгляд его при этом скользнул по фотографии, стоявшей на этажерке.

Никифоровна, укоризненно покачав головой, погрозила мужу пальцем.

— И чего ты, старый, раскудахтался!..

Она поставила на стол подогретый борщ, нарезанное кусочками сало. Смутившийся на минуту Артем крякнул и махнул рукой.

— Да чего уж таиться! Гулять так гулять! Бей, баба, в борщ целое яйцо. Ставь горилку!

Никифоровна достала из-под припечка бутыль, наполненную желтоватой жидкостью, Артем налил стакан. Запах «бураковки» загулял по горнице.

— Гонят теперь люди бураковую вовсю, а кабанов поприрезали — хай ему черт, а не сахар и сало, — ругала Никифоровна захватчиков, — кушайте на здоровье, гости.

Когда все уселись за стол, Артем протянул мне стакан:

— Начнем со старших!

— Старший здесь вы, Артем Михайлович, — деликатно заметил я.

Артем рассмеялся:

— Я только унтер, да и то старорежимной армии, а вот вам пора уже и открыться!.. На то дело, что подбиваете меня, старого, я запросто не пойду. Какой чин имеете?

Николай одобрительно осклабился: старик явно был ему по сердцу. Потом, пристально глядя на меня, он степенно выговорил:

— Михайло Иваныч, если судить по чину, — капитан.

— Что я, Никифоровна, говорил? Старого солдата не проведешь! — торжествуя, проговорил Артем. — Выпьемте, товарищ капитан и товарищ сержант, за наших военных и… не сомневайтесь: до партизан доставлю. Петро мой давно там!

Баранников даже подскочил:

— Значит, партизаном?

— А как же?

Николай выпил и с чувством, глубоко вздохнув, произнес:

— Ух, и на хороших людей мы угодили!

Он обхватил сухую голову Артема и крепко поцеловал его в губы.

Дородная Никифоровна и Аня смеялись, глядя на изрядно захмелевшего Баранникова.

Глава II
В ОТРЯДЕ

Утром чуть свет мы трое пересекли Севский шлях и глухими, еле заметными дорожками поехали через пустынное поле. Ехали долго. Курилась и шуршала поземка.

Артем вез нас в Хомутовский район Курской области. К полудню среди березовой рощи, одетой инеем, показались два ряда домиков поселка имени Крупской.

От крайнего двора отделился человек в синей милицейской шинели и, вскинув винтовку на руку, приказал остановиться.

Артем натянул вожжи. Из дома выбежал другой человек, крикнувший на ходу часовому:

— Пропускай, Козин, — то ж батько! С кем это вы, батя?

— С пополнением, — строго ответил Артем. — Веди нас, Петро, прямо до Фомича.

Часовой, в котором легко угадывался сержант-кадровик, отступил, сделав шаг в сторону, и, не спуская с меня и Николая серых пытливых глаз, держал оружие в боевой готовности.

Петро ощупывал нас насмешливыми светло-карими глазами, которые он щурил так же, как и отец, и говорил по-украински:

— А зброю, хлопци, у меня оставьте… Якщо…

Я вынул из-за борта шубы гранату. Петро тут же извлек детонатор и потребовал вывернуть карманы.

— Як ни верим, а давайте проверим, хлопцы!

Пришлось отдать и пистолет. Баранников также нехотя разоружился, вытаскивая из-за пояса металлические «бутылки».

Артем только посмеивался.

— С запасом мои хлопцы, справные, — говорил он сыну.

Разоружив нас, Петро сказал:

— Коняку, батя, у меня покинешь, а с хлопцами — вон в хату пид бляхою.

Втроем мы направились вдоль улицы. Поселок был невелик: десятка два изб, выходящих задами к лесу. Место глухое, кругом снег.

Только тут Артем объявил нам, что Фомич — это не кто иной, как товарищ Куманёк Порфирий Фомич, бывший прокурор, а теперь секретарь подпольного райкома.

— А мой Петро, — добавил он не без гордости, — тоже партейный.

Мы вошли в переднюю комнату, где сидело несколько вооруженных людей. Артем каждого назвал по имени, подал руку.

О нас доложили, Артема позвали в светлицу. Вскоре он вернулся, пригласив меня войти.

В просторной комнате за маленьким, накрытым вязаной скатертью столом сидели двое в военном, бритые, при портупеях.

Один был лет тридцати, коренастый, плотный, с овальным, немного бледным лицом. Над угловатым, почти квадратным лбом стоял густой ежик темных волос. Некрупное сухощавое лицо другого было ясно и открыто. Взгляд голубых глаз спокоен.

— Секретарь райкома, — густым баритоном произнес коренастый. — Просим, товарищ капитан, садиться.

Уголки его припухших губ чуть дрогнули, большие глаза потеплели. Другой придвинул стул и звучным тенором, нараспев, будто отвечая кому-то по телефону, выговорил:

— Анисименко, командир отряда.

Он подкупающе улыбнулся, блеснул плотным рядом зубов, на высоком лбу ласточкой взлетели брови.

Я сел у стола. Выдержав паузу, Фомич осторожно спросил:

— Член партии?

— Да, коммунист.

— Вступали в армии? Партстаж?

— На Урале. С 1928 года.

— Очень хорошо. Партбилет с вами?

— Сдан в политотдел. На хранение.

Я назвал номер партийного билета и добавил все остальное, что относилось к делу.

Фомич что-то отметил в записной книжке.

— Откуда прибыли? Кто с вами? Как шли, кого и где знаете на Сумщине?

Я отвечал кратко и точно. Беседа длилась больше часа.

Фомич и Анисименко не спешили. Они живо интересовались всем, что происходило на фронте и в глубоком тылу оккупантов. Я говорил о том, что тыл врага непрочен, в глухих селах гарнизонов нет, для машин оккупантов они малодоступны из-за снега, симпатии населения всецело на стороне партизан.

— Нужна спичка, — говорил я, — горючего материала много. Но главное — это разгром немцев под Москвой. Вести об этом проникают в самые глухие углы.

Тон беседы нашей был задушевен и прост, секретарь райкома и Анисименко произвели на меня прекрасное впечатление.

В конце беседы Фомич сообщил, что райком имеет теперь директиву ЦК принимать в свой отряд и военнослужащих.

— До сих пор, — пояснил Анисименко, — мы переправляли их через фронт, к нашим.

— Но, товарищ капитан, — сказал Фомич после раздумья, —

мы должны предупредить вас: отряд наш еще очень молод и невелик. Батальонов и рот не имеем. Поэтому — вы должны понять нас правильно — мы, как бы это сказать, не сможем предоставить вам соответствующей…

— Должности, — подсказал я и засмеялся.

— Вот именно, — улыбнулся Фомич. Анисименко поспешил добавить, что в их отряде почти все — рядовые, кроме одного-двух средних командиров.

— Но вообще, товарищ капитан, — сказал Фомич, — есть уже крупный отряд на Сумщине. Там и капитаны имеются и даже полковой комиссар. Если пожелаете, мы свяжем вас с ними… Это отряд товарища Ковпака. Хотите туда?

Я был тронут тактом и чуткостью Фомича. В обстановке, когда его отряд только что вышел из подполья, где понес тяжелые потери, когда ему остро нужны были военные люди, Фомич все же щадил мое самолюбие.

— Нет, товарищи! — от всего сердца ответил я. — Теперь у коммуниста одна должность — быть прежде всего солдатом, а батальоны, думаю, создадим сами.

— Вот это по-партийному, — вырвалось у Анисименко.

— Я ожидал этого ответа от коммуниста, — сказал Фомич. — Вы нам, Михаил Иванович, нужны.

С этих пор Фомич называл меня только по имени и отчеству. Он подал мне карандаш и бумагу для заявления.

— А что касается вашей партийности, то райком обсудит в свое время вопрос о признании вас членом партии. Пишите.

Я написал:

> *«Для участия в борьбе за освобождение моей Родины, Союза Советских Социалистических Республик, от немецко-фашистских оккупантов прошу зачислить меня и сержанта Баранникова Николая Никитича бойцами партизанского отряда Червонного района Сумской области».*

Анисименко провел нас в соседний дом, где были остальные партизаны. Они готовились к обеду.

— В нашем полку прибывает, хлопцы! — крикнул высокий детина, оказавшийся командиром группы.

— Дегтярев, Терентий Павлович, — сказал он просто, пожимая мою руку.

— Дегтярев, — повернулся он к Баранникову и тоже пожал ему руку.

У Дегтярева было необыкновенно смуглое красивое лицо. Его темно-карие выразительные глаза, густые брови, сросшиеся над

прямым небольшим носом, курчавая голова, его могучие плечи — все это располагало к нему с первой же минуты знакомства.

«Дуб! Украинский дуб, а фамилия русская», — невольно подумалось мне.

Смешение русских с украинцами — характерное явление тех мест, где моя военная дорога переплелась с партизанскими тропами, и поэтому с первого же дня своего пребывания в отряде я начал осваиваться с украинской речью.

— Батько, займитесь хлопцами, — передал нас Дегтярев пожилому тучному партизану, который собирал вычищенную карабинку.

— Зараз! — громыхнул тот, вытирая о тряпку руки. — Зараз, товарищ капитан, — повторил он трубным голосом. — Роздягайтесь, товарищи, будемо знакомы. Я — Фисюн, Фисюн Порфирий Павлович, здравствуйте!

Мы сняли кожухи и шапки.

— Дуже добре, що до нас попали. — Фисюн хозяйски оглядывал нашу экипировку, — ничего, справна. А где зброя? Мабуть, Петро одержав?

Я объяснил что́ и как.

— Ну, тому так и быть. В разведку ему потрибно карманное оружие. А я от вас добрыми рушницами озброю. Ось, — взял он из угла комнаты ружье, — двохствольное! — И расхохотался, глядя на Николая серыми, чуть навыкате глазами.

— Бери, сынок!

Для меня Фисюн нашел старую драгунку без мушки.

— А эту — капитану.

— Спасибо, Порфирий Павлович, — сказал я, кланяясь Фисюну, — В нашем положении старая винтовка поважнее нового пистолета!

— Точно, товарищ капитан, — и вутошница надежней.

Проверяя винтовку, я посматривал на этого человека и думал:

«Не хватает седых усов, чтобы он был точной копией Тараса Бульбы».

Фисюн тем временем трубил:

— Гей, хлопцы! Кибитуйте, що за люди з нами! От, товарищ капитан. Пишлы наши справы вгору!

«Кибитуйте», как я тут же убедился, было любимым словечком Фисюна. Смысл его зависел от интонации: в одном случае оно заменяло слово «соображайте», в другом — «действуйте», могло также означать и вопрос.

Хлопцы между тем приводили себя в порядок: одни умывались, другие кончали чистку оружия. Перед пылающей

печью позвякивали рогачами хозяйки — мать с дочерью.

Минутой позже Фисюн позвал всех к столу.

— Хлопотливый ваш батько, — сказал я курившему у порога партизану со скуластым монгольским лицом, которого звали Лесненко.

— О, это партизан еще с гражданской войны! Еще с Николаем Щорсом громил Петлюру. Председателем большого колхоза был и член райкома, — с уважением отозвался Лесненко.

— Вон директор Эсманской школы — Забелин, те двое — Лущенко и Хомутин — председатели сельсоветов, а в очках — редактор районной газеты — Халимоненко, Дегтярев — уполномоченный заготовок, я — председатель сельсовета. Словом, сельский актив. Из военных же — двое: старший лейтенант Иванов и лейтенант Фильченко. Да на постах трое, только вчера прибыли.

— К сниданку, хлопцы, к сниданку! Подавай, Васильевна, — командовал Фисюн.

На двух сдвинутых столах уже дымился чугун с картошкой, шипел противень с салом. Фисюн, работая ножом, раскраивал каравай хлеба.

— Ну, вже? — оглядел он застолье, подсчитывая глазами собравшихся.

— От, вже — я тринадцатый! — довольно осклабился он и повел мохнатой седой бровью.

— Вот по маленькой бы, — мечтательно вздохнул Фисюн и придвинул к себе противень: — Я буду исты сало, а вы — хлиб та бараболю… щоб скорише було, — и принялся уплетать кусок сала.

— Зато как поедем отсюда, — отозвался в тон ему Лесненко, — так ты, Порфирий Павлыч, садись на сани без коней, а мы верхом уедем, — щоб скорише було!

Баранников прыснул.

Фисюн старался не терять нас, новичков, из виду и все приговаривал:

— Вы, хлопцы, кушайте, да брехунов не слушайте, их тут, краснобаев, богато. Вси — ударники мягкого металлу: кто по хлибу, кто по салу. Не отставайте од мене. Добре мы знаем, як вам приходилось, сами горе половником хлебали.

Фисюн ведал при отряде хозчастью. Во дворе стояли две накрытые брезентом фуры. Это были большие дощатые ящики, приспособленные для перевозки зерна, обычно называемые в колхозах бестарками. Теперь бестарки, укрепленные на дубовых подсанках, были заполнены сухарями и салом.

— Смотри, Коля, — сказал я Баранникову после обеда, — это

вот, наверное, и есть те танки, о которых говорил нам Артем!

Вокруг «танков» мирно стояли кони, пережевывая овес и сено.

— Хо! Михаил Иваныч, — воскликнул Баранников, — меня ездовым к этим «танкам» определили. Это вам не то что волком бродить по степи! Теперь зададим жару непрошенным!

— Поздравляю, Коля! От всей души!.. Теперь нас не уничтожить: мы вместе с народом.

— Да уж народ что надо! Теперь ничто не страшно!

Короткий день потухал, когда весь отряд, разместившийся на семи подводах, оставил поселок имени Крупской, взяв направление на запад — к неведомой мне Хинели.

Сначала ехали малонаезженными дорогами, по-видимому, сбивались с пути. Дул холодный ветер, мела и крутилась поземка. Мы курили самосад, дымя в рукав, Лесненко правил лошадью и рассказывал:

— Да, тяжелое было время… Сначала нас, подпольщиков из Червонного района, насчитывалось человек сорок. Руководил нами Копа Василий Федорович — секретарь подпольного райкома и член обкома партии. Сразу же, как пришли немцы, все мы ушли в леса… Пока еще было тепло, жили в землянках, поддерживали связь между группами через посыльных. Потом стало невмоготу. В районе появились эсэсовцы, начали нас вылавливать. Пришлось разбиться на мелкие группы и жить так: днем — в лесу, ночью — на квартирах. Многие заболели, некоторые попали в засаду. Нашлись и маловеры — подались на восток, чтоб перейти линию фронта, а трое или четверо, так те даже, — Лесненко презрительно отмахнулся и зло сплюнул, — эти штампом немецкого коменданта партбилеты перепачкали!..

До самой Хинели Лесненко посвящал меня в предысторию организации Эсманского отряда, говорил о том насыщенном труднейшими испытаниями времени, когда еще только нащупывались новые действенные формы и методы борьбы, цементировалась живая сила отряда, когда партизанская война находилась в периоде зарождения.

Ветер крепчал. Мы сошли с саней и, чтобы согреться, долго шагали за подводой.

Лесненко неторопливо продолжал рассказывать. Он говорил ровным, спокойным голосом, как человек, который свыкся со всем трудным и необычным, чем богата партизанская жизнь, и, слушая его, я мысленно представлял себе испытания, которые пережили эсманские коммунисты-подпольщики.

От Дегтярева и Фисюна я уже знал, что после двухмесячной подпольной деятельности партийная организация потеряла двух

своих руководителей.

Пережив провалы конспиративных квартир, подпольщики вынуждены были уйти из сел, расстаться со знакомыми и родственниками.

В Крупецком лесу, близ села Комаровки, они постепенно соединились в одну группу и там узнали, то в живых осталось лишь десять человек…

Но и из этого десятка вскоре погиб секретарь райкома Копа.

Презирая страх и желая подать пример своему маленькому отряду, он поехал в разведку в сопровождении одного из своих товарищей. В селе Уланово Копа внезапно натолкнулся на отряд немцев. Началась погоня. Сидя в санях, Копа мчался вдоль села. Резвый конь, напуганный выстрелами, не чуял под собою ног…

Свистел ветер, свистели пули… Копа отстреливался до тех пор, пока дорога круто не свернула в сторону. Резким разворотом саней его вышибло в канаву. Умчалась в поле подвода. Секретарь райкома остался один. Малодушный его товарищ, не оглядываясь, нахлестывал мчавшегося вихрем скакуна…

Копа скинул с себя тулуп, расстелил его на снегу, лег и начал в упор расстреливать приближавшихся гитлеровцев. Но силы были неравны. Не хватило у секретаря райкома патронов, и его зверски растерзали гитлеровцы.

Оставшиеся девять подпольщиков решили перейти из Крупецких лесов, что на юге Червонного района, на север, ближе к Хинельским лесам, к селу Барановке. (Руководил подпольщиками уже Федор Филиппович Бондаренко.) Целый день они шли вдоль кривых опушек перелесков, пробираясь к большой дороге. В сумерках благополучно перешли Севско-Глуховский шлях, затем еще долго брели по косогорам, нащупывая засыпанные стежки и межевые дороги.

Ночь сгущалась, начался снегопад. Шли ощупью, теряя терпенье и силы. К полуночи выбрались на Барановский шлях и зашагали бодрее. Осталось спуститься с горы, перейти длинную греблю через незамерзающее болото, а там и Барановка — надежное село.

Теплые хаты и горячий ужин мерещились изголодавшимся, озябшим партизанам.

Вот и гребля. Ветер свищет, рвет, больно сечет по лицу; все идут наугад, нащупывая ногами неровный настил моста. Передние вдруг натыкаются на что-то живое.

— Фу ты, лошади!..

Кони захрапели и резко осадили назад. Густой пропитой голос рявкнул из тьмы:

— Кто там прется?

— А вы кто? — отозвался Анисименко, наскочив на переднюю повозку. Было слышно, как защелкали затворы винтовок. Партизаны насторожились. Каждый подумал, не натолкнулись ли на тех, что рыщут по всему району за ними, подпольщиками…

— Идите сюда, разберемся! — послышался из темноты хриплый голос.

— Нет, идите к нам сами, — отвечал Анисименко.

Послышался приглушенный говор. До партизан долетели лишь обрывки фразы:

— А я кажу — воны… по голосу добре знаю…

Прикрываясь лошадьми, партизаны неуверенно топтались на гребле. На повозках началась какая-то возня. Стало жутко, хотелось скорее броситься назад или прыгнуть в покрытое наледью болото.

— Надо бы залечь… — осторожно подсказал Терентий Дегтярев, пулеметчик группы.

А от повозки уже более решительно и властно гаркнули:

— Эй, вы! Давай сюда одного, не то из пулемета двинем!

— Ложитесь все! — вполголоса скомандовал Анисименко, а сам, стоя во весь рост, закричал: — Если вы — партизаны, идите к нам, а если — полиция, то мы — партизанский отряд! Будем бой вести с вами!..

Последние слова его потонули в грянувших выстрелах. Густая темень озарилась вспышками. Пулемет Терентия полыхнул длинным пламенем. Вслед за ним грохнули из винтовок остальные партизаны. Загорелась перестрелка, торопливая и жаркая. Обе стороны били в упор, по пламенеющим вспышкам.

— Гранатами их, сволочей, гранатами! — кричал директор Эсманской школы Забелин.

И сразу, покрывая ружейно-пулеметную стрельбу, ухнул взрыв брошенной им гранаты.

В темноте показались перевернутая повозка, высоко поднятые головы вздыбленных лошадей, вскинувшаяся фигура партизана с автоматом, призывно поднятым в правой руке.

— Вперед, товарищи! — крикнул секретарь райкома Бондаренко.

Партизаны вскочили.

— В атаку, за Родину, за мно-о-ой!!!

Все бросились за ним. Навстречу грянул из темноты залп, еще один; засвистали, зазвенели, ударившись о что-то металлическое, пули, но залп не мог уже остановить партизан, увлекаемых секретарем райкома.

Послышался треск свернутого дышла и ломающихся мостовых перил: это перепуганные лошади ринулись в болото.

— Ур-р-а! — неистово кричали голоса возле повозки. Партизаны на ходу стреляли по убегающим теням. Разгоряченные, злые, они преследовали противника, пока кто-то не крикнул:

— Стой, товарищи, — мы ж их побили!

Стрельба так же внезапно оборвалась, как и возникла. Партизаны бегом возвращались к мосту, с брезгливостью обходя валявшиеся трупы полицаев. Ветер по-прежнему хлестал по гребле колючей крупкой, но уже никто не обращал на это внимания.

Наступило шумное торжество.

— Не выдержали!

— У-ух, паразы, не кибитуете! Не меньше как два десятка от девяти коммунистов драпанули! — кричал Фисюн, вытаскивая лошадей из болота.

— Двое пленных! Из глуховских полицаев! — прокричал кто-то.

В это время из-за моста раздался отчаянный крик:

— Сю-да, това-а-риши, ско-ре-е!

Партизаны тесно обступили повозку, на которой укладывали Бондаренко. Без стона и жалоб, он тяжело дышал, хрипя и булькая простреленной грудью.

Это омрачило победу. Трофеи, захваченные партизанами — повозки, шесть лошадей, винтовки, даже станковый пулемет, отказавший гитлеровцам в стрельбе, уже никого не радовали…

В Барановке решили не останавливаться. Сменив трофейные повозки на сани-розвальни, партизаны помчались полями к глухому поселку на краю Курской области. Они увозили с собой умирающего Бондаренко.

Вьюга выла и бесновалась. Мчались сани. Восемь взрослых мужчин, подавленные горем, голодные и разбитые усталостью, молча плакали…

Еще злее неистовствовала вьюга перед утром, когда достигли, наконец, поселка имени Крупской, затерянного среди урочищ и сугробов.

Бондаренко положили в просторной избе. Врача не нашлось. Кто как умел останавливали кровотечение.

В горячечном жару Бондаренко судорожно рвался, звал в атаку, кричал. С рассветом, осунувшийся и пожелтевший, он пришел в сознание. Превозмогая боль и напрягая последние силы, сказал:

— Фомич… я — кончен… не утешайте… Оставляю райком на вас… Жалко… Задание партии не успел… — и закашлялся кровью.

— Душно, света… света!..

Кровать подвинули к окну, за которым бесновалась вьюга.

— Верю, товарищи… — надорванно и тихо шептал Бондаренко, — встанут тысячи… Поднимутся наши люди… Все поднимутся… Вернется, придет Красная Армия… Когда победите, не забудьте… моих… маленьких…

И сердце его остановилось.

— Плакали мы, товарищ капитан, как Федор Филиппович скончался… Никогда не забуду его слов: «Верю: встанут тысячи, вернется, придет наша Красная Армия…»

Потрясены были мы этой потерей. Слишком уж частой гостьей стала смерть в подпольном райкоме. Пять товарищей унесла она за короткое время. Двое попали в лапы гестаповцев…

Лесненко умолк.

Ветер крутил морозную пыль, скрипели полозья саней, туго стучали копыта коней и быстро-быстро неслись под тусклой луной тучи.

Неслись а мы навстречу грозной неизвестности.

Дорога в Хинель лежала через Барановку, и наш отряд остановился часа на два в крайних избах.

Небольшое, дворов в сто пятьдесят, село спало в тяжком оцепенении. На людях лежала печать траура.

Лишь вчера утром к Барановке подкатило вдруг около двадцати санных упряжек и резкий, рыкающий голос натуженно заорал:

— Р-р-раус!

С повозок тотчас сорвалась вооруженная орава солдат. Вскидывая на ходу винтовки, немцы и полицаи кинулись к хатам. Захлопали выстрелы, жалобно и тонко запели пули… Сквозь стрельбу и густую брань послышались разноголосые угрожающие выкрики:

— Показывай!

— Что молчишь?

— У кого были? Куда ушли?

— Ах, не зн-наешь?

…И хрясь, хрясь. В воздухе мелькали кулаки, приклады…

Старика Лущенко, инвалида гражданской войны, захватили посреди улицы. Он тяжело шел, прихрамывая на приставную деревянную ногу.

— Не знаю, — кричал возмущенный старик, — не знаю ни партизан, ни вас, кто вы такие, озверелые!

— Ага, сговорились, мать вашу… — И над инвалидом замахнулись оружием.

Пятясь назад, старик упал в снег. Но его продолжали

избивать, топтали ногами, били по лицу, по голове.

Бросив старика, полицаи схватили соседку Сергея, молодую женщину — Анастасию Павлюкову. Она гневно плюнула в пьяные морды насильников, и ее на месте убили.

Выплевывая на снег вышибленные зубы и глядя на яркие пятна крови, барановцы понуро молчали. Их начали загонять в клуню.

— Выдавайте коммунистов или казним всех! — хрипели пьяные каратели.

Тревога охватила все село. Люди метались по улицам и от двора к двору, пытаясь куда-нибудь скрыться, прятали теплые вещи; выпускали из хлевов скот и птицу; кто сумел, скрылся в Барановской роще.

Мишка Карманов влетел в первую же минуту к Сергею Пузанову.

— Сережка, немцы на улице! Бежим! Говорил, надо подаваться к Хинели!

Пузанов схватил кожух, шапку и, одеваясь на ходу, бросился на огород, к яру. Там, в бурьянах, в глубоком снегу, друзья остановились. Бежать через поле днем они не решались. Слышно было, как хлопали на улицах выстрелы.

Парни долго выжидали, не уберутся ли из села гитлеровцы. Когда возле клуни затрещали автоматы, они не выдержали. Сергей сорвался с места и, широко шагая, наладился вдоль яра. Мишка последовал за ним, но вскоре с огородов донеслось:

— Хальт! Ком, ком! — и немец, показавшийся над яром, выстрелил.

В то же время из-за сарая выбежал полицай в длиннополом, не по росту, пальто и в немецкой пилотке. Он повелительно крикнул:

— Назад! Бегом!

Сергей и Мишка остановились. Полицай подбежал к ним и, тыча стволом в Карманова, спросил:

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать, — ответил Мишка.

— А тебе?

— Двадцать два, — ответил Пузанов.

— Женат?

— Женатый…

— Вот и дурак, что удираешь… Женатые, самостоятельные нам нужны…

— Кому это — вам? — спросил недоверчиво Сергей.

— Нам! Кого видишь! Мы, брат, по душам поговорить приехали… Хочешь, на службу примем? — И полицай, пытаясь

казаться своим, предложил: — Кури, хлопцы!

— Я не курю, — буркнул Сергей.

— И я тоже, — соврал Мишка.

— Э-э, да я вижу: вы — тоже волки с зубами! — И, зло прищурившись, передразнил: — Не ку-р-р-ю-у… Недоноски паршивые… — Затем, вскинув автомат, прошипел: — Марш в клуню!

На улице конвоируемых обогнала подвода. Двое полицаев везли на подсанках железную бочку, как видно, с бензином.

Возле клуни толпились жандармы. Они держались особняком и лишь изредка отвешивали «образцовые» удары прикладом, вталкивая людей в клуню.

Втянув головы в плечи, друзья готовились принять неизбежные удары.

— Марш-марш! — зарычал немец и замахнулся. Парни метнулись к дверям и, нырнув под ноги односельчан, очутились посреди клуни…

— Меня гад-гитлеровец достал прикладом! — яростно и глухо сказал Пузанов.

Мишке видно было, как побагровели от злобы лицо и шея Пузанова.

— А мне по затылку досталось от полицая, — сообщил Мишка. — Что будем делать?

Сергей еще злей выругался. Горячо дыша в Мишкино ухо, он говорил:

— Только бы вырваться… не таких фонарей навешаем. Они еще узнают барановцев… Буду их руками душить! Зубами грызть! Только бы… не сдохнуть сейчас в этом сарае…

Протиснувшись между людьми в угол, Сергей нашел в клуне своих — мать, жену, тетку.

В это время открылась дверь клуни, и рябой верзила с ярко-рыжим чубом, зачесанным на выбитый глаз, размахивая немецким автоматом, заорал, обращаясь к людям:

— Пах-х-аны!.. После моей речи всякие слова — утиль! Известно нам: скрываются меж вами коммунисты и партизаны. — Он оглянулся на посиневших и хмурых жандармов. Те одобрительно закивали головами: ё-ё!

— Или вы укажете их нам, или все вы… — Тут чубатый перечислил матерей и богов, каких знал. — Или… все вы — сволочи! — сорвавшись на визгливых нотах, добавил: — Никто отсюда живым не выйдет!..

Рябой уставился свирепым бычьим глазом на перепуганных людей.

— Н-н-ну… — скрипнул он зубами и щелкнул затвором.

Люди молчали, пронизывая карателей ненавидящими глазами…

— Со мной — в молчанку играть? — еще злее прохрипел одноглазый и, подскочив, ударил кованым сапогом колхозного завхоза Троицкого.

Передние ряды отшатнулись, люди ахнули.

— Хватай их! — дико заорал одноглазый.

Полицаи кинулись в клуню, замахиваясь прикладами и пиная людей. Выхватив человек двадцать мужчин, они погнали их на бугор, стреляя и матюкаясь.

Клуню снова закрыли и подперли снаружи чем-то тяжелым.

— Чего они задумали, разбойники? — прошептала жена Сергея и припала к нему, дрожа всем телом.

— Перестань! Что всем, то и нам будет! — мрачно ответил Сергей.

Но когда на бугре, за клуней, дрогнул морозный воздух от винтовочного залпа и на снег упали расстрелянные, мать Сергея засуетилась:

— Сереженька, голубок мой… Приютись под стенку. Мы на тебя сядем… Укроем. Может, спасем. А стрелять будут, изверги, так пусть уже меня, старуху, первую…

От дверей кто-то с ужасом выдохнул два слова, которые, как электрический ток, пронизали каждого:

— Бензин подвозят!..

Толпа сжалась, замерла. В напряженной тишине глядели в светлые щели дверей и стенок клуни десятки остановившихся глаз.

— Топоры бы иметь… под полою, а теперь — поздно… — вполголоса простонал Троицкий…

И как эхо передалось это слово многими:

— Поздно… поздно…

Послышались рыкающие раздраженные голоса. Было видно, как немцы били прикладами двух полицейских.

— Крепитесь, братцы! Бензин у них по дороге вытек. Глядите: везли бочку пробкой книзу. Пьяные… Теперь их за это в приклады взяли…

— Идут!

Все разом отхлынули: дверь широко раскрылась. Один из полицаев, дыша самогонным перегаром, проговорил, указывая на бугор:

— Будете запираться, все на свалку пойдете! Приказано объявить решение начальника жандармерии: вы — скот и мусор. Сто барановок расстреляем, но сто первую вышколим, проучим… А сейчас отвечайте мне: Паршкова Дарья здесь?

Дарья, молодая женщина, известная как связная подпольного райкома, дрогнула. Но ее заслонили другие.

— Не тикни…

— Я спрашиваю: Паршкова Дарья тут?

Но барановцы снова молчали… Грохнул выстрел, с крыши свалился ком снега. Женский голос выкрикнул:

— О боже!

Снова появился рябой. Он отшвырнул пьяного полицая в сторону, и человек семь вошло в клуню.

Грубо расталкивая людей и оглядывая каждого, рябой склонился над матерью Пузанова:

— На чем сидишь, паханша? — толкнул он стволом винтовки старушку.

— Я старая, сынок, больная, — залепетала перепуганная Пузанова.

— Я вылечу! — рыкнул полицай и отшвырнул старушку.

Сергей невольно приподнялся.

— Ты чего, партизанская морда, ховаешься?

Побелевший Сергей не знал, что ответить одноглазому.

Тетка Пузанова, разбитная и находчивая женщина, заголосила:

— И-и-и, Христос с вами! Какой он партизан? Это Сережа! Да он только из тюрьмы воротился…

— Из кичмана?

Полицейский кольнул острым глазом.

— В каких местах припухал?

Сознание вернулось к Сергею. Он действительно был осужден за драку с товарищами и отбывал принудительные работы.

— В Бутырках… и в Архангельских лагерях, — врал Сергей.

— А погорел на чем? — переспросил рябой, прожигая одиноким глазом.

— За револьвер засыпался… Судили на всю катушку… — отвечал Сергей жаргоном уголовников, сообразив, с кем имеет дело.

— Так ты, выходит, и взаправду — из работяг? А под подолами прячешься… Эх ты!.. Кури, друг по жизни! — И одноглазый протянул Сергею серебряную «протабашницу».

Сергей опустился на обрубок дерева и, скрутив неумелыми, трясущимися пальцами цигарку, прикурил, глубоко затягиваясь, хотя и не был курящим.

После расправы на бугре в селе начался повальный грабеж. Загорелось несколько хат. Пьяная банда карателей разбрелась по селу, а когда стемнело, поспешила удрать из Барановки, оставив людей в клуне.

Ночью барановцы разошлись по своим ограбленным, выстуженным хатам. Никому не спалось. Сергей и Мишка отогревались в теткиной хате. Пришли к ним и другие дружки — сын завхоза Троицкого и Володя Шашков из соседней деревни Муравейной. Комсомолия совещалась в эту ночь: как быть, где искать помощи, куда податься?..

— Их не найдем, конечно, в Барановском лесу, — говорил убежденно Сергей.

— Почему же конечно?

— Уж будь покоен! Ушли далеко!

— А я еще с осени кое-что знаю… — многозначительно сообщил Карманов.

Он втайне надеялся, что приведет друзей прямо к партизанам в землянку, на которую натолкнулся однажды в Барановской роще и, догадавшись, что землянка — база Фомича, никому не говорил об этом.

— Вот уйдем в лес — и все тут…

— А если жандармы там? — возразил Сергей. — Я с ними лично познакомился… Чтоб им…

— Ну так что?

— Никто теперь в лесу запросто не бывает, — поучительно заметил Сергей, и друзья еще крепче задумались.

Приехавший отряд выручил барановскую молодежь. Фомич тут же принял решение — выкопать из земли оружие и боеприпасы, забазированные райкомом на огороде Артема Гусакова, И еще до рассвета Петро, сопровождаемый Кармановым, Шашковым и тремя братьями Пузановыми, привез в Барановку тридцать винтовок, ящики с патронами и ручными гранатами.

Глава III
В ХИНЕЛЬСКОМ ЛЕСОКОМБИНАТЕ

Днем отряд Фомича прибыл в Хинельский лесокомбинат.

Это был промышленный поселок, вытянувшийся под соснами в одну прямую улицу на возвышенном берегу речки Сычевки. Улицу образовали несколько десятков стандартных четырехквартирных домиков, в которых жили семьи рабочих.

Винокуренный и пенькотрепальный заводы приютились за изгибом лесной опушки на берегу пруда, где старые высокие сосны живописно перемешались с вековыми дубами, разлапым ельником и березой.

Километрах в трех на юг от лесокомбината, в открытом поле раскинулось большое старое село Хинель, от которого и получил свое название соседний лес.

По словам старожилов, лесокомбинат был расположен в таком месте, «где один петух поет на три губернии», то есть на стыке трех областей — Орловской, Курской и Сумской.

Чтобы точнее определить наши координаты, я попросил у Дегтярева карту. Это был квадратный лист километровки с надписью вверху «Эсмань». Село Эсмань было районным центром Червонного района, где возник отряд Фомича.

Глядя на карту, я установил, что наш отряд сейчас расположен в Севском районе Орловской (ныне Брянской) области. Город Севск был удален от Хинели более чем на двадцать километров. Ближайшие от нас железнодорожные станции — Ямполь и Хутор Михайловский — находились километрах в тридцати на запад.

На карте виднелись контуры больших сел. От Севска к Глухову шла дорога — часть древнего пути из Киева на Москву. Негустая сетка полевых дорог, голубые жилки безымянных родников и речек, очень редкие горизонтали небольших возвышенностей — все это говорило мне, что местность всюду открытая, степная. Сравнительно узкая зеленая полоса на карте показывала, что Хинельские леса, начавшись почти под Севском, тянулись в западном направлении до Новгород-Северского и обрывались на левом берегу Десны. Под верхней рамкой листа обозначался широкий разлив зелени — Брянские лесные массивы, отделенные от Хинельских лесов полем, шириной до полусотни километров.

Дегтярев разместил свою группу в одном из крайних домов поселка, Соседний дом заняли Фомич и командир отряда, а далее

стояли ворошиловцы — отряд капитана Гудзенко. Отряд был невелик (человек до тридцати), боевых операций еще не начинал, но вооружен был отлично. Это бросилось в глаза всем при въезде в поселок. Полковая пушка и две 122-миллиметровые гаубицы грозно уставились своими жерлами в поле, как бы заверяя нас в том, что лесокомбинат — крепость.

Гудзенко был начальником штаба артиллерийского полка одной из дивизий, выходившей в этих местах из вражеского окружения. Дивизия прорвалась на восток — в ту брешь, что прорубили для нее артиллеристы, стрелявшие до последнего снаряда. Часть орудий, оставшихся без коней, и сам капитан Гудзенко с группой офицеров и бойцов оказались вновь отрезанными от своих и вынуждены были уйти в глубь леса. Им удалось спрятать в Хинельском лесу несколько гаубиц и пушек, из которых три были вполне исправны.

В первых числах декабря в лесокомбинат приходил Путивльский партизанский отряд. Гудзенко установил с ним связь и, получив от командира путивлян, Ковпака, некоторую помощь, обосновался в лесокомбинате. Капитан комплектовал свой отряд только военнослужащими, в то время как Фомич, думая о развертывании партизанского движения, собирал в отряды и местное население.

По прибытии в лесокомбинат Фомич сразу же организовал совещание партизанских руководителей.

В середине дня в его небольшую светлую комнату пришли капитан Гудзенко, рослый блондин в кавалерийской шинели, Хохлов — командир Севского отряда, небольшого роста, с бледным бритым лицом, одетый в зимнее драповое пальто, — до войны он управлял Хинельским пенькозаводом, и эсманцы: Дегтярев, Фисюн, Анисименко, Хомутин, Халимоненко, а также секретарь подольского райкома Ямпольского района Даниил Красняк.

Фомич сидел за столом, остальные поместились вдоль стенки.

Красняк, приземистый, с широким, опаленным морозом лицом, с жгучими черными глазами, делал доклад:

— Товарищи, — начал он, — для нас в Ямпольском районе создалась очень трудная обстановка. Во многих селах — полиция, навербованная из бывших кулаков, петлюровских недобитков, уголовников всех мастей. Немцы рыщут по нашим следам. Мы потеряли почти весь свои состав, Макаренко, Гнибеда и я — вот все, что осталось от коммунистов Ямпольского района…

Члены Червонного райкома угрюмо переглянулись.

— Это, конечно, результат нашей неопытности в подпольной

работе, — продолжал Красняк. — Вместо того чтобы покарать предателей и тем самым заставить всех других врагов притихнуть, мы стали прятаться от этих бандитов и не успели создать боевой группы. Фашисты истребляют не только коммунистов, — они убивают всех честных советских людей. Они создали для населения невыносимые условия жизни. Только позавчера в селе Княжичи расстреляли всех тех, кого задержали на проселочных дорогах, В каждом селе виселицы, В Марчихиной Буде петлюровец Барабан назначен комендантом и главным карателем. В настоящее время, товарищи, Ямпольский подпольный райком находится в Хинельских лесах, по сути — за пределами не только района, но и нашей области… Я прошу у вас помощи. Помогите вам разгромить предателей в Марчихиной Буде.

Красняк сделал паузу и, понизив голос, продолжал:

— Говорю не для оглашения: в Марбуде забазировано оружие. В нем судьба партизанского движения района. Там же имеется десятков пять верных людей — ядро отряда.

Красняк сел. Фомич сочувственно кивнул и тихо, но так, чтоб слышно было каждому, проговорил:

— Мое мнение, товарищи, такое: людей надо вывести из Марбуды, они будут костяком Ямпольского отряда.

— Верно! — гаркнул Фисюн и потряс прикладом своей карабинки. — Размозжу голову Барабану и поквитаюсь еще за восемнадцатый! — с жаром добавил он.

— Вы неправы, Порфирий Павлович, — возразил человек с угреватым бесцветным лицом, с воровато бегающими глазками, по фамилии Тхориков. — Выступать с оружием рано. Это будет грубым нарушением конспирации и ни к чему хорошему не приведет. На этот счет никаких указаний мы еще не получили. Когда нас оставляли для подпольной работы, то в обкоме ясно было сказано: сидеть в тылу врага и ожидать директивных указаний.

— Не слыхал такого, чтобы бездействовать, — возразил, вспыхнув, Анисименко.

— Трусливый бред, — резко проговорил Гудзенко и брезгливо поморщился.

— Я предлагаю обсудить вопрос серьезнее, — стараясь быть спокойным, сказал Дегтярев. — Нужно, само собою, помочь Красняку, это пойдет на пользу общему делу.

— А я все же считаю, Фомич, — все тем же невозмутимо сдержанным тоном проговорил Тхориков, — момент еще не настал. Мы не готовы, значит, и не имеем права рисковать подпольем. Не забывайте указания ЦК, что один партизан в тылу

врага дороже сотни бойцов на фронте.

— Демагогия, — крикнул Красняк, — и трусость! Вы извращаете установки партии!

— Я еще раз заявляю, — уже возмущенно бросил Тхориков, — активно выступать рано! Нам нужно беречь каждого подпольщика как неоценимую силу.

— Та́к беречь, как ты Копу берег, — ударил о пол прикладом Фисюн.

Тхориков съежился, по его лицу скользнули синеватые тени, мышиные глазки забегали. В комнате стало шумно, Фомич поднялся, спокойно постучал по столу и, бросив пристальный взгляд в сторону Тхорикова, сказал:

— Мы обсудим поведение Тхорикова отдельно, а теперь — ближе к делу. Я думаю, товарищи, что все же настала пора перейти к следующему этапу борьбы. Надо начать активные наступательные действия. Поражение под Москвой немецко-фашистских армий — дело серьезное, великое. Отброшенные от столицы фашисты спешат построить оборону на линии Орел — Курск — Харьков. Их солдаты деморализованы, плохо одеты и вынуждены жить в открытом поле. Обстановка вокруг нас, товарищи, не столь мрачна, как кажется: под Путивлем, в сотне километров на юг отсюда, действуют отряды Ковпака и Руднева, еще южнее — кролевчане и конотопцы. На севере от Трубчевска до Брянска, по всему Брянскому лесу, организуются орловцы. Вчера мы встретились с товарищами из Хомутовки. Они приняли наш план и на днях поднимут свой отряд в Курской области. Они очистят от гитлеровцев Хомутовку.

— Мы, — Фомич тряхнул головой, повысил голос: — мы сольем все эти силы в единый партизанский край — от Конотопа до Брянска! Мы сможем создать фронт в тылу противника, протяженностью на две сотни километров!

Глаза у всех находившихся в комнате загорелись. Анисименко хотел что-то сказать, но Фисюн перебил его:

— Вот это размах большевистский!

Фомич обратился к Гудзенко:

— Что вы думаете об этом, Иларион Антонович?

— Согласен, — решительно и четко ответил Гудзенко. — Мы пересечем две важнейшие коммуникации: магистрали Киев — Харьков и Киев — Брянск.

— Дело, капитан! Хай забудут гитлеровские волки московские дороги, — одобрил Фисюн.

— Я думаю, — продолжал Гудзенко, — что мой отряд должен и впредь удерживать Хинельский лесозавод как нашу общую базу.

Гудзенко вскинул голову и поглядел на Фомича.

— А насчет Лемешовки, Иларион Антонович? — спросил Фомич у Гудзенко.

В селе Лемешовке (оно находилось всего лишь в семи километрах от лесокомбината) еще с осени стоял довольно большой, человек в двести, гарнизон немцев. Он появился там в противовес собравшимся в лесу ворошиловцам и севцам.

— Лемешовку очищу! Только поменьше разговоров об этом, — сказал Гудзенко, расправив широкие плечи и строго взглянув на Тхорикова.

Поднялся Хохлов и скромно заявил, что у него имеется до двух десятков партизан, с которыми он расположился в доме лесника, в середине Хинельского леса.

— Вам, товарищ Хохлов, пора уже выйти из лесниковой хаты и действовать в селах, в сторону Середино-Буды и Севска, — мягко сказал Хохлову Фомич. — Я думаю также, что вам следует разведать, что творится в Брянском лесу, в Суземске, и установить связь с товарищами орловцами.

— Это я сделаю, товарищи, — поспешил заверить командир севцев.

— А сегодня, — Фомич встал из-за стола, — мы поможем Ямпольскому райкому очистить от петлюровских последышей Марчихину Буду.

— Поможем, — подхватил воодушевленно Анисименко.

— Помогу, — прогудел Гудзенко.

Фомич, довольный результатами совещания, светло и душевно улыбался.

* * *

Падали крупные хлопья снега. Большое, широко раскинувшееся украинское село Марчихина Буда еще не просыпалось.

Десятка полтора эсманцев, под руководством Красняка и Гнибеды, рассыпавшись в боевую цепь, идут крадучись, пересекая сады и огороды. Идем на первое партизанское дело. Рядом со мной — Баранников и старший сержант Колосов, исхудавший от голода парень. Он только сегодня пришел в отряд, а до этого, после побега из лагеря пленных, устроенного немцами в Хуторе Михайловском, скрывался в Марчихиной Буде.

— Вот она, хата, — шепчет Колосов. — Тут живет бабка, что меня скрывала от Барабана… Днем непременно побываю…

Мы продвигаемся по глубокому снегу вдоль огорода, держа в руках винтовки. Группа ворошиловцев идет правее нас.

Скоро становится виден силуэт церкви, расположенной в центре села. Занять церковь без шума и не дать противнику использовать ее как опорный пункт — такова наша задача.

Несмотря на глубокий снег, мы движемся быстро.

Все яснее проступает силуэт колокольни.

Колосов и Баранников идут справа и слева от меня, — стреляные солдаты, они вслушиваются в каждое мое слово и понимают даже с намека.

Тишина. Кажется, что в селе не осталось ничего живого. Не слышно даже лая собак. Две тысячи дворов, заваленные снегом, окутанные темнотой, молчат.

— Пароль не забыли? — спрашиваю товарищей.

— Знаем! «Куда идешь?» — говорить надо.

— А отзыв?

— «В лес», — шепчут оба.

Внезапно лечу в какую-то яму. Николаи тоже проваливается. С трудом выбираюсь из ямы и на ходу прочищаю затвор, чтобы не заморозить, Баранников уже выбрался и дует на свой затвор.

— Картофельная яма, — поясняет Колосов.

— Не дыши на затвор, обледенеет, — предупреждаю Николая.

Легкие хлопья снега оседают на ресницах, тают на лице. Идем, почти как на ночных учениях, уверенно, молчаливо, без страха. Каждую секунду мы готовы встретить врага ударом. Нам не страшно, потому что мы вооруженный отряд, и каждый знает, что ему делать.

В памяти осталось то невыразимое словом чувство, с каким мы ходили на глазах у врагов по улицам и дорогам. «Эй!» — кому-то крикнули за спиной, а кажется, что тебе. Вот показывают куда-то рукой, а ты думаешь — на тебя. Идут позади — чудится погоня… Спрашивают: «Кто такой?» — Думаешь: «Опознали». Грянул выстрел где-то, и кажется — это в тебя.

Все это испытано и пережито каждым, кто оставался в тылу врага. А сегодня — начало мести. Кровь за кровь!

Вот и главная улица. Мы пересекаем ее, спешим к церкви. Вот касаемся ее холодных кирпичных стен. Видно, что ее начали строить, но так и оставили, не окончив. В оконных проемах чернеющая пустота — ни рам, ни решеток, оттуда тянет холодом. Еще мгновенье, и мы внутри здания, на кучах битого кирпича.

Там — разведчики Подкопаев и Козин. Из церкви видим площадь, левей — широкую улицу; вдоль нее — сад, в нем — приземистую постройку.

— Это казарма. Дом деревянный, — шепчет Козин. — Они там. Все точно разведано…

Через площадь бежит к нам Дегтярев, за ним — Лесненко и

другие. Ворошиловцы продвигаются правее, обходя и сад, и церковь.

Дегтярев устанавливает пулемет в оконном проеме, наводит его на казарму, — до нее не более сотни метров.

— Сейчас, после ракеты, ударим, — говорит он мне, — продвигайтесь вдоль улицы садом, обойдите казарму слева. Там Барабан с гитлеровцами.

Мы выбегаем из церкви, пробираемся к погребу в саду, что по пути к казарме. Слева, совсем рядом, улица. Мы перелезаем через забор. Напоминаю наказ Красняка:

— На улицах бить всех, кто вооружен и не знает пароля!

Хлопает выстрел ракетницы. Яркий свет разливается над казармой. Правее загрохотали винтовочные выстрелы, донесся сильный стук в ворота или же в ставни дома и яростный голос:

— Отпирай, параза!!!

Дегтярев ударил из пулемета по закрытым ставням казармы. Оттуда выскакивают суетливые темные фигуры, они разбегаются по саду и держат путь прямо на церковь.

Мы бросились к погребу и там залегли: Баранников с Колосовым — за правым углом, я — за левым. И вижу: трое бегут по широкой улице к церкви.

Передернув затвор драгунки, я кричу им:

— Куда идешь?

Они не отзываются. Я снова выкрикнул пароль. Они вскинули винтовки.

Еще миг, и я стреляю.

Один упал, двое повернули назад, но были тоже настигнуты пулями и упали.

Колосов и Баранников тем временем стреляют в сторону сада. Правее и позади что-то горит, площадь ярко освещена. Прижатые к земле огнем противника и своим — из церкви, мы лежим в снегу возле погреба. Обстреливаем тех, кто суетливо перебегает по саду.

Вскоре все стихло. Взвилась красная ракета. Отбой. На площади появились партизаны. Я подбежал к тому, которого сшиб первым выстрелом. Раскинув руки, он лежит посреди улицы — длинный, большой, в короткой шубе, в башлыке, в руке новенькая десятизарядка, за поясом обрез.

Я заглянул ему в лицо, освещенное ярким пламенем горящего погреба. Казалось, он еще жив и глядит на меня.

«Желто-блакитный! — мгновенно опознал я его. — Тот, которого встретили на Тернопольщине, в Прикарпатье…»

В ту же минуту я отбросил эту мысль: слишком нелепа была она. Как мог он очутиться тут, на Сумщине? Однако я продолжал

всматриваться в это посеревшее лицо, казавшееся столь знакомым. Не верилось, чтоб судьба опять столкнула меня с этим человеком.

«Неужели это тот самый, кто издевался над нами там — за рекой Збручем, когда заходили к нему перевязать раны?»

— Как ты попал сюда? — вырвалось у меня. Но он молчал. В остановившихся рысьих глазах отражалось пламя горящей постройки.

— Неужели он? — спросил я подошедшего Баранникова.

— Он! — подтвердил Николай.

— Снимай патронташи, ищи у него документы, сержант.

Через минуту я перелистываю засаленный паспорт. Он оказался польским. На первой странице витиевато, с писарским шиком выведена фамилия: Б а р а б а н.

Значит Барабан врал, уверяя нас, что был в русском плену. В действительности он здешний житель, удравший за границу с награбленными ценностями. Там он и завел свое кулацкое хозяйство.

Я взял обрез Барабана и подумал: «Зачем ему еще обрез?.. Да! Он не очень-то верил в десятизарядную русскую винтовку! Она была для него новинкой. Он привык к оружию бандита — к обрезу. Все ясно».

— Смотрите, — сказал я моим товарищам, — как неровно, должно быть рашпилем, спилен ствол. Делал это, конечно, он сам. И сколько злобы кипело в нем против советских людей, когда он занимался этой работой! Как отполирована шейка приклада! Это оттого, что он носил обрез под полой, — двадцать лет носил: на обрезе стоит год изготовления его — девятьсот восемнадцатый.

К нам подошел Фисюн. Он пристально и долго глядел на убитого, потом сказал:

— Он, зараза! Барабан! Мой старый враг. Ярый петлюровец, атаман банды… За мной охотился в восемнадцатом, потом ушел в панскую Польшу. Матерого волка свалил ты, капитан, — спасибо!

— И тебе, Порфирий Павлович, спасибо!

Я возвратил Фисюну драгунку без мушки. Теперь у меня своя, десятизарядная.

— Николай, — сказал я Баранникову, — подбери и те винтовки, что лежат на улице, а «утошницу» бате отдай. Он «озброит» другого ездового.

Фисюн захохотал.

— Согласен, из моей каптерки все пойдет в дело!

— Итак, Порфирий Павлович, — обратился я к Фисюну, — не столь уж малы трофеи на этом участке боя; а как у вас?

— Откапывают уже, — ответил Фисюн. — Будет у Красняка оружие!

Глава IV
ПЛАМЯ НАД ЭСМАНЬЮ

Семь хат выселка Святище, где жил Артем Гусаков, стояли на бугре среди чистого поля, словно сторожевой дозор на кургане.

Помня наказ Фомича — быть наблюдательным постом райкома, — Артем неусыпно следил за окрестностями. С бугра проглядывались Севско-Глуховский шлях, дороги на Пустогород, в Эсмань и в Ямполь. Но чаще всего Артем глядел на север: там, в двадцати километрах от Святища, в ясные солнечные дни в голубоватой дымке проступали леса, называемые Хинельскими.

Вечерело, когда Артем заметил из окна своей хаты щупленькую фигурку подростка, быстро шагавшего вдоль зимника. Мальчик зябко ежился, глубже засовывая руки в рукава широкой свитки.

«Куда бы на ночь глядя? — подумал Артем. — Должно, пустогородский. Никто из Фотевижа в Пустогород ни вчера, ни сегодня не проходил, — верно, посыльный, надо проверить».

Артем побежал в сарай, быстро заложил коня и вскоре догнал мальчонку.

— Эй, хлопчик, садись, подвезу!

— Да мне недалеко, дядя, я только до Фотевижа, — ответил мальчик. — Я с пакетом от пустогородского старосты.

— Ну, так туда я и еду, — сказал Артем. — Давай мне пакет, я передам старосте, а ты до дому повертайся.

Паренек, подумав немного, отдал пакет Артему.

Взяв пакет, Артем дал волю коню. Скрывшись за поворотом, старик взломал печати, вынул тонкий папиросный лист бумаги.

Там было напечатано:

> *«…Для перевозки продовольственных запасов из Эсмани в Глухов всем старостам района надлежит обеспечить прибытие на станцию Эсмань к 6-00, 10-го января 1942 г., необходимого транспорта в количестве 2.000 подвод с возчиками. Старосте села…»*

Тут было от руки написано название села и проставлена контрольная цифра подвод, которые должен был пригнать в Эсмань фотевижский староста.

Ниже сообщалось, что зерно в эсманских складах к отправке подготовлено, подъезды к пакгаузам расчищены от снега и рабочие на погрузку выделены.

Прошло не больше часа, и распоряжение эсманского коменданта было уже в руках Фомича на Хинельском лесокомбинате.

Еще в первые дни пребывания своего на лесокомбинате Фомич из сообщении верных людей узнал, что в Глухове происходило совещание немцев, в котором принял участие почти весь административный аппарат гебита[2], в том числе сельскохозяйственные коменданты и бургомистры. На совещании присутствовал «сам» — главный комиссар Сумщины генерал-лейтенант Нейман, указавший в своем выступлении на трудности, внезапно возникшие перед немцами на Восточном фронте.

Между прочим, Нейман также сообщил, что железная дорога, связывающая Ворожбу и Хутор Михайловский, восстановлена не будет, и потому станция Эсмань и впредь останется глубинным пунктом. Нейман пояснил при этом, что эсманские продовольственные запасы являются почти единственными, которые Сумская область в состоянии отправить в Германию, и что военная обстановка требует немедленной перевозки этих запасов к действующей магистрали.

Глуховскому гебитскомиссару Линдеру после этого совещания прибавилось и забот, а трудностей.

Наши войска при отступлении начисто разрушили все путевое хозяйство. Там, где еще недавно были рельсы, теперь торчали из-под снега заржавленные куски стали, свернутые в петлю чудовищной силой путеразрушителя. Линдер еще осенью пытался вывезти зерно эсманских складов при помощи автоколонн Тодта, но из этого ничего не вышло. Бездорожье, проливные дожди, вязкий грунт оказались непреодолимыми препятствиями для грузовых машин, а когда ударили морозы, машины понадобились фронту для перевозки обмороженных и раненых солдат. А потом начались снегопады, закрутились лихие метели. Свыше ста тысяч центнеров продовольствия и сырья продолжали лежать в Эсмани.

Распоряжение эсманского коменданта, попавшее в руки Фомича, достаточно ясно говорило о том, каким способом собирались немцы разрешить вопрос о вывозке зерна.

После экстренного заседания подпольного райкома, созванного в тот же день, меня позвали к Фомичу.

— Михаил Иванович, — сказал Фомич, когда я вошел к нему в комнату. — Райком решил поручить вам весьма ответственную операцию. — Фомич строго посмотрел мне в глаза и дал прочесть распоряжение коменданта, после чего рассказал все, что знал об эсманских складах. — Так вот, райком партии решил уничтожить

эсманские продовольственные склады и поручает эту операцию вам. Задача трудная, до складов не менее пятидесяти километров, а в вашем распоряжении только одна ночь. По нашим данным, станция усиленно охраняется. Райком выделяет в ваше распоряжение все, чем располагает: двадцать пять бойцов, два пулемета и, — Фомич улыбнулся, — единственный в отряде автомат ППД — мой автомат… Отдаю вам и запасной диск.

Фомич снял висевший на стене автомат и подал мне.

— Возьмите, заряжены оба диска. Больше патронов нет.

— Не беспокойтесь, Порфирий Фомич, — сказал я, — стрелять зря не станем. За автомат благодарю. Завтра верну в целости.

— Вам необходимо действовать очень решительно, быстро и дерзко… Скажите, что́ вам еще нужно, чтобы обеспечить операцию?

Я ответил, что мне нужны компас и карта: необходимо точно установить маршрут.

— Вот карта. Компас я вам дам свой. Проводником будет молодой Гусаков — лучшего не сыскать. Он местный, хорошо знает дороги.

Мы склонились над картой. Станция Эсмань расположена в открытой степной местности, пересеченной небольшими ярами и глубокими балками. Почти рядом с ней два больших села. Справа — Червонное, слева — Эсмань. В том и другом, по сведениям Фомича, находились гарнизоны.

— Маршрут один — через Барановку, Фотевиж. Дальше на вашем пути село Пустогород. В нем есть предатели. Село надо обойти.

— Тогда пройдем правее, через Княжичи, — сказал я.

— Нельзя, там немецкий гарнизон.

— Значит, остается один путь — без дорог, полем…

Я измерил расстояния и записал угловые склонения на карте. Получалось, что первую половину пути мы могли ехать по дорогам, а остальные два десятка километров предстояло пройти без дорог, прямо полем, по снегу, особенно глубокому в ярах и балках. Надо было считать, что скорость движения не превысит двух-трех километров в час. Получалось, что мой отряд прибудет на станцию только к утру. Все же я заверил Фомича, что задачу мы выполним. Он крепко пожал мне руку.

— Желаю вам, Михаил Иванович, удачи. Ответственность за операцию разделите с комиссаром, членом подпольного райкома. Познакомьтесь!

Занятый изучением карты, я не заметил, как в комнату вошел Дегтярев.

Застенчиво улыбаясь, высокий и сильный, он, как и Фомич, крепко пожал мне руку.

— Трошки уже знакомы…

Мы вышли во двор. Под руководством Анисименко люди спешно готовились к походу. Пятеро саней были запряжены рослыми лошадьми. Двадцать два пеших партизана и два конных разведчика были нашей ударной силой.

Ночь обещала быть непогожей. Дул сильный ветер. С низкого серого неба сыпались густые белые хлопья.

— Погодка наша! Подлезем на длину штыка! — весело сказал разведчик Козин, надевая на себя все немецкое.

Дегтярев засмеялся:

— А выдержки хватит у вас, хлопцы? Задачка наша нелегкая.

— Эх, Терентий Павлович! Кто из кошары вырвался, у того хватит силы на все, — серьезно сказал Колосов.

— Да что говорить! — отрубил Баранников. — С нашими конями весь свет пройдем за ночку.

— Вот это правильно! — довольный, ответил Дегтярев. — Люблю веселых ездовых!

Баранников был назначен моим ездовым, чему я очень обрадовался.

Около семи часов вечера мы покинули лесокомбинат и зарысили по еле заметной полевой дорожке.

Впереди маячили верховые, за ними на буланом жеребце, запряженном в сани, ехал Петро. Он был проводником и прокладывал санный след обозу.

В передке его саней лежала бочка с керосином, добытая у Хохлова. Сытые, застоявшиеся кони несли нас резво, срываясь под уклонами в галоп, снег пенился на разворотах.

Миновали поле, проехали село Хинель, поднялись за околицей на пригорок, снова промчались вольной рысью по открытому полю и через час оставили за собой Барановку. Ветер крепчал, скоро совсем стемнело и потянуло стужей. Сухой колючий снег хлестал нам в глаза. Ехать стало труднее.

Уже в глухой темноте промчались мимо деревни Муравейной, через Фотевиж и Смолень. Затем снова ехали открытым полем почти до Пустогорода.

В глубокой балке сделали остановку. Здесь было тихо, безветренно. Тут мы решили рассказать бойцам о боевом задании.

— Хлопцы, — обратился Дегтярев к окружившим его партизанам: — командир ваш теперь капитан Наумов, комиссаром — я… Задача наша сегодня очень важная. Гитлеровцы собрали на станции Эсмань урожай с трех районов.

Эти склады мне хорошо знакомы. Там должно быть более ста тысяч центнеров продовольствия. Это выходит пятнадцать миллионов килограммов хлеба, хлопцы! Хлебный паек стотысячной армии почти на полгода!.. Завтра немцы собираются вывезти хлеб со складов. И вот, товарищи, нужно нам вырвать этот жирный кусок у гитлеровцев…

— Вырвем! — прервал Дегтярева десяток голосов.

— Пулю им в глотку, а не хлеба!

— Сравнять склады с землей, в прах! — сурово ответили партизаны.

Скоро мы двинулись дальше, напрямик через поле.

За короткое время, пока мы стояли в балке, погода еще пуще рассвирепела. Ехали медленно, против ветра, кони то и дело оступались, проваливались в глубокий снег. Снова взбирались на какие-то бугры, спускались в балки, колесили по косогорам. В непроглядной тьме ветер, свистя и воя, сбивал нас с пути.

— Где мы? — крикнул я Гусакову.

— Я блукаю, — донесся сквозь ветер голос Петра.

Проехав вперед, я в темноте наткнулся на Гусакова. Жеребец его выбился из сил и, повернувшись крупом к ветру, тяжело храпел. Пришлось сменить направляющего коня.

— Узнайте в хате, где мы находимся! — кричу я Козину.

Несколько белых, едва видных во вьюжной мгле фигур бросаются к чернеющему в стороне строению. Скоро они возвращаются и отвечают мне:

— Товарищ капитан, тут клуня, а не хата!

— Добре, хлопцы, — слышу я голос Гусакова, — от нее повинна буты дорожка к Орлову яру. — И Петро бежит к клуне, пытаясь разглядеть дорогу.

Но кто может найти ее среди высоких снежных завалов, в диком снегопаде, когда все вокруг свистит и воет?..

Задыхаясь от ветра и прикрывая лицо от режущих потоков метел и, пересекаем снежное поле.

Кони движутся, повернувшись к ветру боками, сплошная стена перед нами, и кажется, что за него пропасть.

Наконец, направляющая подвода Гусакова уперлась в ветряную мельницу. Заклиненные неподвижные крылья скрипят и гудят… Прячемся за ее дощатым корпусом, окоченевшими руками растираем свои, но будто чужие лица, а ветер шумит все сильнее, он уже ревет, обдавая нас ураганом сыпучего снега. Понуро столпились уставшие кони.

— Сбились мы… — услышал я чей-то глухой голос.

Беспокойство и тревога охватили меня. Я невольно подумал о людях, с которыми пережидаю снежный буран. Гусаков,

Баранников, Колосов, Козин, Лесненко — это все знакомые, проверенные в бою товарищи, но остальных я еще совсем не знал. Справятся ли они с трудной задачей, не подведут ли?

— А ну, живы тут? — спросил я нарочито веселым голосом, подходя к возу, прикрытому пологом.

— Живы, товарищ капитан! Табачком согреваемся! За нас не беспокойтесь, не подвели бы проводники! — ответил из-под полога молодой голос.

— Жалко будет, если заблудимся, — произнес кто-то другой.

— Себя, что ли, жалко? — съязвил Баранников.

— Не себя! О запасах говорю! Шутка ли, подарить фашистам целые эшелоны хлеба…

Между тем Гусаков уже успел обследовать ветряную мельницу. Ветряк был ему знаком: много раз ездил сюда Петро с батькиной пшеницей, а иногда навещал мельницу и по кооперативным делам как председатель местного сельпо. Мы находились в восемнадцати километрах от станции Эсмань.

От мельницы мы двинулись вниз по голым скатам. Леденящий ветер снова хлестал нам в лицо. Крутящиеся вихри лохматили гривы коней. Вдруг ведущий конь сорвался с обрыва. Затрещали оглобли. Храпит, бьется бедное животное. Отпускаем упряжь и руками разгребаем снег, тащим коня за гриву, за подпругу, и снова — в путь. Еще едем час или два и вот — наши кони легли. Гусаков говорит, что скоро Орлов яр — еще с десяток ярков и балок с кустарниками.

— А за Орловым яром, — замечает Петро, — рукой подать до станции…

— Сколько же километров до станции? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Да что, шесть или семь, совсем рядом.

— Это минимум два часа, товарищ Гусаков, а не рукой подать!

Меня разбирает злость. Я подаю команду:

— Слезай с саней! Все ко мне! Стано-о-вись.

Люди, увязая в снегу, медленно подходят и выстраиваются. Поставив всех спинами к ветру и закрывая свое лицо рукавицей, кричу:

— Товарищи! До места — десять километров! Три часа ходу! К утру успеем. Нужно беречь коней! Они нужны будут нам днем, если начнется погоня. А сейчас — пешком к станции! Лошадей вести в поводу. За мной!

Все молча двинулись.

Идем колонной по два против ветра, протаптывая путь обозу. Лошади, опустив головы, едва плетутся. Время тянется

мучительно медленно. Уже мокры от пота наши шинели и кожухи. Лица и руки горят, как в огне. Я подгоняю отстающих.

Дегтярев кричит:

— Ездовые, не отставай!

Так идем час, два… Внезапно из метели выплывают, будто корабли, огромные стога сена. Гусаков кричит мне в ухо:

— Пришли… Эсманский сенопункт. За скирдами — казарма…

Стог за стогом встают перед нами груды прессованного сена. С полей наметены на них высокие сугробы. Мы спешим к стогам. На случай боя они — прекрасный опорный пункт.

Пахну́ло крепким, дурманящим запахом сена. Справа, слева и впереди — отвесные стенки стогов. Среди них — отрадное затишье. Ветер свистит и несется где-то вверху, обсыпая нас густой снежной пылью. Возле одного из стогов кто-то зашевелился, закашлял.

— Кто тут? — кричу я, вскинув автомат.

— Сторож я, — слышу в ответ. — Сенопункт охранять приставили…

— Говори, где караулка, где часовые?

Сторож трясется, слышно, как стучат его зубы.

— Сплят, сплят… Всю ночь гуляли. Ведро горилки выпили. Курей жарили…

Подходит Дегтярев, он всматривается в старика-сторожа, узнает его.

— Здравствуй, Охримыч! Говори точно, где часовые? Сколько фашистов в охране?

— Терентий Павлович! — радостно бормочет старик. — Ой родненькие! А я плакал не раз, — говорили, убитый вы в Уланове с Копою, А часовых, видать, сейчас возле складов нету. Спрятались в караулке. Людей дуже богато понаихало с подводами. В поселке ночуют…

— Коней сюда! Охримыч, поставь их в теплое место и накорми! — приказывает Дегтярев.

Мы вышли из-за стогов и залегли. Перед нами темное пятно одноэтажного дома.

— Казарма, — говорит мне Дегтярев.

Я вглядываюсь, щуря глаза. Окна дома слабо и мутно освещены. Ветер воет с прежней силой.

Я даю последние указания. Пулеметчик потянул затворную раму. Командую:

— Вперед! За мной!

— Вперед! — повторяет на фланге Дегтярев. Он взял с собой отделение Колосова.

С воем хлестнул в лицо ветер и улетел в степь… Я подбежал к караулке и здесь лицом к лицу столкнулся с часовым.

— Хальт!.. — хрипло произносит он.

Но уже поздно, — короткий взмах автомата, и его винтовка летит в снег. В тот же миг стискиваю ему рукой глотку. Разведчик Козин требует от фашиста пароль и подносит к его лицу дуло нагана.

— Дойчланд, — выдавливает часовой, когда я на секунду разжимаю пальцы.

Мы ведем его к двери и требуем, чтобы он отозвался, если потребуется стучать. Но дверь не заперта, и мы входим в караулку.

Вонь портянок и пота, смрадный запах самогона ударяют нам в нос. Тускло горят на столе две парафиновые плошки. Слева — длинные нары, направо — пирамиды с поблескивающими стволами винтовок. Фашисты спят вповалку. Прямо с порога кричу во всю силу легких:

— Хенде хох! Вир партизанен!

Трескучей очередью из автомата рассекаю помещение надвое, отделив нары от пирамиды. Трясясь от страха, фашисты выскакивают и поднимают руки. Козин по-немецки приказывает стоять смирно.

Я держу автомат наведенным на остолбеневшую толпу гитлеровцев. В открытые двери вползают сизые клубы холода. Воздух в казарме становится чистым и свежим.

Медленно поводя автоматом, говорю:

— Слушать мою команду! Не опуская рук, кругом! — Козин переводит по-немецки.

Солдаты повернулись затылками к выходу, я продолжаю командовать:

— Начальнику гарнизона выйти из строя!

Внезапный выстрел оглушает меня. Но мой ППД уже выпустил струю пуль и длинной строчкой прошелся по нарам — влево и вправо.

Словно бурьян под взмахом косы, валятся на пол и нары фашисты.

Мы отбежали от дверей в тамбур, Козин швырнул в помещение гранату. Взрывом снесло с петель двери, вышибло окна. Темнота и стоны наполнили караулку.

Поручив Колосову и еще трем партизанам вынести из хаты оружие, мы повели людей к складам и здесь выставили караул.

Четыре длинных пакгауза были занесены снегом. Я подбежал к одному из складов. На тяжелых массивных дверях висели пудовые замки.

Отделение Лесненко немедленно приступило к делу.

Гусаков уже подвез бочку с керосином, — мы облили бревенчатые стены склада и подожгли. Еще минута, и яркое пламя вырвалось из-под пластов снега. Кругом стало светло. Огонь длинными косматыми языками пополз вверх по гладким стенам, закрутился на ветру и — погас.

Над станцией и складами снова тишина и мрак. Горючего уже больше не было. Неясно и скупо проступал серый рассвет. Что делать?

Я тяжело опустился на снег. Партизаны окружили меня.

— Пора, товарищ командир, отходить, — нерешительно произнес кто-то. — Эсманская комендатура в четырех километрах.

Я молчал. Мне было больно и стыдно. Осрамиться в первом же серьезном деле, не оправдать доверие партии и товарищей!.. Но необходимо было довести начатое дело до успешного конца — первое дело, без этого немыслим авторитет командира в дальнейшем. Уйти сейчас, не добившись успеха, это значит подорвать уверенность в своих силах у молодых партизан. Вот они стоят — усталые, приунывшие, не знающие, чем кончится это необычайное и тяжелое дело.

— Уходить нельзя, товарищи! Стыдно перед партией, перед Родиной, — тихо сказал Дегтярев.

Гусаков встрепенулся:

— Хлопцы, не вешай носа! Треба кувалды добрые достать, або колуны, и посбивать замки. С середины запалимо!

Не дожидаясь ответа, он побежал к пакгаузам.

— Добре, Петро, — сказал Дегтярев, — а то еще можно обложить склады сеном да поджечь!

— А и правда, хлопцы! Что же мы сидим, будто какие завороженные! — воскликнул Забелин. — Берись за работу! Эй, кто за мной?

Мы предложили Забелину взять с собой Баранникова, а потом собрать грузчиков и подводы и везти все, что может служить горючим.

Через четверть часа станция Эсмань оживилась. Десятки саней подвозили к складам тюки сена, шпалы, старые телеграфные столбы. Партизаны и подводчики усердно работали, таская на себе снегозаградительные шиты и складывая их вдоль стен пакгаузов, У окованных железом дверей бухали кувалды, стучали топоры.

— Не пиддается, чертяка! — тяжело дыша и вытирая мокрый лоб, доложил мне Петро, когда я подошел к пакгаузу. — Дуже грубо зроблены!

— А что, если замок расстреляем? — пришло мне в голову.

Кругом засмеялись… Я все же выстрелил в скважину одного из замков. Он легко раскрылся.

— Хо-хо, хлопцы! — восторженно выкрикнул Петро. — Теперь мы с ключами.

Я открыл таким способом еще два замка, — они открывались независимо от того, куда попадали пули: в сердцевину или в боковую часть замочной коробки…

Этот любопытный способ отпирания замков любых размеров сослужил хорошую службу также в рейде, который мне пришлось совершить уже после Хинельских походов. Мчалась тогда по украинской степи партизанская конница, рушились мосты, падали под откос эшелоны, — большие и малые дела совершались в тылу у захватчиков, но «эсманский ключик» не забывался нами и всегда служил безотказно.

…Одиночные выстрелы и восхищенные возгласы партизан слышны были и у других пакгаузов.

Тяжелые, скрипучие двери одна за другой, как в сказке, раскрывались. При ярком свете соломенных факелов мы видели тысячи новеньких заклейменных и запломбированных мешков, наполненных зерном. Они тянулись вдоль стен пакгаузов аккуратными рядами, касаясь потолочного перекрытия. В ближайшем отсеке Гусаков обнаружил пеньку и конопляное семя.

— А ну, хлопцы! Тикайте? Тут маемо мы порох!

Все отошли в сторону. Петро бросил горящий пеньковый жгут в коноплю, а сам кинулся к выходу. Разлившееся пламя, подобно вырвавшемуся горючему газу, с шипением заполнило часть пакгауза. Фиолетово-красные языки запрыгали по всему складу, ослепляя и обдавая нас жаром. Фонтаны огня ударили в потолок. Пламя потекло по стенам, по штабелям в закрома, — многие из них были также заполнены коноплей. Потоки огня хлынули в открытые двери и отрезали нам выход. Опаленные и изумленные неизвестным для многих из нас горючим свойством конопляного семени, мы бросились вдоль пакгауза по узкому проходу, чтобы уйти от огня через какие-либо двери в другой половине склада. Но там выхода не было, и тогда мы начали стучать в закрытые двери, крича о помощи. А пламя уже приближалось к нам.

Нас выручил Гусаков. Он раскрыл двери, и мы в дымящихся кожухах выбежали из склада и тотчас очутились среди потоков воды, образовавшейся от таяния снежной стенки, достигавшей местами трехметровой высоты. Вода лилась мимо дверей складов, как по каналу.

Шлепая по воде валенками, я выбежал на безопасное место.

— Я же говорил — порох, товарищ капитан, — смущенно

произнес Гусаков. — Чуть себя не загубили!

— Не удивляйся, Петро, — поджигателем складов я никогда не был.

Через несколько минут загорелись и остальные склады. Взорам изумленных партизан, жителей станции и продолжавших прибывать подводчиков открылось невиданное зрелище. Из десятков дверей рвались в стороны и вверх огненные языки.

Вьюга отступила в поле. На станции стало светло и жарко, как в летний день.

Позабыв усталость, мы ликовали. Главная часть нашей операции была выполнена. Теперь надо было как можно скорее возвращаться в Хинель. Нас задерживали возчики. Они стояли у горящих складов и оживленно обсуждали происходящее. До меня долетали отдельные фразы:

— Кто это склады подпалил?

— А ты не знаешь? То ж партизаны!

— Жаль хлеба!

— Теперь и хлебом воюют.

Сивоусый дед подошел ко мне и спросил:

— А кто вы таки?

Баранников солидно объяснил:

— Мы, папаша, сила народная…

— А звидки вы? Откуда сами будете?

— Да из народа же собрались, такие, как и все, только немца не боимся. Али не ясно?

— Хлопцы! Вы нам про фронт объясните. Чи правда, что немцев под Москвой побили? — перебивали деда подошедшие к нам возчики.

— Це правда, У них «дранг нах вестен» под Москвой получился, а мы тут еще им дрючком горячим под хвост насунем!

Дегтярев кратко рассказал обступившим его людям о разгроме немцев под Москвой.

— Самый раз теперь до вас податься, якбы узяли! — дернул себя за ус пожилой возчик.

— Валяй, дед, вместе с конякой примем! — серьезно проговорил Баранников.

Подошел Козин и сказал, что на станции ночевал глуховский бургомистр, но сам он смылся, а сумку на квартире оставил. В ней оказались какие-то официальные бумаги и документы, — мы решили рассмотреть их в более спокойной обстановке.

Тысячи искр и клубы черного дыма устремлялись в небо. С шумом и треском проваливались крыши пакгаузов. Мы скрылись так же внезапно, как и появились.

Остывшие и отдохнувшие кони наши бодро пробивались по

еле приметной тропе. С рассветом утихла метель. По всем зимнякам и шляхам Глуховщины тянулись порожняком обозы. Будто с ярмарки, возвращались повеселевшие люди. Они несли радостную весть о разгроме под Москвой немецко-фашистских армий, о смелом партизанском набеге на Эсмань.

Но не все возчики уехали из Эсмани домой. Уже не пять, а семнадцать подвод составляла теперь наша походная колонна.

На круглом лице Дегтярева блуждала улыбка:

— Теперь, кажется, нет села в районе, — сказал он, — откуда бы не прибились до нас хлопцы… Растем, как снежный ком!

Проехав Орлов яр, мы взяли направление на Пустогород, который уже не было нужды обходить полем, как это было ночью.

Дегтярев меж тем знакомил меня с обстановкой в этом богатом селе, где пока что держалось несколько предателей.

— Главный из них — Матвей Процек, — говорил Дегтярев, — в прошлом евангелист, содержатель молитвенного дома. Теперь он сел на место Фисюна, таскает наган в кармане. Он и Петра Гусакова полицаем хотел сделать, — рассмеялся Дегтярев, — попросите, пусть расскажет!

Петро выругался по адресу Процека и поведал такую историю:

— Было так, — в подполье тогда ховались все. Сижу я у батьки на печке. На дворе ночь, вьюга. А Фомич с Фисюном у нас в тот день были, и вечерком как раз на Барановку подались. Я уже засыпать стал, как вдруг врывается в хату Матвей Процек с полицаем и батьке под нос наган сует, шипит, как змея. «Где Фисюн? Куда заховал коммунистов?»… Заставил полезть в погреб, все закоулки фонарем осветили. Издевались над отцом: босого, без шапки, во двор выгнали, на снег… Все как есть обшарили. И меня на печи сцапали. Влип им в лапы… Оружие требовали. Может, донюхались, что у нас хранится. Насилу отбрехался.

— Ты что ж, бежал от них или как? — поинтересовался Баранников.

— Бежал. Только не так это просто. Обманул их, слово дал проклятым, что полицаем у них служить буду. А до утра отпросился, вроде к жинке в Фотевиж съездить. Да и староста в родичи ко мне напросился, сказал:

— Одно из двух, Петро: или поступай к нам в полицию — «на большой» жить будешь, или давай вожжи, сразу ногами задрыгаешь под перекладиной… Не для того, говорит, мы в полиции, чтобы вы мудрости разводили. Благодари бога, что ты, Петро, родственником мне приходишься… А кто в лес убежал — все равно выловим. И — на веревку! Дескать, не черти, в болоте

не спрячутся…

— А что, если мы этого Процека сейчас поймаем, Петро? — предложил я Русакову.

Петро даже привстал на возку.

— Теперь? Днем?

— Вот именно. Днем даже и легче. Ведь в поле он убежать не сможет. Сам подумай — зима, далеко видно. Как думаешь, Терентий Павлович?

Дегтярев громко рассмеялся.

— Ну и хитрый же народ эти партизаны! — сказал он.

— Так вот, Петро, — продолжал я, — бери Баранникова да еще человек двух-трех и готовь Процеку мышеловку. План таков: отряд остановится в Пустогороде ненадолго, чтобы напоить коней. Мы зайдем большой группой в дом Процека, а выйдут оттуда не все… Вы засядете в хате, отряд уйдет и будет ждать вас с Процеком в соседней деревне.

Глава V
УПРАВА

Снег аккуратно расчищен и подметен, над крылечком — вывеска. Неумелой рукой на ней изображено подобие орла с непомерно короткими растопыренными крылышками. Голова птицы велика и уродлива. Орел держит в когтях кружочек, в нем свастика — подобие четырех скрещенных виселиц.

Орленок кажется выпавшим из гнезда галчонком, он силится взлететь, но не может, кривые ножки этого хищника похожи на червей. Под птицей, а которой фашисты хотели символически изобразить восходящую империю, начертано: «Великогермания».

Видна часть слова «Пусто…» Вторая часть — «город» присыпана мерзлым снегом. Еще ниже выведено крупным шрифтом: «Управа».

Бабка, закутанная до бровей платком, долго глядит на Пустогородскую сельуправу, запрокинув голову, дивится на диковинный символ власти и, наконец, разгадав, брезгливо сплевывает:

— Тьфу ты, пакость!

Еще недавно в этом месте красовалась колхозная вывеска и руководил людьми председатель колхозного правления Порфирий Фисюн — партизан гражданской войны, коммунист. Теперь же в управе старостой руководитель секты евангелистов — Матвей Процек.

С евангелием и наганом начал он водворять в селе и колхозе «новый порядок».

Процек был у себя в канцелярии, в управе.

Протяжно кашлянув и погладив козлиную бородку, он начальственно говорил:

— Глянь, как помогли мои меры! Налоги-то поступают… А помнишь, я тебе говорил, наш мужик — подлец, без палки не может! Так и вышло: дуби-и-нушка всему голова!..

Аня, племянница Гусакова, вызванная в сельхозуправу за непрописку в Святище, сидела, незаметная, в углу у порога и уныло молчала.

Единственный собеседник старосты, его писарь, восторженно смотрел то на красивую, «зависимую» от него молодицу, то на своего патрона, ухмылялся и угодливо поддакивал.

Процек откинулся на спинку стула и, многозначительно подняв палец, продолжал:

— А вот освободители наши, хоть и новые для здешнего края,

а людишек здешних чуют почище нас. Вот что значит — культурный народ!

Староста сидел в смежной маленькой комнате без дверей, и Аня не только слышала каждое слово Процека, но и брезгливо следила за его жестами и мимикой. Понизив голос до шепота, он неприятно засопел:

— Честно говорю, братец ты мой, таких подлецов, как наши, поискать надо! Я бы — дай мне силу — половину перевешал. Потом с остальными стал бы разговаривать… А посмотри, как в Глухове немцы? Автоматы за спину, в руке — дубинка. Умный подход! Потому они весь мир в свои руки и взяли — нет, скажешь?

Писарь пялил запухшие после очередного магарыча глаза на старосту, конфузливо косился на Аню и завистливо твердил:

— Голова у вас, Матвей Семенович, что уж и говорить!.. Да разве с таким умом Пустогородом править? Вам бы в Глухов! И то, по совести сказать, масштаб мал!

— Хе-хе-хе! Погоди, раб божий, курочка по зернышку, по зернышку… Дзьоб, дзьоб… помаленьку… Матвея Семеновича еще узнают… — Процек снизил голос до свистящего шепота. — Узнают… И, видать, братец ты мой, вскорости.

Писарь расплылся в подобострастной улыбке:

— Грешно, грешно, Матвей Семенович, от меня вам таиться! Я же, так сказать, помощник, что называется, ближайший вам сотрудник! — Он привстал, опершись руками о стол и весь подался к смежной комнате. — Вы, дорогой Матвей Семенович, правой рукой меня однажды называли, уж этого мне в жисть не позабыть… Молю вас, не таитесь… В районную управу переводят вас, ведь так?

Писарь сделал несколько вкрадчивых шагов, даже коснулся дрожащей рукой Процека.

— А если так, то уж, бога ради, и обо мне не позабудьте… Не оставаться же здесь, у нового начальника в услужении, да еще после вас-то?

— А что мне! — хвастал Процек. — Эсманская управа! Там на любую должность примут. Хватай повыше!

— Да вы, Матвей Семенович, извести меня хотите… Хоть одно словечко… Приоткройтесь хотя бы с краешка… — стонал заинтригованный писарь. — Кому же вам довериться, как не мне?

Умасленный писарем, Процек таинственно прошептал:

— Так и быть. Только!.. — И он поднял предостерегающе палец, — Удостоен я особой чести. В делегацию от Глуховщины намечен! В Берлин, наверное, махнем!.. То-то…

— Да что вы? Да неужели? Счастье-то вам выпало?! —

отшатнулся писарь, действительно взволнованный признанием шефа. — Дорогой наш Матвей Семенович, да я… да с меня… ведро магарыча! Клянусь, вот сейчас и поставлю!

Сияющий от лести Процек вертелся на стуле, пощипывая бородку и наслаждаясь произведенным на собеседника впечатлением. Затем снова величественно откинулся на стуле, поднял руку, как это делал на сборищах евангелистов, и заявил покровительственно:

— Усердствуй, старайся! И помни: за богом молитва, а за царем служба не пропадают. Тебя Матвей не за-бу-дет!

Писарь ударил себя кулаком в грудь:

— Вот те крест! Не досплю, не доем, а выслежу, изловлю и Фисюна, и прокурора, и кого вам угодно! Хоть в самую Хинель проберусь, к черту в пекло! Говорю вам, как перед богом! — И писарь молитвенно сложил руки, подняв белобрысые, слезящиеся глаза на портрет повелителя «Великогермании», как на икону.

На крылечке кто-то затопал, обивая с каблуков снег. Писарь поспешил на свое место. Процек надулся и важно уткнулся в бумаги.

Аня брезгливо отвернулась в угол от писаря и тяжко вздохнула.

— Кого вы там вызывали на сегодня? — не отрывая глаз от бумаг, спросил Процек.

— Дида Панаса да жинок деяких, Матвей Семенович. Поставку яиц объявляю им. На лето, значит.

— Ага! Ну-ну… — И староста снова уткнулся в бумаги.

За дряхлым дедом вошло в канцелярию несколько женщин.

— Диду Панас, вам майбутним литом треба здаты сто пятдесят штук яець та ще шистнадцать цыплят, чуете? Розпышиться ось тут! — указал на книгу писарь.

— А в мене, пан писарь, и курей немае!.. — прошамкал дед, глядя поочередно то на писаря, то на старосту. — Хиба самому высиживать, чи як вы порадытэ, добродии?

— Гм, як то немае, диду? — спросил писарь. — Я у вас вчора бачив, як рябенька курка по хати бигала.

— Так то ж мени внучка прынесла в недилю заризаты.

Дед возмущенно стукнул о пол суковатой палкой.

— Це правда! В дида курей своих не було, — поддержали деда Панаса соседки, вызванные тоже из-за недоимок.

Староста, делавший вид, что разговор его не интересует, вдруг важно откашлялся и, мешая украинскую речь с русской, заговорил:

— А ты, Панас Охримыч, не риж этой курки, нехай вона тоби яичек нанесе, потом посадишь ее на гнездышко, вылупляться

цыплятки та и здашь их. И яички здашь, а тоди и заризаты дозволимо курочку, хе-хе!

Женщины переглянулись и прыснули. Дед поглядел на секретаря, на женщин, потупился перед старостой Процеком и тоже усмехнулся.

— Пан староста, та хиба ж курка без пивня таки яичка нанесты зможе, щоб цыплятки вылупались? У меня ж пивня немае…

— Хм! — кашлянул Процек и, перейдя на русский язык, сказал: — А ты отдай курочку к соседу, у него петушок есть, да и выполнишь налог благополучно. Время теперь военное. Освобождать от налога не будем. И не думай. Не сдашь поставку, хату продадим с молотка. Понял?

Дед Панас оглядел присутствующих, потом подошел к портрету Гитлера, легонько стукнул по раме кончиком испачканной в помете палки.

— Оце я розумию! Це — хозяин, матери его ковинька! Вин навить знае, что в старого дида Панаса курочка е! И ця курочка повинна знести сто пятьдесят яичок, теж вин знае, и повинна вывести шестнадцать цыплят. Все вин знае, о, це таки хозяин!

Дед Панас насмешливо поклонился старосте в пояс.

Женщины насторожились, посерьезнели. Процек прищурился. А дед, разойдясь, продолжал, обращаясь к женщинам:

— А то, було, стоить у мене корова та кабан в хливи, а в сильради кажуть: «Ты, диду, старый, нетрудоспособный, звильняем тебе вид налогив. Живи соби та и доживай свою старость». А теперь, бач, як по-хозяйски! Нехай дид сам яичка несе, та ще цыплят сам высижуе. О це таки дожылысь!

Процек побагровел.

— Ты тут мне большевистской пропаганды не разводи! — крикнул он, — И своей клюшкой не тычь в портрет фюрера. Это тебе не кто-нибудь. Это сам Гитлер — правитель верховный. И власть наша!

— Я не ослип, ще бачу, що власть-таки ваша, — не сдавался дед. — А вот ты, наш староста, добре разбираешься, яка власть — ваша чи наша, а в людях не разбираешься, де чужи, де свои.

— То есть как это не разбираюсь? — подскочил староста.

— А так, не разбираешься, и все! — твердо произнес старик. Показав палкой на старосту и на писаря, он сказал:

— От вы мени чужи, а внука своя, бо одной крови, а фюрер ваш нам и зовсим чужый, бо кровь нашу проливае. А вы ихнюю руку держите. Сором вам! И грих проти своих людей йти…

Процек вскочил из-за стола и, позабыв свою степенность, закричал срывающимся голосом:

— Вон отсюда, старый крамольник! Вон! И вы тоже! — набросился он на женщин. — Завтра вас вызову, и тогда пеняйте на себя.

Дверь распахнулась, влетел полицай, красный, потный, запыхавшийся.

— Пан староста, рятуйтесь! Партизаны с Орлова яра!

— Кто сказал? — выкрикнул старости, побледнев.

— Своимы очыма бачыв Русакова Петра и улолминзага Дегтярева. Добре, що я без винтовкы був, не удрав бы.

Оставив на столе бумаги и папки, староста и писарь в один миг вылетели из управы.

Дед Панас взглянул на шкаф, на бумажонки, разбросанные по столу, на стены и остановил свой взгляд на портрете.

Из рамки, из-под узкого бледного лба, покрытого клочком черных волос, глядели сумасшедшие, налитые кровью глаза Гитлера.

Занеся над головой палку, дед Панас размахнулся и изо всей силы ударил по портрету.

— На ж тоби, ирод вырлоокый! На!

Со звоном посыпались на пол осколки стекла, а дед Панас все дубасил суковатой палкой «верховного фюрера немецкого», пока не сбил его со стены на пол.

Изломав палку, он сапогами стал топтать картон, приговаривая:

— Ось тоби яечка, а ось курчатки! Вид дида Панаса податки! Ось тоби, флюгер скаженный!..

— Так его, диду, так! — покатывались со смеху женщины и выбегали на улицу навстречу невесть откуда появившимся партизанам.

* * *

Только к семи вечера, ровно через сутки после выезда в Эсмань, мы возвратились на лесокомбинат.

Весь иззябший, голодный, я ввалился в окаменевших валенках и железном от мороза кожухе в комнату Фомича. Доложил:

— Задание райкома выполнено. Потерь нет. Автомат цел, но один магазин пуст…

Фомич улыбнулся:

— Поздравляю! От всей души! Молодцы!

И тут же сказал, что в приказе по отряду всем участникам операции объявлена благодарность.

Нас ждали горячий чай и ужин. Докладывать подробно о ходе операции не пришлось: Козин еще из Пустогорода умчался в Хинель, опередив группу часа на два, и обо всем информировал.

Я вручил Фомичу сумку глуховского бургомистра, после чего с наслаждением вымылся до пояса и вместе с Дегтяревым набросился на чай, благо Фисюн не пожалел для такого случая меду.

В это время Анисименко принимал на дворе новых людей, а Фомич разбирал бумаги бургомистра.

Самым ценным среди бумаг оказалось директивное письмо генерал-лейтенанта Неймана.

Письмо было адресовано всем бургомистрам на Сумщине, а потому написано было по-русски.

— Не от хорошей жизни сочинил это письмо Нейман, — сказал Фомич. — Так… так… Он, оказывается, трудяга, этот генерал… И осведомлен. Послушайте, что пишет: «В пределах глуховского гебита появились вооруженные коммунистические группы…» Это он о нас… «По тылам наших армий до сих пор бродят различные подозрительные элементы».

Фомич чуть улыбнулся в мою сторону:

— Это о вас, наверное.

— Допускаю, но беспокоят его и те и другие…

Фомич читал дальше:

— «Нужно очистить районы округа от коммунистов и комсомольцев…»

— То есть, — вмешался Дегтярев, — сосредоточить их всех в Хинели!

— Согласен, — подхватил Фомич, — но генерал самокритичен. Он пишет на пятой странице: «Наша ошибка заключается в том, что мы позволили русским солдатам и офицерам, попавшим в окружение, проживать на оккупированной местности. После наших неудач под Москвой все они могут уйти в партизаны». Что ни говори, товарищи, а генерал прозорлив. Но тут еще не конец. Слушайте дальше: «…Следует всемерно разъяснять населению, что там, где Красной Армии удалось занять некоторые районы, она расстреливает всех окруженцев и возвратившихся домой, что офицеры Красной Армии, попавшие в окружение, лишены советским правительствам воинских званий и объявлены вне закона. Стремиться им в Красную Армию — значит идти на верную гибель. Пусть все они идут в полицию и дерутся против партизан. Мы предоставим им эту возможность».

— Да, генерал Нейман выпускает коготки. — Фомич прищурился и продолжал чтение: — «Я требую сигнализировать мне о каждом проявлении бесчинства, и, не позднее как через

четыре часа, злоумышленники должны быть пойманы и расстреляны на месте…»

Мы расхохотались.

— И как же не смеяться, — говорил Фомич. — Эсманские склады вместе с гарнизоном уничтожены четырнадцать часов назад, а «злоумышленники» пьют чай с медом. Что и говорить, неважнецкие твои дела, генерал Нейман. Совсем плохи!

В комнате было тепло и уютно. Ярко горела электрическая лампочка: ворошиловцам удалось наладить работу электростанции, и весь поселок был освещен, как в мирные дни. Он казался каким-то особым, светлым островком в море тьмы, которая разливалась вокруг, в оккупированных районах.

Фомич всмотрелся внимательно в наши утомленные лица и сказал:

— Операция закончена, товарищи. Теперь вам нужно отоспаться, да хорошенько.

Дегтярев мигнул мне. Я его понял.

— Не совсем, Фомич. Я забыл сказать, — у нас имеется сюрприз для вас. Мы изловили предателя Процека.

— Вот как! — на лице Фомича выразилось изумление. — И он здесь? Гм… так, так… Как же вам удалось поймать этого иезуита?

Я рассказал Фомичу, как было дело.

Засада наша недолго ожидала предателя. После того как отряд покинул Пустогород, Процек пробрался к собственному двору. Наткнувшись на партизан, он хотел бежать, но тяжелая рука Баранникова сгребла предателя за шиворот.

— Процека будем судить как подлого предателя и изменника Родины, — строго сказал Фомич и срочно вызвал к себе Анисименко и Фисюна.

Ввели Процека. Он осторожно переступил порог. Воровато оглядев комнату и низко поклонившись, произнес упавшим голосом:

— Добрый вечер!

Ему никто не ответил.

Вошедший вслед Баранников положил перед Фомичом на стол старый, сильно потертый наган и высыпал патроны, отобранные у Процека.

Все молча внимательно рассматривали предателя.

— Вы искали меня, Матвей Семенович? — негромко спросил Фомич. — Вот я перед вами. Зачем я понадобился вам?

Процек переступил с ноги на ногу и вдруг заморгал покрасневшими глазами, залепетал бессвязно:

— Я… Я не искал… Это они… полицаи… Я не искал.

— Значит, вы меня не искали? — спросил Фомич. — Может

быть, вы искали Фисюна? Он тоже здесь.

Фомич указал на Фисюна, — тот сидел в углу и взглядом пронизывал предателя.

Процек, увидев Фисюна, вздрогнул. Его глазки забегали по комнате.

— Порфирий Павлович… прошу вас, убедитесь сами, колхоз в исправности, я, то есть все рады вас видеть… и мы вас всегда уважали…

— От, параза?.. — не выдержав, загремел Фисюн. — А чья вывеска над конторой? А хлеб колхозный кому увез? Кто, подлюка, виселицу для колхозников построил?

Сверкнув глазами, Фисюн занес кулак над головой старосты, но, одумавшись, медленно и нехотя опустил руку.

— Отчитайся перед нашим судом, волчье племя!

Процек весь съежился, потускнел, ноги его задрожали.

Фомич, показав рукой на наган и патроны, спокойно спросил:

— Где вы взяли это оружие?

Процека затрясло, как в ознобе.

— Я вас спрашиваю, для чего, с какой целью вы так долго незаконно хранили этот револьвер? Зачем, когда пришли фашисты, вы достали его из-под печки? Кого вы собирались им убивать?

— В этом виноват, — заторопился оправдаться Процек, — в этом виноват, хранил незаконно, но только для самоохраны, для защиты. Ей-богу!.. Честное слово, говорю… правду…

— От кого это вы себя защищать собирались? — спросил Анисименко.

У Процека тряслись не только ноги, но и голова.

— От воров… злых людей… всякий народ шатается, — пролепетал он.

Фомич поднялся.

— Хватит! Товарищи члены подпольного райкома, будут ли к врагу народа Процеку какие вопросы?

Заговорил Анисименко:

— Нам известен каждый ваш шаг. Ответьте, что вас заставило предать Родину и свой народ, изменить нашему Отечеству, стать холуем оккупантов?

Процек молчал.

— Отвечайте, Процек! — требовательно произнес Фомич.

— Я боялся. Мне угрожала виселица… Немцы заставили… Я отказывался… — ответил Процек, дергаясь всем телом.

— А нам известно, что на совещании старост именно вы внесли предложение поставить виселицу. Не помните такого случая? — спросил Фомич.

Процек вытащил из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб. Потом зачем-то оглянулся на дверь.

— А отправлять в гестапо семьи коммунистов и военнослужащих вас тоже заставили? — спросил Дегтярев.

— Это полиция. Полиция все делала. Я там присутствовал как свидетель…

— Нас не удовлетворяют ваши ответы, — пристально глядя на Процека, с трудом сдерживая гнев, проговорил Фомич. — Вы лжете. Обманываете нас. Ответьте на мои вопросы коротко: искали вы коммунистов? Водили немцев по селам в поисках партизан? Угрожали наганом Артему Русакову? Водили его в мороз босиком по улице? Выжимали налоги и поставки из советских граждан для гитлеровцев? Говорите правду.

Процек заплакал:

— Каин я, иуда… Творил грехи… Пощадите… Помилуйте…

— Что вас заставило делать все это?

— Наваждение дьявольское! Гордыня затмила разум и предала Гитлеру. Анафема мне…

— К анафеме и попадешь, параза… — брезгливо бросил Фисюн. — А перед тем как туда попасть, послухай заповедь партизан.

Фисюн простер над головой Процека руку и торжественно произнес:

За милость к врагу ненавидим,
За дружбу с врагом не простим,
За службу врагу мы осудим,
За измену Отчизне — казним!

Глава VI
РОСТ И ВООРУЖЕНИЕ

Цепенели в бело-розовых кружевах леса, дрожали в ночном морозном небе тусклые звезды, с пушечным гулом лопались льды на реках, а сырое дерево под топором звенело и дробилось, как стекло. Мы продолжали стоять в лесокомбинате. Подобно магниту, Хинельские леса притягивали теперь всех, в ком не угасала воля к борьбе с захватчиками. Люди шли отовсюду — глухими дорогами и лесными тропами, в одиночку и группами, приезжали на подводах. Шли беглецы из плена и местные жители, зачисленные в списки «неблагонадежных», и особенно молодежь.

Очередями стоят они у порогов наших штабов, прося принять в партизаны, и в штабах идет отбор вновь поступающих.

Документов не спрашивают: у кого они могут сохраниться? Скрываясь от гитлеровцев и выдавая себя за местных жителей, окруженцы обычно уничтожали свои документы. Паспортом служил облик человека, его раскрытая душа, правдивость и точность ответов на вопросы.

Вот примерная анкета, на которую ответы давались устно: имя и фамилия, звание; обстоятельства, при которых попал в окружение; место окружения; где проживал до настоящего времени; чем занимался.

Это почти все, о чем спрашиваем мы и на чем попадается тот, кто лжет.

Но главная проверка не здесь. Руководствуясь правилом «Не верь тому, кто боем не испытан», мы проверяем моральные качества новичков на боевых делах, при выполнении заданий. Но не хватает оружия, и поэтому многих местных жителей отправляем домой, а невооруженных военных — в штаб Гудзенко.

Брезгливо оглядывая затрапезный вид недавних сержантов, капитан Гудзенко говорит:

— Вот что: отыщи шинель и винтовку, где бросил, тогда будешь принят!

От Гудзенко они снова идут к ямпольцам, к эсманцам, ищут в лесу Севский отряд и там получают другой ответ:

— Без оружия не принимаем!

Некоторые из нас утверждают, что перегибаем палку, отталкиваем от себя ценных людей, но большинство командиров твердо убеждены, что поступают правильно. К тому же все считают, что, заставляя людей заработать право быть партизаном,

тем самым проверяют их, «пропускают через фильтр», и многие новички приходили вновь, раздобыв оружие у населения, а некоторые приносили свои винтовки, пистолеты, припрятанные где-либо в стрехах, погребах, ямах.

Несколько раз приходил к нам Коля Коршок, смуглый красивый подросток. В первый раз я посоветовал ему вернуться к маме. И он ушел, закусив губу. Спустя неделю явился он с большим «Смит-Вессоном», которым когда-то вооружены были городовые. Осмеяв допотопный револьвер и его владельца, мы снова отказали пареньку в приеме.

Прошло дней пять, и Коршок снова появился в лесокомбинате. На этот раз с обрезом, вправленным в самодельную рукоятку.

Меня растрогала настойчивость подростка, и я сказал ему, что навоеваться он еще успеет, что мы сейчас отказываем в приеме даже взрослым, советовал подрасти.

Вскоре я узнал, что он пытался поступить к севцам, изменив в комсомольском билете год рождения, но и там ничего не вышло. И вот я вижу у реки толпящихся партизан и местных ребятишек.

— Смотрите, купается! — восторженно звенит чей-то молодой голос. — Под лед ныряет!

Ватага ребят кидается к мосту.

— Утонул! Утонул! — кричат они. К проруби бегут партизаны. Все заглядывают в темную потревоженную воду. Опершись руками о кромку льда и пытаясь разглядеть в проруби нырнувшего, напряженно застыли неразлучные друзья Сергей Пузанов, Троицкий, Кручинин и Мишка Карманов.

В воде что-то зажелтело, потом показалась голова и плечи подростка. Ловко подхватив мальчишку под руки, парни вытащили его из проруби, быстро окутали тулупом и нахлобучили на голову шапку.

Я сразу узнал в нем Николая Коршка.

— Ну как, нашел? — спросил Пузанов паренька.

Отдуваясь и дробно стуча зубами, пятнадцатилетний водолаз озорно глядел из-под бараньей шапки.

— Видел… Лежит… Только н-не… д-дост-тал. Глыбоко… м-метра три… А н-ногой все-таки прикоснулся…

— Может, мне нырнуть? — глядя на Сергея, спросил Троицкий. — Как-никак, это ж нестреляная гильза!

— Нет, не лезь, я сам! — запротестовал парнишка, рывком распахивая тулуп.

— Хватит с тебя! — сказал Пузанов, растирая пареньку ноги снегом. А тот вдруг сбросил тулуп к, взмахнув руками, снова нырнул в прорубь.

— Пропав малый!..

— С ума сошел!..

— Тю, скаженный, та хиба в таку пору…

— И што вы там шукаете? Який клад?

Не обращая ни на кого внимания, Троицкий зорко следил, как подрагивает ременная вожжина, уходившая вслед за парнишкой.

Прошло несколько секунд. Вода забулькала, заиграла пузырями. Показалась голова и посиневшие руки. Парнишку вновь подхватили и завернули в тулуп. Подросток тряс головой, сплевывая, и, отдышавшись, произнес только одно слово, которое у Сергея и Мишки вызвало ликование:

— Зацепил!

Троицкий потянул за вожжи, Сергей взялся помогать.

— Осторожно… легче!..

Сбросив полушубок и засучив повыше рукава, Кручинин лег на край проруби, запустил в воду руки.

— Есть! — крикнул он и стал тянуть что-то большое, тяжелое.

Из воды показалась трубчатая дуга хобота. За нее уцепились все, кто был поближе.

— «Максим»!

— Вот оно что!

— Ай да ребята!..

На льду уже стоял всем знакомый, родной станковый пулемет системы «максим».

— Клад!

— Вот счастье привалило!

— Герой-парень! — похвалил Сачко. — Надо его к нам, в третий взвод! — Он поднял на руки водолаза и бегом понес его в поселок.

Троицкий деловито спрятал замок и, хлопнув крышкой пулемета, бесцеремонно отстранил любопытных.

— Нашли диво! Может, взаймы просить станете! — и, показав рукой на прорубь, произнес с насмешкой: — Кто хочет? Пожалуйста! Может, и для вас там хранится…

— Ну-ну, и цепкого же парня выловили. Да еще с пулеметом! — завидовал Прощаков, командир первого взвода.

— Чей он? Откуда?

— Дружок наш, Коршок Коля, барановский… — пояснил Кручинин.

— С Пустогорода он, а не из Барановки, — уточнил Гусаков.

— Не в этом дело: главное, парень — во! — засмеялся Пузанов и, подхватив пулемет за хобот, покатил его в расположение взвода Сачко.

В тот же вечер юный партизан Николай Коршок был зачислен в мою группу.

Комсомольское племя ни за что не хотело оставаться в стороне от борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и пробивалось в отряды через любые рогатки, как пробивается в весеннюю пору зеленая поросль.

В эти же дни был принят в наш отряд еще один «вооруженный» комсомолец, перещеголявший Коршка, — он привел в отряд артиллерию. Это был Вася Анащенков, пробравшийся к нам из Лемешовки.

История его военных похождений была для здешних мест характерной. Когда началась война, Вася проводил своего отца в севский военкомат и с тех пор лишился покоя.

События разворачивались молниеносно.

Часть колхозников погнала гурты скота на Орел, другая часть была призвана в армию. Работы в колхозе свернулись. Васе дома не сиделось. Чаше всего можно было видеть его на Севско-Глуховском шляху. Вглядываясь в запыленные колонны отступающих войск, он надеялся увидеть отца или знакомого, который сказал бы ему, где отец. Но ни отца, ни знакомых он не встретил.

Однажды утром Вася увидел, что на Севско-Глуховском шляху остановилась батарея противотанковых пушек. Горячий поклонник артиллерии еще с тех пор, как увидел кинофильм «Шел солдат с фронта», Вася в тот же день оказался на батарее, где и выполнил первое поручение артиллеристов: принес молока раненому бойцу.

После этого он попросился в расчет, желая заменить выбывшего из строя бойца.

Политрук батареи Будаш взял к себе паренька. И вот Вася — подносчик снарядов. Тысячи их были сложены артиллеристами в большие погреба, вырытые в соседнем перелеске.

Но подавать снаряды пришлось Васе только один раз, когда пристреливали пушки.

Когда начались бои, Васю отослали домой. А на следующий день, стоя во дворе своей хаты, он увидел, как над расположением батареи закружились немецкие бомбардировщики; скоро он услышал взрывы, от которых в небо тучей полетела земля.

Твердо решив проведать своих друзей, Вася захватил молока и хлеба и знакомой дорогой помчался на батарею, И тут случилось то, чего никак не ожидал парнишка: на половине пути он столкнулся с незнакомыми людьми. Низко пригибаясь к посевам овса, они тащили на лямках небольшую пушку.

Непривычные глазу фигуры в коротких куртках, странный цвет одежды, погоны на плечах — все это испугало Васю. Он кинулся бежать, за ним погнались, стали стрелять. Вася упал. Рыжий верзила схватил его и приволок к опушке леса. Длинноволосые, очкастые, грязные, с засученными рукавами, немцы окружили подростка. Один, с белыми галунами на воротнике и в погонах, больно щелкнул Васю по затылку, закричал:

— Зольдат? Большевик?

Не получив ответа, он схватил Васю за воротник гимнастерки, сорвал с петлиц артиллерийские эмблемы и швырнул их на землю.

Другой фашист, ловко ощупав Васины карманы, спросил на ломаном языке:

— Ти вояк, зольдат, одер сивиль?

Вася сказал, что гимнастерку он нашел на дороге.

— Брэшэш, пся виру матка! — закричал немец и снова спросил: — Дэ жиеш, рус, домивка дэ твоя?

— Лемешовка наше село, — ответил Вася и, посмотрев исподлобья на немцев, добавил: — Пустите меня!

— Леме-шовка, — повторил немец, заглядывая в карту. Затем он отвел Васю на несколько шагов, повернул его лицом к Лемешовке и, сильно пнув сапогом ниже поясницы, сказал:

— Тикай! Борзо! Борзо!

В село пришли первые немцы. Семья Анащенковых в ту ночь не ложилась спать. Под утро в дверь осторожно постучались.

«Отец!» — подумал Вася.

Но перед ним стоил не отец, а незнакомый человек в разорванной гимнастерке.

— Не узнаешь? — спросил он. — Недавно ты меня молоком угощал. Я политрук Будаш.

— Товарищ политрук, вы ранены? — воскликнул Вася, при свете луны увидев окровавленный бинт, которым была перевязана левая рука Будаша.

— Где немцы? Их нет в селе?

— Нет. Ушли.

— Дай напиться поскорее, огнем горит всё. Еле отлежался.

Будаш тяжело облокотился о косяк двери.

— Немцев нет в Лемешовке, — повторил Вася, — заходите в хату.

Он снял с полки кувшин с мол жом и протянул его Будашу.

Жадно глотнув молока, Будаш оторвался от крынки.

— Дело важное есть, обсудить надо. Ты, Василь, парень боевой да еще и комсомолец… Пошли в сарай!

В сарае, положив рядом с собой пистолет, Будаш шепотом проговорил:

— Слушай внимательно! Пушка на позиции осталась… Ее до утра спрятать надо, чего бы то ни стоило… Прозеваем — немцам достанется. Понял?

— А разобрать ее можно?

— Что ты! Надо затащить ее в сухой ярок, завалить хворостом, понимаешь?

— Сколько лошадей надо?

— А у тебя их много? Двух хватит!

— Хоть две пары! Пасутся в лесу!

— Дело! До утра поспеть надо, Вася. Только чтобы никто не знал, понял? Жаль, что плохой я тебе помощник, — ранили меня. Боюсь — не управимся: без передка наша пушка.

— Передок от телеги можно взять, я разобрал одну и спрятал. Лафет шворнем с передком скрестим, а нет — веревкой прихватим.

— Умно, Васенька, молодец! — Политрук здоровом рукой обхватил подростка за плечи и прижал к себе.

Осторожно открыв скрипучую дверь сарая, Вася побежал куда-то во весь дух и вскоре пригнал двух колхозных лошадей, подпряженных к передку.

Через час раненый политрук и Вася уже были возле шляха.

— Далеко пушка?

— На позиции. Забыл, что ли?

Вася прислушался.

— Слышите? Машины!

— Не чую, шумит в голове, подождем немного.

Монотонно гудя моторами, по дороге прошли три грузовика. Пропустив небольшую колонну немцев, Вася и Будаш поскакали дальше.

Из-за тучи выплыл полный диск луны.

— Теперь, Вася, гляди лучше, воронки должны быть на том месте, бомбили нас.

Спешившись, они повели коней в поводу.

На пустынной поляне сиротливо стояло одинокое орудие. Подле него валялись ящики из-под снарядов, стреляные гильзы…

— Где бы укрыть ее понадежней? — спросил Будаш.

— В яру под Калиновкой. И лес хороший и близко, — указал Вася вдоль шляха назад, где проходила межа, разделявшая Орловскую область с Курской.

— Быть может, к твоему селу удобней? — усомнился Будаш.

— Наоборот, — возразил Анащенков, — пусть в Хомутовском районе. Калиновские не выдадут, если и заметит кто, Калиновка

и в гражданскую войну была партизанской. Хрущев из нее происходит родом.

— Никита Сергеевич? Он донецкий шахтер, Вася.

— А я говорю: земляк мой. И тоже был хинельским партизаном. Это всякому тут известно, а снаряды ваши закопаны в том же Калиновском лесу за сельской дорогой. Забыли вы, что ли?

— Ой же, дотошливый ты хлопчина, Василек. Подпрягай — да в яр Калиновский поскорее…

До восхода солнца успели вернуться в сарай.

Устроив Будаша на сеновале, Вася уснул крепким сном человека, выполнившего важное, задание.

Поздним утром парень взобрался на сеновал. Почерневший и осунувшийся Будаш стонал во сне, А когда проснулся, первый вопрос был о немцах.

— Четыре машины на краю улицы, — ответил Вася.

— Чердак захламить надо, — сказал Будаш. — Так, чтобы никакой черт сюда не полез.

Часа через три чердак был завален всяким хламом: конопляные снопы, старое корыто, улей, деревянная борона, разбитые корчаги, поломанные грабли и другая, доселе никому не нужная рухлядь вдруг оказалась полезной и ценной.

Вася вырыл в сене нору — запасный выход на случай налета немцев, запер сарай большим висячим замком.

С тех пор Вася строго оберегал тайну Калиновского леса. Всю осень провел он там под разными предлогами. Вставая затемно, он крадучись переходил Севский шлях, а прибыв на место, подолгу не расставался с лопатой: улучшал маскировку пушки и снарядных погребов. Несколько раз Вася чистил ствол банником, обильно смазывал его пушечным салом.

Однажды Вася заметил возле своих тайников малышей-пастухов; они жгли костры, разбирая с погребов хворост. Сердце его сильно забилось, но он не растерялся: поймал телушку и погнал ее на расставленные противопехотные мины. Телушку разорвало. После этого жители Калиновки и Лемешовки перестали ходить в лес. Вполне успокоился Вася только зимой, когда сковало морозом землю и выпал глубокий снег.

Вскоре фашисты превратили Лемешовку в волостной центр, появился старшина. Пришел отряд немцев. Село стало концлагерем, выход из него был запрещен под страхом расстрела на месте.

Будаш глухой ночью покинул село, решив скрываться в более безопасных местах. Уходя, он взял с Васи честное комсомольское слово о том, что тот не выдаст тайны никому, за исключением

советских командиров или партизан.

Такова история, рассказанная мне Васей Анащенковым.

На следующий день после нашего знакомства я выехал с Васей в Калиновскую рощу и привез новое противотанковое орудие, полный комплект инструментов оружейной мастерской, бидоны с ружейным маслом, коммутатор, четыре телефонных аппарата с катушками, кабель, упряжь, седла и прочее снаряжение батареи, сохраненное жителями села Калиновки. Снарядов оказалось более трех тысяч. Мы решили немедленно перевезти их в отряд. За это дело со всей пылкостью комсомольца-партизана взялся начальник боевого питания Василий Алексеевич Анащенков.

Первая группа состояла уже из трех взводов, сформированных по-военному: в каждом взводе четыре стрелковых отделения с ручными пулеметами. Помимо ручных пулеметов мы имели еще и станковые.

— Теперь мы сила, — воодушевленно говорил Дегтярев, когда мы закончили составление списка нашей роты, именовавшейся в целях конспирации группой.

Чтобы вооружить вновь поступающих в партизаны, мы организовали также поиски оружия в лесу. Райком обратился с призывом к населению. Хинельские пионеры помогли нам найти две немецкие пушки. У одной был разбит ствол, у другой раздавлен танком лафет. Из двух поврежденных орудий мы собрали одну прекрасную пушку.

И вот мы пробуем ее.

Мороз. На окраину поселка высыпали все эсманцы, хозяйки наших квартир и ребятишки. Сегодня у них праздник: партизаны пробуют новую пушку, которую сами же ребятишки и нашли!

Послушный винтам наводки, ствол плавно поднимается.

Все прячутся за деревья.

Ромашкин дернул за шнур. Блеснул язык пламени. Ударил выстрел. Ствол, отскочив назад, возвратился в исходное положение. Еще несколько выстрелив — полетела щепа от ствола старой сосны.

— Порядок! Экзамен сдан! — крикнул воентехник Кулькин, недавно принятый в отряд вместе с бывшим командиром противотанковой батареи лейтенантом Ромашкиным.

— Накат хорош, теперь нужно испытать ее под большим углом возвышения, — сказал Ромашкин, весело потирая замасленные руки.

Подошел капитан Гудзенко. Плотный, высокий ростом, в петлицах кавалерийской шинели красуются «шпалы», выструганные из сосновой коры, он рассмеялся:

— Повезло вам с этим Анащенковым! Только не пойму, как он ко мне не нашел дороги?

Рассмеялся и я:

— Наверное, потому, что комплектуетесь лишь военными!

Гудзенко поморщился. Будучи всю жизнь военным, он и в тылу противника хотел жить, что называется, «по уставу».

Смешными казались его требования носить командирские кубики и треугольники, выструганные из коры, и соблюдать в точности гарнизонные ритуалы в лесу, но Гудзенко был непреклонен и продолжал действовать по-своему.

Мы уходим в его теплую удобную квартиру, чтобы познакомиться ближе и побеседовать относительно его намерений.

На днях, при поддержке эсманцев и севцев, Гудзенко ликвидировал лемешовский гарнизон гитлеровцев. Это была крупная войсковая операция. Гитлеровцы сильно укрепились и отчаянно защищались, но после двухдневного боя были уничтожены. Успех дела решили гаубицы и атака ворошиловцев. Все оружие гарнизона и прочие трофеи достались партизанам.

Лемешовка была последним опорным пунктом гитлеровцев в окрестностях Хинели. Чтоб расширить наш партизанский край, нужно было теперь бить гитлеровцев далеко от нашей базы — за три-четыре десятка километров, Это и было предметом нашей сегодняшней беседы.

— По-моему, — сказал Гудзенко, — на очереди Хутор Михайловский.

Хутор Михайловский, крупная узловая станция на Московско-Киевской магистрали, был удален от нас на тридцать километров в западном направлении. От него шла дорога на Конотоп, на Брянск, другая железнодорожная линия связывала Ворожбу с воротами Белоруссии — Унечей. Хутор Михайловский прилегал к северной опушке Неплюевских лесных дач — естественному продолжению Хинельских лесов.

С этой станцией у меня были связаны и личные воспоминания. Всем, кому приходилось ехать в московском поезде на Киев, станция Хутор Михайловский, наверно, хорошо знакома. После утомительной езды через глухие и однообразные заросли лесов вы останавливаетесь ясным утром на уютной и веселой станции. Сквозь пышную зелень тополей и акаций вы видите белые хаты, золотистые шляпы подсолнухов, цветущие георгины. И не успеете вы сойти на перрон, как оживленно-веселая толпа женщин и девчат, одетых в расшитые сорочки, наперебой предлагает купить у них вишни, черешни, топленого молока, жареного куренка. Черноокая проводница или кондуктор

с висячими усами любезно сообщает вам, что стоянка двадцать минут, и если вы все еще не догадались, куда приехали, непременно подскажут:

— Отсюда начинается Украина!

Для меня Хутор Михайловский, помимо того, был еще и предпоследней остановкой перед моей второй родиной — городом Шостка, где я женился, где появился на свет мой сын Славик…

Об этом я рассказал капитану Гудзенко. Он тоже проезжал в мирные дни эту станцию и хорошо запомнил крупные сладкие вишни, которыми она славилась.

Хутор Михайловский знаменит был еще и тем, что там находился один из лучших рафинадных заводов нашей сахарной промышленности.

Гитлеровцы, заняв Хутор Михайловский, обратили территорию рафинадного завода в кошару — то есть в лагерь для военнопленных. Тысячи советских граждан и раненых воинов умирали в этом лагере медленной, мучительной смертью от истощения и жажды, сходили с ума. Каждый день гитлеровцы пачками расстреливали людей, выводя их за колючую проволоку.

С наступлением зимы оставшиеся в живых пытались спастись от холода в норах, вырытых ими на территории завода. Но гитлеровцы выгоняли всех на мороз. Штабеля трупов заполняли корпуса сахарного завода. Немногим свидетелям этого ада удалось вырваться и бежать в леса, к нам. Чтобы скрыть следы своих злодеяний, гитлеровцы облили бензином трупы пленных, сожгли их и обрушили на них заводские постройки. Лагерь был переведен в другое, более безопасное место. Отомстить гитлеровцам за их зверства было заветной думой каждого партизана.

«Да, на очереди Хутор Михайловский. Надо побывать там во что бы то ни стало!» — думал я.

— А что мы о Хуторе знаем теперь? — спросил я Гудзенко, имея в виду данные об оперативной обстановке.

— Почти все, что необходимо, — не спеша ответил Гудзенко. — Я уже собрал кое-какие данные. Там неполный батальон немцев. Богатый склад с оружием. На станции — эшелоны с военным имуществом. Есть смысл разгромить первое, захватить второе и уничтожить все остальное. Это будет ударом по магистрали и расширением нашей территории до Десны, до Новгород-Северского.

Гудзенко приподнялся, стряхнул пепел над пепельницей и сказал:

— Не сомневаюсь, что вы согласитесь пойти на Хутор, но как

отнесется к этому Фомич?

— Линия райкома известна: расширять партизанский край, и, конечно, Фомич согласится. Нужно привлечь к этому делу и Ямпольский отряд, хотя бы в роли проводников. Они должны знать и Неплюевские леса, и Хутор. Я поговорю об этом с Красняком.

— Только осторожнее! От местных людей иногда вред бывает из-за болтливости, — предупредил Гудзенко. — Успех нашей операции возможен только при абсолютной внезапности. Вот план, схема, — продолжал он. — Смотрите: гарнизон расквартирован вот в этих зданиях, в деревообделочном комбинате и заводоуправлении. Здания кирпичной кладки. Если подвести две гаубицы, то мы их развалим прямой наводкой. Вот сведения командира батареи. От опушки Чуйковского леса до казарм полторы тысячи метров. Отличный обзор и обстрел. Полная возможность стрелять прямой наводкой. Все расстояния измерены, завизированы, а цели привязаны к возможным огневым позициям.

Гудзенко с дивана пересел на стул и, пользуясь схемой, объяснил мне свой предварительный план операции.

Меня интересовало и беспокоило, сумеем ли мы поставить гаубицы на опушке, допустят ли нас туда немцы. Кроме того, я рекомендовал поставить гаубицы на лыжи. Гудзенко согласился со мною. Он сказал:

— Вы правы. Мои артиллеристы пока пользуются только подсанками, но это ненадежно. Завтра же начнем делать. За дубом здесь дело не станет, и кузница тоже своя.

Заводская кузница лесокомбината вместе со столярным цехом работала в три смены. Рабочие получали от партизан тройной паек хлебом и салом. Они ковали коней, оборудовали сани и даже ремонтировали оружие. Мастера отлично выполнили мой заказ, сработав для пушек лыжи с обоюдозагнутыми носами. Они привинтили лыжи к колесам пушек, подогнали вместо передков прочные подсанки со шворнем. В таком виде орудие мгновенно переводилось из походного положения к бою и способно было легко передвигаться по снегу вперед и назад; при переходе на походное положение достаточно было положить лафет на подсанки и пропустить через дыры шворень.

— Теперь подумаем об участниках операции, — сказал Гудзенко. — У меня три роты по шестьдесят и гаубичная батарея. У вас?

— Три стрелковых взвода, пулеметный и противотанковая батарея, — ответил я.

— А снарядов?

— Бронебойных пятьсот, осколочных — тысяча.

— Впрочем, вооружение даже не главное, — перевел разговор в старое русло Гудзенко. — Главное — действовать по-суворовски. Сам погибай, а товарищей выручай. Особенно важно помнить это теперь, когда мы будем действовать с вами вдали от лесокомбината.

Мы разработали с капитаном Гудзенко подробный план операций: начать артиллерийский налет в 7.00, выйти на исходное положение ночью; наши обозы должны были для этого пройти по бездорожью не менее 20 километров при особенно глубоком снеге в условиях малопроходимого леса.

При этом моя группа и часть ямпольского отряда должны еще были сделать по бездорожью обход железнодорожного узла и тем незаметно отрезать противнику отход на Ямполь и в Середино-Буду.

Переход для моего отряда казался непомерно трудным, но долгая зимняя ночь и добрые кони всегда содействовали партизанам.

— Теперь — о сроке, — сказал Гудзенко.

— В воскресенье, конечно, — отвечал я, подумав, — двадцать третьего февраля.

— Блестящая идея! Мы словно ознаменуем двадцать четвертую годовщину Красной Армии!

Глава VII
НА ХУТОРЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Группенфюрер Штумм — начальник отделения гестапо Хутора Михайловского — был, по его убеждению, представителем «высшей расы». Блондин, с воловьими глазами и выхоленным мясистым лицом, он со всеми вел себя надменно и нагло. Его видели всегда в сопровождении серо-бурого пса, помеси овчарки с диким волком, который верно охранял своего господина. Штумм был грозой и палачом лагеря военнопленных. После ликвидации лагеря Штумм пытался насадить в Хуторе и вокруг него полицию, но никто из рабочих и служащих не пошел к нему, и Штумм за это мстил населению. Он поставил себе целью ликвидировать в Хуторе не только советский актив, но и каждого, кто был патриотически настроен.

Утром 23 февраля Штумм был разбужен грохотом страшной силы. Ему показалось, что в его квартире разорвалась бомба.

Он наспех оделся, схватил автомат и спустился по лестнице. За ним последовала собака. Внизу у выхода Штумм отдышался, прислушался. Снаряды рвались рядом, на главной улице. По силе разрывов Штумм определил, что артиллерийский обстрел ведется из крупнокалиберных орудий.

«Неужели десант?» — подумал он.

Прижимаясь к стене дома, Штумм добрался до угла, глянул вдоль улицы: из дверей и окон казармы выскакивали солдаты. Они были без шинелей и пилоток, а некоторые и без оружия. Пожарное депо, где расположился артиллерийский парк гарнизона, уже загорелось.

Сильным прыжком Штумм перемахнул кювет, выскочил на пустырь и, проваливаясь по колено в снег, побежал вниз, к железнодорожным составам. Но оттуда, из-под платформ с автомобилями, захлопали винтовочные выстрелы. Штумм повернул вправо, к разрушенным корпусам завода, рассчитывая отсидеться в заводских подвалах, в тех самых страшных, зловонных подвалах, где он, Штумм, уничтожал русских. Собака, взвизгивая и лая, бежала за ним.

Но тут из-за темных, полуразрушенных стен поднялись солдаты в русских шинелях и двинулись боевой цепью в сторону станции. Отблески пламени горящих казарм освещали их лица. Русские бежали с винтовками наперевес. Звонкий голос выкрикивал команду. И сотни голосов ему отвечали:

— У-р-р-ра-а-а!

Штумм шарахнулся назад и побежал к виадуку, подгоняемый запевами рикошетов.

Вырвавшись на дорогу, которая идет в Ямполь, Штумм ускорил бег, стремясь обогнать немецких солдат. В нем еще не погасла надежда пробраться в село Юрасовку, в дом своего ставленника — старосты, напялить там на себя бабью юбку, закутаться платком и незаметно, неузнанным скрыться.

За виадуком на бегущую толпу немцев обрушился со стороны Юрасовки шквал снарядов и пуль. Тучи снега взлетали над дорогой. Немцы кинулись назад. На ровной, как стол, лощине им негде было укрыться. Сбитая с толку, никем не управляемая толпа побежала к проезду под рельсами железной дороги. Штумм, поддаваясь стадному чувству, тоже бросился туда, но станковые пулеметы с Юрасовского бугра достали немцев и здесь. Штумм в отчаянии полез на крутую насыпь, и сорвавшись, полетел в обшитый досками кювет. Сбросив на ходу шинель, он вбежал в коровник и забился в темный угол.

Коровник окружили русские, крича: «Сдавайся!»

Штумм быстро сбросил мундир с приколотым к нему железным крестом, спрятал его под кормушкой, втоптал в навоз «вальтер» с кобурой, а заодно и документы. Неторопливо подняв руки, он вышел из коровника и, умышленно ломая родную речь, сказал:

— Их бин зольдат, их бин шофер, шофер, механикер.

— Врешь! Ты русский язык знаешь! — кричит человек с карабином в руках. На Штумма в упор глядят сухие, горящие ненавистью глаза.

Силы изменили Штумму. Он сел на порог коровника. Его собака бросилась на русского солдата, тот уложил ее выстрелом.

Штумма повели на КП, расположенный на пригорке в Юрасовке, напротив виадука.

У меня нет времени долго заниматься разговором с этим гестаповцем.

Штумм силился купить снисхождение подобострастной улыбкой. Он даже не понимает, в чьи руки попал. Он убежден, что партизаны — это те, кого он вылавливал при помощи предателей поодиночке, что партизаны не могут иметь артиллерию и не способны драться против регулярных частей немецкой армии.

— Значит, сегодня партизаны обманули ваши ожидания, господин группенфюрер, — говорю я ему.

Я потребовал от Штумма набросать схему его замысловатого заячьего маршрута от квартиры до моего КП, чтобы установить, насколько верно и точно осуществлен план операции и как ведут

себя в подобной обстановке группенфюреры. Выяснив всё это, я сказал ему, не скрывая презрения:

— Вами, бесспорно, руководил только животный страх.

И, передав группенфюрера в распоряжение Колосова, я занялся делами, от которых меня оторвал пленный.

В бинокль я отчетливо вижу картину боя. На опушке Чуйковского леса стоят гаубицы, они уже не стреляют по Хутору, а перенесли огонь на Ямпольскую дорогу, на юг, куда через поле стремятся вырваться разрозненные группы немцев.

Налево полыхает пламя: горят вагоны, стоящие на платформах автомобили и штабеля автопокрышек. Запах резины доносится на КП, клубы черной копоти застилают хутор. Это работа Сачко и его взвода. На центральной улице пылает пожарное депо, рвутся снаряды артиллерийского склада. Ворошиловцы подходят к казарме. Какой-то всадник во весь опор мчится от лесной опушки к заводоуправлению. Вглядевшись, я узнаю в нем Гудзенко. От виадука и вправо вдоль насыпи железной дороги на Ямполь всё еще перебегают одиночные фигуры немцев.

Стрельба постепенно редеет…

…К девяти утра выстрелы на Хуторе прекратились. На улицах показался народ. Гудзенко прислал мне записку:

> *«Хутор занят, противник разбит. Организую разрушение станции и эвакуирую в лес захваченное в складах. Прошу прочесать местность и поле боя от Юрасовки до заводоуправления. Ямпольский отряд следует держать в заставе на шляху Хутор — Ямполь».*

Собрав командиров, я определил им полосы для прочёски, а сам выехал на Хутор к заводоуправлению, куда и должны были собраться после прочёски все подразделения.

Смрадный чад дымившихся на платформах автопокрышек, автомобилей и еще чего-то, что составляло военный груз нескольких составов, разносился по всему Хутору. Пылало пожарное депо — арсенал гитлеровцев. Партизаны сквозь огонь вытаскивали оттуда оружие. Вокруг депо я насчитал две пушки, десятки ручных и станковых пулеметов. Винтовки грудами лежали на улице.

Там же, во дворе депо, в специальном складе был найден большой запас мин, снарядов, патронов.

Люди толпились возле продовольственных складов и уходили оттуда с тяжелыми ношами. Жители наперебой приглашали нас к себе, подробно расспрашивали о положении на фронте. На улицах появилась молодежь, послышались смех и звуки

гармоники.

Сквозь толпу к помещению деревообделочного комбината вели под конвоем гестаповца Штумма. Справа, чуть отделившись, шел сержант Колосов.

— К стенке его, гадюку, к стенке! — требовали партизаны и женщины.

Штумм хныкал, припадал на колени и до хрипоты в горле молил о пощаде.

Но его пресмыкающийся вид еще более накалял ярость толпы. Конвой был оттеснен возмущенными партизанами и населением.

— Сюда, сюда! Эсманцы лагерного волка ведут! Поймали гада! Давай его, давай!

Оскалив зубы а вращая дикими глазами, он закричал не своим голосом:

— Не убивайте!..

Разъяренная толпа на мгновенье отшатнулась. В этот миг Штумм изловчился и кошкой перепрыгнул через палисадник. Он сделал еще два-три прыжка и скрылся за углом дома.

— А-ах, сволочь!

— Держи! Ушел! Ушел!

Все кинулись в погоню. Захлопали торопливые выстрелы, а Штумм, как затравленный волк, летел вдоль домов и палисадников, сверкая голыми ногами.

Двое ворошиловцев вскочили на коней и галопом ринулись за убегающим.

— Прекратить стрельбу!

Беглец повернул в поле и с удвоенной прытью пошел через глубокий снег, взбивая белые комья: не далее как в километре, за небольшим бугром, беглец видел синеватую опушку леса — свое спасение. Он мчался с поразительной быстротой.

Конники отстали.

Но с пригорка беглец увидел в лесу наши обозы и круто повернул вправо. Снова набрав скорость, он помчался в обход Хутора, по гребню бугра, обстреливаемый из сотни винтовок.

— Вот сволота! — кричали партизаны. — Неужели уйдет?

— Пулеметы к бою! — крикнул Анисименко.

В один миг на снежной косе появился станковый пулемет. Он тотчас застрочил, и видно было, как пули взбивали снег возле беглеца.

— Прибавь… Прибавь!.. Недолет, — приговаривал Сачко, корректируя огонь.

Колосов схватился за рукоять «максима», и гестаповец, взмахнув широко руками, плюхнулся на снежное поле.

К убитому побежало человек десять партизан.

Жители Хутора облегченно вздохнули. Веселье, временно прерванное, возобновилось с новой силой.

На станции партизаны грузили на подводы патронные ящики, снаряды, минометы, мины, ружья, пулеметы.

Сотрясая землю, начали рваться артиллерийские снаряды ненужного нам калибра; закачавшись, точно дерево от сильного ветра, повалилась водокачка, упала на землю и рассыпалась; рвались толовые шашки на стрелках: Хутор отмечал свою победу над гитлеровским гарнизоном.

Однако на этом операция на Хуторе Михайловском не закончилась. Немцы, узнав о происшедшем, решили проучить партизан.

Из Ямполя сообщили гебитскомиссару Линдеру, что нескольким солдатам удалось прорваться сквозь партизанские заставы в Ямполь; солдаты говорили, что в Михайловском разыгралась «трагедия», гарнизон разгромлен на́голову, военные склады и стоявшие в тупике эшелоны стали добычей партизан. Немного спустя поступили запоздалые донесения разведки. Оказалось, что еще ночью «неизвестный вооруженный отряд, передвигавшийся более чем на трехстах подводах», прошел через село Родионовку и втянулся в Неплюевский лес по дороге на Чуйковку — к Хутору Михайловскому. — Следует полагать, — добавил комендант, — что отряд шел из Хинели.

Через полчаса обер-лейтенант Герман в городе Шостке слушал приказ Линдера, передаваемый открытым текстом по телефону.

Верный долгу службы и помня директивное указание генерала Неймана, Линдер диктовал в телефонную трубку:

> «Требую, чтобы не позднее, как через четыре часа злоумышленники были наказаны, а захваченное ими вооружение и военное имущество возвращено. Положение в Михайловском Хуторе должно быть восстановлено. С этой целью всеми наличными силами ямпольского гарнизона необходимо атаковать партизан в Михайловском, а отряду обер-лейтенанта Германа немедленно выехать из Шостки, стать на пути отхода партизан и уничтожить их из засады в районе деревни Родионовки».

В Середино-Буду был передай приказ не допускать отхода партизан, в северном направлении к Брянскому лесу.

Записав приказ Линдера, Герман положил блокнот в боковой карман кителя, и через час рота Германа была уже в Свесе, в

рабочем поселке, приютившемся на южной опушке Неплюевского леса.

Оставив буксующие в сугробах автомашины, Герман с двумя взводами солдат ускоренным шагом поспешил к Марчихиной Буде. Тут ему удалось посадить своих солдат в сани и быстро занять деревню Родионовку. Окруженная со всех сторон лесом, Родионовка приткнулась северной окраиной к возвышенному берегу реки Ивотки. За крутым спуском к реке сразу же начинался Четвертиновский мост — очень длинное деревянное сооружение. Лес отступал от реки метров на восемьсот, и всё болото, вытянувшееся вдоль Ивотки, представляло собою чистую белую поляну, лишенную какой-либо растительности. Мост и плотина, длиною примерно в триста метров, и ровное, покрытое снегом болото были местом, где Герман рассчитывал снять обильную жатву.

Замысел обер-лейтенанта состоял в том, чтобы пропустить через мост большую часть партизанской колонны, а затем, открыв отсечный огонь по ее хвосту, расстрелять остальных в упор, на мосту и за мостом. Было очевидно, что успех задуманного разгрома партизан зависел от дисциплины и плотности огня. Поэтому Герман, сосредоточив все свои пулеметы на опушке маленькой сосновой рощи и желая самолично управлять огнем каждого пулемета, разместился тут же на опушке.

В ожидании подхода партизан обер-лейтенант измерил расстояние, назначил каждому пулемету рубежи и секторы для обстрела, проверил прицелы, а потом, не видя противника, предался обозрению ландшафта.

Прикладывая к глазам бинокль, Герман оглядывал дремлющие голубоватые дали.

И то, что открылось взору обер-лейтенанта, напомнило ему окрестности небольшого восточно-прусского городка Гросс-Скайсгирена, где он родился и провел детские годы.

Как много раз любовался он в детстве синевой лесов, уходящих к Балтийскому побережью. И как страстно мечтал владеть теми вечнозелеными хвойными лесами, которые там, у далекого Гросс-Скайсгирена, принадлежали могущественному магнату Герингу. Да, тому Герингу, который в глубине лесов под Тильзитом выстроил так называемые охотничьи дачи, оборудовал их механизированными стрелковыми тирами и содержал в них тайно от рейхстага коричневые легионы, те легионы, которые сожгли на заре гитлеровского восхождения рейхстаг и уже завоевали с фюрером почти полмира.

Объятый тишиной, Герман долго любовался сказочным нарядом лесов и, конечно же, мечтал о подвиге, который

совершит он сегодня и который проложит ему путь к богатству, к славе…

И как знать, быть может, Герман надеялся втайне, что после победы над Россией фюрер вспомнит о верноподданнической службе обер-лейтенанта и наделит его в этом благодатном крае лесной дачей…

Герман любовно оглядел пышный, бодрый, ощетинившийся и сверкающий на солнце молодой сосенник. За ним возвышались могучие лапчатые ели. Далее кудрявый дубняк, за поймой Ивотки снова плотные массивы лиственной породы, а на горизонте вправо, влево и вдаль простерлась туманная синева, подпираемая бронзовыми стволами стройных сосен.

Опустив бинокль, Герман посмотрел влево. Рядом, на соседнем холме, возвышаясь над поясом молодого ельника, стояла веселая рощица из березы. Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь покрытые наледью ветви, искрились радужными огоньками.

Лейтенант прищурился и перевел взгляд ниже, на густо зеленеющую посадку ельника, и уловил в ней чуть приметное движение. «Кто там?» — инстинктивно хватаясь за кобуру, крикнул он.

Из кустов ельника ударили пулеметной очередью. Подсеченные пулями ветки посыпались на снег. Над сверкающей поляной раздалось грозное русское ура.

Стрельба была слышна еще где-то левее, в тылу расположения засады эсэсовцев.

Как налетевший ураган гнет и выворачивает с корнем деревья, так согнул и повалил противника внезапный, решительный удар народных мстителей. Пораженные фланговым огнем и опрокинутые атакой с тыла, гитлеровцы искали спасения в глубине маленькой рощи. Неорганизованный огонь и в лесу уже не мог изменить положения. Эсэсовцы пустились бежать через поля, преследуемые прицельным огнем тех, кому они готовили засаду.

Скоротечный бой у Четвертиновки закончился, как и в Михайловском, полной победой партизан.

Обер-лейтенант Герман — чернявый, высокого роста молодой человек, с разбитым плечом, двое его офицеров и полтора десятка солдат были взяты в плен. Семь пулеметов, автоматы и винтовки, пистолеты, два миномета и нерасстрелянный запас патронов — всё это досталось нам.

В штабе Гудзенко на лесокомбинате обер лейтенант Герман рассказал о переполохе немецкого командования и организации засады. У него отобрали записную книжку с приказом

гебитскомиссара Линдера и схемой-наброском засады у Четвертиновки. Все пленные были отборными головорезами, в новом, безупречно чистом обмундировании, с эмблемой карателей на нарукавных шевронах: черепом со скрещенными костями.

Герман так и не узнал, в чем заключалась «тайна» позорного его разгрома. А дело обстояло просто.

В домике лесника, в так называемой Четвертиновской даче, которая стояла среди сосен, сразу за мостом, еще с вечера дежурил мой наблюдательный пост. Предполагая, что фашисты устроят засады против нас в столь опасном месте, как четвертиновская переправа, я оставил там Гусакова, Пузанова и Коршка да еще местного партизана из ямпольцев — лесника, хозяина Четвертиновской дачи. Жена лесника уехала гостить к матери в Родионовку, там и ночевала.

Рота Германа еще только собирала подводы в Марбуде, а мы уже получили первое донесение с Четвертиновской дачи.

Не доехав двух километров до Четвертиновки, мы остановили в лесу обозы. Вызвали лесника, который знал здесь каждый куст и каждое дерево. Это он, лесник, и его жена организовали контрудар по засаде обер-лейтенанта войск СС Германа, они и были той «тайной», которая предопределила гибель фашистов.

Забрав трофеи, мы уже без особых мер предосторожности быстро поехали в Хинель.

— Теперь гульнуть надо. Да так, чтобы Хинельскому лесу любо было! — воодушевляясь, сказал Сачко, когда показались дома лесокомбината.

— Заслуженно, — согласился Гудзенко, — отметим сегодня день Красной Армии как полагается, по-русски!

— Отметить следует, и есть чем, — заверили меня Митрофанов, командир третьего взвода, и Ромашкин. Они молча похлопали по корзине, из которой торчали бутылочные головки.

* * *

Нас ждали с нетерпением.

Лесокомбинат сиял электрическими огнями, когда мы подъезжали к нему. Все население высыпало на улицу. Все знали, что операция удалась, добыты богатые трофеи, захвачены в плен эсэсовцы и что во всех отрядах готовятся вечеринки.

Возле моста, на возвышенном берегу Сычевки, пылали костры, озарявшие могучие стволы сосен. Это Фисюн «смалил» кабанов. Восемь рослых парней держали на жердях огромные

свиные туши, высокое пламя слизывало шерсть. Потрескивала щетина. У соседних костров грели воду, которой ошпаривали опаленные туши, потом скребли их большими ножами, после чего протирали начисто жгутами из свежей соломы. Немного далее на снегу ярко желтели готовые свиные туши.

— Принимайте трофеи, Порфирий Павлович, — говорю я Фисюну.

— За́раз, капитан, зроблю хлопцам вечерю; наготуем холодец и подадим сало, а трофеи командир сам примет.

Анисименко встретил меня на улице, поздравил с успехом и сообщил, что у Фомича идет совещание с гостями — подпольщиками из Хомутовского, а также северных районов Сумщины. Передав командиру отряда обоз и новых партизан, я отправился на квартиру, Дегтярев ждал меня, и я видел, что он страдал не столько от ангины, сколько от того, что не участвовал в таком важном деле.

— С праздником, комиссар, — поздравил я Дегтярева и вручил ему изящный «вальтер» и документы Штумма. — Подарок от сержанта Колосова, а это вот — от нас с Николаем.

Я положил перед ним несколько пачек сигар, трофейный бинокль и часы.

— Спасибо. Поздравляю и вас! Какой замечательный день, а я лежу, и вся душа изболелась, — выдавливал он хриплым голосом. — Потери большие в группе?

— Все живы, Терентий Павлович. Все! — радостно произнес вошедший Баранников, — Ранен Ромашкин в ногу, Михаила Ивановича царапнуло, да меня в руку садануло, а ворошиловцы не то трех, не то двух потеряли… Но зато немчуре досталось! Косили их хлестко: будто снопов в поле наложили…

Дегтярев повеселел. Он закурил сигару и, щуря глаза от дыма, спросил:

— Как же это вас ранило?

— В Юрасовке, Терентий Павлович, когда она уже была занята нами, я допустил неосмотрительность, — приступил я к рассказу, направляя трофейную бритву. — Позиции для станковых пулеметов выбирал… Со мной Гнибеда, командир ямпольцев. Он, видишь ли, увлек меня в поле, заверил, что где-то совсем рядом «дуже гарный горб, с якого Михайловская станция як на ладони». Идем без дозоров, и вдруг впереди подвода. Патруль немецкий. Кричит: «Хальт! Пароль». Я только успел крикнуть: «Ложись!» и рванул за рукоять десятизарядку. А место ровное, голое, снег ветром согнан. Ни кювета, ни дерева… «Огонь! Огонь!» — кричу я Гнибеде и первым стреляю в подводу.

— Эх вы, забубенные головушки, разве можно так

рисковать! — перебил меня Терентий.

— Да, беспечно вышло, ты прав. Слева от меня Баранников, он замахивается гранатой, но в это время немцы дают пулеметную очередь, — у меня сорвало шапку, Я прижался к земле. Снова очередь, и комья земли бьют меня по лицу. Больно ударило в подбородок… Потом ранило Баранникова. «Стреляй из автомата!» — кричу Гнибеде, а тот жмется ко мне и говорит:

— Не стреляет, чертяка, замерз!

Я еще выпустил очередь, потом вставил последний магазин… Счастье, что фашисты отошли, завидев, должно быть, наши отряды. Остался от них убитый конь да заклиненный пулемет на подводе.

— Как думаешь, комиссар, красота нужна партизану или он и так хорош? — спрашиваю я, рассматривая себя в зеркало. — У меня, брат ты мой, на подбородке ямочка будет!

— Вы всё шутите, Михаил Иванович! — оживило Баранников. — А я вот думаю, что Суворов правду сказал: пуля — дура! И как она вас ударила? Вы ведь лежали в то время?

— Для рикошетов закон не существует! Думаю, что от удара о дорогу получился один рикошет, а от моего подбородка — другой! И смерть только шмелем пропела! А вот шапке досталось… И пробита, и растрепана. Меняемся, что ли, Коля?

Николай засмеялся:

— Да вы с Терентием Павловичем поменяйтесь, а моя вам мала.

— А комиссар, что же, клочья носить будет, что ли?

— А на что им шапка? У них на голове словно черная овчина, вся кольцами повитая.

Мы смеемся.

— Я, Михаил Иванович, как поправлюсь, новую вам шапку оборудую, барашковую, знаете, такую — чапаевку? Мастер один есть, так он для вас сделает! — утешал меня Баранников.

Дегтярев укоризненно качает головой.

Покончив с туалетом и оставив Дегтяреву список трофеев, я вышел во двор. На небе мерцали крупные звезды. С той стороны, где жили ворошиловцы и ямпольцы, доносились песни, из квартир третьего взвода — звуки гармоники. Я направился туда на ужин.

В приоткрытую дверь я увидел Коршка, Пузанова, Троицкого и кое-кого из молодых кадровиков. Они с любопытством разбирали трофейный пулемет. Он был заклинен ударом пули, но Кулькин уже успел устранить вмятину на кожухе и теперь показывал партизанам, как с ним следует обращаться.

Коршок, склонившись курчавой головой над магазинами,

тыкал пальцем в какую-то часть.

— Что это за барабанчики?

— Там металлические ленты с патронами, — пояснил Кулькин, — а вставляются они вот так.

Он показал, как вставляются ленты.

Коршок, напряженно сдвинув брови и выпятив по-детски губы, внимательно следил за движениями Кулькина.

— Тебе с ним не справиться, — смеясь говорит Кулькин Коршку, — тяжел для тебя. Пулемет этот у них универсалом зовется: он и ручной и станковый. Только тяжелый очень, втрое тяжелее нашего ДП. Му́ка с ним одна!

— Все равно справлюсь! — упорствовал Коршок.

— Его хоть на дно моря пусти, он и там пулеметчиком будет, — похлопал Коршка по плечу Пузанов.

На кухне гремели рогачи и сковородки, звенела посуда. Хозяйка и две соседки готовили ужин. Шестнадцатилетняя дочь ее челноком моталась из кухни в столовую и обратно. Увидев меня, улыбнулась серыми лучистыми глазами.

— Здравствуйте. Раздевайтесь… Белецкая Нина, — и смело подала маленькую руку. Помолчав, сказала: — Я хочу сестрой быть, товарищ капитан. Примете меня? Справлюсь, честное комсомольское! Не верите? — Она вскинула густые и длинные ресницы. — Я уже и экзамены сдала. Вон посмотрите, как я вашего Баранникова перевязала.

Нина приоткрыла дверь в комнату, где находились собравшиеся гости. Они заразительно хохотали.

— О-го-го-го! Ей-бо! Ладно брешешь!

Я остался возле полуоткрытой двери. В комнате сидели — кто за столом, кто на кровати: командир взвода лейтенант Сачко, Петро Гусаков, командир 1-го взвода Прощаков и Баранников. Лесненко устроился на подоконнике.

Баранников, откашлявшись после смеха, говорит:

— Ну, давай дальше!

Сачко, взъерошив свой чуб, вполголоса продолжает:

— Живу я день, живу два, приглядываюсь: паскудная же она какая. До тошноты… и старше меня лет на тридцать!.. Пока у меня рожа-то перевязана была, кое-как сходило, а как повязку снял, стала глядеть такими глазами, что сил нету. Я и сяк и так… Говорю, болен, Кузьмовна, я… А она лезет… Втюрилась, как кошка… А староста и говорит: «Вот тебе невеста!»

— Ой, горечко!

— Ха-ха-ха! — снова захохотали гости.

Сачко затянулся, выпустил синее кольцо дыма, повернулся к свету. Мне хорошо видно его красивое смуглое лицо, яркие с

хитринкой глаза, крепкие белые зубы, копну темных волос, ветвистый шрам от угла рта до уха.

Сачко был в армии помощником командира роты, участвовал в боях под Новгород-Северским, где и получил тяжелое ранение.

— Ну, а спали як же? — нетерпеливо допытывается Гусаков.

— Спали на одной кровати, — продолжал Сачко. — Она с краю, а я у стенки, спиной к ней. Она то ручкой за шею, то за голову, то еще как и говорит: «Чего же отвернулся?» Я выкручиваюсь, кажу — контужен. Только на левом боку спать могу… «Так ты, — говорит, — переходи сюда, на мое место…» А там, кажу я, совсем с кровати свалиться могу. Поняла она мою политику. Укорять стала. И борщ со сметаной вспомнила, и самогон, и жареного куренка, которым угощала. И старосте пожаловалась: «Лежит как пень. Не пригорнет до себя». А я думаю: «Чертяка бы тебя, стару ведьму, пригорнул!»

Тут пан староста як почнет кричать: «Ты, каже, для чего дивчину позоришь? Почему законным порядком не оженишься?» Аж посинел весь от злости. «К венцу, — кричит, — собирайся, к попу! В церкву!..»

— Ох-хо-хо!

— Кумедия!

— Ну и добрый же ты бр-р-ре-хун, Сачко, ей-богу!

— Ну, а к нам как попал? — давясь от смеха, спросил Николай.

— А просто. Не успел хозяин попа позвать, как до него прискакал соседний староста и каже: «Беда! В Хинели партизаны!» Ну, я за кожух — и поминай как звали!

— И с Кузьмовной не распростился? Не поблагодарил?..

Не дослушав его уморительного рассказа, я вышел из комнаты и направился в столовую. Там по-хозяйски встретил меня чувствовавший себя героем дня лейтенант Ромашкин, Немецкая пуля повредила ему на ноге два пальца. Припадая на обутую в калошу ногу, Ромашкин дружески обнял меня и ввел в комнату.

— Внимание, внимание, Тринадцатая армия! — воскликнул он. — Слушайте! Товарищ капитан, Михаил Иванович пожаловал!

Мужские и женские голоса встретили меня приветственными возгласами:

— Просим! Просим!.. Сюда, товарищ капитан, к нам!

— А мы думали, что вы у ворошиловцев гостить будете, — вот хорошо, что пришли? — сказал командир третьего взвода Митрофанов, — язык его уже заплетался.

— У вас что-то уж здорово роскошно, — заметил я, оглядывая богатое убранство стола.

— Товарищ капитан, не подумайте, что самовольно: Порфирий Павлович разрешил. Вот он сам здесь.

— За хорошую работу хлопцам дозволено по большой! — прогудел Фисюн, сидевший в углу с Анисименко.

— Но вы, кажется, уже начали, — сказал я, садясь за стол.

— Точно, товарищ капитан, точно! А вот познакомьтесь, — Елена Павловна. Это моя… Мы вместе решили быть. Она лечила и укрывала меня у матери в Демьяновке. Мы подружились, — Митрофанов засмеялся. — Она из Прибалтики, в отпуск приехала, войной тут застигнута. Муж тоже военный, погиб в первые же дни…

— Она партизанка? — спросил я.

— Нет, только погостить приехала.

Молодая женщина в темном, цвета бордо, хорошо сшитом платье подала руку и, чуть опустив глаза, сказала:

— Лена… Рада случаю…

Я сел возле нее слева, Сачко поспешил подсесть к женщине с другой стороны. Моя новая знакомая невнятно произнесла:

— Рада случаю познакомиться, но… признаться… немножко робею…

Я уловил в ее глазах насмешливый огонек, говоривший скорее о том, что она как раз не из робких.

— Я не кусаюсь, — сказал я.

— Мой Сеня, — она поглядела на Митрофанова, — не раз говорил мне о своем строгом, бессердечном командире, — продолжала она, потупившись.

— Почему бессердечном?

— Как же, вы запретили ему ходить на блины к демьяновской теще. Скажите, капитан: строгость — это неизбежное зло и у партизан?

— Дисциплина.

— Но ведь партизаны все-таки не армия!

— Вы ошибаетесь, партизаны — это тоже армия, — сухо сказал я.

Митрофанов, вооруженный штопором, тем временем откупоривал бутылки, срывая золотистую фольгу с горлышек. Хозяйка дома и Нина ставили на стол жаркое, капусту, ветчину. Фисюн наполнял стаканы. Он тоже был навеселе. Его большие серые глаза слезились.

— Хлопцы, — говорил он, — сидайте вси. Проходьте за стол. Выпьем все разом за дело народное. За армию нашу рабоче-крестьянскую.

Все поднялись и чокнулись, кто-то крикнул «ура!». Все выпили и приступили к закуске.

Елена игриво и кокетливо посмотрела на Сачко. Поправив высокую прическу, она спросила:

— Вы не боитесь женщин?

Сачко хитро мигнул Бродскому и, смеясь, ответил:

— Ой, як припомню Кузьмовну, страшно робится!

Бродский и Лесненко расхохотались.

— А вы? — Елена обернулась ко мне.

Ромашкин, успевший захмелеть, объявил во всеуслышание:

— Я восхищен Еленой Павловной! Это обворожительная женщина! Она будет врачом в отряде!

Я с удивлением посмотрел на свою соседку.

— Вы — врач? Нам нужны врачи, как воздух!

— В отряд идти я не могу, — решительно заявила Елена. — Как врач я нужна армии, фронту…

— Странно и непонятно, — сказал я.

Перед концом ужина появился гармонист, в далеком углу кто-то умоляющим голосом просил:

— Ниночка… душка… один вальсок!

Я вышел во двор. Пахнуло лесной свежестью. В черном голубом небе горели лучистые звезды. В конце улицы, там, где расположился Ямпольский отряд, звенели наковальни: ездовые собрали местных кузнецов, и они ковали коней.

В квартире Гудзенко сняла люстра. Там тоже веселились. Я направился к его дому. Окна всех квартир поселка были освещены, на улице и по дворам слышался оживленный говор, группы партизан стояли тут и там, попыхивая цигарками, слышались смех и шутки. Люди радовались близкой весне, своей силе.

На улице появился обоз, впереди ехал всадник.

— Кто едет? — не различая лица верхового, окликнул я.

— Анащенков! — с важностью ответил боец, узнав меня по голосу. — Везу снаряды.

Вася остановился и не без гордости заявил:

— Сейчас около тридцати возов да до обеда привезли двадцать, а считая от начала, не менее двух с половиной тысяч доставили!

Лемешовские жители вот уже вторую неделю перевозили содержимое анащенковых складов. Сам Анащенков, разъезжая на своем мохнатом меринке, руководил этим делом.

— Да, партизаны — тоже армия, — вслух произнес я, вспомнив Елену Павловну.

Глава VIII
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ШТАБ

Всю неделю Фомича посещали новые люди. Многие из них, соблюдая конспирацию, приходили на лесокомбинат вечером, а к ночи уже уезжали, другие, наоборот, задерживались на день-два, приводили себя в порядок, а потом, сопровождаемые хорошо сколоченной группой, исчезали. Фомич кропотливо насаждал подпольные организации по селам, настойчиво искал связей с партийными центрами в соседних районах.

В начале марта лесокомбинат посетило человек пятнадцать военных. Все на резвых конях, вооруженные автоматами и клинками, одетые в длинные шинели, они появились на улице в середине дня. Впереди ехал стройный, лет двадцати шести красавец. Лихо неся на плечах голубой башлык и заломив над чистым розовым лицом кубанку с малиновым верхом, он на ходу знакомился со встречными, добродушно со всеми подшучивал, и уже через четверть часа хинельские партизаны знали, что это старший лейтенант Покровский, командир нового отряда ворошиловцев.

Собранный почти весь из военнослужащих, временно проживавших в курских селах, отряд Покровского начал действовать накануне двадцать четвертой годовщины Красной Армии и уже утром, то есть двадцать третьего февраля, стоял в районном центре Курской области, в Хомутовке. Изгнав гитлеровцев из района, Покровский в течение нескольких дней сколотил батальон. Пятьсот бойцов, двадцать станковых пулеметов и две пушки обрушили свой огонь на гитлеровцев. Немецкие гарнизоны были загнаны в город Льгов, который находится в восьмидесяти километрах от Хинели.

Покровский гостил у нас часа два. Целью его приезда было установить связь и взаимодействие с другими отрядами и получить свежие данные о противнике.

Покровский обратился ко мне с просьбой обменяться снарядами. Оказалось, что он захватил у немцев большое количество снарядов, но не имел немецкой пушки. У меня много было русских и очень мало немецких снарядов. Порешили на том, что я передам немецкую пушку Покровскому, а он даст мне русскую.

На следующий день после отъезда Покровского в лесокомбинат приехал другой видный руководитель партизан.

Придя утром к Фомичу, я застал у него высокого, лет под

сорок, человека. Бледное, продолговатое лицо с длинным, чуть сгорбленным носом, сильным подбородком, строгая сдержанность в манерах делали этого человека заметным и отличали от других.

— Сабуров, — сказал он, подавая мне руку.

— Командир отряда, — добавил Фомич, — он только что из Брянского леса.

Сабуров прибыл к нам для установления связи. Из его скупых сообщений мы узнали, однако, очень многое.

— Имею хорошо вооруженный отряд, — говорил Сабуров, — организовал в двадцати деревнях самооборону. Районный центр Суземка, как и весь район, от гитлеровцев свободен. Брянский лес в этом районе для немцев недоступен.

Сабуров помолчал, раздумывая, а потом тихо добавил:

— Имею радиостанцию и постоянную связь с центром, с Москвою…

Последнее сообщение подействовало на нас сильнее всего. Мы мечтали о том, чтобы установить связь с Большой землей, и не могли себе в то время представить, что где-то вблизи есть партизаны, ежедневно связанные со столицей. Это казалось тогда настолько необычайным и замечательным, что Сабуров сразу вырос в наших глазах. Однако Фомич не терялся. Ему также было чем блеснуть перед столь необыкновенным гостем. Развернув карту, он начал говорить:

— Мы занимаем, — Фомич ткнул карандашом в карту, — Эсмань и Хомутовку. Наши силы: два Ворошиловских отряда, отряд Красняка, Севский, всего до двух тысяч, хомутовцы уже имеют до двух сотен партизан, а мой Эсманский состоит из трех групп, каждая по две сотни… Успехи налицо: мы блокировали Севск, Ямполь и Середино-Буду. Наши отряды контролируют по крайней мере половину Глуховского, Льговского и Канышевского районов. Подступы к Хинельским лесам, — продолжал Фомич, водя карандашом по карте, — оберегают тысячи партизан. Я прошу вас, — повернулся он к Сабурову, — сообщить об этом в Москву, Центральному Комитету партии.

Справляясь со своей картой, Сабуров делал на ней пометки, записывал фамилии командиров.

В тот же день он уехал, сказав, что отряд его в настоящее время находится в глубине Брянского леса, севернее Суземки. Сведения, полученные от Сабурова, имели для нас большую ценность, — они раздвинули наш горизонт еще на сотню километров. Отрадно было сознавать, что и у нас, партизан, имеется нечто вроде тыла, в виде партизанского края в крупных лесных массивах.

— Силы наши растут, — выражая волновавшие всех нас чувства, сказал я Фомичу, когда мы распрощались с Сабуровым.

— Да, это — начало массового партизанского движения, к которому призывает нас ЦК партии, — сказал Фомич, и глаза его молодо загорелись.

— Необходимо еще больше усилить партийную работу среди населения, неустанно поднимать людей на вооруженную борьбу, ликвидировать опорные пункты врага в Глухове и в Севске, расширить наш край на юг. Мы сможем и должны создать партизанский фронт от Конотопа до Брянска?

Фомич взволнованно шагал по комнате, развивая свой замысел, и я видел, что именно об этом он говорил с теми, кто приходил к нему тайно на лесокомбинат в течение всего февраля.

Фомич посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— И вот, Михаил Иванович, пришла мне в голову такая идея — как вы на это посмотрите? Нам необходимо создать объединенный штаб. Он возглавит и соединит разрозненные усилия партизан и решит задачу борьбы с немецкими гарнизонами. Что вы скажете об этом, Михаил Иванович? Говорите то, что думаете.

Нам никто не мешал, и мы могли говорить о самом сокровенном.

— Фомич, — сказал я, — по всему видно, что ваши связи с подпольным обкомом, с ЦК Украины оборваны… Мне кажется, что вам нужно взять на себя руководство подпольем не только в своем и в соседних районах, но и всей области. Что же касается меня, то не пора ли мне формировать полк, а может быть, и дивизию?

— Оно верно, — согласился Фомич, — но как созвать партийную конференцию? У меня нет связей с подпольем южных и центральных районов. Я мучительно их ищу и кое-что уже знаю. Но этого слишком мало. Быть же самозваным секретарем обкома я не могу, не имею права… Пока что мы создадим объединенный штаб. Я хотел бы заручиться вашим согласием быть начальником такого штаба, а командиром хочу просить товарища Гудзенко. Согласны ли вы?

Я принял это предложение с условием не оставлять командование своей группой и выполнять обязанности начальника штаба по совместительству.

Через несколько дней Фомич провел совещание командиров, комиссаров и начальников штабов всех отрядов. Председательствовал сам Фомич. На совещании было решено объединить отряды и избрать командование в составе Гудзенко и Фомича. Я был избран начальником штаба.

«Объединенный штаб партизанских отрядов зоны Хинельских лесов» — так стал именоваться этот орган управления отрядами. Разведка, изучение добытых о противнике сведений, ежедневная рассылка разведсводок по отрядам, служба застав, организация и содержание госпиталя для раненых и больных партизан, наконец, координация боевых действий всех партизанских отрядов, как существующих, так и вновь возникающих, — такова была задача штаба.

Штаб разместился в помещении заводоуправления, — это было одноэтажное здание на северном краю поселка. Два помощника — один по разведке, другой по службе охраны — оба офицера из штаба Гудзенко и дежурный офицер, выделенный капитаном Гудзенко для охраны штаба, — были моим рабочим аппаратом.

Через день штабная машина пришла в движение. Прежде всего я раздобыл у Покровского хорошую топографическую карту. Будучи штабным офицером в армии, он сумел сохранить солидный запас этого имущества.

Эсманский лист, которым я когда-то пользовался, оказался далеко не достаточным. Теперь пришлось обзаводиться двухкилометровкой, причем к глуховскому листу мой деловод из Ямпольского отряда — политрук Будаш, знакомый уже читателю по рассказу Анащенкова, — подклеил с правой стороны лист с наименованием «Рыльск» с левой — «Новгород-Северский», а вверху карты надставил лист «Трубчевск».

— Эх! Еще бы листочек с Нежиным, и тогда я совсем дома — на Черниговщине, — тяжело вздохнул Будаш.

До войны он был директором МТС.

Вздыхал и я, не видя на карте Путивля, Конотопа и многих других мест, откуда приходили на хинельские заставы люди. Всех их доставляли теперь в главный штаб, собирающий сведения опросом.

К десятому марта границы партизанского края определились положением застав и отрядов. Капитан Гудзенко держал заставу в Хуторе Михайловском, в Свесе и Марчихиной Буде. Хохлов очистил все села района от гитлеровцев и подошел вплотную к Севску. Покровский — далеко на востоке за Хомутовкой, в то время как местный Хомутовский отряд стоял в своем районном центре. Ямпольцы вышли на границы с Шостенским районом и занимали Горелые Хутора и Воздвиженское, Червонный отряд, совершив рейд по всему району, стал в селах Эсмань и Червонном. Его разведывательные разъезды достигали окраин города Глухова.

Таким образом, на территории в шесть тысяч квадратных

километров, где насчитывалось более сотни крупных сел и не менее ста тысяч населения, уже не было ни одного гитлеровца.

Со всех концов этого края тянулись в Хинель ухабистые разбитые дороги, по ним ползли обозы с продовольствием, фуражом и сеном, мчались посыльные, шли и ехали поднявшиеся но вооруженную борьбу советские люди.

Но не дремал и противник. «Снежный ком» народного движения на Сумщине вырос за одну зиму 1942 года настолько, что его увидели из Берлина.

В середине марта наше положение ухудшилось. Все чаше и затяжней гремели бои на дальних подступах к Хинели. Теснимый целой дивизией, после полумесячных боев и маневров в районе Путивля, отошел к Хинели Ковпак. Его отряды развернулись на юго-востоке «края», отряд Покровского получил задачу защищать наши границы на юго-западе, встать в Свесе и Орловке, вблизи Ямполя.

Обращенный в ставку края, изменил темп жизни лесокомбинат.

Днем и ночью в моем штабе толкутся связные, перед окнами мелькают всадники. Одни спешат в штаб, другие мчатся по зимним дорогам в отряды и на заставы.

То и дело слышится:

— В штаб Путивльского!

— Из штаба Севского!

— Ворошиловскому второму!

— Из Червонного!

— В штаб Конотопского!

Штаб… штаб… Стучат пишущие машинки. В руках посыльных мелькают пакеты. Все торопятся, спешат.

Из отрядов потекли тревожные донесения. Они поступают ко мне непрерывно со всех направлений. Враг наращивает вокруг нас силы.

Все чаще вестовые осаживают у штаба лошадей. Забросив поводья на зубцы палисадника, гонцы врываются ко мне с донесениями. Пакеты складываются на столе и образуют пестрое собрание конвертов: большие и малые, прямоугольные и квадратные, чаще — свернутые треугольником листы, вырванные из ученических тетрадей… Особо выделяются голубые, розовые конверты. Вскрываешь — внутри мягкая сиреневая подкладка, веет тонкими духами. Это трофейные, их изъяли из сумок офицеров и прислали прямо с заставы. В таком конверте, помимо боевого донесения, нередко найдешь нежное послание из Гамбурга или Вены, написанное готической вязью на хрустящей рисовой бумаге, и фотографические карточки. Письма повествуют

о муках разлуки и утраченных иллюзиях, тоске, отчаянии, тревоге. На фото — хищные зубки, кокетливо склоненная головка с буклями; с иных карточек глядит быкообразный бюргер. А вот поблекшее лицо седой женщины — обычное лицо всех матерей на свете.

Большинство пакетов — без печатей. Текст написан на клочке стенных обоев. Но написаны ли они каллиграфическим штабным почерком или непривычными каракулями, где в каждом слове по нескольку грамматических ошибок, — все они — важные документы и сообщают об одном: «Идут немцы… Их много… Они отлично вооружены…»

Данные глубокой разведки говорят о том же.

— В Дмитриев-Орловский прибыли две тысячи немцев.

— На станции Рыльск выгружается эшелон артиллерии.

— В Глухове появились новые венгерские части.

— В Севск вступил венгерский кавалерийский полк. Вход в город и выход из него закрыты. На соборе устанавливаются пулеметы и легкие пушки.

— Во Льгове появился полк эсэсовцев; на станции, выгружаются танки.

— Колонны фашистских лыжников в белых халатах шныряют меж заставами, собирая данные о партизанах.

Но вот совсем свежие донесения из Ямполя: началось наступление, мадьяры выбили наших из Орловки. Отряд Покровского перешел в контрнаступление. Червонный отряд обороняется под Эсманью. Там же и моя группа под командой Дегтярева.

Я подсчитываю силы врага: полк СС, эшелон артиллерии, два эшелона пехоты, конница, лыжники… Данные полноценны только тогда, когда из обобщения их сделан вывод. Я пытаюсь определить силы и замыслы врага, накапливающегося пока что на дальних подступах. Этих сил уже немало, к ним следует прибавить части, находящиеся на подходе.

Общепринятое правило военных разрешает считать такого рода данные только за сорок процентов вероятного наличия сил противника, Вырисовывается картина суровой действительности: по соседству с нами стоят теперь две или три дивизии. Трудно поверить, что мы, небольшая группа партизан, боровшаяся еще только два месяца, могли приковать к себе столь крупные силы противника.

Но может быть, после жестокого поражения под Москвой враг производит перегруппировку, отходит теперь сюда? В этом случае нам, партизанам, следует удесятерить свою активность и любой ценой разрушать его тылы, добивать его там, где он рассчитывал

найти отдых. Если же это сосредоточиваются оперативные резервы, то не следует ли нам передислоцироваться? Или же расчленить свои силы, стать менее уязвимыми?

Надо было точно знать, откуда прибывают новые части — с восточного фронта или из глубины Германии.

Я уже не расстаюсь с картой, еще раз оцениваю синие кружки — условные обозначения гарнизонов и частей противника. Они угрожающе стеснились западнее, восточнее и, наконец, севернее Хинельских массивов. Кажется, вот-вот кружки сольются в сплошную изогнутую линию оперативного охвата. Эта кривая линия — Ямполь, Глухов, Рыльск и Льгов с Севском… Огромным полукольцом огибают войска противника партизанский край и угрожают замкнуться севернее Хинельского леса.

На юге от нас лежат северо-западные районные центры Сумщины: Кролевец, Путивль, Конотоп. Оттуда только что прибыл С. А. Ковпак. Нечего и думать об отводе наших сил в южном направлении, если бы это и оказалось необходимым. Скопление войск в Ямполе, вероятно, преследует одну цель: отнять от нас Хутор Михайловский, где мы пока еще держимся. Значит, пути отхода на запад тоже будут отрезаны. Восток вообще не может считаться запасным выходом: там — Курские степи, основные коммуникации восточного фронта немцев. Под самым Курском — фронт.

Наш путь отхода — северное направление. Там — дремучие Брянские леса, а в них партизаны. Возможно, что все эти силы противника и не имеют прямой задачи вести боевые операции против нас, но даже и в этом случае не следует беззаботно ожидать того момента, когда пути на Брянские массивы будут отрезаны.

Вывод напрашивался сам собою: нужно как зеницу ока беречь пути на Брянские леса. Только в этом направлении мы поведем отряды, если противник вынудит нас перебазироваться.

«На что решиться, что предложить Фомичу и Гудзенко?» — спрашивал я себя.

Эти мысли не давали мне ни сна, ни покоя.

Десять месяцев спустя в мои руки попали документы, которые разъяснили многое из того, что волновало меня сегодня, и тогда я вспоминал об этих событиях как о давнем прошлом, ставшем историей. Мое соединение заняло город Краснополье и местечко Мезеневку и вскоре схватилось под Старгородком с остатками седьмого армейского корпуса, разбитого советскими войсками где-то под Воронежом. Знамена и целый обоз со штабными документами были доставлены в мою штаб-квартиру в

Мезеневке.

Рассматривая захваченные документы, я обратил внимание на тоненькую книжечку, что-то вроде брошюры. На ее желтоватой обложке я прочел напечатанное жирным шрифтом слово «Partisanen», а на одной из страниц не без изумления наткнулся на схематический чертеж, в котором сразу же опознал знакомые очертания Хинельских лесных массивов… Схема пестрела условными знаками дислокации частей восьмого армейского корпуса и отдельных отрядов войск СС, полукольцом охвативших наш Хинельский край в марте 1942 года. Вглядевшись внимательнее, я разобрал наименования знакомых городов и сел и прежде всего Хинели.

Это была схема № 1.

За ней следовали схемы № 2, № 3 и ряд других. Они отображали различные этапы сосредоточения войск, на них обозначались наиболее показательные моменты наступления на хинельских партизан и партизанский край. Здесь я также увидел номера полков, дивизий и отдельных карательных отрядов, действовавших против нас.

Забыв, что в руках у меня прошлогодние документы фашистского генштаба, я с волнением изучал их. Схемы были испещрены стрелками, стрелами и клиньями: то тонкие и острые, как кинжалы, то массивные и тупые, будто утюги, то кривые, обжимающие или охватывающие Хинельский край клещами, — все они были направлены своими остриями в одно место — в Хинель.

«Стиснуть» партизан в лесу, расколоть партизанское объединение мощным клином, рассечь его вспомогательными ударами на куски», — вот о чем говорили и кричали эти схемы.

Генеральный замысел командующего корпусом Бегумана выражен был совершенно отчетливо. Две огромные клешни — одна из района Рыльска и Льгова, другая из Конотопа и Глухова — охватывали весь наш край силами двух дивизий. Несомненно, что генерал готовил пресловутый «котел» с целью сварить нас в нем живыми…

Особенно выразительной была итоговая схема, относившаяся к первым числам апреля того же 1942 года. Она указывала, что части и соединения восьмого армейского корпуса расположились перед южной опушкой Брянского леса, на линии шляха, связывающего Новгород-Северский с Севском. Они образовали фронт. Над линией фронта я увидел большой вопросительный знак, занимавший половину схемы. А под знаком — знаменатель: 3000. И знак, и число означали, что операция против хинельских партизан закончилась; корпус уперся в Брянский лес, а генерал

Бегуман, увы! — потерял из виду, ни много ни мало, трехтысячную партизанскую армию, с обозами, пулеметами, артиллерией. Потерял ее, словно иголку в копне сена!..

Пленные русины, которых мы тут же, в Мезеневке, зачислили в партизаны, помогли мне прочитать текст брошюры. Она была издана венгерско-фашистским генеральным штабом, и ее полное название: «Опыт борьбы с партизанами на Украине». Брошюра составлена по материалам штаба восьмого армейского корпуса и размножена в типографии «Для служебного пользования». В этом труде всё более или менее соответствовало действительности, за исключением сведений об уничтоженных партизанах и отобранном у них вооружении.

Убитых партизан они насчитали 5448 человек, что было преувеличено по крайней мере раз в тридцать, а из трофеев генералу Бегуману достались испорченные и покалеченные немецкие пушки, которых много стояло на полях еще с осени.

Можно извинить фашистскому генералу его пылкую фантазию. Надо же было ему оправдать потерю нескольких тысяч солдат и офицеров, погубленных в марте 1942 года под Путивлем, в Хинельском крае, и в районе Суземки!

Всё это рассказала мне брошюра в начале 1943 года.

Ну, а что же я знал о противнике в марте 1942 года? О чем я мог доложить Фомичу и Гудзенко? О своих догадках и предположениях? Взятые нами «языки» были из нижних чинов и сами не знали, с какой целью перебросили их из района Нежина сюда, в район Глухова и Рыльска.

Мои мысли над картой прервал Баранников. Широко распахнув дверь и крякнув от холода, он загудел без предисловий:

— Михаил Иванович, стоял я этой ночью под вашим окном и слушал, как наша группа наступает…

Это было сказано таким тоном, словно и впрямь до ушей Баранникова долетели звуки боя, происходившего за полсотни километров отсюда.

Я улыбнулся. Баранников после недавней контузии стал глуховат, и теперь воображение очень часто заменяло ему слух.

— Стою я и слушаю, — продолжал он, — как ихний пулемет «универсал» перестукивает. А потом ка-ак наша пушка… — Баранников, присев, взмахнул здоровенным кулаком и ударил по краю стола, — Ка-ак наша пушка навер-не-е-ет! И опять же миномет наш ка-ак долба-не-ет!.. — Баранников наглядно руками и телодвижениями изображал, как падают и «долбают» наши мины.

Я невольно рассмеялся.

— Да ты артист, Коля! И ведь ничего-то ты слышать не мог, придумал все! Тебе вот, наверное, скучно, что мы тут вдвоем остались, а группа там…

— Оно, конечно, Михаил Иванович, — сокрушенно ответил Баранников, — там и венгерским табачком разжились бы, а тут стоишь всю ночь, не куривши. Кажись, все отдал бы за пару сигареток.

Я протянул Николаю кисет. Ему и в голову не приходило, что пора сравнительно легких успехов миновала, что двумя-тремя выстрелами из пушки и миномета многого не сделаешь, а силою одной нашей группы боя не выиграть. Не зная действительной обстановки, Баранников, как и многие другие, продолжал верить в непобедимость нашего отряда. Правда, в боевую мощь его верил и я, но я видел и опасность, нависшую над нами.

Баранников был теперь моим коноводом.

До службы, у себя в Куйбышеве, Николай работал на пристани ездовым в бригаде грузчиков. И если верить его восторженным воспоминаниям о славном довоенном времени, то ни в пограничной комендатуре, где он был командиром кавалерийского отделения, ни среди ломовых города Куйбышева не было коней лучше, чем у Баранникова.

— Об этом нетрудно справиться на пристани, если не верите, — говорил Баранников, забывая, что между нами и волжской пристанью, помимо расстояния, пролегает еще и невиданный в истории фронт.

— Да, прошло время, когда Баранников давал жизни на пристани!.. — вздохнул он, извлекая из моего кисета щепотку табаку. — Теперь драться надо. А, пожалуй, если бы не война, Михаил Иванович, стахановец Баранников гремел бы не только на Средней Волге, но и на всю страну. А теперь не только страна, а и мать родная и жинка не знают, жив я или нет на этом свете…

Окончив обозрение своего «внутреннего положения», он завел речь о лошадях. После некоторых его сообщении о том, например, как лошади понимают характер и ласку человека, Баранников посвятил меня во вновь открытые им достоинства Орлика. Он с удовольствием отметил, что за два дня его болезни Орлик никого к себе не допустил: ни кормов не брал, ни чистить себя не позволил. Жадно затягиваясь дымком самокрутки, Николай поведал мне, что прошедшую ночь Орлик провел спокойно. Дверей на этот раз не выламывал, овес весь выбрал, только вот копыта обломал.

— Пора бы подковать его, Михаил Иванович. Весна надвигается, дороги обледенеют, а кузнецы — где их теперь найдешь, кузнецов-то?

Я поспешил закончить затянувшийся разговор: мне предстояло тяжелое и ответственное дело — осмотреть госпиталь.

Госпиталь был одним из наших «слабых мест». Он размещался в домике дачного типа на живописной опушке леса, близ винокуренного завода. До войны там находилась заводская амбулатория. Теперь медперсонал этой амбулатории обслуживал раненых, собранных в госпитале со всех отрядов. Их было уже более пяти десятков. Но до сих пор нам не удалось заполучить ни одного врача. Медперсонал был малочислен — фельдшер Оксана Кравченко, две сестры и несколько санитарок выбивались из сил. Недоставало и медикаментов, простынь, подушек… Из-за отсутствия кроватей часть раненых лежала на полу. Остро необходим был хирург, хирургический инструментарий и многое другое.

Слушая длинный список претензий и просьб, я уныло шагал по палатам. Потемневшие лица бойцов с тоскливыми, глубоко запавшими глазами, бред тяжелобольных и раненых, духота и спертый воздух — все это производило тягостное впечатление.

За окном трепыхались на ветру бинты, до дыр простиранные, побуревшие от йода и бесчисленных перевязок.

Подписав разверстку на мягкий инвентарь и продовольствие, я вышел на дорогу, где ожидал меня Баранников, сидевший на облучке легких саней.

— Михаил Иванович! Вон еще раненых привезли! — он указывал на обоз, запрудивший главную улицу. — Уже с полчаса их на улице держат. Безобразие! Хоть бы в квартиры внесли!

Мы поехали к обозу.

— Эй, чей обоз? — крикнул Баранников издали.

Ездовой, неторопливый дядько, нехотя ответил:

— Наш, глуховский.

— Почему морозите раненых? — не останавливаясь, спросил его я, но ездовой молчал, словно не слышал.

Мы проехали дальше, оглядывая накрытые дерюгами и окровавленной одеждой розвальни.

Длинной колонной вдоль всей улицы стоял санитарный обоз. От лошадей валил пар. Озябшие ездовые ушли греться. Лишь в середине обоза стояли и дымили цигарками два партизана.

— Почему тут остановились? — спросил я, придержав лошадь.

— Где приказали, там и остановились, — ответил бородач, одетый в грубошерстный зипун.

— А кто командир ваш?

— Кульбака. Из Глуховского мы. Побитых сюда приставили… на похороны…

— Убитых? — переспросил я, думая, что ослышался.

— А как же, — вмешался второй партизан, — нужно как у людей. В бою хлопцы загинули, не в поле же их кидать… Пускай лежат тут в земле — около боевых товарищей.

— Я спрашиваю вас: весь обоз с убитыми?

— Весь, весь, как один! Наших более двадцати, а там лежат эсманцы, на пять подвод поклали. В ночи, в Хомутовском районе, — продолжал словоохотливый глуховчанин, — такое было! Эсэсовцев душ восемьсот срезались с нашими… Мы им всыпали!

Я погнал Орлика в конец улицы, туда, где стояли эсманские подводы.

Речь шла о второй группе эсманцев, которой командовали лейтенант Цымбалюк, мой товарищ по службе в армии, и его комиссар, директор эсманской школы Забелин. Вторая группа эсманцев выделилась из моей группы и формировалась здесь, занимая квартиры поселка при винокуренном заводе. Позавчера весь этот отряд, насчитывающий более двухсот партизан, ушел вместе с глуховчанами на оборону восточного направления, под Хомутовку, имея задачу занять село Старшое.

— Где Цымбалюк? — спросил я у Талахадзе, знакомого мне партизана второй группы.

Свесив черный чуб, Талахадзе дремал, опершись на передок саней.

Когда я повторил вопрос, партизан проснулся.

— Цымбалюка, товарищ капитан, нет, — приподнимаясь и угрюмо глядя на меня воспаленными глазами, ответил Талахадзе.

— Как, нет? Где он?

— Убит…

В глазах у меня померкло.

— Убит? Как же это? А Забелин?

— Тоже убит… оба убиты…

Талахадзе рванул с саней край брезента. Цымбалюк и Забелин лежали рядом… Так же вот рядом шли они вчера в атаку на Старшое, занятое батальоном эсэсовцев. Кинжальный пулеметный огонь скосил их на расстоянии полусотни метров…

Стирая с лица слезу, Талахадзе поведал мне о подробностях яростного боя под Хомутовкой. Цымбалюк и Кульбака вместе с хомутовскими партизанами проводили операцию на уничтожение эсэсовского отряда в селе Старшое. Гитлеровцам удалось незаметно получить сильное подкрепление и, превосходя в силах, они подпустили партизан вплотную, под кинжальный огонь пулеметов. Партизаны все же разбили эсэсовцев, но потеряли при этом сорок семь убитыми. И среди них — Елфима.

Уроженец Подолии, москвич по работе, Елфим был моим другом. Смуглолицый весельчак, напоминающий обликом и юмором Гоголя, он, нигде не унывающий, шел со мною через всю Украину вплоть до злополучного минного поля, разъединившего нас где-то под Курском. Недавно Цымбалюк прибился к нам и сразу же стал командиром второй, вновь сформированной группы. Занятые боевыми делами, мы так и не поговорили друг с другом о том, что случилось с ним в ту морозную ночь, когда нарвались мы на заминированное поле…

Рубя мерзлый грунт, партизаны копали братские могилы. Под вечер состоялись похороны. Надгробную речь произнес Фомич.

— Верю, — повторил он слова умершего Бондаренко, — верю, товарищи партизаны, встанут тысячи на место каждого погибшего за Родину! Тысячи патриотов поднимутся и отомстят!

Грохнули ружейные залпы. Прогудели перекатным эхом хвойные дали леса. Могильные холмы остались на винзаводе, при развилке дорог, по одной из которых партизаны уехали в Хвощевку, а по другой, обуреваемый тяжкой грустью, возвратился я на лесокомбинат, где предстояло завтра докладывать партизанским командирам о сложившейся обстановке. Готовилось совещание, где необходимо было решить, как быть и что предпринять. Уже заготовлены были приглашения всем командирам, и они должны были собраться с утра в штабе Гудзенко. С мыслями о предстоящем совете я сошел с подводы у своей квартиры и тут вспомнил, что пакеты с приглашениями на совещание все еще не разосланы по отрядам, и поспешил к главштабу.

— Товарищ капитан, куда вы? И почему столь грустный? Подождите, пожалуйста!

Из темного тамбура метнулась ко мне легкая фигура Елены Павловны.

— Завтра, товарищ капитан, необычный день: мне исполнится двадцать два, и мы — я и Сеня — приглашаем вас. Мы обязательно соберемся с утра в Демьяновке. На именинах!

— Именины? Сеня? — едва дошло до меня значение этих слов. — Не могу. Да и Митрофанов отсутствует где-то со своим взводом.

— Нет, нет! — энергично возразила Елена. — И Сенин взвод и вся ваша группа здесь уже́. Они сменились с заставы. Я с ними от Демьяновки ехала!

Елена указала при этом рукой, и я опознал среди возов, заполнивших дворы и улицу, своих людей и коней.

— Превосходно! — вырвалось у меня, и я пристально посмотрел на экспансивную гостью. — Осведомлены вы, однако,

получше начальника главштаба.

— Ха-ха! — как-то наигранно рассмеялась Елена. — Не отговорились службой, так не отказывайтесь от именин — я ловлю вас на слове! — И она продолжала упрашивать: — Ну, право же, уступите женщине. Мы обязательно будем ждать вас, и вы не должны подвести меня перед гостями… Ну, обещайте!

— Не могу. И Митрофанова не пущу. Мы заняты, — продолжал отговариваться я и быстро шагал вдоль заснеженной и уже темной улицы поселка.

— Тогда ве-че-ером! — просила обиженно Елена. — Завтра вечером.

— Именины можно отметить и тут.

— Что вы? — взмолилась именинница. — Я всем обещала…

— Воля ваша, а Митрофанова не пущу.

— Вы — вредный, вредный! Скажите хотя бы, увижу ли я вас утром? — не отступала Елена, сопровождая меня до порога главштаба. — У меня к вам имеется дело…

— Говорите теперь, — не сдавался я, но Елена продолжала настаивать на своем и просила обязательно принять, как подчеркнула она, утром.

— Послезавтра! — отрезал я, ступив на крыльцо штаба. — До послезавтра!..

Глава IX
ПАРТИЗАНСКИЙ СОВЕТ

На дворе весна — двадцать третье марта! Над лесом чистое голубое небо. Снег на реке подтаял, пятно наледи ширится и ползет к берегу. Заячий след на снегу крупнеет, и кажется, что не косой, а какой-то большой зверь по-заячьи перебежал реку. Цветет верба. Тонкие ярко-пурпурные ветки словно унизаны крупным жемчугом.

Из окна видны мосты, перекинутые через два рукава Сычевки, за рекой — дугообразный поворот дороги, обозначенной старыми приземистыми вербами.

Мы ждем гостей. В 12.00 совещание руководителей всех отрядов, Фисюн и Гнибеда пришли ко мне раньше всех. Мы спорим и нетерпеливо поглядываем в сторону мостов, где сходятся несколько дорог южного и западного направлений.

Скоро двенадцать. И вот из-за верб выскакивают вороные кони и расписные «козыри». В черной высокой шапке, опоясанной алой лентой, с немецким автоматом на груди сидит на козлах бравый ездовой. За козырями мчатся еще две пары упряжек. Это едут на совет шалыгинцы и глуховчане. Командир Глуховского отряда Кульбака, богатырского вида парень, весь затянутый ремнями, сидит в кузове, как рулевой в шлюпке. Козыри быстро скользят к мосту, выносятся на пригорок с соснами, поворачивают вправо и летят вдоль улицы.

— Сюда! Сюда! — кричит дежурный по штабу и показывает широким жестом на коновязь.

Ездовой придерживает коней, и Кульбака веско бросает:

— Предписано в штаб Гудзенко.

— Гудзенко здесь, — отвечает дежурный.

Сделав резкий разворот, сани подкатили к заводоуправлению. Ловко выпрыгнув из козырей, Кульбака вошел в тамбур, задел могучим плечом косяк, — стена дрогнула.

— Здорови булы, сусиды!

Командир Ямпольского отряда Гнибеда, почти такой же крупный, бодрый, румяный, в белом до колен кожухе, в каракулевой шапке, говорят вполголоса: «Не мы, а вы к нам…» Он сидит у окна, придерживая рукой автомат, с которым не расстается ни днем ни ночью, и ухмыляется…

В просторных санках, без ковров и лихих ездовых, подкатывает на рыжих венгерских конях командир Путивльского отряда Ковпак. С ним, одетый по-военному, с смолистыми

усиками на смуглом лице и черными внимательными глазами его комиссар Руднев. Оба они уже знают Фомича и Гудзенко. С остальными предстоит знакомство.

Вдоль речки, прижимаясь к опушке леса, мелькают, то скрываясь, то появляясь вновь, простые дровни. Сидящие в них люди хорошо вооружены и тепло одеты — в валенках, в ушанках.

— Сразу видно лесного человека! — говорит Фисюн. — Кроет без охраны, без ездового!

— Кто бы это? — не распознал я ездоков.

— По дровням видно. Командир Севского Хохлов с начальником штаба. Вон и пулемет врублен в колодку.

Из-за верб снова выскочили кони. На этот раз большая группа верховых.

Впереди на легком коне, играя плеткой, покачивается стройная фигура Покровского. Он в новой шинели, кубанка с малиновым околышем заломлена на затылок, красивое юношеское лицо открыто.

Скоро со стороны винокуренного завода подъехали пестрым поездом хомутовцы, конотопцы, эсманцы — все точно к назначенному времени.

В штабе шумно и тесно. Приветствия, рукопожатия, знакомства. Одни козыряют по-военному, другие приподнимают шапки, кланяются. Чаще — хлопок ладонью о ладонь и лаконическое:

— Командир Кролевецкого!

— Начальник штаба Шалыгинского!

— Комиссар Ворошиловского второго!

Или еще проще:

— Красняк!

— Руднев!

— Хохлов!

— Гудзенко!

Общительный Покровский легко и скоро знакомится со всеми. Держится просто, независимо, душевно.

Ковпак уселся в угол, возле печки, в тени. Глядит зорко, отмечая и запоминая каждого, прислушивается, дымит русским самосадом. Карие умные глаза его проницательны.

Комната быстро наполняется табачным дымом. Душно. Курят скверные немецкие сигареты, душистые венгерские сигары, самосад. Многие кашляют. Азартнее всех курит Ковпак. Он предпочитает местный убийственно-крепкий самосад. Сам он маленький, сухонький, а «козули» скручивает непомерно большие, в половину печатной страницы, чадит едко, словно хочет выкурить из помещения собравшихся.

Приезжие невозмутимо, по-хозяйски рассаживаются на стульях и скамейках вокруг стола, по углам, на подоконниках.

Разговор не умолкает ни на секунду. В комнате — как в потревоженном улье.

Партизанские командиры одеты пестро, но только в отечественное. Немецким брезгают. Дубленые полушубки, черные борчатки — шубы, опушенные серым мехом, длинные шинели, пиджаки под брезентовыми плащами, яловые сапоги или валенки. Шапки-ушанки, шапки-кубанки, шлемы-буденовки, щегольские каракулевки с красной лентой или красноармейской звездочкой, ремни крест-накрест, на которых прицеплены пистолеты и полевые сумки. Оружие, наоборот, как правило, иностранное: маузеры, немецкие автоматы, пистолеты и бинокли всех систем и стран Европы, — в зависимости от того, с кем приходилось драться отряду.

— Совет в сборе, товарищи! — объявил Фомич. — Приступим к делу!

Водворилась тишина. Только кто-то никак не мог справиться со своим кашлем.

Фомич, стоя за столом, начал говорить:

— Нам необходимо, товарищи, решить неотложный вопрос, как быть теперь, когда против нас направлены большие силы противника? Более чем когда-либо мы должны теперь действовать сплоченно и организованно. А между тем отдельные командиры, в частности товарищ Покровский, ведут себя, прямо скажу, возмутительно. Товарищ Покровский заявил вчера, что он принял решение уйти на север. Он не счел нужным согласовать свое решение с нами, забыл о существовании других отрядов. Предложим товарищу Покровскому доложить сейчас совету, что побудило его принять решение, рисующее его в таком невыгодном свете…

— Правильно!

— Пусть скажет! Что за паникерство!

— Дезертирство!

— Этим не шутят!

Покровский порывисто встал и, сдвинув тонкие русые брови, чуть побледнев, спокойно слушал возмущенные голоса.

— Товарищи, — тихо произнес он, когда установился порядок. — Меньше всего я дезорганизатор и паникер. Я честно доложил свое решение. Меня упрекают в панике, а мой отряд и сейчас держит фронт от Свесы до Орловки. Это не менее десяти километров! Но я, действительно, приехал сюда, чтобы сказать: завтра мы уходим на север. Уйти надо и вам! Мы нанесли врагу немало тяжелых ударов, а теперь нужно суметь отманеврировать

и снова бить его в слабом месте. Нельзя ждать, когда на нашей шее затянут петлю окружения.

— Значит, ты хочешь уйти из петли, а нас в ней оставить? — побагровев, крикнул Гнибеда. Его отряд занимал Демьяновку, находясь в тылу у Покровского.

— Уж если кому говорить, то не вам, товарищ Гнибеда! Мой отряд сражается под Ямполем, а вы, товарищи ямпольцы, пока что в нашем обозе околачиваетесь! — отбил реплику Покровский. — Я должен уйти, потому что израсходовал боеприпасы. Мне надо спасти раненых бойцов. Каждый пятый в моем отряде ранен… Я не паникер, но считаю, что в нашем положении лучше всего — уйти из Хинельских лесов.

Фомич, поднявшись, сказал:

— А теперь выслушаем нашего начальника штаба!

Я доложил собравшимся, что все отряды Хинельского объединения в течение последних двух недель вели непрерывные кровопролитные бои с эсэсовскими частями и под давлением превосходящих сил отходили ближе к Хинели.

— Со вчерашнего дня, — говорил я, — 105-я и 102-я пехотные дивизии гитлеровцев развернулись южнее Хинельских лесов и образовали сплошной фронт на линии Хомутовка — Эсмань — Ямполь, то есть на протяжении свыше шестидесяти километров. В ряде мест передовые части этих войск уже вошли в соприкосновение с нашими силами. В результате Червонный отряд оставил Эсмань и ведет бои за Пустогород и в Фотевиже, отряды Ковпака обороняются в Поздняшовке, у Курганки и в Лемешовке, то есть на ближних подступах к Хинели. Отряды ворошиловцев почти прижаты к Неплюевским лесным массивам. Далее есть основание полагать, что сосредоточенные севернее нас, в Середино-Буде и в Севске, гитлеровские войска также развернутся, и тогда окружение наших сил будет завершено. Перед нами угроза лишиться зимних квартир и быть запертыми в небольших лесах с севера и с юга… Объединенный штаб предлагает…

— Что же он такое предлагает? — вдруг выкрикнул Фисюн, вскочив с места. На него зашикали.

— Штаб предлагает выбить немцев из города Середино-Буды и стать там между Хинельским и Брянским лесами.

— То есть уйти поближе к Брянскому лесу? — опять перебил Фисюн.

— Вот именно, уйти поближе к Брянским лесам и взаимодействовать с брянскими партизанами. Штаб считает, что одними нашими силами мы не удержим хинельских позиций и, более того, окажемся в тактическом окружении двух-трех

дивизий… Я кончил.

— Нужно разбиться на мелкие группы и разойтись по своим районам, — неожиданно крикнул из дальнего угла Тхориков — после гибели Цымбалюка он командовал второй группой эсманцев.

— Во как! — насмешливо оглянулся на Тхорикова Анисименко. — Разойтись по хатам, чтобы перебили поодиночке!

— Не по хатам, а по районам, — возразил Тхориков. Сидевший рядом с ним Красняк удивленно покосился на него и процедил сквозь зубы: «Тьфу ты! К жинке под юбку!»

Кульбака, сидевший за столом, громко рассмеялся и безнадежно махнул рукой в сторону Тхорикова.

Слово взял командир Ямпольского отряда Гнибеда.

— Фашисты в лес не пойдут! — резко заявил он. — Фронтовые части их, и те не сунулись. Мы никогда, хоть нас мало было, из лесу не уходили. А теперь с такой силой удирать? И народ фашистам выдать? Нет! Я свой район не покину! Я останусь тут, если даже найдутся такие, которые откроют врагу ворота, — он покосился в сторону Покровского, вскинул для чего-то автомат на плечо и шумно опустился на стул.

— А каково ваше мнение, товарищ Ковпак? — обратился Фомич к командиру Путивльского.

— Мы еще не осмотрелись добре.

Он явно не полагался на данные нашего штаба и выжидал, когда соберутся в Хвощевку высланные им в соседние города и районы разведчики.

Слово попросил Руднев.

— Выводы штаба, — начал он, — вызывают сомнение. Хочу знать, откуда прибыли войска противника, каков их численный и национальный состав. Об этом ни в сводках, ни в докладе начальника штаба ничего не сказано.

— Нас окружает армия! — назидательно произнес Гудзенко.

— Какая? Откуда она взялась? Мне известно, что нас преследует 105-я дивизия. Откуда вы взяли еще 102-ю? Если войска прибыли с запада, тогда можно допустить, что их цель — борьба с партизанами. Если же они пришли с востока, — это отступающие от Москвы. И тогда наша задача не уходить, а, наоборот, ударить по ним сильнее!

— Позвольте, товарищ Руднев, — возразил Гудзенко, — известно ли вам, откуда была брошена дивизия против вас, в район Путивля?

— Да, известно: из Нежина!

— И тем не менее это не помешало ей выбить вас из-под Путивля, — сказал Гудзенко.

— Но мы решаем вопросы перебазирования не вслепую. Наша глубокая разведка вернется через два-три дня. Тогда мы примем нужное решение.

— Будет поздно, товарищ Руднев, — заметил я. — 102-я дивизия воюет против нас так же, как воевала против вас и 105-я. Штаб имеет показания пленных из этой дивизии. Думаю, что это достаточно убедительно.

Сейчас я могу признать, что совещаний, где высказалось бы столько разноречивых мнений партизанских руководителей, немного на моей памяти. Да это и понятно. Положение было чрезвычайно сложным, опыта командиры имели мало, а авторитет штаба был еще не велик.

Фомич попросил высказаться командира Севского отряда — Хохлова. Тот, не желая выступать, ответил с места.

— Хоть иди, хоть сбоку гляди… А мне из своего леса податься некуда… И обозов у меня нет. На чем я повезу боеприпасы? С осени собрал кое-что из патронов, а чтобы перевезти, подвод восемьдесят потребуется…

— А ты, Хохлов, часть патронов Покровскому передай, — предложил Гудзенко, — вот и разгрузишься.

— Лишних у меня нет. Я собирался воевать не одну неделю, как Покровский… — с неожиданной ехидцей заключил Хохлов и замолчал.

Командиры задымили еще гуще, избегая глядеть друг на друга. «Что угодно, но отдать кому-либо боеприпасы — ни за что!» — можно было прочесть на их лицах.

— Патроны — не деньги: потратишь — не вернешь! — крякнул Гнибеда.

Командир Шалыгинского, как бы про себя, но так, чтобы другим было слышно, заметил:

— Партизанское дело такое: не умеешь командовать — не берись, другие найдутся…

Руднев, глядя на Покровского, спросил:

— А сколько вам патронов нужно, товарищ?

— Если по боекомплекту на пулемет, то минимум шестьдесят тысяч. В таком случае буду еще держаться… хотя бы одними пулеметчиками…

Руднев посмотрел на Ковпака, тот ответил:

— Хлопцы добре дерутся: пару тысяч позычим, хоть и сами сто верст прошли с боями.

— Помочь, товарищи, нужно Покровскому. Я предлагаю всем сделать это, — сказал Руднев, обращаясь к председательствующему.

Фомич кивнул.

— Я тоже пять тысяч выделю, — заверил Гудзенко.

— И мы окажем поддержку, — сказал Фомич. — И товарищу Хохлову предложим — пусть поделится… Как вы, товарищи севцы?

Фомич ждал. Все обернулись к Хохлову.

— Ну что ж, и мы не хуже людей. Тысяч двадцать я товарищу Покровскому выделю и завсегда поддержу. Мне только хотелось, чтобы и другие взаимную выручку понимали…

Все рассмеялись. Поднялся капитан Гудзенко. Тихо, не спеша, как бы раздумывая вслух, он говорил, ни к кому не обращаясь:

— Соотношение сил, которое создалось на сегодня, можно выразить математически, как один к десяти. Самое меньшее. О средствах и говорить нечего. Немцы патронов жалеть не станут. Оборона на «пятачке» нас всех погубит. Наступать на кадровые дивизии — авантюра, безумие. Зашита населения — красивый жест, товарищи! Речь идет о сохранении сил партизанской армии. В интересах дальнейшей борьбы и развертывания партизанского движения мы должны отойти на север… Временно…

— К черту паникеров! — крикнул, вскакивая, Фисюн. — То, что хочет зробить Покровский, и то, над чем гадает капитан Гудзенко, — предательство! На кого мы покинем людей, которые связали свою судьбу с нами? Семьи, детей своих — кому оставим? Вас я спрашиваю, военные товарищи! Или родной народ вам не дорог.

— Они фронт развалили! — ехидно выкрикнул Тхориков, распаляя еще больше Фисюна, и тот, вскинув кулаки, загремел еще яростнее:

— Я предлагаю судить!.. Я требую судить товарищеским судом каждого, кто посмеет уйти из своего района. И на вас, товарищ Покровский, управа найдется, если откроете врагу ворота! Мы еще подывимся, сколько гитлеровцев ляжет у Хинели. А если и Хинель не удержим, то лесопилки им не взять, сколько бы там их…

Раздался потрясающий гул. Качнулся весь дом, посыпалась штукатурка, подскочила и разбилась на полу бутылка с чернилами.

— Во-оз-ду-у-ух! — крикнул дежурный по штабу. Оглушительные взрывы вновь раздались где-то совсем рядом. Пыль со штукатурки клубами потянулась в разбитые окна.

Участники совещания бросились к двери, к окнам, опрокидывая столы и стулья. А взрывы все гремели, руша дома и сосны.

Черное облако вскоре закрыло всю центральную часть лесокомбината, где находился штаб Гудзенко.

Неистово завывая, в воздухе носились юнкерсы — немецкие пикирующие бомбардировщики.

Убегая из помещения, каждый думал: не означает ли этот налет начало наземного наступления?

Командиры спешили к своим отрядам.

Разбомбив центральную часть лесокомбината, самолеты снизились над лесом и начали обстреливать поселок из пулеметов. Весь их огонь опять был сосредоточен на помещении штаба Гудзенко. Этот дом выделялся тем, что рядом с ним громоздились большие штабеля готовой продукция лесокомбината — дубовый паркет и доски.

Партизаны, укрываясь от пуль противника за стволами деревьев, стреляли по снижающимся самолетам из винтовок и автоматов. Выпустил и я десятка два пуль из своей десятизарядки.

Через час юнкерсы снова налетели и начали бомбить поселок у винокуренного завода и село Хинель. Прямым попаданием бомбы был разгромлен наш госпиталь, находившийся в стороне от поселка. Фашисты показали этим, что для них никаких международных запретов по отношению к раненым не существует. К счастью, раненые не пострадали: после первого налета на лесокомбинат медперсонал перенес их в глубь леса. Было ясно, что противник знает о нас все: он сбрасывал бомбы на помещение штаба Гудзенко, где был назначен наш совет, и на другие центральные здания. Но немцам не повезло. Объявив в предписаниях о сборе совета у Гудзенко, мы в целях конспирации решили провести совещание в конторе заводоуправления на окраине лесокомбината.

После второго налета я осмотрел поселок. Большинство домов на лесокомбинате и на винокуренном заводе было разрушено. Многие жители остались без крова. Враг уничтожил хлебопекарню, водокачку, электростанцию, механические мастерские и кузницу.

Возле разрушенной хлебопекарни я встретил Фисюна.

— Каково, товарищ Фисюн? — спросил я его.

— Ну, товарищ капитан, когда уж они, паразы, самолеты против партизан применяют, то тут ничего не зробишь, — виновато ответил Фисюн. — Зенитных средств у нас нету!

— Дело не только в самолетах, батя, а еще и в том, что мы разведаны противником! Он готовил удар свой не просто по нашей силе, а по голове!

— И в первую очередь по моей седой да горячей, — сокрушенно признался Фисюн. — Теперь кибитую, что и лесопилку не удержим.

Однако общего наступления гитлеровцы не предприняли, и это еще раз указывало на то, что бомбовый удар был рассчитан на уничтожение руководящего состава партизан.

— Нужно уходить, Михаил Иванович. Как вы думаете? — спросил Фомич, когда самолеты скрылись.

— И немедля, Фомич!

— Тогда собирайте командиров к вечеру, будем решать этот вопрос по-деловому. По всему видно, что немцы не оставят тут нас в покое.

Вечернее совещание было коротким. Всем стало ясно, что дивизии врага готовы к решительному штурму наших позиций.

Еще до совещаний мы с капитаном Гудзенко разработали детальный план вывода отряда к Брянскому лесу. Ввиду того, что общая численность партизан к этому времени достигла внушительной цифры, было решено отводить отряды двумя колоннами. Первым должен был отойти отряд Покровского, за ним — отряд Гудзенко, далее — вторая группа Эсманского отряда со штабом, Хомутовский и Ямпольский отряды. Все по маршруту: Подлесные Новоселки — Светово — на север к Суземке.

Вторую колонну составляли отряды Ковпака, Севский и третья группа эсманцев. Они должны были выступить через село Подывотье и далее по усмотрению Ковпака. Такой порядок был принят потому, что Ковпак вынужден был ожидать подхода своей разведки, оставшейся в районе Путивля и пробиравшейся теперь сквозь боевые порядки наступавшего на нас противника. Хохлов, не будучи готовым к выступлению из-за обозов, также должен был задержаться. Он прятал лишнее оружие и боеприпасы под кучами хвороста, в снегу, в лесных колодцах, на дне речки Ивотки. Третью группу эсманцев мы решили оставить для связи с Ковпаком.

Без прений и споров мы приняли этот план. Началась подготовка к выступлению. На все сборы оставалось не более четырех часов.

Было уже темно, когда, разослав по отрядам приказ, я вышел из помещения штаба. По всему лесокомбинату пылали костры, их жгли для того, чтобы осветить квартиры и склады. Улицу запрудили обозы, развернутые ездовыми и хозяйственниками в разные стороны. То и дело раздавались крики и ругань ездовых, требовавших освободить дорогу. Мальчишки, толпившиеся у костров, подбрасывали в огонь паркет и доски.

Из квартир выносили чемоданы, из складов — мешки с продуктами, патронные ящики. Женщины плакали, они просили дать им место на возу для узла или корзинки с домашним скарбом. Всюду стучали, пилили, что-то ломая и сколачивая. Со

стороны винокуренного завода, с Хинели, от Демьяновки и Марчихиной Буды шли напролом, оглашая воздух свистом и гиканьем, песнями и смехом, конные и пешие партизаны. С ними шли и местные жители. Весь Хинельский лес в этот вечер, казалось, пришел в движение и был наполнен говором, конским ржанием, стуком топоров и еще чем-то, вызывающим одновременно и жалость и тревогу.

Настала пора трогаться в путь и первой группе эсманцев. Согласно принятому плану маневра она являлась арьергардным отрядом колонны и покидала лесокомбинат последней. Придя в расположение группы, я узнал, что Фисюн распорядился загрузить почти все подводы мукой и овсом.

Петро Гусаков, ведавший хозяйством группы, чуть не плача, жаловался на Фисюна и говорил, что из-за муки и крупы он не знает, куда погрузить снаряды.

— Чем же стрелять будем? — спросил я Фисюна. — Не горохом ли?

Обоз группы мог поднять почти все три тысячи снарядов, но из-за продфуража была погружена лишь одна тысяча.

Пришлось спорить, что нужнее — крупа или снаряды. Фисюн заявил, что там с хлебом туго, что в Брянских лесах моя группа не получит хлеба, если не перевезет трехсот мешков с мукою. Он положительно не хотел признавать ни снарядов, ни пушек, — «воювалы и без гармат у Брянских лесах в гражданську!»

После долгих препирательств мы пошли на компромисс: он приказал навалить на обозы второй и третьей группы по нескольку ящиков со снарядами, а я на каждую подводу с боеприпасами согласился взять по два мешка муки и по мешку овса. Передав часть снарядов Гудзенко — он смог взять лишь несколько сот, — мы разбросали остатки по снегу.

К середине ночи все было готово к походу.

В последний час к нам прибыла племянница Артема Гусакова — Ганна. Она бежала от карателей, всю дорогу несла на руках ребенка, завернутого в летний платок. Ребенок простудился и от крупозного воспаления легких умер в Барановке. Ганне осталось одно — спастись от преследования в отряде. Вместе с Ниной Белецкой она поступила в распоряжение Петра, который определил им место, для начала, при пулеметном расчете.

С чувством глубокой душевной боли покидали мы лесокомбинат — родину многих партизанских отрядов. Жаль было расставаться с жителями, так много сделавшими для нас за несколько месяцев жизни в Хинельском лесу. Они тоже готовились к эвакуации. Кто смог, пошел с нами. Остальные прятали в лесу пожитки и готовились разойтись по окрестным

селам. Завтра сюда придет враг.

Моя группа замыкала вытянувшуюся на десяток километров колонну. Грянули два оглушительных взрыва, Это ворошиловцы подорвали свои гаубицы: немыслимо было тащить их по малонаезженным дорогам.

— До свидания, Хинель! — слышались возгласы покидавших опустевший поселок. — Мы еще вернемся!

Предстояло пройти более десяти километров лесом. Узкая тропа в глубоком снегу исключала объезды и развороты. Нагруженные возы медленно ползли через корни, цепляясь за кусты и деревья.

Перед утром лес кончился, открылась широкая равнина. Нужно пройти сорок километров степью, по совершенно открытой местности, и только тогда мы достигнем опушки Брянского леса!

К рассвету мы прошли около половины этого расстояния. При восходе солнца перед нами открылось бескрайнее белое поле, вправо и влево до горизонта тянулись холмы, облитые алым светом восхода. Телеграфные столбы, которые в фиолетовом тумане казались непомерно высокими, шли из Новгород-Северского.

Мы отстали от главных сил на много километров и теперь приближались к шляху, рассекающему открытое пространство между Хинельским и Брянским лесами. Обозы, обремененные грузом и сопровождаемые нашими партизанами, уходили на север, наперерез шляху.

Зимняя дорога, усеянная обломками оглобель, рваными мешками, снарядными ящиками, запятнанная кровью засеченных лошадей, была свидетелем усилий, с какими пробивалась всю ночь первая колонна. Глубокие ухабы и рытвины затрудняли передвижение.

Наш путь лежал от Подлесных Новоселок на Световo, Филиппово и Алешковичи. Еще километра два, и мы пересечем опасный шлях, по которому противник в любую минуту может ударить на нас с обеих сторон: от города Севска справа и от Середино-Буды — слева.

— Скорей, товарищи! Нажимай! Вот он, шлях! Видите телеграфные столбы? За ними недалеко и Брянский лес, — торопил, подбадривал Дегтярев, двигаясь от одной взводной колонны к другой.

Догнав батарею, Дегтярев увидел, что ездовой сбросил три ящика. Схватив коня под уздцы, он остановил повозку:

— Ты что делаешь! Снаряды не шишки, на елке не растут. Забыл, что в Хинели немцы?.. Ты сам сойди, а ящики вези. Ведь это, братец, три десятка снарядов!

Заметив Анащенкова, крикнул ему:

— Ты, Вася, требуй больше! За боепитанием поглядывай! И спуску никому не давай!

— Да и так с ног сбился, — хриплым голосом ответил Анащенков, ревниво следивший за перевозкой снарядов.

Нагруженные разным добром, сани распадались на рыхлой, ухабистой дороге, и такой бесценный боевой груз, как ящики снарядов и патронов, продолжал усеивать наш путь от Хинельского до Брянского леса.

Гусаков мотался по пройденным сёлам, выискивал запасные оглобли, дуги, завертки, а еще более — сани, которые решали успех перехода.

Около шестидесяти рослых длинногривых жеребцов, составлявших гордость колхозного коневодства трех районов, уходило с нами к Брянскому лесу. Могучие, гривастые, крепконогие, шли они один за другим, вызывая восхищение партизан и населения.

— Проехала такая сила, аж земля под конями гнется! — говорили женщины, когда отряд проходил через села. — И где только они коней таких набрали?

Кони были Глуховского, Хомутовского и Ямпольского районов, но среди них отличались особой красотой и силой пустогородские упряжные лошади — помесь орловского рысака с брабансоном. Все они теперь были собраны в первой группе эсманцев и являлись непременными участниками Хинельских походов.

Выполняя план оперативного охвата, противник успел выйти на Новгород-Северский шлях еще накануне. Проспав наши главные силы, он набросился с рассветом на мою группу.

Гитлеровский отряд, численностью до трехсот солдат, выступил из села Орлия и быстро двинулся вдоль шляха наперерез нашей колонне. Мы ускорили движение. Нужно было во что бы то ни стало опередить противника и пересечь шлях.

Вскоре стало очевидным, что гитлеровцам нас не перехватить. Они вынуждены были развернуться на голой высотке и с расстояния около двух километров открыть минометный огонь. Повизгивая, мины падали вокруг нас и рвались под снегом.

Мгновенно пришло в голову решение: прорвавшись за шлях, развернуть отряд для боя. Взобравшись на передок одного из орудий, я громко подал команду:

— Галопом вперед! — и пара коней, подпряженных к пушке, рванулась, Я быстро понесся к шляху, чтобы организовать оттуда огонь, прикрыв им продвижение отряда.

Скользя широкими лыжами, наша пушка понеслась к шляху.

За него мчалась другая.

— За мной! За мной! За шлях! — кричал я пешим партизанам.

Остальной обоз тоже бросился вслед за нами. Началась захватывающая дух гонка. По цепи передавалась команда:

— За шлях! За дорогу!

Огромный гнедой жеребец, на которого артиллеристы не нашли хомута и потому запрягли в шорки напирал на орудие и обдавал меня жаром своего дыхания. Непомерно большие копыта взмывали высоко над орудийным стволом и, казалось, вот-вот изуродуют его.

Вырвавшись на бугор, конь обогнал нас несколькими прыжками, унося за собой воз, нагруженный ящиками. На возу сидели Нина и Аня, они мелькнули передо мной и скрылись в туче взвихренного снега. Позади них в санях, упираясь ногами на запятки розвальней, стоял, полусогнувшись, Ромашкин. Распахнутая шинель надулась парусом, затем легла почти горизонтально. Мина ударила в крестовину розвальней. Шинель его лопнула, серые клочья понеслись навстречу обозу, но Ромашкин продолжал держаться за ящики. Другая мина ударилась в дугу моей упряжки, но не разорвалась; скользнув в сторону, она сбила с ног бежавшего партизана…

Но вот, наконец, и шлях. На нем два подбитых танка, за ним, не далее как в километре, село Тарлопово.

— На окраину села! К бою! — кричу я командиру орудия и прыгаю на ходу в снег, прячусь за танк. Я избрал его своим командным и опорным пунктом.

— Есть на окраину, к бою, — оборачиваясь, повторяет команду артиллерист и уносится к селу.

Два орудия уже прорвались за шлях, за ними станковые пулеметы, возы со снарядами. Свистят запоздалые пули немецких пулеметов, кипит снег под копытами скачущих коней. Теперь нужно выручать отставшую пехоту, — мне необходимы пулеметы.

— Стой! Пулемет сюда! — кричу я Коршку; он мчится к шляху с расчетом станкового пулемета.

Коршок рванул коня влево, в мою сторону, конь рухнул в придорожную канаву, забился. Пулеметчики посыпались с воза, разворачивая «максим» навстречу противнику. Коршок подбежал ко мне со своим тяжелым «универсалом».

— Мчись к Ромашкину! — крикнул я подоспевшему Гусакову. — Пусть ведет огонь из обоих орудий по бугру, по противнику!

Гусаков бросается на чей-то пролетающий мимо воз, оставляя свой возле танка. Пулеметчики, примостясь за танком, открывают

огонь вдоль шляха по немцам.

Скоро, шурша и сверкая, пролетел первый снаряд немцев, за ним второй, третий. Должно быть, они были уверены, что имеют дело с нашими танками. Сквозь огонь прорываются последние подводы, позади всех мчатся мои «козыри». Баранников без шапки, с багровым лицом и всклокоченными волосами, перегнулся через левое крыло козырьков. Он волочит за своим возком кого-то, по-видимому, раненого или сшибленного конем, силится поднять его и втащить в кузов, но толчки на ухабах мешают этому. Возок накренился, крестовина бороздит обочину, вздымает снежный фонтан. Орлик скачет, закинув голову и оскалив зубы.

Меж тем, рассыпавшись цепью, партизаны спешат к шляху, пулеметы сдерживают движение немцев. Дегтярев, забирая влево, бежит по насту к небольшой ложбине, увлекая за собой пеших. У крайнего двора Тарлопова замерцали стремительные вспышки. Стрельба усиливается, сливаясь в неутихающий гром. Белый бугор, где развернулись немцы, закипел от разрывов наших снарядов.

Немцы перенесли огонь к Тарлопову. В селе загорелись постройки, повалил густой дым.

Но вскоре немецкая пушка на бугре замолчала.

— Ага, подбили! Подбили! — кричит появившийся со своим взводом Сачко. — Смотрите, фрицы барахтаются!

Я навожу бинокль, На белом бугре видны опрокинутое орудие, мечущиеся темно-синие фигурки, вспыхивающие среди них разрывы.

Улучив момент, я оставляю за себя Дегтярева и мчусь в Тарлопово. Еще издали, подъезжая к окраине села, замечаю забравшегося на стог сена человека, — он размахивает руками и что-то кричит. Только уже возле пушек, продолжающих изрыгать огонь в сторону немцев, я разобрал, в чем дело. Недалеко от артиллерийской позиции, за рябиновым кустом, на стоге сена подпрыгивал и суетился дед. В одной рубахе, весь подавшись в сторону орудий, он кричал:

— Молодцы хлопцы! Жарь! Крой их, распроклятых! Чуть влево! Недолет… Вилка, вилка! Дели надвое!

Дед, как видно, был старый солдат и, несомненно, разбирался в артиллерийской стрельбе.

— Ха-ха! Накрыли! Бегут!.. Бери чуть дальше. Так!

Дед прыгает на стогу, пряди седых волос его взлетают от ветра, он размахивает руками, выражая и восторг и ярость:

— Ой, мои родные, утешили старика! Дали им пить, как мы в четырнадцатом году под Перемышлем. Спасибо!

Он приплясывает и — вот-вот сорвется со стога. С воем несутся снаряды. Ромашкин стреляет без панорамы, на глаз.

Во время коротких пауз слышен его злорадный голос:

— Давай, отец, давай! Корректируй!

Потный, красный, в разорванной шинели, он припадает своим острым носом то к одному, то к другому орудию, наводит их через ствол, отскакивает в сторону и рубит рукой воздух:

— Огонь!

Стволы орудий накалились, покраснели.

— Снегу, снегу больше! — кричит Ромашкин.

Целая стайка подростков из соседних изб во главе с Анащенковым лопатами кидает на прыгающие стволы снег. Скинув пиджаки и шапки, артиллеристы срывают крышки ящиков и едва успевают подавать снаряды к ненасытным стволам.

Пузанов, скинув кожух, а потом и рубашку, бегом таскает к орудию двухпудовые ящики. Уже целая горка их высится возле орудий.

Изрытый бугор, с которого немцы вели огонь, не подает признаков жизни. Немцы затаились и лежат, не смея поднять головы.

Наши пушки смолкли. Артиллеристы, надев пиджаки и шапки, привычно собирают стреляные гильзы. Лейтенант Ромашкин, поглядывая на них, говорит:

— Ну и баня! Не менее семисот пятидесяти! — И, взглянув на часы, добавляет: — За один час!

Покачивая головой, он внимательно осматривает стволы орудий.

Подразделения группы уже собирались в селе. Я дал приказание занять круговую оборону, потушить пожары.

Последним, со взводом Митрофанова, прибыл в село Дегтярев. Он подобрал раненых партизан — их было пятеро. Убитых, к счастью, не было. Нина и Аня занялись перевязкой раненых, а затем увезли их в Алешковичи, где остановились наши главные силы.

Кони, прорвавшиеся сквозь пулеметный и минометный огонь, оказались совершенно невредимыми, — таков каприз военного счастья! Удивительнее всего было то, что Ромашкин, подле которого разорвалась мина, остался целехоньким, хотя шинель и представляла собой нечто вроде Тришкина кафтана.

Весельчак и насмешник Сачко приставал по этому поводу к Ромашкину с расспросами:

— Ну, а сидеть ты можешь?

— Могу…

— Так сядь…

Ромашкин сел.

— И не больно?

— Нисколько.

— И тебя даже не перевязывали?

— Нет.

— Чудно́! И штаны целы?

— Гляди сам!

— Не пойму что-то. Как же это Бродский уверяет, что казенник нашему артиллеристу разнесло всмятку!

— Хо-хо-хо!

— Вот это купил!

— А что вы думаете! Вот был у меня на фронте дружок, так с ним вышло не такое, — опять начал было Сачко, но раздавшийся пушечный выстрел заставил нас выбежать на улицу.

Возле дежурного орудия уже суетились артиллеристы. Теперь они вели огонь по направлению к Середино-Буде, Появившаяся оттуда колонна гитлеровских лыжников сделала неуверенную попытку наступать, но ее отогнали наши артиллеристы. На шляху снова воцарилось спокойствие.

Теперь уже нам было совершенно ясно, что кольцо оперативного охвата, грозившее хинельским партизанам, замкнулось. Нам оставалось ждать вторую колонну, оставшуюся в Хинели, во главе с командиром Путивльского отряда Ковпаком. От Гудзенко и Фомича я получил ответ на мое донесение. Они предписывали не оставлять Тарлопова, чтобы противник не смог отрезать на шляху вторую колонну.

После боя дед-корректировщик угощал нас чаем. Мы узнали, что находимся в Суземском районе, что всё село состоит в самообороне, подчиненной суземскому отряду «За власть Советов». Дед уверял, что и он теперь вступит в партизаны. Отдохнув, я с Гусаковым обошел заставы, побывал на шляху.

День был ослепительно светел. Вокруг Тарлопова лежали белые поля. Кое-где из лощин выглядывали кресты колоколен, на небольших высотах маячили ветряки, за сияющей белой далью тускнела голубоватая дымка Брянских массивов. Она еле проглядывалась с Новгород-Северского шляха.

— Будто из своего Святища Хинель вижу, — сказал Петро, глядя в сторону Брянского леса.

— Кончен, Петро, наш Хинельский поход. Теперь будем родниться с Брянским лесом. До колесных дорог. И раздуем партизанскую войну в этих районах.

Перед вечером из Орлии приехал человек. Он рассказал о потерях фашистов. Они не решались приближаться к Тарлопову; вывозить трупы с изрытого снарядами бугра заставили местных

жителей.

— Семнадцать возов с убитыми немцами, — сказал приезжий. — Ночью вывезут остальных.

Вечером прибыла в Тарлопово группа вооруженных людей — разведка Ковпака. Разведчики доложили, что ковпаковцы половину дня провели в боях за Хинель и Хвощевку, после чего отошли на северную опушку Хинельского леса, в село Подывотье. Зная, что кольцо окружения восточнее Середино-Буды замкнулось, Ковпак повел вторую колонну партизан в обход Середино-Буды с запада и по бездорожью ушел на север.

Мы немедленно снялись и двинулись на соединение с главными силами своей колонны.

Глава X
БРЯНСКАЯ АРМИЯ

Из Тарлопова мы прибыли на южную опушку Брянского леса, в Суземку, где еще накануне остановились отряды первой колонны.

Районный центр Орловской области, Суземка — большое село, с лесопильными заводами, узловая железнодорожная станция. Но рельсов мы не увидели — скрытые под снегом, они только угадывались по искалеченным телеграфно-телефонным линиям. Расщепленные, изломанные, обвешанные клубками спутанных проводов телеграфные столбы уходили в лес неровной, поредевшей цепью, словно раненые солдаты.

Прямо на переезде стояли два немецких танка с пробитой броней. Башни опрокинуты, пушечные стволы разорваны и задраны кверху.

Шумная, веселая в прошлом Московско-Киевская магистраль была мертва и недоступна для оккупантов. Эта магистраль затерялась в огромном массиве Брянского леса, который, подобно зеленому морю, разлился на площади в миллион гектаров.

Начинаясь вблизи городка Гремяча, Черниговской области, сплошные, местами дремучие леса простираются к северо-востоку на две сотни километров и подступают вплотную к городу Брянску. Но и за Брянском, к северу и к востоку тянутся леса, — можно пройти по ним до Смоленска, до Вязьмы, к Сухиничам. Эти огромные лесные массивы с первых же дней оккупации стали домом и пристанищем партизанских групп и отрядов. Юго-западная часть этого лесного края, заключенная в треугольник Гремяч — Суземка — Трубчевск и ограниченная реками Десной и Неруссой, стала основной базой для сумских партизан.

В Суземке прямые, просторные улицы с деревянными чистенькими домиками под тесом. Перед фасадами — уютные палисадники, с кустами черемухи и сирени. В окнах многих домов алеет герань, стоят фикусы.

Недолго держались тут оккупанты — на пороге Брянского леса. Еще в декабре их вышвырнули из Суземки партизаны. Трубчевский гебитскомиссар вынужден был безнадежно махнуть рукой на восставший Суземский район, имевший в своем тылу необъятные лесные дебри, руководимый подпольным партийным комитетом и управляемый самообороной.

Наш приход принес в Суземку тревогу. Все знали, что за нами идут карательные войска, что Суземка может в ближайшее время

стать местом ожесточенных схваток.

Суземские коммунисты призывали население к оружию, самооборона каждого села должна была обратиться в отряд или другое боевое подразделение.

В доме, где я остановился, полным ходом шли сборы. Посреди комнаты стояли распакованный ящик с гранатами и кованый, потемневший от времени семейный сундук. Возле ящика работал подросток, он распаковывал и свинчивал ручные гранаты, складывая их на подоконнике; у сундука хлопотала хозяйка. Обложив стенки сундука пергаментной упаковкой из-под гранат, она укладывала в него пожитки. Дочь и невестка копали на огороде яму, чтобы схоронить там домашний скарб. Хозяин, рослый, с военной выправкой старик, стоял возле окна и придирчиво оглядывал вычищенную винтовку.

— Грязно, — укоризненно сказал он подростку, — протри еще раз. Да с керосинчиком — в стволе ржавчина.

Передав винтовку внуку, хозяин угрюмо поглядел на меня и вместо приветствия спросил:

— «Гости» идут, что ли?

— Идут, папаша. Хинельские леса заняли, большой силой…

— Вот оно как… Знать, туго пришлось вам на Украине?

Я рассказал о боях в Хинели.

— Слыхал, слыхал, — закивал хозяин, — а нашего леса не возьмут. Не пустим, — решительно объявил он, — Так было и в восемнадцатом… В те годы наши места тоже украинцев выручали. Выручим и теперь…

Обходя улицу, на которой расположился мой отряд, я видел в каждом дворе ту же картину: суземцы не тешили себя мирными настроениями и организованно готовились защищаться. Каждая улица представляла собою взвод, в целом Суземка — большой отряд. Райком и главный штаб самообороны находились в глубине леса, там же сосредоточилась и военная техника — пушки, 152-миллиметровые гаубицы, несколько броневиков и даже танк, восстановленный и отремонтированный местными слесарями-железнодорожниками и рабочими МТС.

Надвигавшаяся опасность привела все эти силы в движение. Суземская «республика» объявила осадное положение, ощетинилась, готовясь к встрече карателей, надвигавшихся с юга грозовой тучей.

В половине дня мы оставили Суземку, уходя в глубь леса, где должны были привести свои разрозненные силы в порядок, устроить тыловые базы, подлечить раненых.

Сразу же от села начинался сосновый бор. Свернув с большой дороги в сторону, обоз втянулся в дремучую чащобу ельника.

Узкая, еле наезженная дорога змеей уходила в хвойную темно-зеленую глушь. Зимний путь проходил по рыхлому снегу. С обеих сторон его обступили высокие деревья. Могучие смолистые разлапины ветвей, обремененные грудами снега, гнулись вниз, к дороге, и казалось, вот-вот обрушат на наши головы тонны снега, придавят людей и коней сыпучим обвалом. Скованный зимним сном, лес хранил в своей глубине таинственную тишину и холод. Только вверху, куда устремлены конусы вершин, виднелась синеватая полоса неба да ярко горели и искрились на солнце самые верхние ветви. Словно былинный богатырь, Брянский лес дремал, набираясь сил, и всё в нем дышало спокойствием и могуществом. И это спокойствие передалось и нам, хинельским партизанам, впервые пришедшим сюда, чтобы найти здесь защиту и помощь. Молча двигалась наша колонна по лесной дороге, и каждый думал:

«Вот он, наш форт!»

«Крепость наша!»

«Наш родной дом!»

Хотелось взорвать эту таежную тишину, разбудить заснувшего исполина, наполнить шумом борьбы и громом сражений эти притаившиеся дебри. Я крикнул гармонисту Федьке — лихому саратовцу:

— Эй, чубатый, начинай саратовскую!

Дрогнула испуганно тишина, заговорили, понеслись звонкие, рыдающие переборы трехрядки, и вся колонна запела о Жигулях, о родимой Волге:

Пароход идет пара́ми,
Да Жигули вы, Жигули!
Ой Жигулёвскими горами
Да и куда вы завели…

Песня гулко разносилась по лесу, и он слушал ее, как сигнальную фанфару, подымающую в поход войско…

Путь Эсманского отряда из Хинели закончился в деревне Герасимовке. Это была небольшая, в сто тридцать дворов, с бедными, маленькими избами деревня на реке Колодезь, вблизи того места, где сливается Нерусса с Севом, в двадцати километрах от Суземки. Лес обступил Герасимовку со всех сторон. Густой ельник, непролазная поросль осинника и ольхи свидетельствовали о том, что деревня стоит на болоте.

Едва приметные лесные поляны служили населению пахотной землей.

У мостика через Колодезь нас остановила вооруженная

винтовкой девушка. Зная пароль суземской самообороны, Сачко крикнул через мостик:

— Четыре! — и, нарочно насупившись, потянулся к кобуре.

Дивчина смутилась и поспешила с ответом:

— Чи два, чи три, — и вся зарделась.

Партизаны захохотали. Пароль на эти сутки означал цифру семь. К поданному нами «четыре» девушка должна была прибавить «три», что и подтвердило бы правильность пароля. Сачко подошел к смущенному часовому со словами:

— И что ты, курносая, можешь сделать против наших хлопцев! Кнопка ты этакая!

— Видала я таких, чего ржете! — неожиданно строго произнесла девушка. — Говори, кто такие?

Пришлось объяснить ей, почему и зачем идем мы в Герасимовку. Она кивнула головой и отступила в сторону.

На первый взгляд служба самообороны показалась нам чем-то несерьезным. По-нашему, на краю села должен был стоять караул или, по крайней мере, пост с пулеметом. Но лесной край был устроен по-своему умно и мудро. Стоял ли на посту подросток с обрезом или старик с дробовиком, человек, не знавший пароля, не сумел бы проникнуть в село, пробраться в глубину леса. И самооборона, не будучи сама по себе серьезной военной силой, все же являлась очень внушительным средством, благодаря которому охранялось самое главное на войне — тайна.

Тайна Брянского леса!..

На протяжении почти трех лет противник никогда доподлинно не знал, какой именно силой, какими средствами располагают непокорные дремучие Брянские леса, как и в каком месте сосредоточены главные их штабы и базы, Противник не только не сломил сопротивление восставших лесных районов, но даже не в силах был помешать нормальной работе партизанских штабов и аэродромов.

Вот почему даже после шестимесячной оккупации Брянщины в Герасимовку еще не ступила нога немца.

Герасимовка оказалась одной из последних деревень в глубине леса. Дальше, если не считать отдельные строения, вплоть до Десны простирались дремучие дебри.

Жители Герасимовки встретили нас радушно. Они еще не видели немцев, и теперь с большим интересом рассматривали трофейную одежду на некоторых партизанах, вооружение. В каждый дом пришлось вселить пять-шесть здоровых парией. Многим достались пугливо покосившиеся, в два оконца, избенки, никогда не видевшие столь многочисленного сборища людей. Других квартир для нас не нашлось: во всех крупных деревнях

уже квартировали отряды.

Партизаны со всей энергией принялись наводить «воинский порядок» в своих новых жилищах: мыли и скоблили полы и стены, топили бани. Все это необходимо было и для того, чтобы не допустить заболеваний из-за перенаселения.

В таком же примерно положении оказались и другие Хинельские отряды, занявшие лесные села по соседству с орловскими партизанами. Хинельский объединенный штаб, прекративший свою деятельность после решения о перебазировании, не возобновил своей работы, — начался другой, новый этап нашей жизни, когда каждый день порождал новые отряды, новое их расположение и формы взаимосвязи.

Леса Суземского района скрывали в своих недрах множество мелких партизанских отрядов и групп, некоторые из них уже имели боевой опыт. Это были пришедшие еще осенью с Украины отряды Воронцова, Богатыря, Сабурова, Погарский отряд Кошелева. Другие отряды представляли собою местные формирования самообороны.

В глубине леса обосновались организующие партизан центры: штаб Сабурова, штаб уполномоченного областного центра Емлютина и областной партийный центр во главе с членом бюро Орловского обкома ВКП(б) Бондаренко.

Во всех этих штабах рождались различные проекты и планы партизанских объединений.

По прибытии в Брянский лес Севский отряд сразу же влился в Орловское объединение. Обособленно расквартировались в Старом и Новом Погоще отряды Гудзенко и Покровского. Отряд Красняка занял деревню Денисовку. Отдельно, не входя в другие объединения и никого не подчиняя себе, обосновались на лесной опушке ковпаковцы — Путивльский, Глуховский и Шалыгинский отряды. Объединенную группу отрядов составляли сабуровцы.

С подходом к Брянским лесам регулярных фашистских дивизий лесной край резко изменил свою жизнь. Самооборона быстро обратилась в отряды, отряды превратились в объединения, и все эти силы начали развертываться вдоль южных опушек леса, готовясь к защите Суземки и Суземского района. Вдоль и поперек — по всему Брянскому лесу засновали посыльные, разъезды, делегации.

То в одном, то в другом штабе шли совещания, руководителей и командиров, решавших вопросы взаимодействия и обороны края, руководители зачастили друг к другу с визитами, крупные штабы рассылали «всем, всем» разведсводки, приглашения, требования.

Фомич не спешил связывать себя с какими-либо

объединениями. Это объяснялось тем, что свое пребывание в Брянском лесу мы рассматривали как временное явление. Червонный райком намеревался вернуться в Хинель при первой возможности.

Но моей группе не пришлось долго засиживаться в Герасимовке. Вдруг обнаружилось, что продовольственных запасов не хватит и на половину месяца, а сена, которым располагала Герасимовка, уже и вовсе нет. Жителям деревни грозил голод. Райком обсудил это чрезвычайное положение и распорядился послать первую группу на заготовку продовольствия и фуража в северные районы Сумской области, на Десну.

* * *

К исходу дня первого апреля мой отряд двинулся в далекий путь. Чтобы достичь района заготовок, предстояло проехать около полусотни километров сплошным лесом, а потом километров двадцать — полями.

Чуя весну, застоявшиеся кони бежали резво. Полозья легко скользили по мягкому зимнику. Вечернее солнце зажигало радужные искры на вершинах деревьев, на коре стволов, на стынущих каплях и сосульках, отражалось в придорожных лужах и лесных речках. Дорога вилась по опушкам, огибала болота, ломалась на просеках и вдруг струной вытягивалась вдоль квартальных линий, уходя в бесконечную синеву леса.

Дышалось свободно и легко. Над вырванным из воины краем царили покой и глубокая тишина.

Как всегда, я ехал вместе с Дегтяревым, и каждый был погружен в свои думы. Однообразие дороги, лесная тишина, покой, пьянящий весенний воздух — все это способствовало мечтам и воспоминаниям. Невольно вставали в памяти мирные, родные картины: семья, друзья, радостный труд — все, чем была полна довоенная жизнь, — широкая, созидательная, большая. Припомнились знакомые места, незабываемые уголки моей Родины на Урале, на Украине, в Подмосковье.

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года,
Синея, блещут небеса.
Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют…

Так начал я декламировать.

— Немного не то, — заметил Дегтярев. — И не прозрачен лес, и по времени суток не подходит. Вот, послушайте.

И он прочел на память чье-то двустишье:

Я помню час меж днем и ночью,
Когда звенел ручьями март,
И пламенел над лесом сочный
Багрово-розовый закат…
И с берегов зеркальной глади
Гляделся в омут темный бор,
Да верб рубиновые пряди
Плели причудливый узор…

— Хорошо! — сказал я. — Откуда это?

— Творение юности, Михаил Иванович, — ответил Дегтярев, вздыхая.

— Вот оно что! Значит, пишешь?

Он махнул рукой.

— Не до того теперь. Война!

— Не отмахивайся, Терентий, — сказал я, — писать можно и теперь. Вспомни Лермонтова: и воевал и писал. А Денис Давыдов? Этот даже сидя на коне писал! Вот нам бы такого сюда с его гусарами!

— А я думаю, что в боевых делах мы выше его партизан. Не смейся! Вспомни: кто такие были его гусары? Крепостные мужики. А мы? С нами весь советский народ, свободолюбивый, мужественный, единый…

— А полицаи? Куда их, полицаев, товарищ комиссар, деть прикажете? — вмешался в наш разговор Баранников.

— Полицаи не народ. Это выродки. Их — капля в море. Да и те — околпаченные немцами дураки, — возразил Дегтярев. — Есть, конечно, среди них и убежденные враги, но таких единицы. Основная масса наших людей воспиталась, выросла при советской власти. И умрет за нее, если надо. Умрет, но не предаст, не покорится.

Дегтярев помолчал и добавил:

— Наши дела не только не побледнеют перед делами партизан двенадцатого года, но и превзойдут их. Помяните мое слово!

Он залюбовался открывшейся перед нами полянкой.

— До чего хорошо! — в его глазах, в каждой черточке лица изобразилось искреннее восхищение человека, любящего родную природу. Я и сам всем сердцем люблю наши леса, поля, реки,

пенье птиц и облака на заре…

— Ты прав, Терентий Павлович, — сказал я. — В таких вот местах будто и сила прибавляется, И недаром храбрых, благородных людей художники изображают красивыми!

— Русский человек красив и хорош, — отозвался на мое замечание Дегтярев. — Большое, верное сердце делает человека красивым, — добавил он как бы между прочим, для себя.

— А что, Михаил Иваныч, если б вот так всю войну пропартизанить? — спросил Баранников.

Я знал за ним слабость — спрашивать обо всем, что приходило на ум.

— Не понимаю, Коля, что ты хочешь сказать.

— Да вот в таких больших лесах немцы не справились бы с нами…

— Да разве дело в лесах? Плоховато же, братец, понимаешь наши задачи. Самые лучшие леса не заменят народа. Ведь не лес, а народ наша база. Без народа и лес партизану не помощник.

— Я понимаю… Без людей в лесу пропащее дело, но и без лесов тоже не обойтись. Вроде как если без поля, а полю без села погибель, — рассудил по-своему Баранников.

Обоз остановился. Орлик наткнулся на передние сани и резко осадил назад.

— Ну ты, чертяка! — ругнулся Гусаков.

Я привстал, чтобы посмотреть, что задержало наши обозы.

Дозорные стояли у моста через реку. Ледяной покров ее заливала буроватая наледь. За мостом виднелась толпа темно-голубых елок, закрывающих собой край занесенной снегом крыши. Возле елок на пригорке стоял вооруженный человек. Он что-то громко кричал, а потом выстрелил в воздух. Началась перекличка через реку.

— Вы кто?

— А ты кто?

— Я партизан!

— Ну, и мы партизаны! А стреляешь зачем?

— Начальника заставы вызываю…

— Разве не видишь, целый отряд идет! Пропускай по-хорошему!

— Попробуй только сунься!

— Пропускай! А нет, так сомнем, — задирали дозорные и двинулись было к мосту.

— Стой! — крикнул часовой и в ту же минуту бросился на землю. Показалось тупое рыльце станкового пулемета. «Максимка» повел носом, словно обнюхивая то, что было перед мостом.

— В кого, идол, пулеметом тычешь! Очки надень! Ужель не видишь, кто идет!

С правой стороны дороги выглянул еще один «максимка», и дозорные проворно сунулись в снег.

— Придется пойти, — сказал я Дегтяреву.

Но я не дошел и десяти шагов до моста, как меня узнали.

— Здравствуйте, товарищ капитан! Не обижайтесь, приказ такой — никого не пускать, — смущенно проговорил часовой, в котором я узнал знакомого мне партизана, одного из бывших связных при объединенном штабе.

— Ну, если формальности окончены, пропустите наш отряд, — сказал я.

— Нет, не могу. Вам надо в штаб, к Сидору Артемовичу.

Оказалось, что мы прибыли в Старую Гуту, отстоявшую от Герасимовки в пятидесяти километрах. Уютное украинское село, утонувшее в садах и декоративных посадках, вытянулось вдоль правого берега речки Улицы, как раз на окраине юго-западной опушки Брянского леса, на северной границе Сумской области.

Когда я вошел в штаб-квартиру, сам Сидор Артемович Ковпак сидел за картой и старательно водил по ней циркулем. Новенькая, хрустящая карта была, так любовно и тщательно сложена, что я невольно залюбовался. Это была обыкновенная «километровка», поднятая в четыре карандаша: зеленым окрашены опушки лесов, синим — кривулины рек и овалы непроходимых болот, коричневым — зубцы оврагов и замкнутые линии основных высоток. Расположение соседних партизанских отрядов было обозначено красными штрихами.

Оставив карту, Ковпак приветливо поздоровался со мною и пригласил в соседнюю комнату.

— Садись, чай липовый с медом будешь пить?

Я не отказался, но попросил разрешения сначала ознакомиться с картой. Ковпак довольно улыбнулся и широким жестом расправил передо мною бумажную простыню. Рассмотрев карту и поблагодарив Ковпака, я последовал за ним. На круглом столе уже стоял пузатый самовар. Мы уселись за стол.

Ковпак спросил:

— С чем добрым пришел ко мне?

— Иду за провизией и фуражом, Сидор Артемович, за Десну, — ответил я.

— Вот отдохнут кони, люди в баню сходят, и я проведу такую же операцию, — сказал Ковпак. — Мы только вчера здесь обосновались. А Десна сеном богата. Думаю, что там и прессованное найдется. Только успеешь ли до половодья?

— Надо успеть, Сидор Артемович, — отряд без хлеба сидит,

лошади без сена.

— Что же вы за хозяева! — с тревожным упреком проговорил Ковпак. Мне стало немножко не по себе.

— А я по пути сюда кое-что заготовил в Середино-Будском районе, — продолжал Ковпак, — для того и прошел той стороной, чтобы с запасами уйти. А эти места скудные, — он сделал глоток, другой, крякнул. — Места эти мне еще с гражданской войны памятны, — пришлось бывать тут по партизанскому делу. Народ тут большей частью лесным промыслом кормился…

— А что вам известно о противнике на Десне? — спросил я.

— До Зноби путь свободен. Моя разведка только что прибыла оттуда. Комендант еще с вечера удрал в Хильчичи! Нервы у него, видимо, не выдержали быть около леса. Без боя Знобь оставил и, по всему видно, очень спешил поближе к Новгород-Северскому присоседиться…

— А я вас, Сидор Артемович, ожидал на Новгород-Северском шляху. Оконце для ваших отрядов прорубил! Весь день в бою провести пришлось.

Ковпак понял.

— Раненые были? — спросил он с беспокойством.

— Пятеро, — ответил я.

— Вот это напрасно. Я, как почув вашу канонаду, взяв трошкы левее, мимо Михайловского, на Голубовку… полями по снегу пробивался. У нас без боя обошлось. Не люблю ходить туда, где немцы меня чекают…

Ковпак хитро прищурился и пояснил, что не тот бой хорош, который противником нам навязан, а тот, что партизаны сами начинают.

— Но не они нас побили, а мы их!

Я рассказал о бое у Тарлопова.

— Го! Инша справа! Люблю, колы добре наши дерутся… Сердце радуется. У многих хлопцев за эту зиму клыки выросли! А из тебя, я бачу, толк будет немалый! Только голову задурно не подставляй немцам…

Расставшись с Ковпаком, я разместил отряд в соседнем селе, а ранним утром мы заняли два местечка: Знобь-Новгородскую и Знобь-Трубчевскую.

* * *

Знобь-Новгородская — районный центр. Знобь-Трубчевская — рабочий поселок. Оба селения городского типа с каменными зданиями в центре, с прямыми широкими улицами.

В Знобь-Новгородской на базарной площади, возле больших каменных домов и около церкви, которые были приспособлены немцами к обороне, валялось множество каких-то ящиков, под ногами хрустело рассыпанное зерно.

Тут же мы увидели груды немецких плакатов, они шелестели, перекатываясь вдоль улицы, мелькала ярко раскрашенная физиономия бесноватого Гитлера… Плакаты обещали прекрасную жизнь тому, кто добровольно завербуется на работу в «великую Германию»…

В ближайших дворах и квартирах мы увидели ту же картину, дополненную брошенными противогазами, стальными шлемами, гранатами, пачками патронов и даже вполне исправным оружием.

Всё это свидетельствовало о поспешном бегстве немецкого гарнизона.

От жителей мы узнали, что фашисты ушли вчера, после полудня. Они были охвачены паникой. Солдаты говорили между собой о партизанах. Слышались выкрики: «Партизанен! Генерал Ковпак!» Немцы оглядывались в ту сторону, где был лес, откуда ждали нападения.

Ковпаку в то время еще не было присвоено звание генерала, но враг, видимо, определял воинское звание противника по силе его ударов.

На площади старая бабка спросила нас:

— Кто же вы такие будете?

— Сумские партизаны, бабуся! — отвечали мы.

— Хиба в Сумах вже наши? — изумленно переспросила она.

— Наши, бабуся, наши! Куда придут партизаны, там и наши советские порядки заводятся.

Я остановился в уютной квартире. Хозяевами ее были две молодицы, В комнате, куда они пригласили войти меня и Баранникова, сидел за мольбертом впалощекий человек лет двадцати пяти и писал масляными красками пейзаж.

— Здравствуй, хозяин! — приветствовал Баранников художника.

— Я не хозяин, а квартирант, — ответил он на приветствие.

В комнату вошло еще несколько партизан; вместе с Баранниковым они с интересом рассматривали работу художника.

Это был зимний шлях с характерными чертами русского пейзажа. Вдоль обочин дороги из-под сугробов снега торчали разбитые орудия и машины. Кое-где виднелись печные трубы — жалкие остатки селения. На одиноком колодезном журавле сидел, нахохлившись, коршун. По шляху в восточном направлении шла одинокая фигура человека, закутанного в

тряпье. Он зябко ежился. Косой снег с ветром хлестал его по лицу, рвал ветхую одежонку…

— Что это такое? — спросил Баранников.

— Это Россия сорок первого года, — ответил художник, не оставляя работы.

— Рос-си-я? — удивленно протянул Сачко.

— Она самая, — подтвердил художник.

— А немцы видели эту картину? — спросил Дегтярев.

— Видели. Несколько раз… Находят, что хорошо получается, — не сразу ответил художник.

— Еще бы! Такая раздавленная Россия им триста лет снится! — заметил я.

— Но ведь это реальная действительность! — возразил «реалист живописи».

— Э, братец, отстал от жизни! — вмешался Бродский. — У тебя тут не Россия, а эпизод, давно уже пережитый. Таких несчастных окруженцев больше нет. Они новую дорогу узнали, в партизаны ушли… и от них бегут немцы сейчас, бросая свое добро.

— Реальная действительность требует, чтобы на этом шляху был изображен фашист! — сухо произнес Дегтярев. — Да обмороженный, в тряпье, в соломенных ботах. В бабьих платках…

— И чтобы он ковылял на запад! — дополнил Дегтярева Сачко.

— Вот именно! Это будет и правдиво и справедливо! — воскликнул Баранников.

Это взволновало художника.

Он порывисто встал и, защищаясь от укоров, начал доказывать:

— Если уж говорить о правде, так я не вижу, чтобы немцы убегали! Они наступают!

— Ого! Наступают они задом! — съязвил Баранников. — Ответьте, кто во дворе вашем стальные шлемы бросил? Я овса коням насыпал в эти шлемы!

Дегтярев пристально оглядел художника.

— Вы, дорогой товарищ, должно быть, не знаете, что немцы разгромлены под Москвой и далеко отброшены.

Художник сделал большие, изумленные глаза.

— От Москвы отогнали? Это правда? — спросил он вытягивая шею.

— На сотни километров отброшены, — спокойно ответил Дегтярев. — И сюда придут наши. Хотел бы я знать, чем вы оправдываться тогда будете, — не этим ли малюнком? — Дегтярев указал на картину.

— Довольно тебе наводить тень на ясный день, — собирайся с нами! У нас не такие картины напишешь, — вмешался Сачко, — Право слово — давай с нами!

— Он же больной, невоеннообязанный, — краснея, проговорила одна из молодиц.

— И правда, хлопцы! От таких гарных молодиц, мабуть, и мы захвораем, — смеясь, произнес Сачко. Расхохотались и партизаны. Сачко, подбоченясь, продолжал:

— Только сейчас никаких баб, потому не время. Зато уж после войны… — он поглядел на молодицу и тряхнул головой, — Ох, и держитесь вы, девки-бабы!

Молодица вспыхнула и отошла за спину своей подруги, а та, подумав о чем-то, обратилась к Сачко с просьбой:

— А я теперь же с вами уйду. Можно?

— Э, не так сразу. Для начала боевое задание выполни, — продолжал зубоскалить Сачко. — От, бачишь? — он показал ей набухший водой рваный валенок. — Меняю на добрые чоботы! Обуешь по-летнему — так и быть, ходатайствую перед командованием!

Смуглянка выбежала в переднюю и швырнула оттуда в комнату пару мужских сапог.

— Вбувайся!

Сачко, не ожидавший такого оборота, опешил.

Сапоги были почти новые, хромовые и настолько хороши, что все удивленно уставились на подарок смуглянки, а Сачко, глядя озорными глазами на Дегтярева, сказал:

— Так что, комиссар, взаправду вбуватыся?

Ухмыльнувшись, Дегтярев поглядел в окно.

По улице шли припекаемые солнцем партизаны, обутые в валенки, и старательно обходили лужи или перепрыгивали через них.

— Посмотри, — сказал он бравому командиру взвода, — сперва переобувать нужно их, а потом уже и нас с тобой!

Нахмурившаяся было девушка улыбнулась и быстро заговорила:

— Товарищ комиссар! Так мы враз все это зробим. Те чоботы братовы, а он на фронте. Будет живый — справит. Да батько наш двое чобот имеет. Старому и одних не сносить. А в Знобе с каждого двора по паре собрать можно.

Партизаны переглянулись друг с другом. Дегтярев с неподдельным восхищением произнес:

— Ах, и умница же ты! Как звать тебя?

— Лиза. И никакая я не умница, а каждый теперь помогать армии обязан!

В Знобе нас почему-то называли тогда Брянской армией.

— Вот что, капитан, — обратился ко мне Дегтярев. — Я думаю, предложение этой дорогой нашей Лизы мы должны принять и сделать соответствующие выводы. Не так ли?

— Совершенно верно, — ответил я. — Надо собрать политсостав и провести на каждой улице беседы по этому поводу. Рассказать людям о положении на фронтах, да о том, кто мы сами такие, и заодно просить о помощи не только обувью, но и оружием, боеприпасами…

— Да и что там просить, — вмешалась старшая хозяйка, — есть тут такие, что целых три машины с сапогами и военной одеждой растащили. Пусть сдадут, и разговорам конец.

— Дело, хозяйка, — одобрил Дегтярев. — Вот познакомлю тебя с одним гарным хлопцем — Гусаковым, ты ему все и расскажешь, как и что.

Художник оживился, повеселел. Он оставил кисти и краски и принял участие в общей беседе. Выяснилось, что он не квартирант, а живет тут давно и является местным жителем. Баранников наставительно говорил ему:

— Зачислит тебя наш комиссар в партизаны, понятно? Ну, а картину свою ты, ясное дело, переделаешь. Пойдешь с нами?

— Пойду, если примете, — подумав, ответил художник. — Только в здешний отряд; есть такой?

— Можно и так, — сказал Дегтярев. — Службой мы тебя не обременим! Рекомендую обзавестись альбомом — партизан наших рисовать будешь. Того гляди, имя свое прославишь!

Знобь-Новгородскую мы разделили на секторы, командиры и политруки провели с населением несколько бесед, и в результате было собрано много вещей — и обуви и одежды. К вечеру партизаны сменили валенки на сапоги, кожухи — на пиджаки и шинели.

На следующий день мы вышли к Десне, почти под Новгород-Северский. Партизаны торжествовали: опять Сумщина!

В пойме Десны было изобилие душистого сена. Все амбары набиты были отличным семейным зерном. В колхозных фермах и у колхозников оставалось еще много скота, птицы. Гитлеровцы не успели дочиста ограбить этот глубинный район Сумщины.

В освобожденных нами селах мы немедленно развернули массово-политическую работу. Люди жадно слушали подробности разгрома немцев под Москвой и сердечно отзывались на все наши просьбы.

Мы валили телеграфные столбы, рубили на куски провода, разрушали мосты, жгли сараи с артиллерийскими снарядами, завезенными немцами в этот глухой подлесный край на период

половодья.

Старики срывали с заборов и со стен хат пространные декларации генерального комиссара Сумской области, раскуривали их на самокрутки. Комиссар Сумщины объявлял о своем вступлении в управление областью и подробно перечислял все то, за что могут быть расстреляны на месте или повешены без суда и следствия жители Сумщины. Мальчишки ожесточенно выкалывали на портретах Гитлера его налившиеся кровью «булькатые» глаза.

Административный аппарат гитлеровцев мы быстро ликвидировали. В несколько дней всколыхнулся Знобь-Новгородский район. Мы нашли в селах бывших колхозных бригадиров и звеньевых, привлекли их для организации колхозников в помощь партизанам. Скоро в разных уголках села можно было услышать:

— Куды, Галю, поихала?

— В пидводы, на Брянську армию! — отвечала яснооkая, с крылатыми бровями Галя, погоняя мохноногих лошадок.

Мобилизовались все: старики, девчата, подростки. На сенопунктах и возле амбаров толпились сотни подвод.

— Не немцу, а нашим родным достанется колхозное добро! — радовались люди, старательно укладывая на розвальни пахучее сено или насыпая зерном мешки.

Не хватало тары. Объявили по селам района сбор: мешок со двора. Пустили в ход мукомольные мельницы. Чтобы больше вывезти продовольствия в Германию, оккупанты опечатали все мельницы, и население вынуждено было молоть зерно, как триста лет назад, ручными мельницами.

Длинные обозы по пятьдесят, по сто упряжек потянулись в Брянские леса, в далекую Герасимовку… Шли они дни и ночи. Их сопровождали один-два партизана на обоз.

* * *

Несколько дней наша штаб-квартира находилась в Кренидовке, а затем в Хильчичах.

Как и в Хинельских лесах, к нам стали приходить истощенные, но крепкие духом парни. Надев поверх хромовых сапог опорки или лапти, напялив на темно-синие с кантами бриджи залатанные штаны, они перебирались к нам «навпростець» через Десну, главным образом со стороны Гомеля…

Добравшись до партизанского штаба, они заявляли:

— Хочешь или нет, а принимай! Не уйдем!

И оседали в занятых нами селах, стосковавшись по своим людям и боевой жизни, готовые на любой подвиг во имя Родины.

Однажды в штаб пришли два парня. Лица их густо заросли щетиной, а сами они были одеты в рвань. Протягивая Дегтяреву свои винтовки, они наперебой говорили:

— Вво! Во!

— Что означает это «вво»? — сдерживая улыбку, спросил Дегтярев.

— Оружие вот добыли, — ответили парни, надеясь на то, что их сию же минуту примут в отряд.

Изображая людей бравой хватки и идеальной дисциплины, они неестественно крепко прижимали винтовки к правому бедру, развернув приклады «в поле» значительно больше, чем требует того строевой устав.

— Кто такие? — спросил Дегтярев молодцов.

Я находился в соседней комнате и слышал весь разговор, а через открытую дверь видел и лица парней. Один из них назвал себя лейтенантом Зимниковым. Фамилию второго я не разобрал.

— Горим страстным желанием встать в ряды народных мстителей, — проговорил этот второй, — голос его мне показался знакомым. — Исколесили всю Черниговщину, ищем партизан уже пятый месяц.

Сердце мое с болью дрогнуло. Голос этого человека мог принадлежать тому, о ком я никогда не забывал, — моему мужественному спутнику на пути от Карпат к Курску — лейтенанту Инчину, Я вскочил с постели и начал поспешно одеваться. «Да неужели это он, Анатолий?» — спрашивал я себя, радуясь тому, что это действительно так.

— Вы не умеете держать винтовку, лейтенант! — строго проговорил Дегтярев. — Вы, я думаю, не лейтенант, а самозванец!

— Приказом наркома, — знакомый уже мне голос дрогнул и зазвенел наливающейся обидой, — приказом наркома звание мне присвоено по окончании института. Я артиллерист…

— Все равно, вы не умеете держать винтовку, артиллерист, — тем же строгим тоном произнес Дегтярев. — А теперь — слушать мою команду. Кругом!

Лейтенанты повернулись спиной к Дегтяреву. Через минуту он снова подал команду, и пришельцы опять стояли лицом к нему.

— Что делать с вами, хлопцы, а? Ведь винтовки ваши без затворов!

— Принять! — воскликнули оба. — Раздобудем в первом же деле.

Я шагнул за порог комнаты и встретился взглядом с

Инчиным. Он вздрогнул, лицо засияло, словно солнце озарило вдруг комнату. Порывисто шагнув ко мне, Инчин с жаром воскликнул:

— Михаил Иванович! Вы живы!

Мы обнялись и расцеловались. Сбивчиво, волнуясь и торопясь, я кратко поведал Инчину о себе — с того дня, как мы потеряли друг друга. А поздно вечером Инчин, оставшись со мною в комнате, рассказал и о своих скитаниях. История этих скитаний была предельно трагична.

— На минном поле меня контузило, — начал свой рассказ Инчин. — Отлежался в снегу и побрел назад: о том, чтобы перейти фронт, теперь нечего было и думать. Шел я на северо-запад, и на вторые сутки встретился с лейтенантом, Константином Козиным звали… Его история мало чем отличалась от моей… Мы подружились и уже не расставались до самой его смерти… Тяжело, дорогой Михаил Иваныч, терять близких… А сколько мы потеряли! И каких людей!..

Он опустил голову и долго молчал. Я ничем не тревожил это понятное мне молчание. Потом он продолжал:

— В лесу, километрах в шести-семи от Брянска, набрели мы на лесокомбинат. Пришли туда под вечер, а там эсэсовцы… ну и попались к ним в лапы. Заперли нас в сарай, а ночью мы выкопали руками отверстие под стеной и ушли. Начались новые скитания… Ночевки в поле, вечное недоедание, нервное напряжение… Любому волку завидовал я в то время…

В конце декабря пришли в село Азаровку, Понуровского района. Тут я и свалился. Не знаю, что со мной было — ни сесть, ни лечь: адская боль в позвоночнике. Пришлось Козину устроиться на спиртовом заводе; нашлись продажные твари, которые пустили завод. Горько есть хлеб, заработанный в таком месте, но что мы могли делать!

Два месяца пролежал я в постели и жив остался, как говорится, чудом. Но едва я немного поправился, как слег Костя: отказали ноги… Тогда я пошел на тот же завод кочегаром. Подбрасывал торф в топку, тонн девять-десять в смену. Тамбур открытый, ветер, сквозняк. Вместо одежды — лохмотья.

Через неделю рабочие — человек пять нас было — решили взорвать завод. Положили кирпичи на предохранительные клапаны, забили топки сухим торфом, выключили помпы и испортили манометр. Водомерное стекло лопнуло. Мы спрятались в подвале, в водохранилище, рассчитывая уйти с территории завода при смене полицейских постов. Но кто-то донес о диверсии. Нас схватили, доставили в Понуровку.

Аресты производились в течение четырех дней в

Понуровском, Стародубском и Семеновском районах.

Нас допрашивали каратели, обвиняя в партизанщине, в пропаганде против немецкого строя и прочем. Били по нескольку раз в день дубинами, расщепленными с конца на четыре части. Изобьют, обольют водой и снова бьют. Затем направили в Стародубскую тюрьму.

В камере, которую называли «ящик смертников», нас было одиннадцать человек, в том числе одна девушка. Не добившись показаний, гитлеровцы вывели нас из тюрьмы «без вещей».

Молча, взглядом простившись с умирающей девушкой, мы вышли на свежий морозный воздух. Кружилась голова, мы пошатывались, проходя темные безлюдный улицы. Очутились у колючей проволоки. На кладбище. Нас остановили около ямы, черневшей на фоне снега рваными краями. Приказали раздеться… И вот, все мое существо восстало против смерти…

Инчин закрыл глаза, я видел, как на его матовых щеках проступили лихорадочные пятна, он с минуту помолчал и снова говорил будто в кошмарном сне:

— Мелькнули картины детства, юности, всей небольшой моей жизни. Стоять покорно под дулами автоматов не было сил. Я бросился от ямы в сторону. За мной — еще несколько человек. Не помню, как добежал до проволоки. Стал ползти и вдруг почувствовал, как впились в тело колючки. Но впереди свобода и, может быть, жизнь!

Превозмогая боль, я протиснулся под проволокой и побежал, проваливаясь и падая во тьму, от этого страшного места.

Я не смел еще верить своему счастью и боялся оглянуться. От бега пересохло во рту, и я жадно глотал снег. Наконец силы изменили. В поле со свистом леденящего ветра уносились, угасали надежды. Ликование уступило безразличию. Временами казалось бессмысленным продолжать этот путь в ночь, в неизвестность.

Я шел, передвигая ноги и не отдавая себе отчета ни во времени, ни в пространстве.

Неожиданно передо мной появились постройки. Слабые огоньки в окнах. Это была занесенная сугробами деревня. Я брел на манящие огоньки, собирая последние силы. Постучался в крайнюю хату. Женщина, пустившая меня на порог, отшатнулась. Я сделал два шага и упал.

Очнулся от яркого света. Солнечные лучи пробивались сквозь занавеску. Захотел повернуться, но не мог. Острая боль пронзила все тело. Я снова впал в забытье.

Открыл глаза от прикосновения ко лбу маленькой холодной ладони и увидел девочку-подростка. В хате было тепло и тихо. Я

долго не мог понять, где я и как сюда попал.

Было хорошо лежать в теплой постели и слушать взволнованный шепот девочки. Я узнал, что она с матерью всю ночь ухаживала за мной.

Скоро пришла хозяйка и рассказала, что в городе на всех перекрестках говорят о побеге двух заключенных. Беглецов всюду ищут. Одного уже нашли в поселке. Он был в бане, полузамерзший. Немцы, приколов его, сожгли вместе с баней. О втором она молчала, понимая, что этот второй — я. Первым беглецом мог быть только Козин.

«Прощай, Костя, — мысленно сказал я. — Постараюсь отплатить за тебя извергами.

Меня душили горе и ненависть к чужеземным насильникам.

— И что будет, господи! — шептала хозяйка, приложив к глазам выцветший платок. — Может быть, и мой сыночек вот так же бедствует и ему помогают добрые люди…

Понимая, что их гостеприимством пользоваться нельзя, я сказал, что завтра покину село.

Рано утром хозяйка собрала теплые вещи сына, снабдила меня коржами и провела задами до леса.

Через два дня я встретил Зимникова. Прослышав о партизанах, мы переправились через Десну. И вот — я снова среди своих!

Я отплачу за все издевательства и муки, которые принесли народу гитлеровцы. Спасибо, товарищи, за доверие, за то, что приняли в отряд!

Исхудалый, постаревший, измученный, как не похож был Инчин на опрятного мечтательного юношу, каким помнил его я с первых дней окружения. Я знал его по рассказам, по неизменному и аккуратному дневнику, который сумел он сохранить и в последующих ужасающих условиях.

Я бережно раскрыл его записную книжку размером с папиросницу и с теплым чувством прочел то, что читал уже однажды где-то в кукурузе еще в первые дни окружения.

> «В детстве я много читал о смелых, храбрых витязях, сражавшихся с драконами и змеями-великанами, — так начинался его дневник, — читал о войне за независимость Кубы, о походах Гарибальди, Овода. Восхищался юношами, убегавшими из отчего дома на корабль и ждавшими выхода из гавани…
>
> Распустив белоснежные паруса, бриг мчится в сказочные, страны, к необитаемым голубым островам, бороздя моря и океаны под всеми географическими

широтами… А бежавший из дому подросток уже важно расхаживает на палубе в форме юнги.

Я тоже хотел быть смелым, сильным. Моя мать разделяла мои мечты. Она внушила мне, что нет нужды убегать из дому, быть юнгой на бриге, или, по ее выражению, маленьким морским поросенком. Я могу быть капитаном большого корабля, врачом, инженером. Мать говорила: «Учись, и ты будешь кем только захочешь. В нашем советском обществе все возможно».

И я учился. Мне очень хотелось научиться строить корабли… Я изучил физику, математику, астрономию. Окончив институт, был призван в армию, выполнял священный долг гражданина. Сдал зачеты на звание среднего командира. Далее — стажировка во взводах инструментальной и топографической разведки. Война застала меня в действующей армии. Жаркие схватки с превосходящими силами врага. Тяжелое отступление, мучительная боль за покинутые нами цветущие города и села, за оставленных матерей, сестер, невест…

Наш комдив был тяжело ранен, начартдив пропал без вести в атаке… Многие погибли в яростных схватках…

Восемь суток скитались мы, трое командиров и шесть бойцов, по болотам, не желая выходить из лесов, чтоб не попасть в лапы гитлеровцев. Питались рябиной. Однажды наелись каких-то грибов и отравились. Страшная рвота сшибала с ног. К счастью, один из нас был медиком, и у него в сумке была аптечка, Спасибо, помог.

На девятые сутки мы набрели на группу бойцов в пятнадцать-семнадцать человек, так же скрывавшихся в лесах. Они были богаче нас — имели тушу лошади. Экономно расходуя запас, они отделяли каждому по кусочку мяса и жарили, как шашлык на палочках, без соли. Двое суток мы отдыхали у них. За это время к нам присоединилось еще человек сорок. В большинстве бойцы.

Когда конь был обглодан, мы, уточнив свои координаты, приняли решение выйти «на свет божий».

Предстояло форсировать реку Днестр, переправы и мосты через которую усиленно охраняли немцы в националисты. К тому же, после дождей, началось наводнение. Горная вышла из берегов, буйствовала.

Ослабевшие от недоедания и недосыпания, мы

переправлялись вплавь, темной ночью. Бурное течение преодолели немногие…

Долго можно описывать лишения, которые пришлось испытать нам, Мы остались в тылу врага и должны были действовать самостоятельно…»

* * *

На следующий день лейтенант Инчин, сидя на огромном гриваче и размахивая лохматыми рукавами своей невообразимо ветхой одежды, картинно вытягивался, вздымая лозину. Он кричал так, что было слышно за околицей:

— Ор-ру-дие, на позици-ю-у!

Пушка при полном расчете номеров, стоявших на лыжах и сидевших на лафете и на передке, мчалась вдоль села. Пара сильных коней дробила дорогу большими копытами. Грязные комья снега и коричневая вода обдавали шарахающихся прохожих. Восхищенные мальчики и девчата, блестя глазенками, выглядывали в щели плетней.

В конце улицы пушка развернулась, и отцепленные «передки», в данном случае дубовые хинельские подсанки, вместе с лошадьми и ездовыми быстро исчезли за укрытием — копной сена: молодые артиллеристы учились слаженной работе расчета.

Лейтенант Инчин, принятый вчера в партизаны, уже был известен в отряде как толковый артиллерийский командир, остроумный балагур-песенник, гитарист и душа парень.

Наше пребывание на Десне кончилось.

Грозила большая вода, и, чтобы не быть отрезанными половодьем от Брянских лесов, мы повернули 10 апреля в Герасимовку, С нами уходили сотни новых друзей — окруженцы и местные жители с Десны, сроднившиеся с Брянской армией.

Обратный путь был долгим и трудным. В Брянские леса на Десну, на ослепительно белые поля и луга пришла сияющая, шумливая весна.

До предела нагруженные возы глубоко увязали в ложбинах, заполненных талым снегом, и тогда партизаны с шумом наваливались на возы, волокли с присвистом, щелканием, пробиваясь через косогоры и села по чернеющей обнаженной земле.

Ездовые перевязывали лошадям кровоточащие ноги, бинтовали раны и обломанные копыта брезентом, ватниками, мешковиной.

Весна обгоняла нас. Поля, пересеченные речками и канавами,

обратились в своеобразные озера. Лесные села превратились в острова. На десятки километров разлилась многоводная по весне Нерусса.

Наши возы плыли в шумных потоках. Партизаны садились на спины коней по двое, по трое или стояли на плывущих санях, держа оружие в поднятых руках и распевая песни.

В Старом Погоще партизаны остановились, залюбовавшись веселым зрелищем. На песчаном бугре сидел гармонист, окруженный парнями и девушками. Подойдя ближе и вглядевшись в лица людей, я узнал среди них партизан из отряда Гудзенко.

Гармонист играл плясовую. Стройный парень, заломив на затылок кубанку и упираясь руками в немецкий автомат, висящий у него на шее, плясал и разудало, в такт гармоники пел:

Я сложил частушку ловко,
Завтра новую сложу,
А пока пойду с винтовкой
Пару немцев уложу!

От группы девчат отделилась одна с алыми и синими лентами в косах и высоким, звонким голосом пропела:

Сердце бьется и тоскует,
Жаль мне сердца родного,
Полюбила партизана —
Мстителя народного.

— Ух ты! Огневая! — вырвалось у кого-то из партизан, в то время как танцоры напевно выговаривали:

Партизаном я родился,
Партизанка моя мать.
В партизанах научился
С немцев головы срывать.

— Молодец! — кричали зрители.

— Не сдавайся, Нюська! — слышались девичьи голоса, и Нюська, лихо притопнув, взглянула на танцора и ответила ему певучей скороговоркой:

Я батистовый платочек

Не буду завязывать,
Партизану передам
Раны перевязывать.

Танцор приосанился, круто прошел по кругу:

Задрожали полицаи,
Оккупанты ежатся:
Партизанские отряды
С каждым часом множатся!

— Силен парень! — заметил подошедший ко мне Гудзенко. — Толковый командир и разведчик.

— Здорово, крой еще, Гришка! — подбадривали ворошиловцы. Но девушка запела новую, еще более задористую и вызывающую:

Мой братишка партизан
На коне катался,
Двадцать фрицев он убил,
Сам живой остался!

— Забьет она тебя, Гришка, забьет! — с тревогой в голосе говорил молодой паренек. Но Гришка был неуязвим, он кинул свою, не менее хлесткую:

К нам на славный Брянский лес
Не однажды Гитлер лез,
Но наткнулся на порог —
Одолеть его не мог.

— И не одолеет! Не возьмет! — шумели партизаны. — Пусть только сунется!

Брянские частушки — бойкие, плясовые куплеты — любимые песни молодежи лесных сел.

И, раз начавшись, эти частушки льются звонкими, радостными ручьями от зари до зари, подобно тому, как не умолкает духовая музыка в молдавских или подольских селах в дни праздников.

— А ведь не переслушаешь их, — махнул рукой Гудзенко и повел меня к себе на квартиру. — Объявляй привал, Михаил

Иванович, суши онучи и лапти, — сказал он, подшучивая над плачевным видом моего отряда.

За обедом я спросил Гудзенко:

— Чем занимаешься, Иларион Антонович?

— Да тем же, чем и ты. Первый батальон на заготовке под Новгород-Северским. Жду с часу на час. Видать, воду хлебает где-то. Думаю тут закрепиться и бригаду формировать. Выпьем, что ли, за мою партизанскую бригаду! — предложил он, наполняя стакан самогоном.

— И за возвращение в Хинель, — добавил я.

— В Хинель не пойдем.

— Зря, Иларион, — нужно.

— Что нужно, не спорю, но война пришла сюда всерьез и надолго. Мы решили оборонять Брянскую базу. Помогать фронту и населенно. Учти: не будет нас тут, не будет вас и там.

— Но не мы ли хотели создавать фронт от Конотопа до Брянска? — напомнил я Гудзенко.

— Как же, не забыл, — Гудзенко снова наполнил стаканы. — Выпей — полезно от простуды!

— Спасибо, самогона не люблю, — отказывался я от второго стакана.

— Ну, и я не обожаю. — Он оставил стаканы, мы закурили. — Так вот, не забыл хинельских проектов. Неплохи, но приняты были наугад. Хинель не может быть главной партизанской базой — от Москвы далека…

Я рассмеялся:

— Расстояние и отсюда и от Хинели одинаковое…

— Не в нем дело. Отсюда Москва ближе тем, что орловцы уже связаны с ней по радио. Такую же связь имеет Сабуров, а вчера получил радиостанцию Ковпак. Но это отдельные цветочки. Не сомневаюсь, что расцветет весь брянский букет, когда наладится регулярная связь с Москвой самолетами! Сообщаю, чтоб осталось между нами, — Гудзенко проговорил таинственно: — Орловцы аэродром строят… Вот это будет и фронт, и база.

— База партизан — народ, — возразил я.

— База — население, — согласился Гудзенко, — но где нам собирать силы? Войску нужен лагерь, кораблям — порт, а партизану — лес. Пусть временно, а необходимо…

Я спросил, что делает Покровский.

— Рамы зализывает. И тоже бригаду формирует. Думаю, что через месяц-два справимся с этим делом. Вот тогда и создадим фронт до Брянска. Разумеешь?

Передохнув у Гудзенко пару часов, мы пошли дальше по бурлившим водою дорогам.

В Герасимовке — полный разлив. Еле обозначенный на карте приток Неруссы — Колодезь теперь нес быстрые мутные потоки, а разбросанные по песчаным буграм дворы походили чем-то на грачиные гнезда.

— Где тут мост, дедушка? — кричим мы через бурную речонку, подойдя к Герасимовке.

Дед, закрывшись ладонью от солнышка, глядит на нас, узнает и отвечает:

— Мосты в наших местах вода уносит!.. После спада новые делаем. Да ты не езжай туда! — предупреждает он въехавшего в воду Инчина. — Тут омут, закрутит! Бери, паря, правее! Еще! Выше! Выше!.. А теперь прямо, вон на ту ветлу! А потом бери влево! Круче держи мимо ямы!.. Бабы в ней лен по лету вымачивают. Глы-бо-о-кая! А с возами и не думайте!.. Коней загу́бите! Выпрягайте их! Поклажу — в лодки, коней — вброд, а санки сушиться до будущей зимы ставьте.

По реке, кружась, неслись мшистые пни, копны сена, доски — пожива ловких багорщиков, скользивших по желтому разливу воды на «душегубках».

Деревня Герасимовка встретила нас празднично. Мы отправили сюда с Десны около шестисот возов продовольствия и фуража. Сытая и бродившая, как на опаре, Герасимовка шумела. В избах дрожала и пучилась кислая барда.

«Московки» были нарядно одеты, обходительны.

Фисюн чувствовал себя богачом.

— Дывысь, капитан, — сказал он, указывая на скирды сена и амбары, переполненные зерном, — теперь я управляющий «Заготзерна»! Все люди в селе и хлопцы в отряде во как сыты! — Он приложил ребро ладони к своему горлу. — Переживем распутицу! Хай не думают фашисты, что мы тут бедуем. А силы накопим — опять драться в Хинели будем. Так что готовься, капитан, к сражению!

Глава XI
ОСАДНАЯ АРМИЯ

В штабе я узнал, что продвигавшиеся вслед за нами войска противника подошли к Новгород-Северскому шляху. Получив сильный отпор ковпаковцев в бою за Хинель и Хвощевку, а также у Тарлопова — от эсманцев, противник подводил свои части к Брянскому лесу более чем осторожно. На переброску от Хинельских лесов к Брянским лесам двух немецких дивизий было затрачено почти полмесяца. Гитлеровские генералы не только не решались вводить свои части в леса, но даже близко к ним не подходили.

Между тем партизанские силы развернулись вдоль лесных опушек и на южных границах Суземского района, чтобы встретить врага во всеоружии.

Согласно плану обороны, принятому всеми командирами, Эсманский отряд держал на краю леса сильную заставу.

— Михаил Иванович, — встретил меня в штабе Фомич, — задание выполнили вы, как всегда, отлично. Душа радуется! А теперь новая задача — подпереть суземцев на их правом фланге и не пропустить противника в лес через село Улицу. Там теперь вторая группа. Такое дело: ее необходима отвести на отдых и для боевой подготовки, а заставу укрепить более сильным, то есть — вашим отрядом. Поезжайте-ка туда и глядите в оба! Имеются сведения, что противник подтянул и тылы и все средства, ведет усиленную разведку, и, не будем предугадывать где, удар он готовит сильный!

На другой день я вывел своих партизан в село Улицу, которое находится в двадцати пяти километрах от Герасимовки и в четырех — от Середино-Буды.

Слева от Улицы стояли в хуторах суземцы, справа, вдоль речки Улицы, — заставы ворошиловцев, а еще дальше на запад — ковпаковцы. Построив такой фронт, мы зорко наблюдали за маневрами противника.

В течение апреля сюда, к южным опушкам Брянских лесов, продолжали прибывать гитлеровцы. Обнаглев, они с хода врывались в некоторые сёла Суземского района, но суземцы вышибали их решительными контратаками. Получив такой урок, фашисты окапывались вокруг степных сёл Севского и Середино-Будского районов. После же неудач на подступах к Суземскому району противник попытался овладеть лесной опушкой в Знобь-Новгородском районе.

47-й и 51-й полки 105-й пехотной дивизии противника развернулись на фронте от Десны до Середино-Буды, заняв своими батальонами все сёла вдоль Новгород-Северского шляха. В Середино-Буде разместился штаб дивизии и артиллерийские части. Далее на восток развернулись части 102-й пехотной дивизии.

К первому мая до Неруссы протянулись их сильно укрепленные позиции.

На фронте немногим более полусотни километров окопались две дивизии отборных венгерско-фашистских войск. Каждая дивизия построила тщательную и прочную оборону, способную устоять не только против партизан. По крайней мере, на прорыв такой обороны в фронтовых условиях обычно бросают армейские корпуса, усиленные авиацией, артиллерией и другими родами войск.

Партизаны гордились. Столь пристальное к ним внимание десятков тысяч солдат и офицеров с генералами, со всей военной техникой давало партизанам повод считать себя грозной для противника силой.

Конечно, противник знал, что мы не собираемся взламывать его оборону силою корпусов, да у нас их и не было и не могло быть. Венгерская армия строила оборону для другой цели. Теперь, когда на сравнительно небольшом плацдарме собрались все сумские партизаны, противник получил возможность блокировать партизанский край с плотностью, не допускающей выхода на юг.

При этом предполагалось, что, охваченные с севера и с запада Десной, а с востока Неруссой и запертые с юга войсками, партизанские отряды лишатся продовольственной базы, потеряют возможность пополняться людьми и тем самым будут обречены на верную гибель.

Этот стратегический замысел противника стал еще более ясен через два месяца, когда гитлеровское командование убедилось в том, что для изоляции Брянских лесов от Сумщины двух дивизий недостаточно.

В июле 1942 года была прислана в район Брянского леса еще одна дивизия — 108-я.

Командир 8-го армейского корпуса, развернув все свои силы перед Брянским лесам на фронте в сто пятьдесят километров, «воткнул флажок своего штаба» в районный центр Локоть и не снимал его с этого места более двух лет.

Флажок 8-го армейского корпуса над Локтем обозначен на всех немецких оперативных картах. Шли сражения на Брянском фронте, истекали кровью и гибли фашистские армии под Сталинградом, рушился немецкий фронт на Курской дуге, но,

несмотря на это, ставка Гитлера так и не решалась передвинуть флажок 8-го корпуса на другой участок фронта. Гитлер боялся разлива народной мести на юг, на Украину, к главным его коммуникациям и районам снабжения, и соединения брянских партизан с многомиллионным населением, с народом.

Вскоре после войны, изучая немецкие оперативные карты, наши военные историки задумались над тем, почему целый армейский корпус за годы войны ни разу не был введен в дело, не участвовал в боях ни на одном фронте. Чем он был занят? Был ли он в составе стратегического резерва самого Гитлера или это был, так сказать, «ложный объект», изображавший целый пехотный корпус? Для историков это оставалось загадкой лишь до тех пор, пока они не обратились к изучению партизанской войны в Брянском крае.

И сразу стало ясно, почему Гитлер так оберегал этот «резерв».

Оказалось, что генерал Паб, командующий 8-м корпусом, уподобился тому охотнику, который кричал своему коллеге:

— Иван! Я поймал медведя!

— Так веди ж его сюда!

— Да он меня не пускает!

Поймав «медведя» в Брянском лесу, 8-й корпус не мог от него оторваться целых два года!

Выполняя задуманный план борьбы с партизанами гитлеровцы прежде всего заняли все крупные и мелкие сёла вдоль шляха Новгород-Северский — Севск — Локоть. Затем в каждом селе они расположили артиллерийские или минометные батареи, построили дзоты. Все каменные постройки усиливались кирпичной кладкой, мешками с песком и соединялись между собой подземными ходами сообщения. Словом, венгерские фашисты всерьез и надолго затягивали вокруг Брянских лесов стальную петлю блокады, но наступать на леса не решались.

Ежедневно к нам доносились раскаты артиллерийской дуэли между орловскими партизанами и гитлеровскими батареями. Иногда противник обстреливал нас в селе Улица, но снаряды и мины ложились не точно.

Поглощенные заботами блокирования лесов и получив от сумских партизан ряд серьезных ударов в Жихове, в Пигаревке, в Чернатском, под Старой Гутой и в Суземском районе, скованные распутицей, гитлеровцы некоторое время нашу заставу не беспокоили, если не считать огня тяжелых минометов, который они периодически открывали по нашему селу.

Однажды, когда ковпаковцы и ворошиловцы громили противника в Чернатском, отряд немцев из Середино-Буды пытался отрезать их от леса. В это время в хуторе Хлебороб стоял

в боевом карауле первый взвод моей группы. Я дал указание открыть по немцам огонь из станковых пулеметов и для усиления выдвинул на хутор две пушки. Но пушкам поработать не пришлось, так как немцы вовремя убрались, оставив убитых и раненых.

Весна, начавшаяся яркими и теплыми днями в начале апреля, во второй половине месяца потускнела: дни стояли серые, мокрые, туманные.

Из Герасимовки иногда приходила почта: двое конных партизан доставляли нам сводку Информбюро, принятую в лесу через радиоприемник Сабурова и размноженную от руки. На фронтах в то время существенных изменений не было. Сообщалось о действиях белорусских партизан да приводились показания пленных немецких офицеров и ефрейторов.

— Всё ефрейторы да ефрейторы, а когда же заговорят немецкие генералы? — так рассуждала в те дни нетерпеливая молодежь и чаще других Анащенков или Коршок.

— А ты ждать научись, — поучал Дегтярев, — вот нажмут снова наши — непременно будут пленные генералы. Фашистским генералам, сами понимаете, нет расчета избегать плена, когда туго приходится… Это во-первых, ну, а что касается ефрейторов, тут вы опять не подумали. Вот придем в Берлин да потребуем показаний от одного ефрейтора… будет неплохо!

Терентий прищурил черный смеющийся глаз, глядя на Анащенкова:

— От Гитлера! — воскликнул тот, улыбаясь.

— От него. Что скажешь тогда о показаниях ефрейтора?

— Дойти бы только, — вздохнул Коршок.

— Дойдем, хлопцы. Обязательно там будем! — взволнованно сказал комиссар. Помолчав немного, добавил:

— Может быть, и не все, но дойдем и победим!.. Наше дело правое, и победа будет за нами!

И всегда в те дни после чтения сводки Совинформбюро завязывался разговор о том, что будет этой весной и летом, когда наши перейдут в наступление. И когда исчерпывались самые смелые предположения относительно разгрома гитлеровцев, только тогда вновь обращались с вопросом к вестовым:

— Ну, что там в Герасимовке? — спрашивали партизаны, словно застава была глухой провинцией, а Герасимовка — столицей.

— Фомич все по большим штабам ездит, а остальные бражничают, — сообщили вестовые. — Что еще в такую погоду делать! А Тхориков на дуэли на пистолетах с одним партизаном дрался из-за девчонки. Было ему в райкоме.

— А из Хинели что слышно?

— Петро Гусаков там в разведке побывал! Лесопилка цела. Фашисты два дня на лесокомбинате стояли. Сожгли поселок Водянку, людей всех побили.

— Ну, а в лесопилке кто-нибудь остался из жителей? — допытывался Сачко.

— Да вас, товарищ лейтенант, кто, собственно говоря, интересует? Не Ниночка ли? — Вестовой прищурился. — Она тоже была в разведке и просила привет вам передать.

— Ну, уж это покупка, хлопцы! — смутился Сачко.

— Какая там покупка! Каждому по сотне приветов оттуда прислали. Не дождутся нас там, вот что! — уверяли партизан вестовые.

— Значит, живем, хлопцы! Скорей бы уж туда!

Скоро из Герасимовки пришли другие вести.

Пузанов таинственно доложил мне:

— С Большой земли прибыл гость. Говорят, из Москвы, от Центрального Комитета партии Украины. Слышно, от самого Хрущева прислан. Ну, так у Фомича они важные дела решают.

А вслед за этой новостью услышали и другую:

— Райком создает два новых партизанских отряда — Знобь-Новгородский и Середино-Будский.

Это была большевистская помощь Фомича партийному подполью северных районов Сумщины.

Партизан — жителей Знобь-Новгородского и Середино-Будского районов — я направил в Герасимовку с оружием и снаряжением в распоряжение нового командования. Один из моих партизан, товарищ Сень, получил назначение — принять командование над знобь-новгородцами, а местный подпольщик Горюнов — над середино-будцами.

По предложению Фомича я должен был выделить для новых отрядов по одному стрелковому отделению для создания, так сказать, прочного боевого костяка. Кроме того, в распоряжение Сеня и Горюнова я передал два ручных пулемета и десять лошадей с упряжью.

В то же время в штабах отрядов начались разговоры о диверсионной работе. Требовалось подрывать вражеские эшелоны на коммуникациях, В пример нам ставились белорусские партизаны, уже начавшие войну на рельсах.

Мы с Дегтяревым отобрали лучших партизан и направили их в Герасимовку для обучения искусству минирования и подрывного дела. Руководил этой работой лейтенант Зимников, оказавшийся опытным минером.

Несколько подрывников из второй группы были посланы на

разведку Червонного района и там совершили две «отчаянные диверсии»: возле Хинельского лесокомбината, в лесу они подорвали мост через… канаву… Пять гнилых бревен, составлявших настил этого моста, разлетелись вдребезги… Вторым объектом учебной диверсии оказался дощатый погреб. Начинающие диверсанты подложили под него несколько килограммов взрывчатки. Другого применения своему искусству молодые диверсантские группы пока что не нашли. Действующих железнодорожных путей или шоссейных дорог поблизости не было, так же как сноровки и опыта в этом деле.

Кроме взрывчатки и всего остального к ней, диверсантам нужно еще одно оружие: топографические карты. Без карт на широких пространствах воевать невозможно, а у нас их не было. На весь Эсманский отряд приходилась одна большая карта — штабная. Лейтенант Инчин, оказавшийся, ко всему прочему, еще и неплохим топографом, размножал ее на досуге, обильно смазывая белую бумагу керосином и нанося на нее черным карандашом условные знаки.

Но главной задачей, как сообщил нам посланец ЦК КП(б)У, было возвращение сумских партизанских отрядов на Сумщину, где нужно было продолжать борьбу с оккупантами и поднимать на это новые слои населения.

Об этом уже шли разговоры с руководителями сумских отрядов.

Обсудив указание Центрального Комитета партии, райком Червонного района постановил: в ознаменование международного пролетарского праздника Первого мая Червонному отряду и всему составу районного комитета партии перейти из Брянских лесов в Хинельские.

Наша первая группа получила распоряжение от Фомича передать Улицу Покровскому и прибыть в Герасимовку.

Начались поспешные сборы в путь-дорогу. Село было оставлено, колонна партизан ушла по лесной дороге.

Я выезжал из села последним.

Проезжая мимо крайнего дома и глядя в окна, я увидел знакомую фигуру молодой женщины. Чуть высунувшись из-за косяка, она наблюдала за уходящим из села отрядом.

Я тронул за плечо Баранникова.

— Стоп, Коля, поворачивай.

Подъехав к домику, я еще раз вгляделся в окошко. Дегтярев озадаченно смотрел на меня, не понимая, в чем дело.

Сквозь двойные стекла на нас настороженно и беспокойно глядела какая-то пожилая женщина.

«Странно, — подумал я. — Уж если у окна стояла не Елена,

то должно быть очень похожая на нее молодая женщина, но никак не эта».

— Эй, мамаша! Кто это у вас в хате? — крикнул я хозяйке.

К окну подошла девушка, но совсем не похожая на Елену.

И все же промелькнувший образ Елены был настолько цепко схвачен моими глазами, что я был убежден, что видел только ее. Мне казалось, что я ощущаю ее присутствие.

— Дочурка вот со мной! — открыв форточку, ответила хозяйка. — А больше нет никого, родимые, за весь день никто не бывал сегодня. И живем мы тут только двое с ней…

Дегтярев с Баранниковым перемигнулись.

«Что же это? — подумал я. — Неужели галлюцинация? Такого еще со мной не бывало…»

Догнав третий взвод, я отвел Митрофанова в сторону и тихо спросил.

— Послушайте, где ваша Елена Павловна, она не с вами?

— Что вы, товарищ капитан, она — в Демьяновке. Там осталась.

Он был искренне изумлен моему неожиданному вопросу.

С Митрофановым мне не приходилось до сих пор говорить на интимные темы. Как-то не представлялось подходящего повода. Бои, походы и обстановка ставили третий взвод в такое положение, что командир всегда был занят или же находился со взводом где-либо отдельно.

— Кстати, скажите, Семен Петрович, — продолжал я, — почему вы отлучились тогда из лесокомбината? Помните, после вечеринки?

Митрофанов смутился и заговорил сбивчиво:

— Виноват, но… Поймите сами: женщина, ночь, именины… А вы заперлись у Гудзенко. Я не смог увидеть вас в то время… Кроме того, она сказала, что вы разрешили проводить ее до Демьяновки, разве не так?

— Нет, не так. Вы не должны были отлучаться. И потом за вами пришлось посылать нарочных после бомбежки наших штабов. Вы не изволили явиться по тревоге сами. Я уже месяц жду вашего объяснения по этому поводу. Неужели вы думаете, что подобными вещами шутят?

— Прошу прощения, — оправдывался Митрофанов. — Я тоже хотел объясниться, но не знал, как начать. Мне стыдно. Впервые в жизни я был, как стелька. Меня споили… Если бы вы не прислали тогда за мной, меня наверняка схватили бы там немцы, у тещи. Я спал весь День мертвецки. Прошу вас не говорить никому об этом… Я обещаю исправиться. Но, поверьте, это было не умышленно. Ошибка.

Казалось, Митрофанов говорил искренне, и я отпустил его.

«Если здесь находилась Елена, и Митрофанов об этом не знает, то что все это значит? — думал я. — Обыскать дом? Момент упущен. Село было уже далеко, кроме того, за домом начиналась сразу же речка в лозняках, за лозняками — лес. Конечно, ушла, если только это была она…»

Кони шли резвясь, позвякивали колечки дуг, которые ездовые везли с собой. Пушки передвигались по-летнему — колесным ходом.

Снег стаял, мы двигались большей частью по бездорожью, по лесным полянам, обходя, насколько возможно, грязь и полыньи. Сквозь серую влажную корку робко пробивались нежно-фиолетовые лепестки первых подснежников.

На черемухе и на березе набухали почки. Разгоряченные, усталые, мы жадно пили березовый сок. Его в изобилии добывали местные жители. Всюду на деревьях виднелись зарубки, под ними — новенькие липовые кадушки и белеющие желобочки. Сок струился тонкой прозрачной нитью и с тихим звоном наполнял кадушки.

Обоз шел вяло, немазаные оси скрипели и загорались от трения. Телеги здешних крестьян нас не устраивали. Короткие, высокие, они были очень неустойчивы и тяжелы на ходу. Их деревянные оси то и дело ломались под большим грузом. Не было возможности напастись на них колесной мази.

— Эй! Эй! Поскрипывай! Овин походный! — шутили ездовые.

— Нет, это не боевой обоз, Тереша! Надо найти настоящие повозки, — говорил я Дегтяреву. — Пожалуй, именно от повозок зависит успех нашего похода на Сумщину.

Повозки мы скоро нашли, и вот при каких обстоятельствах.

Еще осенью вблизи Суземки десант противника перехватил значительный воинский обоз нашей армии. Во время жаркого танкового боя ездовые загнали обоз в лес и болота. Очутившись в тылу противника, ездовые оставили лошадей и повозки в лесу, а сами решили пробираться через фронт пешком. Чтобы перевести обозы на колеса, я на другой же день отправил из Герасимовки весь командный состав своей группы на поиски военных повозок. Сидя на конях, оснащенных полным комплектом упряжи, «заготовщики» во главе с Гусаковым утром появились на окраине села Негино.

— Давайте решим, товарищи, с чего начинать? — сказал Буянов, когда партизаны собрались на топкой дороге.

— И решать нечего! — заявил Троицкий. — Где хозяин молодой мужик, там повозка непременно будет, а то и две!

— Правильно, — поддержал Пузанов.

— А ты как думаешь, старшина? — спросил Инчин у Гусакова.

Оглядев улицу и остановив свой насмешливый взгляд на избе с развороченной крышей, Гусаков не спеша ответил:

— Нет, хлопцы, так мы вряд ли что достанем. Хоть есть тут повозки, но, знаешь, они хитро захованы. Одно колесо тут, другое в лесу, а осью стреха от ветра придавлена. Нам бы разведать сперва, что и как. Пойдем вон в ту ободранную хатенку; видать, хозяин на фронте, одни пацанята в окна высунулись. Они то знают, кто нахапал.

Все последовали совету Гусакова и направились к бедной хате.

Улица была пустынной; большие лужи воды и грязи расплылись перед палисадниками. Местами держались еще рыхлые сугробы снега.

Хозяйка хаты оказалась молодой женщиной с красивым, но изможденным лицом.

— Вам военные повозки? — переспросила она, — Этого добра на всех хватит! Далеко и ходить не надо. Сосед мой, — она показала в окно на просторный двор, — дезертировал с фронта, понахватал всего!

— Оно сподручней бы знать, где шукать, — сказал Петро Гусаков.

Молодайка усмехнулась.

— Вон, за огородом, бревна на новое место перекатили, видите? Под ними десяток телег найдете. Сама видела, а колеса, наверное, в колодце держит… Воду через улицу приходится брать, испортил колодец: ни себе, ни людям, — в сердцах произнесла женщина. — Да еще говорит: «Деготь или мазут в колодец попал!..» Заколотил, мол, не до чистки теперь, твердой власти дожидается. Боров краснорожий!

— Точно, боров! — подтвердили партизаны.

— Вот пойдите, да и заберите все. У него и обмундирования на целый отряд хватит, как следует поищите! Мало жадюге! С побитых шипели да сапоги стягивал. Только меня не выдавайте! Вы уйдете, а мне с ним жить, ведь мы соседи.

— Молодец девка, с искрой! — восхищался Сачко. — Спасибо, в другой раз непременно на чашку чая заеду. Найдется пара горяченьких?

— Да ну вас! — смутившись, ответила женщина. — Если по делу, заходите. У меня еще корова не поена, — и она запустила ухват в печку.

— Ей-богу, заеду! С первой же оказией… Ну, пошли, хлопцы, дезертира раскулачивать!

Когда партизаны появились в усадьбе, к ним вышел хозяин, крепкий малый лет тридцати пяти, в новой фуфайке военного образца, в штанах, сшитых из плащ-палатки, в яловых армейских сапогах. Яростно лаял цепной пес.

Выслушав пришельцев, хозяин изобразил на красном мясистом лице своем крайнее изумление.

— Нет, товарищи дорогие, нет у меня телег, откуда? Кто-то неверно указал! Это, значит, чтобы отвести внимание от себя! Зна-аю я их!

Но партизаны не поверили хозяину и приступили к разборке бревен. А когда вытащили за дышло первую военную повозку, хозяин вцепился в нее и, густо багровея, прохрипел:

— Эй! Стой! Так дело не пойдет!

Хлопая плеткой по голенищу, Гусаков ехидно процедил:

— Чего же ты хватаешься за дышло? Сказал, что нема, значит, не твоя…

— Не дам повозки! У нас, может, много кой-чего есть, да все это добро нашего отряда, У нас, брат, власть своя, на месте. На самоуправство я жаловаться буду! — и он юркнул куда-то на задворки.

Не прошло и часа, как десяток военных ходов уже был подпряжен к добротным коням. Еще почти столько же нашел Ромашкин, искавший в другом конце села. Остановка была-за шворнями, но и те нашлись в курятнике.

— Не хватает только колесной мази! — деловито сказал Гусаков, осматривая покрывшиеся ржавчиной оси. — Ну, да этим добром в подбитом танке разживемся или в герасимовских куренях отыщем.

Цуканов, ездовой первого орудия, спокойный и неторопливый парень, настраивая массивные передки артиллерийской повозки, пояснял:

— Это, братцы, клад! Глядите сюда, на середину оси. Дыру видите? Сюда и опускай сверху шворень. Вот орудие и в походном положении. А облегчение-то какое! Вместо четырех коней два свободно потащат.

На соседнем огороде под стогом сена партизаны нашли еще несколько повозок, целехоньких, в собранном виде. Не хватало дышел, но это никого не смутило.

— Сами сделаем! В Герасимовке березы хватит! — заявил Гусаков. — Эти на буксире доедут, а нет — в разобранном виде довезем.

Когда обоз был готов к отправлению в Герасимовку, снова появился хозяин, но теперь уже не один. Впереди него шел с важным видом человек в черном пальто. Под мышкой у него

торчал потертый портфель. За ними нехотя шел белобрысый паренек, держа за пеньковый шнур старую карабинку. Сунув руки в карманы, не поздоровавшись и ни к кому в отдельности не обращаясь, субъект заявил:

— Я запрещаю вам брать повозки! — И, немного помолчав: — Предлагаю прекратить бесчинство и немедленно покинуть село, — сказал он начальственно, с подчеркнутым пренебрежением.

Партизаны насмешливо переглянулись.

— Позвольте узнать, кто вы? — с любопытством разглядывая странного субъекта, спросил лейтенант Инчин. — От имени какого суверенного государства изволите здесь выступать? Кто облек вас такими, я бы сказал, чрезвычайными полномочиями?

— Я прокурор! — многозначительно сказала персона, оставляя руки в карманах и не глядя на Инчина.

— Что тако-о-е? — изумленно протянул Буянов.

— Не что такое, а прокурор Суземского района! И на основании кодекса гражданского права… — Тут прокурор поразил воображение партизан длинным перечнем постановлений, указов и кодексов о праве личности, собственности и правопорядке и перечислял их до тел пор, пока не был ошеломлен возгласом возмущенного Сачко:

— Хлопцы, что еще это за дикость!

— Не дикость, а советская власть установлена нами в данном селе.

— Это нам ясно, что советская власть, — перебил его Инчин, — но для чего тут прокуроров расплодили, — вот что дико!

— Нет, ты серьезно? — трогая за плечо прокурора и усмехаясь ему прямо в лицо, спросил Буянов.

— Да! И прошу без рук! — прокричал рассерженный «представитель закона».

— Куда мы попали, хлопцы? Сказились воны, чи що? — рассмеялся Гусаков.

— Давайте рассуждать здраво, — опять обратился к прокурору Инчин. — Ну, прокурор ты, ладно, верю! Но зачем этому дядьке десять военных повозок? На каком основании он присвоил имущество нашей армии?

— Не ваше дело! — заявил прокурор, размахивая портфелем. — Здесь военное имущество является собственностью партизан!

— А мы кто? — спросил Гусаков.

— Идите к себе в район и можете хозяйничать там! Вы, кажется, с Сумщины? — показал пальцем прокурор на юг.

— С Сумщины. Вот боеприпасы погрузим на повозки и отправимся. Не волнуйтесь! Здесь советская власть! А мы воюем за что?

— Ладно! — раздраженно произнес Инчин. — Им на Сумщину, они сумские, а меня куда ты пошлешь? Я с Волги, мой район в Мордовии, а?

— Это не мое дело! Тут у нас не Мордовия!

— Ах, вот как вас понимать! — произнес Инчин. — Каждый своему району пан! Им — хаты на Сумщине, себе — хутор в лесу, а до остальных — дела нету? Нет, братцы! Мой район на Волге, но защищать его буду я здесь. Понял, какую ты подлость сказал? Забирай, хлопцы, трогай коней!

— А ну-ка, посунься с дороги, прокурор! — трогая жеребца, крикнул Гусаков. — У нас дел богато! — и дал остальным знак ехать за ним.

— Это дневной грабеж! Насилие над личностью! — закричал осмелевший хозяин.

— Вы ответите перед судом как грабители! — заявил прокурор.

— А вы, гражданин прокурор, должны будете нести ответственность за потачку мародерам и дезертирам, — спокойно возразил политрук Лесненко и предложил «прокурору» пройтись с ним в штаб к суземцам.

— Ну, ты, личность! — наезжая конем на дезертира, проговорил Инчин. — Иди-ка лучше в партизанский отряд! Да и вам, гражданин прокурор, не кодексом в тылу врага воевать, а винтовкой! Оружием надо отстаивать право личности. Оружием!

— А ну, марш с дороги! Понатаскали тут всяких трофеев, — сказал, отъезжая, Пузанов. — Нажились за счет фронта мародеры! А теперь прячетесь от партизан. Сказано — кому война, а кому — мать родна! Дезертиры проклятые! Уже доберемся до вас.

— И куда только местные партизаны смотрят? — бурчал Баранников так, что слышно было на весь двор, — Ни черта не пойму! Тут всякий мародер советской властью прикрывается… С такой бы ряшкой станкач таскать! А он портфель в руки и — «прокурор»!

Кто-то из суземцев того времени «хватил через край». Вместо того чтобы направить все усилия на укрепление партизанских отрядов, суземские власти одно время создали целую сеть учреждений мирного времени. Набрали сотрудников РИКа, суда, прокуратуры. Они вмешивались в действия командования отрядами, разжигали антагонизм между партизанами разных районов, заводили склоки, забыв, что вооруженный до зубов враг стоит у ворот Суземки. Они не понимали еще, что партизанский

отряд, строящийся на советских принципах, — это и есть советская власть в тылу противника.

* * *

С прибытием повозок в Герасимовку началась практическая подготовка отряда к опасному переходу в Хинель.

Погода не позволила выступить в назначенный срок. Дождь, слякоть, внезапно ударившие заморозки сделали невозможным передвижение на колесах, и только в ночь на пятое мая наш Червонный отряд выступил в направлении Хинели.

Выходу предшествовала моральная подготовка партизан. Фомич провел общее партийное собрание отряда. Коммунисты должны были довести до сознания каждого партизана указания ЦК о необходимости действовать на Сумщине.

Задача осложнилась тем, что наш хинельский сосед — Ямпольский отряд — не был готов к выходу из-за отсутствия боеприпасов и обозов, ворошиловцы и севцы влились в Брянскую армию и тоже оставались в лесу, а объединение Ковпака готовилось к походу другим маршрутом, прямо в Путивльский район, который находился от Хинельских лесов далеко на юге.

Но партизан воодушевляло то, что весь состав подпольного райкома, в том числе и Фомич, шел вместе с нами, и это было для всех лучшим доказательством того, что дело, на которое идет отряд, важно.

Двое суток мы стояли на южной опушке леса, у села Негино, потом двинулись через Заулье, Бересток на Быки. В эти дни суземцы вели жаркие бои за свои южные села, переходившие из рук в руки. Зерново, Тарлопово, Павлово, Бересток и Безгодково превратились в обугленные развалины. Гитлеровцы отступили на Новгород-Северский шлях.

Всю ночь наша безмолвная колонна шла по топкой, глинистой дороге. Перед утром прошли село Безгодково и сделали небольшой привал. Село дымилось. Едкий чад шел от головешек, ветер разносил искры. Лошади боязливо храпели и бросались в сторону от раздувшихся опаленных коровьих трупов. Жители бежали к Брянскому лесу, оставив одежду, скот, запасы продовольствия.

Местами держался запах пережженного зерна, печеного картофеля. Уставшие партизаны отыскивали обуглившуюся картошку и, сидя возле угасающих огней, справляли печальный ужин.

Коней кормить не пришлось. Все, что могло служить кормом

для них, было преднамеренно уничтожено противником при отступлении.

Шлях перешли на рассвете, как раз на середине пути от Севска в село Орлию. Густой туман скрыл наш маневр от гарнизонов противника. Дальше шли без дорог, оставляя на полях широкую полосу разжиженной грязи. Колеса, похожие на глиняные жернова, еле вращались. Передки телег бороздили разопревшее поле, кони выбивались из сил; партизаны, вымазанные по уши грязью, подпрягались к повозкам, помогая измученным лошадям. Все, кроме боеприпасов, было сброшено с телег и оставлено в поле. Марш отряда продолжался весь день.

Еще хуже была дорога через Хинельский лес. Расстояние от села Быки до лесокомбината — не менее пятнадцати километров — преодолели авралом. Лесная дорога, изрытая до основания проходившими тут осенью механизированными частями, представляла собой сплошную полосу ям и завалов. Постромки рвались, беспрерывно ломались вальки, трещали дышла. Кони и люди то и дело проваливались в ямы, обманчиво прикрытые посеревшим мокрым снегом.

Хинельский лес вновь огласился шумом голосов, конским ржаньем.

К вечеру пятого мая добрались до лесокомбината. Отряд, вышедший из Брянского леса накануне, прошел за сутки около семидесяти километров по бездорожью!

Глава XII
СНОВА В ХИНЕЛИ

За те сорок дней, что нас не было на лесокомбинате, произошли серьезные перемены. Все районные центры — Хомутовка, Эсмань, Шостка, Ямполь, даже Марчихина Буда — были заняты немецкими гарнизонами. В селе Лемешовке снова стояли три сотни немцев.

Как сообщил Анащенков, тайно побывавший дома, севская полиция явилась в Лемешовку на подкрепление немцам и выгнала местных жителей на окопные работы. Угрожая Хинели, лемешовский гарнизон мешал нам выйти в район Эсмани, а потому необходимо было прежде всего выгнать еще не закрепившихся немцев из Лемешовки.

Но прежде чем начать военные действия, мы решили пополниться вооружением и боеприпасами. В этом важном деле неожиданную помощь нам оказала весна. Она раскрыла тайники лесных болот и закоулков, заглянула синим глазом в темнеющие заводи омутов и водомоин, обвалила закраины ям, в которых были припрятаны предметы, имеющие военное значение. Их оставила в лесу одна часть, дравшаяся с немцами в окружении еще осенью. Все, что обременяло красноармейцев перед прорывом, к которому готовилась войсковая часть, — было закопано в землю, утоплено в болотах и речках.

Несколько дней подряд партизаны прощупывали разопревший грунт, вонзая в него по рукоятку кавалерийские клинки или найденные тут же винтовочные штыки, ковыряя землю лопатами. Все лишнее снова закапывали и прикрывали валежником. Патроны собирали в повозки, снаряды разных калибров укладывали в канавы или прошлогодние колеи, засыпали землей и старым дубовым листом. Запоминали места. Делали на деревьях условные за тесины, зарубки и шли дальше, исследуя заполненные водой воронки.

Особенно тщательно обыскивали у мостов реку, осматривали лесные колодцы.

Благодаря нашим поискам мы скоро обеспечили себя нужным количеством патронов и снарядов. Но дело этим не ограничилось. Случай помог нам вооружиться грозным видом боевой техники, которого у нас еще не было.

Возвращаясь в лесокомбинат, я направил коня прямо через прогалину, между развалинами электростанции и лесопильным заводом, через обширную лужу буроватой воды. Конь

поскользнулся. Я придержал его поводом, но он снова споткнулся и затанцевал, звякая подковами по металлу. Пришлось сойти посреди лужи. Разгребая ногами размокший снег, я увидел большие сигарообразные снаряды. Как поросята в грязи, лежали в темной воде 120-миллиметровые мины. Не одна сотня этих грозных, в пуд весом, снарядов была уложена рядами и прикрыта сеном.

— Вот так Орлик! — воскликнул ехавший за мной Баранников. — Он артиллерийский склад, Михаил Иванович, нашел! Теперь бы минометище нам, и тогда — иди хоть на Глухов!

— А это можно! — словно между прочим сказал один из парней, сидевший подле лужи на бревнах.

— А вы кто такие? — опросил подоспевший Дегтярев, полагая, что перед ним партизаны из другого подразделения.

— Мы — минометчики! — прищурившись хитро, ответил тоненький паренек с чуть вздернутым носом и светло-карими веселыми глазами. — Если примете к себе, батарею тяжелых оборудуем…

— Ого! — воскликнул Дегтярев. — Таких у нас еще не встречалось! Проситесь у командира. Если не врете, примет!

— Завтра же можете проверить! Мы делом докажем. Я командиром батареи был… А этот, — он показал на молодого кадровика, — наводчик мой.

— Как сюда попали? — спросил я.

— Это большой сказ! — смеясь, ответил первый. Его звали Сашей Юферовым, а другого Митей Самодовым.

— Ну, ежели большой, идем ко мне в комнату, — пригласил я их, не желая упускать случая завладеть полковыми минометами.

— А минометы свои разыщете? — спросил Дегтярев минометчиков во время ужина.

— Их и искать не надо! Приедем, заберем. Только с десяток хороших коней потребуется.

— С десяток? — ахнул Баранников.

— А как же иначе? Под каждый четыре коня. Лафет, передки, ствол. Одна опорная плита сто двадцать килограммов весит. Упряжь и седла тоже в надежном месте припрятаны.

— Значит, вся батарея? — изумился и Дегтярев.

— Утром сами увидите, а не захотите видеть, так услышите. На весь лес громыхнем! — сказал, смеясь, Юферов.

— Откуда же вы родом, хлопцы? — Дегтярев даже придвинулся к Юферову.

— Я новосибирский, а Митя совсем северный, из Архангельска.

— Холмогорский, — уточнил Самодов.

На следующий день минометчики, подобрав три четверки резвых гнедых коней, мчались вдоль солнечной опушки с тремя грозными орудиями! Блестят начищенные стволы. Легко и бесшумно катятся резиновые шины, а на стволах и на зарядных ящиках сидят партизаны.

Каждый левый передний конь под седлом, на них качаются ездовые «носа» — Сергей Пузанов, гармонист Федька, младший Троицкий. Впереди на сивой резвой кобылке несется легкая фигурка юного командира тяжелой батареи — сержанта Юферова. Ребята мчатся лихо, внушительно.

— Первый миномет — к бою! — кричит мальчишеским голосом Юферов и выбрасывает руку влево.

Ездовые «носа» круто поворачивают лошадей, те дыбятся и через мгновенье уносят отцепленные передки в укрытие. Опорная плита садится на землю, ствол лезет кверху, наводчик припал к прицелу, его помощник, кадровик Самодов, глядит на угломер-квадрант, подгоняя ствол по вертикали.

Длинная стальная сигара уже выхвачена из зарядного ящика и подается к стволу.

— Осторожно! Не опустить носом вниз: взорвет и ствол и всех нас! — говорит Юферов, — Держите крепче! Стабилизатором книзу, плавно… Назад! Присядь! Шире рот!

Ствол плюнул пламенем, земля качнулась, мина со свистом понеслась в поле и там взорвалась, подняв черную развороченную землю.

Фомич зачарованно глядит, не нарадуется.

— Такого на земле не видел! — говорит он. — Когда служил на линкоре, было нечто подобное, только на воде. Море вот так же кипело и дыбилось от снаряда главного калибра. А на суше не приходилось… Спасибо, мальчики, — говорит он Юферову и Самодову, — прибавили партизанам силы! Молодец, сержант, золотой ты парень! — пожимает он руку юному командиру.

Юферов, довольный, улыбается и лихо поправляет темно-синюю суконную пилотку.

— Говорите, как на линкоре? Люблю я море, хоть и не бывал там.

— Да, — убежденно говорит Фомич, — будто с линкора ударило.

Фомич отбывал кадровую службу на крейсере «Червона Украина». Затем у себя на родине, в Ямпольском районе, был секретарем райкома комсомола, любил молодежь. Минометчики это чувствовали и с ним подружились.

Подарок Юферова явился более чем кстати. Через несколько

дней минометы были пущены в дело. Они помогли ликвидировать гарнизон противника, снова стоявший в Лемешовке.

Третья группа эсманцев отправилась еще засветло на юг, к Барановке. Ложным маневром мы хотели обмануть противника: он должен был решить, что отряд намерен занять Эсмань.

Вторая группа пошла вдоль опушки к Севскому шляху с тем, чтобы «оседлать» его и сидеть в засаде, пока не начнется отступление противника к Севску.

Мы с Дегтяревым взяли на себя лобовой удар; нам предстояло атаковать противника вдоль дороги на Лемешовку.

Резервов у нас не было. Фомич и остальные члены райкома пошли с первой группой.

В полночь началось наступление. Подразделения группы быстро прошли семь километров, отделяющих Лемешовку от Хинели, и развернулись в боевую цепь на голых лемешовских полях.

Противник не спал. Вспугнутые передовые посты послали в воздух сигнальные ракеты и убежали в село. Темное небо прочертили зелено-розовые и голубоватые трассы пуль. Суетливо застучали пулеметы; понеслись над полем сверкающие в темноте снаряды. Мы молча продвигались боевой цепью.

С расстояния в триста метров начали огневой бой.

Боевые цепи залегли. Первый миномет встал за клуней, пушки развернулись на открытом поле. Пулеметчики противника шарили по полю, рассыпая трассирующие пули веером. Мины рвались далеко позади наших цепей, снаряды проносились над нашими головами.

— По вспышкам, по вспышкам наводи! — командовал Инчин, командир первого орудия. — По стволу наводи! Видишь вспышку?

— Да кто их не видит! — озадаченно отвечал Коршок, приучаясь к артиллерийскому делу.

— Сквозь канал ствола надо уметь видеть!.. Утюг! — нервничал Инчин. — Наводи на вспышку!

Со стороны Барановки понеслись к Лемешовке красноватые искры. Это группа Хомутина стреляла зажигательными пулями.

Орудие врага участило стрельбу, и Коршок радостно докладывает:

— Вижу, вижу вспышки в канале!

— Заряжай! — командует Инчин.

Лязгнул замок.

— Пять осколочных, беглый!..

— Юферов, готов? Дави их пулеметы!

— Нельзя, товарищ лейтенант, слишком близко, осколки своих накроют.

— Стрелять!

— Огонь! — и голос Инчина тонет в грохоте.

Ослепительное пламя рвет предутренний туман. Задрав жерло миномета к небу, Юферов сам смотрит в прицел, ловя визиром вспыхивающие огни пулеметов. Оторвавшись, командует:

— Без дополнительного, огонь!

Миномет выбросил вертикальный столб огня.

— Жмись к земле!

Мина ударила точно по тому месту, откуда строчили два пулемета.

Юферов снова припадает к прицелу, а я бросаю вдоль своей цепи красную ракету — сигнал атаки.

— Готовиться к атаке! — слышатся в цепях голоса командиров.

— Беглым! Пятью минами! — хрипло говорит Юферов.

— Беглым! — кричит Инчин.

— К атаке! — перекатывается по цепям.

Огонь орудий бушует, озаряя уже бегущие вперед фигуры партизан. Окраина села горит, над полем зарево.

— Удирают фрицы! Мечутся! — восклицает Пузанов и, размахнувшись, кидает гранату.

С рассветом мы были на окраине. Из-за горящего сарая выскочил на бешеном коне всадник. Он кричал и размахивал плетью. Матюкаясь, набросился на меня и на Буянова. Я всматриваюсь, — не могу узнать всадника.

— Какого дьявола тут торчите! Немцы сбежали! Нами прикрылись, сволочи! Снимайтесь живо! — яростно кричит он на партизан.

— Начальник севской полиции, — успел шепнуть мне Анащенков. — Его нам и надо!

Буянов — помощник командира третьего взвода — ловко сдирает полицая с коня и по-кошачьи прыгает в седло. Разгоряченный конь дыбится.

Я бью прикладом полицая, известного карателя во всем Севском округе, в горячке боя принявшего нас за своих.

Буянов умчался в село. Вслед за ним остальные.

Инчин пляшет возле переломанной ветлы и машет нам руками. Мы идем к нему.

— Смотрите! Вот работа артиллеристов! — Он показывает нам свежий излом дерева. Пробитое нашим снарядом, оно упало на немецкую пушку. Трое немцев уткнулись в лафет; каски

пробиты осколками, орудие цело; из казенной части торчит наполовину вставленный снаряд. Рядом две арбы со снарядами.

— Метко! — отвечает Фомич.

— Это мой, мой выстрел, — торжествует Коршок, помогая Инчину развернуть орудие в обратную сторону.

Тут же, неподалеку от пушки, находим два батальонных и один ротный миномет, несколько возов мин. Гусаков уже подпрягает к ним коней.

— Победа! — говорит Фомич, а я выпускаю серию зеленых ракет. Это сигнал: «Все ко мне!»

Немецкий отряд успел уйти от разгрома. Тхориков завел вторую группу не по назначению. Проплутав где-то в поле, группа не вышла к сроку на Севский шлях. И это спасло отряд немцев. Но зато их боеприпасы и тяжелое вооружение стали нашими.

Через несколько дней мы повторили операцию в селе Фотевиж: зажав в огненное кольцо прибывший из Глухова немецкий отряд, загнали его в каменную церковь и в течение полутора суток стреляли прямой наводкой бронебойными снарядами из трех пушек…

С разгромом двух этих гарнизонов открылся путь на Эсмань и к Глухову. Эсманская комендатура и все ставленники гитлеровцев опять бежали из Червонного района в Глухов.

Очистив Червонный район от гитлеровцев, мы снова расквартировались в лесокомбинате.

На зеленой лужайке разместился артиллерийский парк первой группы. Пушки, минометы, станковые пулеметы выстроены стволами на луг, в сторону винокуренного завода. Позади них, между толстыми соснами, артиллерийские повозки, тачанки, зарядные ящики. Артиллеристы заняты проверкой и переборкой снарядов, а Гусаков, собрав пехоту, первого и второго взводов, чистит и сортирует патроны, набивает пулеметные ленты, диски, патронташи. Каких тут только нет патронов: и русские, и немецкие, и венгерские; обычные, бронебойные, сигнальные, трассирующие, осветительные, зажигательные. Партизаны, вооружившись ветошью, приводят в порядок, раскладывают по видам, распознают по цвету, по форме пули, по внешнему виду гильзы.

Мы богаты патронами. Их привезли крестьяне из курских сел: Калиновки и Поздняшовки. По приказу комендантов крестьяне собирали патроны, когда начал сходить снег. Старосты свезли собранные со всех окрестных сел боеприпасы в Поздняшовку, заполнили ими колхозные амбары, выставили охрану. Все эти боеприпасы подлежали перевозке в Севск или Глухов, как только высохнет на шляху грязь.

Теперь, с разгромом лемешовского гарнизона, дорога в Хинель оказалась свободной, и приехавшие к нам куряне говорили:

— Амбары ломятся от патронов, заберите их, пригодятся!

Чтобы ускорить транспортировку боеприпасов, туда был выслан взвод Митрофанова, и теперь подводы, мобилизованные из Хвощевки, Воскресеновки и Поздняшовки, идут одна за другой, нагруженные патронами россыпью, пачками, в цинковых и в деревянных ящиках.

Близится вечер, на дворе ясно, тепло.

Я и Дегтярев заняты делом: распределяем партизан по подразделениям.

В группе двести человек. Хочется оставить в каждом взводе по сорок три человека, укомплектовать пять новых минометных расчетов, один орудийный, выделить хозяйственную и санитарную часть, но сколько мы ни мудрим, а людей недостает.

— Минимум десяток, — говорю я Дегтяреву, — при условии, что у нас девять человек на каждый ствол.

— А мы поставим по восемь, — говорит Терентий.

— По восемь ненадежно. Считай сам: ездовых миномета, скажем, один; командир, наводчик, помощник наводчика — это уже четыре. Ну а подносчики, ездовые с боеприпасами?

— Да, действительно, скупо, — но где же взять людей?

Дегтярев крепко задумался, я снова занялся списками. С порога кто-то произнес знакомым голосом:

— Товарищ капитан, можно?

Я увидел Нину и Аню, на них серые жакеты, белые косынки. Что-то родное и милое вошло с ними в комнату. Я обрадовался гостям.

— Входите, входите! Здравствуйте, девчата! Что это вы как именинницы?

Девушки улыбнулись:

— Я маму нашла, а она меня; пока мы в Брянском лесу были, она, бедненькая, по селам скиталась, как бездомная, — взволнованно произнесла Нина. — А эти вещички из ямки выкопали. Мама и меня, и Аню нарядила, — смотрите, как легко и удобно!

Она стояла перед зеркалом, охорашиваясь и поправляя волосы.

Аня тем временем говорила мне и Дегтяреву:

— Не знаю, как вам, а нам хочется быть нарядными, хоть бы на час, на два! Весна! Сами-то не видите? Эх, кабы не война!..

— Посидите, девчата, с нами, расскажите, как нашли маму, любят ли вас хлопцы, — отшучивался Дегтярев, — а мир я вам

обещаю. Он скоро настанет…

— Когда, когда? — зашумели девушки…

— Враз, как только победим фашистов, и мир будет, — ответил Терентий.

В окно залетел мотылек и весело трепетал золотыми крылышками, ища выхода. Где-то неподалеку в полях заливался жаворонок.

— Чуете? Как хорошо! — сказала Нина. — Тихо…

— Вот то-то, — серьезно произнес Дегтярев, — тихо!.. Это только на какой-то час тихо, — не та тишина! Вот разобьем фашистов, — придет настоящая тишина! Представляете: светит солнце, небо синее-синее, а земля ровная и бескрайняя, будто коврами вся устлана. Сады на ней цветут, и посевами зеленоватая рябь изредка пробегает, как волна морская. И так и степи тихо, что кажется, — слышишь рост травы. И ни одного выстрела во всем мире!

— Ни одного? — разом повторили девушки. — Вот это жизнь будет!..

Откуда-то издалека донесся до нас глухой удар. Девушки вздрогнули. Я успокоил их, сказав, что это наш Юферов пристреливает минометы. Дегтярев, прислушавшись, поглядел на девушек, улыбнулся и тем же мечтательным голосом продолжал:

— Да, наступит мир, и мы вернемся к труду и счастью. Мы построим сказочные города, великие электростанции, мы изменим течение рек и создадим в пустынях моря, — там, где сегодня гуляла смерть, расцветет счастливая, мирная жизнь. И такие вот, как вы, красивые и нарядные девушки выйдут навстречу нам с цветами, и мы…

— Ну, что же дальше, говорите, — нетерпеливо произнесла Аня, и Дегтярев шутливо ответил:

— И мы крепко обнимем вас и расцелуем!.. Красавицы…

Девушки смущенно засмеялись. Нина, словно невзначай, спросила:

— Это потом, а теперь?

— А теперь — патроны чистить! — серьезно проговорил Дегтярев. — Война.

— Патроны? Маме мешочки поручено шить, и мы ей помогаем, — заявила Нина.

— Какие мешочки? — удивленно спросил Дегтярев.

— Для Юферова, чтобы порох насыпать, — пояснила Аня.

— Так это патронташи, а не мешочки, — рассмеялся Дегтярев. — И что же?

— Да вот, сшили уже пятьдесят штук, а Юферов и Гусаков сотню требуют, да еще хотят, чтобы шелковые были. Мама и

платок и две блузы изрезала.

Дегтярев пожал плечами.

— Чудно́ что-то, не пойму.

— Это для дополнительных зарядов к минометам — сами делаем, а порох из патронов вытрясаем, — пояснил я Дегтяреву.

Девчата вышли было из комнаты, но через минуту вернулись и сообщили, что к нам просится жинка Митрофанова.

Я посмотрел в окно, — увидел Елену Павловну; она стояла подле дерева в дождевике, на ногах желтые сапожки, на голове синий шарф. Она разговаривала о чем-то с группой вооруженных людей. Увидев меня, Елена вошла в комнату.

— Я вам пополнение привела, — сказала она. — И куда вы дели моего Митрофанова?

— Прежде всего, здравствуйте, Елена Павловна, — сказал я. — Где пропадали?

— Ждала сухой стежки-дорожки, — смеясь, ответила она. — Смотрите, какие бородатые крепыши!

— А мы тут гадали, где бойцов взять для артиллерии, — сказал Дегтярев, вздыхая с облегчением. — Пройдусь, поговорю с хлопцами, — добавил он.

Елена Павловна заметила:

— Но только — чур: все они пойдут к Митрофанову, — иначе не согласятся.

— Это почему же? — обернулся с порога Дегтярев.

— А так! Помните у Некрасова: мужик что бык!.. И к тому же, они знают только одного Митрофанова.

Дегтярев махнул рукой, сказал: «Ладно», — и вышел.

— Не правда ли, хорошее пополнение, товарищ капитан? — Елена села на подоконник, оглядывая бородаче — Они вооружены, у них отрезы, бердыши…

— Обрезы и берданки, — поправил я и выглянул в окно, чтобы еще раз посмотреть на пришельцев. Те стояли у повозок с патронами и, видимо, не знали, что делать: просить ли патронов или просто протянуть руку и взять, сколько хочется…

— Значит, вы не собираетесь переходить фронт, Елена Павловна? — спросил я. — Или, может быть, эти бородачи будут сопровождать вас и Митрофанова?

— Какой вы злопамятный! — капризно проговорила она. — Я тогда вам шутя об этом сказала, а вы…

Я напомнил ей первую беседу.

— Значит, вы все же решили быть вместе с нами?

— О, нет! Не собираюсь и никогда не соберусь, товарищ капитан!

— Но вы — врач и обязаны выполнять долг патриота.

Рассмеявшись, она слегка коснулась моего плеча и спросила:

— Ах, товарищ капитан, неужели патриот только тот, кто в партизанах? Вы, очевидно, забываете, что я женщина. Я всего боюсь: боюсь леса, одиночества, я никогда не держала в руках оружия, да, наконец, — я боюсь выстрелов! Как вы не хотите понять этого, жестокий человек!

— Тогда скажите, почему так долго мы вас не видели? Где вы были? Почему не ушли с нами в Брянский лес? Скажите откровенно, где же вы пропадали?

— Я прячусь у подруги в Чуйковке, — не сразу ответила Елена.

Я не поверил этому: в Чуйковке немцы, полицаи. «Не может быть, чтобы она жила именно там», — подумал я и спросил:

— И вы не боитесь попасть фашистам в лапы?

— Боже мой! — она даже руками всплеснула. — Вы утомили меня своими расспросами! Трудно быть среди немцев мужчине, а женщине! Десяток яиц, игривая улыбка в придачу, и любой полицай не то что из села, а из концлагеря выпустит! К тому же, в этом районе меня знают. Я училась в Михайловском Хуторе.

Елена встала перед зеркалом и занялась своей прической. Я обратил внимание на красивый черепаховый гребень, который она воткнула в косы. Я невольно залюбовался чистотой и богатством отделки. Длинная, изогнутая, с затейливой золотистой каймой и с тремя зеленоватыми блестящими камешками на углах, гребенка светилась янтарным блеском и, казалось, чем-то походила на Елену, такую же эластичную и яркую.

— Изящная вещичка, — заметил я.

— Да, это почти все, что сохранилось из подарков мужа, из Риги. — Елена громко вздохнула. Я возвратил гребенку, и Елена отвернулась к окну. Там загрохотал обоз с патронами, и она высунулась в окно.

— А вот и мой Митрофанов! — вдруг воскликнула она. — Жив и здоров! Сеня, Сенечка! Я здесь… Здравствуй, дружок! Иди сюда скорее. Мы попросимся, чтобы нам разрешили теперь же поехать в Демьяновку. Мама не дождется!

Я молча слушал ее болтовню, в которой многое было нелогичным.

То она боится быть в лесу, и в то же время не страшится никакой полиции, то скучает без Митрофанова, а сама явилась на свидание к нему только теперь, когда нашему пребыванию тут насчитывается уже три недели.

И к тому же я ни на минуту не забывал окна в последнем доме села, где месяц назад мелькнуло лицо этой женщины.

— Товарищ капитан, товарищ командир, вы разрешите, конечно, отлучиться Сене? — Она стремительно обернулась в мою сторону, задорная и будто искрившаяся от возбуждения.

— Нет, Елена Павловна, это невозможно, — сказал я. — Вы знаете, что в Марчихиной Буде большой гарнизон немцев.

Елена устремила на меня наивно-удивленный взгляд.

— Да, да, совсем забыла… Что же мне делать?

— Останьтесь, — сказал я.

— Не могу, мама больна. У нее жар, а я даже не сказала, что ушла из дому. Ах, боже мой… Ну, я побегу. Пусть меня не задерживают на заставе, — заторопилась Елена и, не попрощавшись, выбежала из комнаты.

«Опять не могу, опять мама, — подумал я, глядя ей вслед. — Опять не хочет идти в партизаны и все же ходит сюда… И мамы в Демьяновке не было… Задержать, допросить? Но… не обижу ли я ее и Митрофанова напрасно? Ведь подозрения — не улики, — думалось мне. — И все же ведет она себя подозрительно…»

— Хороший вечерок будет, Терентий Павлович, — сказал я вошедшему в комнату Дегтяреву.

— Совсем тепло, — произнес он и сбросил с себя шинель.

— Не кажется ли тебе, Тереша, — сказал я, — что людям сегодня надо ночевать в лесу?.. И Фомичу то же посоветуем. Как думаешь?

— Это к чему же? — не понял Дегтярев.

— Ну хотя бы к тому, что при теплой погоде приятнее спать на воздухе. И об этом не будут знать посторонние.

Я рассказал ему все, что думал относительно Елены Павловны. Дегтярев засмеялся.

— У тебя, Михаил Иванович, против нее предубеждение. Может быть, слишком много о ней думаешь? Признавайся!

— Шутки в сторону, Тереша. Понаблюдаем за нею!

— Не возражаю. Даже одобряю. И Фомичу скажу об этом. Посоветую, чтобы спать в лесу.

— Вот и отлично. Перейдем туда в сумерках, — повторил я и вышел во двор.

Елены Павловны не было. Даже Митрофанов, который едва успел поздороваться с нею, не знал, куда она делась, Поиски ничего не дали.

В сумерках я вывел все подразделения для ночевки в лес. Тишина, теплый смолистый воздух способствовали мирному сну партизан, укрытых разлапыми ветвями сосны и ельника. Яркие звезды зажглись в темно-голубом небе и, казалось, оберегали наш сон.

А на рассвете дремотная тишина Хинельского леса была

взорвана залпами и грохотом необычной силы. Выпорхнули испуганные птицы, заколыхались гордые кроны деревьев, партизаны вскочили, схватившись за оружие.

В первые секунды мне показалось, что мы накрыты разрывами снарядов, но вскоре послышались свистящие, противно воющие звуки авиабомб. И снова троекратно вздрогнул лес. Казалось, он проваливается куда-то со всеми нами.

Взглянув в небо, я увидел самолет, выходивший из пике. После очередной серии громоподобных разрывов удалился второй самолет. За ним последовали остальные. Их налетело около десятка. Высыпав на лесокомбинат бомбовой груз, юнкерсы удалились в сторону Конотопа.

Оправившись от внезапного нападения, партизаны поспешно занимали места по боевому расписанию.

Не видя непосредственной опасности на земле, я подал команду проверить наличный состав бойцов и начал искать своих командиров. Вижу Прощакова, — он дает торопливые указания расчету станкового пулемета. Сачко бегом выводит взвод на точку, определенную планом обороны нашего лагеря. Митрофанов, как всегда, не спешит с выступлением своего третьего взвода и дает Буянову какие-то указания. Ромашкин с Инчиным выкатывают пушки, готовясь выдвинуть их к винокуренному заводу — сектору обороны первой группы. Юферов поднимает опорную плиту полкового миномета, переводя его в походное положение. Старшина Гусаков хлопочет у патронных повозок, ругая ездовых. Не было видно только моего комиссара. Я спросил:

— Кто видел Дегтярева?.. Дегтярев! Товарищ Дегтярев! Тереша! — кричу я во весь голос. — Терентий Павлович!

Далекое эхо приглушенно повторило.

— Михаил Иванович, — отозвался Баранников, подводя озирающегося Орлика. — Он, Терентий Палыч, на квартире ночевал… Еще просил меня лампу наладить вечером, а потом читал долго…

— На квартире! Беда, Коля! — И, не слушая Баранникова, я схватил оружие и бросился в сторону нашей квартиры.

Баранников побежал за мной. Орлик боязливо упирался и тянул повод, отфыркиваясь от смрадного чада, который полз навстречу нам из разбитого поселка.

Пробежав сотню шагов, я остановился на опушке, пораженный тем, что увидел. Все сосны, высившиеся вдоль улицы, стояли без вершин, подобно частоколу. Соседний с нашим дом был сорван с каменного фундамента и стоял поперек дороги, зияя провалами выбитых окон. В стороне от дома лежала с

распущенными длинными волосами молодая женщина, а возле нее мальчик лет семи.

На месте поселка дымились развалины.

Дом, в котором жили я и Дегтярев, остался невредим. Уцелели даже стекла. Наша комната была пуста. На стене — шинель Дегтярева, в углу — заправленная койка. Я решил, что Дегтярев ушел отсюда еще до налета.

— Товарищ комиссар! Товарищ Дегтярев! Терентий Павлович, где вы? Мы вас ищем! — кричали мои товарищи. Дегтярев не отзывался. Анисименко, политрук Бродский, Баранников и Коршок занялись осмотром дома и улицы.

— Вот он! — крикнул Коршок. — Живой! Идите сюда!

На обочине против нашей квартиры было выкопано несколько окопов для стрельбы из положения стоя. Приблизившись к ним, я увидел Терентия: скорчившись, он сидел в квадратной яме и, подобно ребенку, прикорнувшему к матери, уткнулся курчавой головой в стенку окопчика. Казалось, он спал. Сверху нам видны были могучие плечи и сильная шея, оттененная белой полоской подворотничка. Темно-синюю суконную толстовку Дегтярева покрывали песок и пепел.

— Тереша! — позвал я моего друга и потряс его за плечо.

Терентий молчал. Мы осторожно вытащили его и положили на пятнистую плащ-палатку. Автомат ППД выпал из его правой руки, звякнув в окопе. Я расстегнул тесный ворот и взял Терентия за руку, пытаясь найти пульс. Инчин приложил ухо к груди, прислушался. Остальные угрюмо и напряженно смотрели в матовое лицо комиссара.

Баранников приподнял курчавую голову Дегтярева и положил на свое колено. Из-под пряди волос на прямой и чистый лоб сползала тонкой змейкой кровь… Расправив вьющиеся, присыпанные песком и гарью волосы, я увидел под ними вонзившийся в голову Дегтярева тонкий пластинчатый осколок. Множество таких осколков изрубили не только все ветви на соснах, но и всю траву вокруг и вдоль улицы. Этим осколком Дегтярев был сражен наповал.

— Умер… — глухо произнес Инчин.

Мне вдруг стало душно и невыразимо больно…

В Дегтяреве я потерял не только боевого товарища, — у меня не стало той сильной опоры, какой является командиру комиссар — друг и родной брат.

Мы обнажили головы и, подавленные горем, склонились над дорогим телом.

Подошли Фомич и Анисименко, а за ними Аня с Ниной.

— Прощай, наш друг, — дрожащим голосом проговорил

Фомич. — Прощай, Терентий Павлович, мужественный большевик и воин…

Фомич опустился на колено и поцеловал Дегтярева в крутой, широкий лоб.

Поднявшись, он взял меня под руку и, едва сдерживая слезы, сказал:

— Тяжела утрата, Михаил Иванович, — страшно тяжела… Погиб большевик, с кем начато наше дело…

— Мне, Фомич, вдвойне тяжело, — проговорил я тихо. — Дегтяреву я верил, как себе самому. Я любил его, как родного, с ним… — я не мог говорить, словно кто душил меня.

Нина с бинтом в руках опустилась на колени, взяла голову комиссара в свои руки и долго держала так, всматриваясь в неподвижные черты, С дрожащих густых ресниц ее сорвались на спокойное лицо Дегтярева крупные слезы. Она вытирала их куском бинта, приговаривая:

— Аня, Анечка! Нарви цветочков. Побольше…

Детские пальцы Нины расчесывали кольца волос, выбирая из них приставшую чешую сосновой коры и рыжеватые смолистые иглы.

Коршок, опираясь о ствол сломанного дерева, плакал навзрыд. Аня собирала на лужайке реденькие цветочки и тоже плакала. Молча стоял над мертвым телом Баранников.

Мы похоронили Терентия Дегтярева на песчаном пригорке, где меж трех столетних сосен поникла старая плакучая береза. Это было почти рядом с нашей квартирой, у крайнего дома поселка, если пойти прямой сосновой аллеей от винокуренного завода к лесокомбинату.

Тут же, под плакучей березой, был схоронен первый мой артиллерист, юный кадровик Федя Чулков, погибший еще зимой при защите Хинельского края.

Дегтярев был второй жертвой, которую вырвали фашисты из рядов моей группы.

Над этой могилой Фомич сказал:

— Мы не заплачем… Мы отомстим и победим, сколько бы нас ни упало! В борьбе за свободу к независимость Родины ряды патриотов неисчислимы!

Траурный митинг был внезапно сорван артиллерийским огнем противника.

* * *

Высадившись вечером из эшелона на Хуторе Михайловском,

пехотный полк гитлеровцев шел всю ночь через Неплюевские леса, Марбуду и Демьяновку, и в то время, когда юнкерсы бомбили лесокомбинат, он развернулся перед Хинелью.

Намереваясь обрушиться на нас внезапно и недооценив силы нашего отряда, этот полк приблизился к нам без разведки. Не зная местности и полагая, что мы деморализованы бомбовым ударом, полк с хода ринулся к лесокомбинату и винокуренному заводу.

Пятиэтажный корпус винокуренного завода, находясь в углу Хинельского леса и представляя собой каменный наконечник клина, врезавшегося в боевые порядки противника, оберегал подступы к нашей позиции. Глубокий и длинный пруд намного усиливал оборону завода, а ниже пруда Сычевка поворачивала в северном направлении и таким образом преграждала путь к западной опушке и к лесокомбинату.

Когда растаял туман и обнаружились голые, еще не всюду просохшие поля, мы увидели густые цепи солдат. В буро-зеленых шинелях, с ярко-рыжими, из телячьих шкур, ранцами, они шли тесными боевыми цепями, приближаясь к заводу перебежками с приземлениями, как на учениях. Наступали из-за лощин и небольших бугров, откуда виднелись колодезные журавли и крылья хинельской мельницы.

Не дойдя до завода шагов двести, они окопались, укрывая головы за чернеющими бугорками земли: видимо, они ожидали обстрела со стороны винокуренного завода, внезапно выросшего перед ними из тумана.

Развернув свою группу на обороне опушки, заняв каменный корпус винокуренного завода двумя взводами, я сидел на втором этаже, напряженно ожидая схватки.

Третий и четвертый этажи занимал Сачко, приспособивший свои станкачи в окнах-бойницах; ему помогал Бродский.

На первом этаже со своими бойцами и ручными пулеметами разместились Колосов и Лесненко.

— Понимаешь, что́ от тебя требуется? — спрашивал я Сачко перед боем.

— Да, вдарю из станкача, чтоб чертям тошно стало, — отвечал он мужественно и спокойно, как всегда.

— Не то. Ты управлять должен, а вы, — обратился я к остальным командирам, — вы тоже должны управлять огнем. Ни одного выстрела, пока не начну я, — вот задача!

— Поняли, товарищ капитан, — дисциплина, выдержка!

Винокуренный завод молчал. Из передовой цепи немцев поднялся офицер. Помахивая пистолетом, поблескивая ремнями новенького снаряжения, он что-то прокричал своим солдатам и

решительно пошел к винокуренному заводу.

Солдаты, лежавшие за бугорками, мгновенно поднялись и ускоренным шагом двинулись вперед, обгоняя офицера. Вслед за первой цепью поднялись другие. Цепи шли прямо на нас…

Ускоряя шаг, первая цепь уже приблизилась к заводским стенам, но смешалась, сгрудилась и потеряла стройность. Одни залегли, другие присели, озираясь на темные окна завода. Офицер, все еще держась за пистолет, растерянно оглядывался. Отослав назад солдата, он спрятался за камышами.

В это время два солдата вытащили из камышей длинную жердь и погрузили ее в заплывшую зеленой ряской и лилиями пучину. Жердь медленно ушла в глубину, потом пружинисто выскочила, не достав до дна. Офицер озадаченно покачал головой.

Замешательство заметил я и в другой роте, наступавшей правее. Она остановилась в сотне шагов от винокуренного завода. Третья рота наступала уступом влево. Не останавливаясь, она обогнула камыши, прошла вдоль пруда и свернула на греблю, соединявшую поселок пенькового завода с винокуренным заводом.

Настил моста через левый шлюз гребли был снят, и гитлеровцы цепочкой, по одному, начали перебежки по бревнам.

Гребля вела их прямо к заводу. Они миновали второй шлюз, который был также без настила, и начали группироваться вблизи завода.

На лесной опушке загремели полковые и батальонные минометы, вчера пристрелянные по этим полям Юферовым. Черные фонтаны земли вставали по всему полю.

Смешавшись, гитлеровцы бросились скопом через шлюзы. И когда гребля закишела солдатами одного батальона, а другой батальон тем временем суетился на берегу пруда в поисках обхода завода справа, — четыре этажа винокуренного завода обрушили на противника ливень пулеметного огня…

Четыре станковых и четыре ручных пулемета, семь десятков винтовок стреляли на выбор, в упор с расстояния в две-три сотни метров, в метавшихся по гребле и голому полю гитлеровцев.

— Так их, так, хлопцы, — за комиссара, за Дегтярева! — яростно кричал Сачко; он перебегал с четвертого этажа на третий и требовал пулеметных лент. — Воды, воды! — отрывисто кидал он подносчикам и сам помогал им поднимать воду для пулеметов.

Две роты гитлеровцев, вытянувшихся на узкую греблю, были прибиты к ней свинцовыми гвоздями. Некоторые от страха бросались в пруд, увязали в водорослях, тонули. Тот батальон,

что пытался обойти пруд справа, подставил свой фланг южной опушке леса, а оттуда неслись осколочные снаряды трех орудий.

Батальон не выдержал и обратился в бегство. Минометный огонь настигал гитлеровцев, поражая их за складками поля. Третий батальон, наступавший на лесокомбинат от Ломленки, с запада, увяз левым флангом в болоте и всем своим фронтом уперся в заболоченное устье Сычевки при слиянии ее с речонкой Ивоткой. Его сдерживали вторая и третья группы нашего отряда.

Фронт первой группы, защищавший винокуренный завод, для гитлеровского полка был не по зубам.

К середине дня наступление окончательно захлебнулось. Прикрывшись огнем артиллерийских батарей, растрепанные батальоны убрались в село Хинель, откуда начали обстрел винокуренного завода из пушек.

Мы рассчитывали на передышку после горячего боя, но в половине дня со стороны Марчихиной Буды подошли свежие части противника. Свой главный удар они нацелили на лесокомбинат, в обход винокуренного завода слева.

Когда дело дошло до рукопашных схваток, Фомич, находившийся у лесокомбината, прислал мне на винокуренный завод записку:

> *«М. И. Держитесь во что бы то ни стало, пока не стемнеет. В сумерках попытаемся отойти».*

Я кратко ответил:

> *«За нами дело не станет: выдержим любой натиск. Так ли чувствуют себя остальные?»*

Остальные — вторая и третья группы эсманцев — держались весь день геройски. Они отразили три атаки наседавших на них батальонов.

Лишь к вечеру, когда в сумраке потонули Неплюевские леса, бой у лесокомбината прекратился. На Хинельские леса опустился мрак и пронизывающий холод. Мы отступили в глубь леса без команды: подвел Тхориков. Испугавшись последнего натиска гитлеровцев, он оставил свой командный пункт. Убежав в лес и увлекая за собой менее стойкую часть бойцов, он таким образом допустил выход противника в тыл первой группы.

Анисименко всё же сумел собрать и выстроить весь отряд на лесной просеке. Отряд двинулся на восток. Тонкие, темные и грязные ложбины в лесу стерегли нашу колонну.

Мы уходили по глухим лесным тропам, удаляясь от горящих квартир.

Ворвавшиеся на лесокомбинат каратели сразу же подожгли его со всех сторон. Горели дома, сараи, производственные постройки, склады с паркетом, пиломатериалы. Жаркое, стреляющее пламя металось в вечернем небе, и отблески его плясали на кронах красных сосен — немых свидетелей дикой жестокости оккупантов.

День двадцать седьмого мая догорел вместе с лесокомбинатом. Несчастные его жители, женщины и дети, оставшиеся без крова и без хлеба, убегали в глубь леса.

Глава XIII
ОТРЯД В БЕДЕ

На короткой остановке поступило распоряжение:

— Командиров в голову колонны!

Из хвоста растянувшегося отряда я пытаюсь ехать вперед верхом. Ни зги не видно. Упругие, колючие ветви нещадно хлещут по лицу, цепляются за одежду. Спешиваюсь. Иду, скользя и спотыкаясь, притиснутый обозами к стволам деревьев. Наконец, я «в голове» у Анисименко и Фомича.

Там уже собрались командиры групп, начальник артиллерии, Фисюн, командир разведки Талахадзе. Короткий совет: куда идти? На юге и на севере — враг, на западе — Чуйковские болота. Значит, можно идти только на восток.

Решаем кратчайшим путем выйти на южную опушку леса. Там поле. У села Поздняшовки пересечь Севско-Глуховский шлях и уйти в Хомутовский район, в Крупецкие леса; оттуда откроется дорога на леса Шалыгинские, Путивльские, Конотопские.

Итак, по кольцу через Кролевецкий и Шостенский районы можно будет вернуться в Неплюевские, а затем и в Хинельские леса. На полях теперь уже сухо. Мы сделаем бросок и ускользнем из-под занесенного над нами удара. Противник нас потеряет.

Отряд снова плывет по скользким дорогам всей массой обозной тяжести. В темных просветах просек виднеются далекие, чуть мерцающие звезды. Холодно, сыро, хочется спать.

Среди ночи вышли на юго-восточную опушку. Отсюда несколько километров до шляха. За ним подлесный поселок имени Крупской — знакомое еще с осени пристанище эсманцев. Нам грезятся умывание, теплый отдых, завтрак, обед, ужин — всё вместе за эти страдные сутки…

Вот и поле. Колонна застучала колесами по сухой дороге. Шагается легко, свободно. На широком небе зажглись крупные звезды.

Остановились. Надо хорошо разведать шлях. Взвод Прощакова с орудием Инчина выдвигаю вперед, в головное охранение. В поле требуются увеличенные дистанции между колоннами. Кажется, недопустимо медленно выдвигается взвод Прощакова.

Но вот и он остановился. Ждем донесения разведки. Тхориков осмелел. Ему кажется, что опасность уже миновала. Он истерично взвизгнул:

— К черту остановки! Уходит ночь, нельзя терять времени!

Вторая группа, — за мной!

Выхватив кнут у ездового, он вскакивает на повозку хозяйственной части. Кони взвились, унося арбы, покрытые брезентами. Там сухари, сало.

За ними сорвались вторая, третья повозки. Стучат колеса, копыта коней, Фисюн едва успевает задержать остальные обозы. Увлекаемая Тхориковым, вторая группа рванулась и затерялась в поле.

Но вот тронулась и колонна. Шагаем. Возникли неясные очертания деревни Воскресеновки. В деревне взвилась ракета, затакало и ударило. Над колонной завыли мины, загремели позади нас разрывы. Оказалось, что нас ждали. За Воскресеновкой, на шляху — село Поздняшовка, а левей — Курганка. Они, подобно двум иллюминированным кораблям, засияли фейерверками осветительных и сигнальных ракет.

Колонна дрогнула.

— Ложись! — И все вокруг меня повалились, готовя оружие.

В неровном свете ракет виднеются силуэты лошадей, повозок, мчавшихся к лесу.

Все молчат. Явственно слышится только истерический голос Тхорикова:

— Моя группа! За мной, к лесу!

Слышно, бегут, шумя и матюкаясь.

Выжидаю. Вскоре все смолкло. Указаний от штаба — никаких, но уже ясно, что колонна повернула в лес, и мне приходится заняться разведкой.

Талахадзе доложил:

— Отсиделись у крайней хаты… Подошли с огородов и ждали, когда прекратится стрельба. Хозяйка сказала, что в Курганке и Поздняшовке — артиллерия и конница, а Воскресеновка забита фашистами. Пришли из Рыльска.

Я поднимаю свою группу и веду назад, в лес, по разбитой дороге. Над ней дымится туман — предвестник утра. Идем назад. Обыскивая брошенные и опрокинутые повозки, подбираем сухари и патронные ящики.

Хозяев возле возов не видно. Охваченные паникой, ни отрезали постромки и ускакали… Опять вытаскиваем артиллерию. Полковая пушка увязла. Измученные и почерневшие артиллеристы выбились из сил. Колеса орудия втиснуты между корчами. Только на рассвете удается его приподнять. И снова бредем. Разжиженная дорога указывает нам путь отхода.

Уже сутки, как мы в бою и в походе. Люди бредут, пережевывая сухари, размачивая их в лужах.

Наконец, когда растаял промозглый туман и засветило

солнце, мы наткнулись на бивак, скованный всемогущим сном. Спали и люди, и кони, и густой дубовый лес. Одни спали, сидя на пеньках, другие — прислонясь к деревьям. Ездовые «пристыли» к повозкам.

Кони, подобно каменным изваяниям, стояли с плотно закрытыми глазами, не двигаясь, и только их могучий храп нарушал мертвую тишину леса.

Со свинцовой тяжестью в ногах и в голове я сел на коня и начал кружить по этому сонному царству, надеясь найти хотя бы одного не спящего. Но напрасно: все спят, как в волшебной сказке. И лишь Фомич — я нашел его в дальнем углу бивака — тряс за шиворот Тхорикова, допрашивая, где он оставил свой отряд и почему не выставил часовых.

— Коммунистов, командиров ко мне сейчас же! — требовал он от проснувшегося Тхорикова.

— Уснули, измотались, а я тут за дежурного по гарнизону, — как бы оправдываясь, сказал мне Фомич.

— Что штаб наш, где он, Фомич?

— Пошли на рекогносцировку и вот уже час, как никого нет.

— Но такой привал немыслим, Фомич! Необходима охрана, оборона, разведка, — сказал я.

— Согласен. Сделайте это хотя бы вы, а мы потребуем порядка от командиров, когда они найдутся.

Лесная чаща была освещена солнцем. С земли, прикрытой толстыми слоями прошлогодних листьев, валил пар, земля властно тянула к себе на отдых, хотелось лечь и — ничего больше.

Чтобы не поддаваться сонной одури, я приказал своим людям сбросить намокшие шинели, полушубки и патронташи, снять сорочки. Подобно стае гусей, мы начали плескаться в лесных воронках. Покончив с туалетом, вычистили оружие, вкопали пулеметы между полыньями.

Выставив караулы, я свалился на повозку. Сон тотчас сковал меня.

Не знаю, сколько прошло времени. Разбудил меня Фомич. По-видимому, я спал долго. За это время возвратился из разведки наш штаб, определилось местопребывание отряда.

Мы собрались на совещание. Выяснилось, что недостает многих людей, пулеметов, упряжек; что моральное состояние партизан подавлено, кто-то распускал провокационные слухи. Катастрофически было и с продовольствием: в повозках хозяйственной части имелось лишь по два сухаря на человека и ничтожный запас сала. Несколько возов с продовольствием достались противнику у Воскресеновки.

— Кормить людей нечем, — печально заявил Фисюн и предложил крепко подумать о питании бойцов. Ввиду того, что противник запер все выходы из лесу, нам ничего другого не оставалось, как построить круговую оборону и в ожидании новых данных от разведки как следует выспаться, восстановить силы.

Во второй половине дня я прошел по всему кольцу обороны и убедился в том, что из-за неясности обстановки, отсутствия продовольствия, из-за потерь в людях мы приобрели еще одного врага, имя которому — панический страх.

Мужественно сражавшиеся вчера партизаны сегодня боялись решительно всего: лесной тишины, громкого говора, звука сломанного сучка, товарища своего по взводу, который вдруг появлялся где-нибудь за деревом. Партизаны боялись выходить в поле, но еще страшнее было в лесу.

Появились шептуны, распространявшие «новости», неизвестно откуда и кем добытые.

— Окружают… будет прореска леса…

— Пропадем… с голоду погибнем…

Этот панический страх прокрался в наши ряды еще вчера, когда всем стало ясно, что дивизия врага подошла к Хинели незамеченной, когда без ведома штаба снялась с обороны и отошла в глубь леса вторая группа, из-за чего противник едва не ударил в тыл первой.

А после ночных скитаний каждый понял, что штаб отряда не имел никакого представления о том, какова действительная обстановка, не знал, куда следует вести отряд, где и как перегруппировывается противник. Короче говоря, проникший в наши ряды страх имел весьма реальные основания.

Все эти вопросы не могли не тревожить командиров, отлично понимавших, что хороший хлопчина Фильченко, остававшийся начальником штаба еще с тех пор, когда десяток эсманцев вышел из подполья, не мог теперь обеспечить должное руководство отрядом из-за отсутствия серьезных военных знаний.

Бойцы с пренебреженьем и недоверием смотрели на тех командиров, которые растерялись и в самом деле не знали, что делать. Гусаков уверял, что во второй группе несколько бойцов послали к черту Тхорикова и куда-то ушли в сторону, взяв на плечо пулеметы. Других ему с Баранниковым удалось удержать.

— Бегут, — сказал Баранников Гусакову. — Нехорошо, остановить надо.

Боец с пулеметом на плече обернулся; увидев Баранникова и Гусакова, он направился было куда-то в сторону от дороги.

— Куда, хлопец? В кусты ховаешься? — спросил Гусаков бойца.

Тот поднял голову, тупо оглядел подошедших к нему и едва ворочая языком, ответил:

— Сил нету. Со вчерашнего дня ничего не ел.

— Я тоже голоден, — в тон ему произнес Баранников, — но в строю место соблюдаю.

Пулеметчик продолжал упрямо стоять на месте, не снимая с плеча своей ноши. Гусаков тяжело вздохнул.

— Из отряда утечь хочешь? — спросил он.

— От смерти бегу, — глухо ответил пулеметчик.

Гусаков повел бровью, в упор поглядел на него.

— А Родина? — спросил он, гордо выпрямившись. — А воинский долг? Есть хочешь? Я тоже хочу есть. Смерти боишься? А я не боюсь. Вот ты бежишь, а я остаюсь здесь в строю. И, как член партии, как коммунист, заявляю: погибну, но товарищей в беде не покину. Умру, но знаю, что не зря! За Родину мою, за народ наш советский! Понимаешь?

— И я хоть беспартийный, а присягу Родине завсегда помню, — твердо заявил Баранников.

Пулеметчик молчал.

— Поступай, как тебе велит твоя совесть. — Гусаков чуть отошел в сторону, — Я тебя, брат ты мой, расстрелять могу за то, что ты самовольно покидаешь отряд. Но я не сделаю этого, — я верю в тебя, ты не можешь уйти, ты не предашь товарищей, ты будешь верен Родине. Я понимаю: ты поддался слабости, только и всего!

Пулемет качнулся на плече бойца, а потом, подобно живому существу, осторожно сполз на землю. Боец опустился на пенек, упер локти в колени и, опустив голову, скрестил пальцы рук. Молчание длилось долго. Гусаков и Баранников выжидали.

— Что ж, — сказал боец, — разве я изменник какой, предатель? Сам понимаю. Не по совести поступил… и кары я не страшусь, если уж на то пошло… В человека вы поверили, вот что дорого! — он высоко вскинул голову, поднялся с пенька и порывисто протянул руку Гусакову. Тот крепко пожал ее.

— Ну, и не было со мной этого, прошу помнить, — проговорил боец. — А пулемет заберите: недостоин я носить его.

— Теперь достоин, — строго сказал Гусаков, — иди с нами, будь настоящим товарищем…

«Чума страха» пожинает обильный урожай в войсках того начальника, который на глазах у своих подчиненных проявил нераспорядительность или халатную беспечность, не говоря уже о трусости.

И чем сложнее обстановка, тем неумолимей подчиненные. Они молчаливо ждут от командиров точных, уверенных действий

и, не получив их, теряют веру в начальника, поступают так, как находят нужным.

В числе шептунов оказался и Тхориков. Юрко шныряя от одного командира к другому, он нашептывал:

— …Окружены… Митрофанов сбежал… капитан держит себя подозрительно… Нужно разбиться на мелкие группы и разойтись в разные стороны…

— Нечем драться, кончились боеприпасы, — шептались в третьей группе.

Распускаемые Тхориковым слухи подействовали и на Фисюна, старик решительно заявил Фомичу:

— Покинуть треба все эти чертовы гарматы. Воевали и без них в гражданську! И у Брянский лис негайно!

* * *

Данные разведки во второй половине дня подтвердили, что противник продолжает блокировать нас, ожидая, что мы где-либо обнаружим себя.

В то же время мелкие разведывательные партии обшаривали лесные опушки, не решаясь пока что проникать в глубину леса. Несколько женщин, бежавших из лесокомбината, рассказывали нам, что каратели убивают на месте каждого, кто вышел из леса, и что войска продолжают накапливаться вокруг Хинели.

— Что будем делать, Михаил Иванович? — спросил меня Фомич.

— До ночи будем стоять на месте, — ответил я. — Противник, возможно, и не найдет нас. На худой конец — бой. А до этого необходимо покончить с паникерами.

— С паникерами проще, а вот чем питаться? Люди уже голодают.

— Это еще не голод, Фомич, когда только в моей группе шестьдесят откормленных коней.

— Не шутите, Михаил Иванович! Жеребятину наши люди есть не станут.

Фомич ушел к себе, а я созвал командиров третьего взвода, чтобы подробно выяснить, когда и как именно исчез Митрофанов. Его политрук Лесненко сказал, что Митрофанова в последний раз он видел незадолго до полуночи. Очевидно, Митрофанов сбежал.

«Если же допустить, — думал я, — что его настигла шальная пуля, то кто-то должен был видеть это? Может быть, его схватили лазутчики противника? Но не следует забывать, что одновременно с Митрофановым исчезли и те демьяновские

жители, которых привела Елена. Похоже на то, что Митрофанов увел их. Куда? К кому?»

Синчин и Коршок видели поздно ночью Митрофанова, а с ним и еще каких-то людей. На вопрос Синчина «куда идете?» они ответили, что разыскивают отставшую тачанку.

«Допустим, — рассуждал я, — что Митрофанов исполнил свое давнее намерение и ушел к фронту. Но почему именно теперь, в такой неподходящий момент? И никому не сказав ни слова?»

Так или иначе, исчезновение его оставалось крайне загадочным, и мне пришлось передать командование третьим взводом Буянову.

Фомич пригласил меня на совещание. Все коммунисты собрались возле тяжелого миномета. Фомич сидел на зарядном ящике.

— Ввиду сложности обстановки, — сказал Фомич, — проведем собрание без формальностей. На повестке дня… — он холодно поглядел на Тхорикова, и тот поднялся с трухлявого пенька, вытянулся.

— Первое, — продолжал Фомич, — о непартийном поведении коммуниста Тхорикова…

— Фомич! — начал было Тхориков.

— Молчите! Я не давал вам слова.

Тхориков присел на пенек, но увидев, что труба миномета уставилась своим жерлом прямо на него, встал и приткнулся спиной к дереву.

— Собрание открыто, — объявил Фомич, — слово имеет командир отряда Анисименко.

— Я расстрелял бы Тхорикова, — твердо и решительно проговорил Анисименко. — Расстрелял бы как подлого труса и шкурника! Но, товарищи коммунисты, пусть сначала накажет его партийная организация. Я ставлю вопрос об исключении Тхорикова из рядов партии!

— Правильно! — одобрил Фисюн. — Пора!

— Товарищи! За что? — протягивая к Фомичу руки, упавшим голосом спросил Тхориков.

— За дуэль в Герасимовке, за дезертирство с поля боя, за панику и дезорганизацию колонны, — ответил Анисименко и сел на ствол миномета.

— Это еще не все, — заявил, поднимаясь с земли, Лесненко. — Пусть ответит Тхориков за гибель Копы, которого он оставил немцам, за провокации против капитана, за развал доверенного ему отряда. Конечно, трудно поднять руку на подпольщика — члена партии, но, принимая во внимание

момент, — я расстрелял бы Тхорикова!

Тхориков дрожал всем телом. Протянув руки к Фомичу, он сбивчиво, лязгая зубами, пролепетал:

— Фомич, товарищи, дайте сказать, накажите, не убивайте, дайте возможность исправиться, виноват…

— А на мою думку, Тхориков был фальшивым коммунистом, товарищи, — спокойно заявил Петро Гусаков. — Знаю я его смолоду как двуличного человека, и в комсомоле он был кляузником. Брехал в заявлениях без подписи на честных работников, и в Червонное писал, и в Сумы, а как выходил на трибуну, тех же, на кого клепал, и восхвалял.

— Ложь, ложь? — запротестовал Тхориков. А Гусаков тряхнув головой, повернулся к Фомичу и все так же спокойно продолжал:

— Он думает, я забыл его уговоры — ховаться у батьки под полом, пока придут наши. Батька подтвердит это.

— Довольно, — сказал Фомич. — Вопрос ясен. Ставлю на голосование.

Решением партийного собрания Тхориков был исключен из партии как трус и шкурник, с отстранением от командования группой и переводом в рядовые.

По второму вопросу доложил сам Фомич.

— Райком решился, товарищи, на крайность. Чтобы спасти отряд от разгрома, мы вынуждены оставить все тяжелое вооружение, всех коней, все обременяющее нас имущество и налегке, пользуясь Чуйковскими болотами, отманеврировать к брянским партизанам. Нужно объяснить всем, что при первом же благоприятном случае мы вернемся сюда и заберем оставленное вооружение. А сейчас медлить нельзя. Я требую, чтобы весь отряд был готовым к походу через час…

Закрыв собрание, Фомич сказал:

— Знаю, товарищи коммунисты, — бойцы и командный состав любят и дорожат боевой техникой, нелегко им расстаться с ней. Поэтому долгом каждого коммуниста будет показать образец партийной сознательности и дисциплины.

Я собрал своих командиров и объявил им решение райкома.

— А как же с тяжелыми пулеметами, с боеприпасами? — спросил Буянов.

— С санчастью как? Ведь у нас раненые, нетранспортабельных двое есть, — заявила сбои требования Нина.

— Решено взять с собою только самое необходимое, — ответил я. — Ни одного коня, все пойдут пешком, А раненых понесем на носилках.

— Мы не можем решиться на это. Надо спросить бойцов. Они

любят боевую технику, они ее в боях добыли, — упрямо настаивал Инчин.

— Решение окончательное и обсуждению не подлежит! — твердо заявил Фомич, показавшийся в это время. — Кроме того, товарищи, — продолжал он, — по совести говоря, кто поручится, что, потеряв в возможном бою половину людей, мы не бросим эту технику завтра? Наконец, отход отряда с тяжелым вооружением по болотистому лесу скует нас и даже погубит, — высказал он мысль, которая в тайниках души тревожила и меня.

Подавляя в себе боль, мои командиры приступили к выполнению этого непомерно тяжелого для них решения.

— Хоть бы легкие минометы завьючить, товарищ капитан: и седла есть, и мин штук семьсот — сгодятся в походе, — молил, не отставая от меня, Юферов.

— Да ты пойми, — внушал ему Лесненко, — сквозь игольное ушко лезть придется, а ты — минометы завьючить! Кони заржут, — всех нас выдадут, а то в болоте увязнут. Да и кормить их чем будешь?

Юферов ушел, появился Колосов. Этот просил разрешения завьючить станковые пулеметы…

С болью в сердце, страдая за всех и каждого, я отвечал отказом на такие просьбы. И вот — отнятое у врага и восстановленное неутомимым трудом сотен безымянных людей вооружение партизаны закапывали в сырую землю, заваливали хворостом, топили в болоте.

Юферов опустил в болотную жижу стволы и опорные плиты минометов, но Ромашкин не мог поступить так со своими пушками: он укрыл их хворостом и только замки собственноручно закопал под корневищами деревьев.

Тоскливо и осиротело глядел он на разоренную батарею, на весь ее парк, разбросанный по лесной поляне.

— Сколько огня по фашистам дали бы четыре пушки и восемь минометов, товарищ капитан! Ведь это же дивизион артиллерии, — вздыхая, говорил Ромашкин. — Ох! Прощай, боевая слава эсманцев!..

Надежно спрятав в лесной чаще чемоданы с личными вещами, минометные лотки, седла и пулеметные ленты, мы перекинули через плечо по двести патронов в холщовых патронташах, сшитых на комбинате работницами, и пошли вслед за другими. Боевые кони наши столпилась на зеленеющей просеке вокруг покинутых возов… Расставаясь со своим Орликом, Баранников приникал головой к его золотистой гриве, обнимал гибкую, лоснящуюся шею, а верный конь беспокойно переступал своими стройными ногами, косил черным, с молочным белком,

глазом и тихо, тоскливо ржал, недоумевая, почему же он не оседлан, не подпряжен и куда уходит растянувшаяся колонна?

Мы оставляли груды ящиков. Из них партизаны вынимали снаряды, мины, цинки с патронами, — но разве можно спрятать за один час несколько тысяч снарядов, мин, сотни тысяч патронов?

— Эх, да тра-ахнуть бы всем этим по мадьяришкам! — вздохнул тяжело и громко Инчин.

— А потом что? — спросил политрук Лесненко.

— Ну, тогда уже голяками и удирать, если уж в самом деле непосильно будет…

«И куда мы, голодранцы, теперь годимся? Куда идем?» — спрашивал себя Баранников, лаская Орлика.

— А вот гармошки да баяны для какого биса оставили? — возмущался Сачко. — Чем душу отвести, как вылезем на сухое место?

— Будут теперь нам баяны!.. Паршивого полицая отогнать нечем! Этакое богатство загублено… — сокрушались артиллеристы и минометчики, сведенные в четвертый взвод группы.

— А вы не сокрушайтесь, — успокаивал бойцов политрук Лесненко. — Повернем назад и снова технику поднимем.

— Да что уж там, товарищ политрук, поднимем! — возразил Сачко. — Дезертиров-то куда денете? Они карателям укажут и продадут. С возу упало, считай, пропало.

— Ну, не эту, так другую возьмем. Главное, отряд спасти надо. Будет отряд, добудем и технику, — с терпеливой уверенностью говорил Лесненко.

Я тяжело шагал по хлипкому грунту и молчал, подавленный всем, что произошло за эти двое суток. Потерпели крушение наши заветные планы. Дегтярев мечтал на базе военной техники создавать партизанскую бригаду.

— Значит, разбили нас каратели! — сказал молчавший все время Пузанов.

— А ты что же, хотел растрепать ихний полк и ничего не потратить? — ответил ему вопросом Лесненко. — Будем считать, что еще неизвестно, кто кого разбил… А если благополучно выйдем, — значит, мы их побили!

Баранников понуро шел за мной и все никак не мог успокоиться.

— Что я теперь без коня? Совсем никудышный человек при командире, да и у командира ни седла, ни воза! Подумать только: выбросить псу под хвост шестьдесят золотогривых коней! С четырех районов подбирали… Один к одному!.. Красавцы!.. Нет,

ты скажи мне, для чего все брошено? — спрашивал он «меньшего чином» и возрастом Коршка.

— Не нуди ты, болячка! Люди пушек и минометов лишились, а он свое: Орлик да Орлик! — в сердцах отвечал Коршок, состоявший последнее время при полковой пушке.

Баранников обиженно притих. На большом привале, в сумерках, он молча наломал веток и, уложив их на корневищах старого пенька, сказал мне:

— Не усните на голом, Михаил Иванович. Заболеть при теперешнем положении — пропащее дело…

Отряд расположился в угрюмой котловине, поросшей частыми темно-серыми дубами, еще не тронутыми зеленью.

Я хорошо знал этот глухой участок леса. Тут среди ям и глубоких глинистых впадин даже днем было сумрачно и сыро, пахло прелым листом, горькой плесенью.

Котловина находилась у тридцать пятого квартала, недалеко от развилки дорог, называемой «развилкой двух мертвецов». «Будто по злому капризу судьбы, — думал я, — наш ночлег пришелся на этом проклятом месте».

Еще зимой, во время боев с эсэсовцами, отряд Хохлова захватил на этой дороге двух долговязых блондинов, на рукавах их шинелей были приделаны металлические черепа и скрещенные кости. Хохлов прикончил блондинов и оставил их тут же, на развилке. С той поры они задубели, обратились в мумии, коричневые, с золотыми коронками на зубах.

От котловины виднелись желтые песчаные бугры лесной выработки, поросшие цепким орешником. За буграми виднелись высокие сосны массива, подступающие к лесокомбинату. Наутро предстояло пройти эти места, ставшие теперь для нас опасными.

Голодно и уныло было на этой стоянке. Партизаны с хода валились спать, не разжигая костров и не ужиная. Я тоже прилег на груду хвороста, сквозь косматое сплетение голых ветвей мне виден был рог полумесяца.

Ночью меня разбудил Гусаков. Еще сквозь сон я слышал невнятный голос, твердивший что-то о Митрофанове.

— Ну и где же он был? — спросил я, всё еще не освободившись от сна.

— Да не он, а его жинка, Елена. Вы же ее знаете, — шептал Гусаков.

— Ну знаю, и что с того?

— Так я и кажу: вона задержана хлопцами на дороге… Там, у этих двух нимцев с золотыми клыками.

— У двух мертвецов? Что ты, Петро, как она туда попала? Ведь ее при отряде, кажись, не было!

— Так в том же и дело, товарищ капитан, — таинственно шептал Гусаков. — Как с ней быть?

— Сюда не веди. Надо разобраться. А этих, демьяновских, не видно?

— Да что там! Она каже, одного нимцы злапалы, один утик до Демьяновки, а Митрофанов, каже, в лиси ховаеться, раненый будто бы. Все это мутно дуже, — шептал Петро.

Я надел плащ и в полном мраке, держась за руку Гусакова, последовал за ним к заставе, взбираясь по крутому скату наверх. Застава находилась на углу дубовой рощи, вблизи «развилки двух мертвецов». Никто из бойцов не спал, не курил, переговаривались шепотом, передвигались бесшумно.

Застава, по-видимому, жила воспоминаниями о двух мертвецах и ночными страхами. Казалось диким, что партизаны стали бояться ночи… Но неудачи последних двух суток натянули нервы, породили в какой-то степени и суеверие.

Я увидел Елену на поляне. Она одиноко сидела на пеньке. Слабый луч полумесяца чуть освещал ее покрытую клеенчатым дождевиком фигуру. Увидев меня, она встала и, заломив руки, шагнула навстречу.

— Боже мой, как я несчастна, товарищ капитан, — горячим шепотом произнесла она. — Я исходила весь лес в поисках моего Сени…

— Погодите, как вы сюда попали? — спросил я.

— Как? Неужели вы думаете, что я могу быть дома, когда он в опасности? Я уже два дня блуждаю по лесу… Кругом ни души, я не знаю ни дорог, ни местности… Умираю от страха… Я устала и голодна.

— Странно, — сказал я. — Кругом каратели, они ловят в лесу женщин и детей, расстреливают их, а вы ходите одна, ночью…

Елена закрыла глаза платком и, всхлипывая, произнесла:

— Я прошу вас уделить мне несколько минут… Без посторонних…

— Петро, — позвал я Гусакова. — Позови Нину, пусть обыщет Елену Павловну.

Гусаков послал за Белецкой, и вскоре в котловине при свете фонаря подозрительная подруга Митрофанова была тщательно обыскана.

Прежде всего в складках ее платья был нащупан пистолет. В потайных карманах нашли несколько занимательных предметов: скомканную бумажку и небольшую, с наперсток, стеклянную ампулу с серебристым порошком, напоминавшим по внешнему виду стрихнин.

Бумажка, когда я расправил ее, оказалась частью

топографической немецкой карты, — той именно ее частью, на которой, зеленым по белому, изображен был Хинельский лес, В середине его я увидел помеченные крестиками два аккуратно обозначенных числа — 35 и 36.

Тридцать пятый и тридцать шестой лесные кварталы были самым глухим и труднопроходимым местом в центре Хинельского леса, здесь мы и кружились последние двое суток.

— Все ясно! Недостает только компаса! — сказал я той, что называла себя Еленой Павловной.

— Почему же недостает? Он есть! — нагло ответила она, решив, очевидно, играть ва-банк. Она сняла с левой руки часы, — оборотная сторона их представляла собою миниатюрный компас.

— Итак, пистолет, компас, план леса, стрихнин… Как у профессионала-диверсанта. Кто вас снабдил всем этим?

— Немцы…

— С какой целью?

— Хотела спасти его…

— Он у них?

— Да. Митрофанова схватили, а меня нашли в Демьяновке, увезли в штаб, показали его…

— И предложили спасти?

— Да.

— Какой ценой? Вам поручили кого-нибудь убрать? Кого?

— Мне тяжело говорить. Митрофанова они оставили заложником…

— Кого вы должны были убить? Отвечайте!

— Я бы никогда этого не сделала! Неужели вы не понимаете?

— Но от вас требовали?

— Да.

— Кого вам поручили убить?

— Фомича и… командование. Но, повторяю, я никогда на это не пошла бы… Я хотела спасти Сеню.

— Когда именно должны вы были убить нас?

— Срок не определен… Задача — войти в доверие… Так мне сказали… И я хотела их обмануть…

— А Митрофанов при этом искал бы с вами встречи в условных местах?

— Не знаю. Возможно. Он не дезертир, его схватили, когда он искал отставшую тачанку… О боже! — воскликнула она по-актерски.

— И для этого вас снабдили военной картой? И помогли сшить потайные кармашки?

— Не мучайте меня… Я сама хотела сказать вам обо всем этом, но по секрету от других…

— Спасти его, остаться самой в живых, погубить всех нас, — размышлял я вслух, — не слишком ли дорого цените вы Митрофанова? Говорите прямо: давно вы занимаетесь этой черной работой?

— Товарищ капитан, — обратился ко мне Гусаков. — Дело ясное! Я выведу ее в расход и — поставим точку.

Пленница заплакала.

Глядя на нее, я припомнил наше знакомство, последующие встречи. Почти каждое появление этой женщины приносило несчастье. Первый раз она была перед бомбежкой штаба капитана Гудзенко. Три дня назад, после ее исчезновения, началась бомбардировка лесокомбината, закончившаяся гибелью комиссара…

Я слегка оттянул затвор дамского браунинга, найденного при обыске.

Петро посветил фонарем: пистолет был заряжен на все патроны.

— Дарю тебе, Петро, эту игрушку… — сказал я, протягивая браунинг. — Из него не очень громко получается… Понял? И не более одного… Не следует тревожить наших.

Женщина бессильно опустила руки, закрыла глаза…

Через несколько минут со стороны «развилки двух мертвецов» прозвучал глухой выстрел…

— Ее стукнули! — кивая в сторону, заметил Коршок. — Как думаешь, чем провинилась? — спросил он у начальника караула Пузанова.

— Разве не ясно? — спросил тот в свою очередь. — Овчаркой фашистской оказалась… Другой бы и днем нас не отыскал, а она, вишь, среди ночи в лесу унюхала!

Необходимо было уйти отсюда до наступления рассвета. Я приказал караулу не говорить никому о том, что случилось. Отряд и без того лихорадили панические слухи.

В раздумье шагал я от одного взвода к другому, проверяя караулы, Все спали. Бодрствовали лишь часовые. Вечером Петро Гусаков, по секрету от хозяйственников других групп, раздал последний запас сухарей… Я еще туже затянул ремень и сунул руку в карман, чтобы нащупать ломкий сухарь — мои личный НЗ перед походом…

Думал я и о той, которая была уже мертва. Что заставило эту молодую женщину, родившуюся при советском строе, окончившую высшее учебное заведение, служить врагу, изменить Родине? Кто она в действительности?

Остаток ночи я провел с Фомичом в тревожных предположениях и догадках. Но до утра ничего не изменилось.

Еще затемно отряд торопливо поднялся и молча двинулся на запад.

Проходя мимо мрачной развилки, я невольно спросил Гусакова:

— Петро, где ты оставил ее?

Вместо ответа он молча перешагнул через трухлявое бревно и повел меня к остову полуразбитого грузовика.

— Ось тут! — показал он на автомобиль, не считая нужным подходить вплотную.

Ничего не видя, я приблизился к машине и заглянул в кузов. Но ни в кузове, ни вокруг ничего не нашел.

— В яме, что ли?

— Та ни… Не в яме… Просто тут повинна бути, — говорил он, приближаясь.

— А ты не ошибаешься местом?

— Что вы, товарищ капитан! Вы же знаете, что на всей этой дороге нет больше разбитых машин. Дивно…

— Именно — дивно!

— Точно, тут была, — подтвердил и Карманов, сопровождавший ночью Гусакова, — вот и типографский станок, и воронка с водой, я еще в эту воронку оступился и руку об станок зашиб…

Действительно, на всей этой дороге стоял лишь один разбитый грузовик — походная типография какой-то части. По-видимому, прошлой осенью, когда здесь отбивались от наступавшего противника части 13 армии, походная типография была опрокинута бомбой и с тех пор осталась на этой глухой просеке, усыпанной свинцовыми блестками шрифта и деталями машины.

— Как же это так, Петро? — И я начал шарить вокруг машины карманным прожектором.

— Надо думать, унес ее кто-нибудь, — неуверенно произнес Гусаков.

— Допускаю… Но может быть и другое, — сказал я, поднимая маленькую латунную гильзу. — Достань, Петро, подарочек. Не от него ли вот эта гильза?

— Точная копия! Сиреневый капсюль. Она, товарищ капитан, — подтвердил Коршок.

Сомнения не оставалось: местом не ошиблись… И я продолжал ощупывать фонарем землю, пока не увидел еще одну находку: среди рассыпанного типографского шрифта, уже покрывшегося от времени темноватым налетом окиси, лежал легкий синий шарф. Казалось, его только что сняли с головы Елены.

Осмотрев шарф, я заметил, что полушерстяная ткань слегка разорвана в одном месте и опалена.

— Как же это ты стрелял? — спросил я Гусакова, показывая косынку.

— Погано зроблено, товарищ капитан, — признавался он виновато. — Не спец я по такому делу…

— Словом, была оглушена и, отлежавшись, убежала…

— Значит, посчастливилось ей, товарищ капитан, — заметил Коршок.

— Вот если бы клинком, да не бабу, — пытался оправдаться Петро.

Я не ругал Гусакова. Задача расправиться со шпионкой «на тихую», из непроверенного оружия оказалась не столь простою.

Колонна уходила вдоль топких берегов реки Ивотки. За день мы прошли не менее тридцати километров, прокладывая узкие тропы через заболоченные трущобы. Несколько раз переходили реку Ивотку, перебросив через нее жиденькие кладки и поддерживая равновесие длинными жердями.

В зыбких болотах мы вязли до пояса. Мучила жажда, пили прямо из лесных ям темно-бурую жижу, от которой еще больше пересыхало во рту и горело в глотке.

— Щемит, как после чарки дубняка! — заметил Инчин, отрываясь от черного настоя.

— Хо-хо!.. Зато не только сверху, но и с утробы дубовым и просмоленным сделаешься! — шутил неунывающий Сачко. — Так что, хлопцы, кто на желудок слаб, рекомендую: отлично действует, з-закреп-ляет!

— А за это, товарищ комвзвода, не беспокойтесь, немае з чого, — отвечали ему партизаны.

— Как это немае? Пять ведер воды заменяют одно яйцо, пятьдесят — десяток, а принимая во внимание, что в воде миллиарды инфузорий, можно выпить и меньше, — балагурил Инчин.

— А что это такое — инфузории? — спрашивал Баранников.

— Живые питательные вещества, Коля, — отвечал Инчин, — не всегда удобоваримые, но соображай сам: гвозди и те у партизан в желудке сварятся…

Противник в лесной глуши не показывался и, если не считать многочисленных приключений на болотах и кладках, необычайного напряжения всех наших сил, а также трудностей с переносом раненых, то все шло хорошо.

Нелегко было Нине и Ане. Обутые в большие сапоги, они с трудом шагали за мужчинами. Они несли санитарные сумки, наполненные, помимо медикаментов, еще и бутылками с чистой

водой, продовольствием для раненых, и свое оружие с патронами. Когда стемнело, мы остановились на песчаных буграх среди высоких сосен. Собрав в кучу лежавшие всюду толстым слоем рыжие сосновые иглы, мы соорудили себе постели и улеглись спать.

Двести патронов, оружие, болотистый путь, проделанный пешком, вымотали силы у каждого. Многие в дороге бросили кожухи и другую зимнюю одежду, чтобы облегчить ношу.

— Перехожу на летнюю форму! — шутили при этом те, кого покидали силы и кто оставлял в кустах теплые вещи.

Я был одет в свой неизменный плащ, сшитый из голубого брезента, содранного на Севском шляху с автомобиля. Помимо патронов, оружия и полевой сумки — этой командирской лаборатории, я не расставался с гранатой, которую носил в кармане, и с вещевым мешком.

Я прикрыл мое хвойное ложе простыней и, раздевшись, улегся под могучей сосной. Фомич, хотя и находился в другой группе и чувствовал себя плохо, все же, услышав о моем приготовлении ко сну, пришел с вопросом:

— И вы не боитесь в такой обстановке раздеваться до белья?

— А что, Фомич? — ответил я, — Неужели двести моих парней не продержатся трех минут, пока я оденусь? Ну, ребята, допустите ли вы, чтобы я бежал за вами в подштанниках?

Раздался дружный взрыв хохота. Бойцы давно уже так не смеялись…

— И вообще, Фомич, к черту на себя страх нагонять. У нас боевой народ. Переходите в нашу группу. Если умирать, так все вместе! По-людски! Как воинам положено. Так, товарищи?

— Верно! — И секретарь райкома на этот раз устроился в первой группе.

В течение ночи разведка установила, что опасность не миновала, хотя Хинельские леса остались далеко на востоке. Мы узнали, что с Ямполя на Михайловский Хутор по лесным дорогам передвигаются немцы и полицейские патрули. Гитлеровцы стояли в Марчихиной Буде, в Неплюеве, в Михайловском и во всех селах вдоль лесных опушек. Под угрозой расстрела они запретили местным жителям передвигаться между селами и появляться в лесу. Это затрудняло нашу разведку и не давало возможности заполучить знающих проводников.

Утром решили обстоятельно разведать обстановку и перешли на новое место, остановились среди густых зарослей молодого березняка; березки уже распустились, и веселый ветерок играл пахучей листвой на их вершинах.

Под деревьями — зеленые лужайки, поросшие густой травой

и цветами.

Голодные партизаны принялись рвать щавель. Однако щавель выручить нас не мог, поэтому пришлось пойти на хитрость: мы собрали в одну боевую группу всех партизан, носивших немецкую форму. Им поручили раздобыть хлеб и другие продукты. В группу вошли все мои артиллеристы и половина взвода Буянова, Командовать ею взялся Фисюн.

В новеньких зеленых мундирах и устрашающих жандармских киверах ребята направились в Родионовку.

К полудню они пригнали две фуры с хлебом и корову. Главную роль в операции исполняли несколько мордвинов, изъяснявшихся по-своему. Ими руководил Инчин. Полицейские и доносчики приняли нашу группу за мадьяр, но все же сочли благоразумным не попадаться на глаза отряду. Настроение у всех поднялось, особенно после того, как в ведрах над кострами закипел мясной суп.

Отряд отдыхал весь день. Вблизи стоянки бежал звонкий родник. Партизаны с наслаждением припадали к нему, а потом умылись, принялись за стирку. Привели в порядок раненых, перевязали их.

Угрюмые леса, панический страх, духота болотных испарений — все это осталось позади, как дурной сон. Только одна новость омрачила этот весенний день: разведка сообщила, что попавший к гитлеровцам Митрофанов расстрелян.

— Да будет ему земля пухом, — сказал Лесненко. — Я, грешным делом, посчитал своего командира предателем.

Вечером, когда закатное небо потускнело и на лесной опушке стало прохладно, Эсманский отряд быстрым шагом пошел по открытому сухому полю. Впереди колонны, метров за сто пятьдесят, шел лейтенант Инчин, в левой руке он лес компас, в правой — готовую к действию гранату. За ним шла группа артиллеристов, усиленная двумя десятками пулеметов. Раненых разместили на фурах, добытых при продовольственной операции. Отряд шел до линии железной дороги, ведущей с Михайловского Хутора на Унечу. Затем мы повернули в обход болотистой лощины по азимуту, потом прошли между двумя селами, и так — всю ночь, строго соблюдая угловые склонения и вычисленные по карте расстояния.

Цель марша заключалась в том, чтобы кратчайшим путем, обходи все населенные пункты и гарнизоны противника, достичь Брянского леса.

Успех дела зависел теперь от искусства вести отряд по азимуту «сквозь игольное ушко». Эту науку — ходить без дорог по азимуту — в отряде знали двое: я и Инчин. Пользуясь

транспортиром и циркулем, мы вычислили и записали угловые величины азимута, расстояния от ориентирных мест. Считали точно, вплоть до введения поправок на магнитное склонение.

Рядом с Инчиным шагали два партизана. В их обязанность входили подсчет шагов и запоминание очередных ориентиров.

Первая группа должна была прорубиться сквозь любое встречное препятствие и вывести отряд в зону Брянского леса.

Шли всю ночь и весь следующий день, минуя хуторки и обходя села. В небе кружили самолеты, мы прятались от них в сосновых посадках, разбросанных тут и там на песчаных буграх.

Во второй половине дня наткнулись на гитлеровский лагерь, расположившийся на берегу большого пруда. Все поголовно купались и совсем не ожидали партизан с юга. Наша колонна с хода ошпарила их ураганным огнем из пятисот стволов. Солдаты, выскочив из воды, побежали за реку Чернь, сверкая голыми пятками.

Парусиновый городок, новые шинели, одеяла, оружие и туго набитые душистым табаком и пахучей парфюмерией ранцы стали нашей добычей. Все, кто бросил в Неплюевских лесах одежду, снова были одеты.

К исходу дня мы перешли шлях Голубовка — Знобь-Новгородская. Ночевали в лесных хуторах и тут узнали, что обе Зноби и Старая Гута заняты противником, отряды Ковпака находятся где-то под Путивлем, Гудзенко с Покровским ушли в рейд по Орловской области, а в селе Улица, где мы стояли месяц назад, хозяйничают гитлеровцы, Пришлось нам возвращаться на свои зимние квартиры в Герасимовке, лишенной каких-либо продовольственных запасов.

Через день, выполняя задачу райкома, первая группа разгромила гарнизон гитлеровцев и полицейских в селе Улица. Гарнизон защищался отчаянно, но не устоял против нашего неожиданного и точного удара. Ползком, с гранатами в руках, партизаны подбирались вплотную к противнику и гасили стреляющие из дзотов пулеметы.

При поднявшемся солнце я увидел улицы и огороды, усеянные трупами гитлеровцев. Мы захватили много оружия и боеприпасов, продовольствия же оказалось мало: несколько коров, два мешка с мукой, два воза с зерном — вот и все, ради чего группа с таким мужеством таранила гарнизон, превосходивший наши силы втрое да еще укрепленный дзотами.

— Это не бой, — говорил Инчин, — а какая-то адская работа по истреблению гитлеровцев.

— К черту такую войну! Пузом да зубами доставать каждый пуд хлеба!

— Не желаем воевать без техники!

— Даешь Хинель! Сегодня же, братва, на Хинель! — заявили многие бойцы и командиры. — Если не поведете вы, капитан, уйдем сами, поднимем пушки, будем брать районы.

Тут, в Улице, прорвались недовольство и злоба, связанные с нашим разоружением.

— Даешь военный отряд!

— Уйдем к Покровскому, к Гудзенко!

— Довольно подчиняться паникерам! — раздавались возмущенные возгласы в каждом взводе, и стоило немалых усилий погасить внезапно вспыхнувшее возмущение.

Я обещал, что мы обязательно вернемся в Хинель и поднимем оставленную там военную технику.

Глава XIV
ДУМЫ НАД ДЕСНОЙ

Второй раз ушли мы из Хинельских лесов, гонимые силой, превосходящей нашу по меньшей мере раз в двадцать.

И вот мы снова в Брянском лесу. Продовольственных запасов здесь не было никаких, — нам нечем было питаться… Выходы из Брянского леса на юг и восток в богатые хлебом районы Сумской и Курской областей оказались запертыми. Юго-восточные подступы к лесам обложила осадная фашистская армия. Пятьдесят тысяч салашистских солдат и офицеров сидели в подлесных селах, обращенных ими в опорные пункты обороны. Самолеты противника сбрасывали бомбы. Артиллерия обстреливала поля и лесные опушки, посевы вокруг лесов скашивались и вытаптывались табунами коней. Вокруг партизанского края создавалась так называемая зона опустошения, зона голода.

Покинув испепеленные врагом жилища, люди бежали в лес. Гитлеровцы продолжали укрепляться на занятых ими позициях. Они строили мощные дзоты, рыли траншеи, оплетались проволокой. Все, что мешало обстрелу, безжалостно выжигалось. Там, где недавно стояли милые сердцу белые хаты, теперь дымились развалины. Вишневые сады и пасеки начисто были уничтожены.

В ночное время вокруг укреплений поминутно вспыхивали осветительные ракеты, роем носились голубоватые трассирующие пули.

Брянской армии грозил голод.

По предложению Фомича моей группе, как это было и в апреле, предстояло добыть продовольствие.

На этот раз задача была значительно сложней. Она состояла в том, чтобы выйти к Десне в районе Белой Березки, форсировать там реку и, оказавшись на правом берегу Десны, проникнуть в степной Погарский район и там заготовить необходимое продовольствие, лошадей, повозки. А потом, не позднее чем через неделю, снова форсировать Десну и, переправив через нее обозы с продовольствием, прибыть в Герасимовку. В общей сложности предстояло пройти до трехсот километров.

Путь на Белую Березку лежал через непроходимые чащи и болота. Не только обозу, но даже верховой лошади не всюду можно было пробраться. Железнодорожная ветка, построенная перед войной для лесоразработок, проходила через дикую чащу. В

течение сотен лет деревья падали, гнили, прорастали вековыми мхами, папоротниками. Вырастали новые деревья. На каждом шагу попадались лежачие и стоячие старые дуплистые колоды, в которых без труда могли спрятаться несколько человек. Было немало таких мест, где человек рисковал провалиться в подземную пустошь, скрытую сверху необыкновенно пышным мхом.

Груды хаотически наваленных деревьев запирали течение лесных речек, и потоки их затопляли леса, образуя озера, топкие болота. Лесной зверь там не водился. И лишь пятнистые жабы да зеленые лягушки прославляли эту глушь своим нестройным хором, да тучи комаров неумолчно звенели и жалили оказавшегося здесь человека.

Часть болота была искусственно укреплена там, где его пересекал железнодорожный путь.

Перед моим отрядом стояла задача: или, вопреки всему, пройти по топям двадцать пять километров, отделявших леса от Белой Березки, или выбрать обходный путь, в сто километров, по путаным лесным тропам, да еще с риском попасть под артиллерийский огонь противника из-за Десны.

Решили идти напрямик, по рельсам.

Было утро, солнце припекало, мой пеший отряд, растянувшийся взводными колоннами, вошел в село Старый Погощ. Тут же находился одноименный разъезд. На рельсах стояло несколько товарных вагонов. Расположив отряд на сосновой опушке, я объявил привал и позвал к себе командиров.

На этот раз со мной шли четыре взвода, в каждом по пять — десять человек, и третья группа эсманцев под командой Хомутина. Кроме того, взвод бывших минометчиков и артиллеристов под командой Инчина и хозяйственный взвод Гусакова — сбор всех ездовых, коноводов, бывшая портновская мастерская, боепитание, санчасть.

Партизаны прежде всего занялись курением. Сигареты и самосад имелись далеко не у всех; были и такие, что ожидали очереди, надеясь получить «сорок процентов», то есть окурок, который назывался «бычком». Заядлые курильщики крутили черемуховый лист. От похода ждали не только продовольствия, но и табаку. Некоторые уверяли, что за Десной табаку вдоволь, а курильщикам табак был дороже хлеба.

— Значит, должны мы пройти в Белую Березку? — переспросил Буянов. — Дело невеликое. Только вот мозоли набьем, шагая по шпалам. Как-никак, тысяч сто шпал насчитать ногами придется. Вооружайтесь березовым кондуктором.

— И не только туда, а еще и через Десну дважды

перебираться! — вставил Сачко.

— И это не все, товарищи, — дополнил Лесненко. — Главное — заготовить хлеб, скот, найти коней, переправить их на наш берег, да и в отряд доставить, да пройти километров двести — двести пятьдесят за одну неделю! Вот в чем смак, хлопцы!

Поставили на обсуждение вопрос: каким путем возвращаться с продовольствием? Одни говорили, что надо запастись топорами, пилами, лопатами и гатить топкие места; другие предлагали возложить это дело на местных жителей.

— Чепуха, — сказал Ромашкин, — строительство дорог — самое трудоемкое дело. Всех жителей лесов не хватит на это, придется идти по шпалам.

— Так нельзя, — возразил Сачко, — надо идти обходным путем. Под Трубчевском пройдем ночью, а со сроком уж как выйдет…

— А дозвольте, товарищ капитан, мне, — вмешался Гусаков. — Вот тут вагоны на разъезде стоят без дела. Я и предлагаю: сесть в них и ехать! Враз будем на месте!

— А паровоз откуда возьмешь? — спросил я.

— Для чего паровоз? Пара лошадей — вот и паровоз! Позапрошлой зимой наш колхоз весь план лесозаготовок таким способом выполнил. Я поищу тут же у дядькив пару коней и — побачите: не то, что вагон, а половину отряда повезу. По рельсам — милое дело, к обеду на Десне будем!

— А тебе, Петро, известна дорога? — вдумчиво спросил Лесненко. — Поступим по-твоему, а впереди рельсы разобраны или мост разрушен…

— Тут надо голову иметь, — отвечал Гусаков. — Запасные рельсы с собой прихватить, шпалы, да и ремонтера при себе иметь не вредно. Да что долго думать! Ремонтеры тут живут! А ну, хлопцы, — обратился он к Пузанову и Карманову, — раздобудьте мне враз ремонтера дорожного або путевого обходчика! Он точно все доложит!

По опыту работы в шахте я знал, что лошади без труда перевозят целые составы вагонеток. Не было сомнения в том, что по нормальному рельсовому пути пара лошадей вполне справится с одним товарным вагоном. К тому же и груз живой — партизаны: в трудных местах они подтолкнут вагон и подсобят коням.

Проблема транспортировки продовольствия сквозь дикие дебри решалась сама собою и совершенно неожиданно.

Приняв план Гусакова за основу, я предложил мобилизовать в селе по паре коней на взвод и начал продумывать детали передвижения. Возможные трудности в пути сводились к

следующему: как тормозить, если, вагон понесется под уклон? Как спасти в этот момент людей, лошадей, груз?

После решения всех этих вопросов чисто практически наш эшелон через два часа был готов к отправлению. Экспедиция выглядела весьма живописно: пара лошадей с помощью постромок впряжена в вагон; ездовой, положив на буфера доску, сидит с вожжами в руках, готовый в любой момент свернуть коней с опасного пути и отцепить их. Из приоткрытой двери вагона тянутся к передним колесам другие вожжи, — они соединены с тормозными колодками. Незначительное натяжение — и вагон замедляет ход. Люди готовы по тревоге выскочить через обе двери на правую и левую сторону пути. В каждом вагоне — командир взвода, он же и главный кондуктор. На крыше мы поставили два пулемета и расположили пулеметные расчеты. На переднем срезе крыши, свесив ноги, сидел помощник командира взвода. Он должен был бдительно следить за состоянием пути и командовать, где следует отпустить, а где натянуть тормоз.

Остальные вагоны оборудовали таким же способом. Расстояние между ними установили в пятьсот метров. Эта мера уже чисто военного свойства: не подвергать всего поезда опасности бомбежки с самолета или обстрелу противника с земли.

Кажется, предусмотрено все.

Талантливая имитация паровозного гудка одним из ездовых — и вагон идет, набирая скорость. Кони переходят на рысь. Катимся легко, весело. Мелькают сосны, воронки от авиабомб, мерно постукивают колеса, гремит песня.

Вдруг раздается крик:

— Тор-мо-за-а!

Вагон подскакивает и останавливается. Всех швыряет к передней стенке. С крыши раздается семиэтажная брань. Вагон остановился на небольшом мосту… без настила, Рванувшиеся влево кони, оборвав постромки, барахтаются в глубокой канаве, стенки которой обшиты досками.

Наблюдатель прозевал, а сцепщик растерялся…

Дружными усилиями вытаскиваем коней из деревянного ящика. К счастью, они не поломали ног. Едем дальше, сбавив ход.

— Слишком весело, по-курьерски мчались! — смеется Коршок.

Вскоре снова остановка.

— В чем дело? — спрашивает Анисименко. Пулеметчики с хохотом отвечают ему с крыши:

— Один паровоз, товарищ комвзвода, протекать начал…

К исходу дня эшелон благополучно прибыл в Белую Березку.

На берегу Десны наша железная дорога обрывалась, но в нескольких километрах вниз по течению мы нашли другую. Начинаясь на Хуторе Михайловском, она пересекала Десну и уходила в Белоруссию. Лесокомбинат, станция и рабочий поселок Белая Березка приютились на возвышенном берегу. В мирное время здесь принимали лес, который сплавляли с верховьев Десны.

Лесозавод Белая Березка — родной брат Хинельского лесокомбината. Сочетание железнодорожной ветки с большой рекой обусловило обработку древесины на месте.

Лес для Белой Березки заготовлялся почти по всему Брянскому краю и свозился зимой к берегам лесных речек, А по весне, когда очищаются от льдов реки, плоты и тесные молевые потоки спускались по реке Болве с верховьев Неруссы, по Навле и, вырвавшись на просторы Десны, плыли вниз, навстречу первым пароходам, идущим из Черниговских затонов вверх, к Брянску.

Война изменила облик Белой Березки: уныло торчат заржавленные трубы, заколочены окна домов, не видно жителей; пирамидальные кучи опилок из ярко-желтых стали грязно-серыми.

Молчит фанерный док: рабочие лесокомбината, лесорубы, сплавщики, машинисты ушли на фронт, а кто был освобожден от службы, тот взял автомат и дерется с захватчиками, вступив в один из отрядов погарских партизан под командой Кошелева.

Когда мы приехали, никого из погарских партизан на месте не оказалось.

Мальчик лет двенадцати вызвался связать нас с переправой, что находилась у моста километрах в шести.

В ожидании разведки, высланной к переправе, я расположил отряд на отдых, а сам остался на берегу, на песчаном холме в тени деревьев.

Высокие дубы и сосны стеной вздымались над всем левым берегом, словно любуясь светлым простором заречных далей. В сиреневой дымке проглядывались села, цветущие сады, а на дальних возвышенностях виднелись крылатые мельницы.

Тот берег сиял простором, звал к душистым, пестрым лугам, манил в поля, где вольный простор и солнце.

По карте я изучал извилистый и далекий путь Десны от истоков до устья. Почти на всем своем протяжении в тысячу двести километров Десна имеет на правом берегу поля и степи, а на левом леса — Смоленские, Брянские, Сумские и Черниговские.

Леса, леса!

Они слились в один тысячеверстный массив и, подступив к

Десне, остановились в оцепенении.

То сизо-голубые и неподвижно сонные массивы, то дымчато-оранжевые дубравы, то светло-зеленые, радующие глаз березовые рощи или дремуче-темные боры, — они глядятся в зеркало вод, будто в очи любимой девы, никнут тенистыми ветвями и как бы стерегут красу Десны.

Ласковый ветерок доносил к лесу запахи поля, игриво волновал веселую зелень посевов, зыбко перекатывался в сизой осоке и трепетал, шаря над камышами.

Меж рекой и степью кудрявится изобилующая протоками долина. Кормилица белоклювой кряквы, носящихся стайками куликов и бекасов, вскидывающихся в звонкой воде линей и окуней придеснянская пойма кутается по утрам в бело-розовый туман. И дышит все тогда здесь неотвратимым жизненным искушением, к будто горит под фатой тумана стыдливый жар «стариц», истомленных пленительными снами и пряными запахами летней ночи…

Десна, роскошная и величаво спокойная, нежно обнимает то задумчивый лесной, то беззаботно веселый степной берег и, окаймленная неоглядной зеленью лугов, проносит светлые воды мимо, на юг — в объятия могучего красавца Днепра.

Десна!..

За твою вольность и честь обнажали булатные мечи наши предки — доблестные сыны Смоленского и Северского краев; в твоих прозрачных водах купались кони славных Богунского и Таращанского полков начдива Щорса; за тебя грудью встала Брянская армия. Ты вся — от истоков своих до устья — принадлежишь партизанам!..

Мягко бросая на песчаный берег волну, Десна повернула вниз, к стальному мосту. Ажурно-легкий и высокий, он четко выступает на фоне заходящего солнца. Центральные пролеты его взорваны и, осев между устоями, как бы силились остановить течение.

Я сидел над Десной, погруженный в воспоминания. Вид обрушенного в реку моста перенес мое воображение в Прикарпатье, на Днестр, к границам, туда, где начиналась война, где грянул первый в моей жизни бой, где я получил боевое крещение.

Вспомнилась знойная долина. Едкая пыль гравийного шоссе облаком окутала уставших людей, Раскаленные стремена жгут мои затекшие ноги, солнце хлещет горячими потоками, одуряющий сон клонит тяжелую голову. Кажется, не было в жизни бóльшего соблазна, — так хотелось вытянуться на пыльной обочине под колючим кустом акации и уснуть…

Влево от шоссе зеленела заманчивая пойма, и там, всего лишь в двух-трех километрах, то скрывалась, то появлялась из-за кустарников желтовато-голубая, сверкающая гладь большой реки. Воздух густой и влажный. Безветрие, как перед грозой.

Потерявший подкову конь хромает. Он вздрагивает, когда наступит истертым, обломанным копытом на гальку. Я слезаю, треплю его по крутой, лоснящейся шее.

— Шагай, родной! Еще немного, и мы в городе. Там кузница, овес, купанье…

Чуя реку, он глядит на меня своим глазом, бодрится, спешит, шагая со мной в ногу, плечом к плечу.

Вот и Галич. Небольшой древний город с красивыми каменными домами. Жителей не видно. Все замерло. От командования главными силами поступило распоряжение следовать через город без привала.

Я еду по душному ущелью, пока передо мной не открывается вид на дивный стальной мост, пересекающий реку и соединяющий пригород и древнюю полуразвалившуюся крепость с городом Галичем, расположенным на восточном берегу Днестра.

— Мост минирован! Езда шагом, товарищ капитан! — приветствуя, предупреждают меня саперы.

Я глубже опускаюсь в седло и ослабляю повод. Конь сбавил шаг, согнув дугой шею, он косится на сверкающее зеркало Днестра, жадно втягивает трепетными ноздрями запах воды, и оба мы чувствуем непреодолимое желание броситься в стремительные, прохладные струи и плыть, отдавшись течению, смывая пыль и смертельную усталость.

Я медленно еду по минированному мосту, находясь в середине арьергардной колонны. В обязанность арьергарда входит прикрыть главные силы с тыла и не оставить за собою целым ни одного значительного моста.

Громыхая тягачами тяжелых орудий, цокая тысячами подков навьюченных лошадей, плотно сдвинутые колонны войск уходили на северо-восток. Полнокровные и до отказа снабженные всем необходимым, части войск на этом театре военных действий выполняли план стратегического маневра.

Венгерско-фашистские войска опасливо продвигаются за нами. Получив ряд сильных ударов в ущельях Карпатских гор от небольших отрядов пограничников, они недоумевают, почему уходят куда-то регулярные соединения Красной Армии.

Мы спешили соединиться с другой группировкой наших войск, и кадровые бойцы — мастера огня и штыкового удара, сильные и закаленные, до бесконечности выносливые, стиснув зубы, шли все дальше и дальше.

Спали на получасовых привалах. Шли, оставляя синеющие горы и звонкие речные потоки, города и целые районы.

Связные офицеры зорко наблюдали за дисциплиной марша. Привалы регламентированы и сокращены: два часа движения — десять минут привала, четыре часа движения — тридцать минут отдыха. Ночлеги отменены. Пешие колонны, в плащ-палатках и стальных касках, прошли Стрый, Долину, Калуш. Миновали Днестровский мост в Галиче…

Еще несколько дней назад штабист шепнул мне на ухо:

— Спешите… Я мог бы приказывать, но я прошу: торопитесь! Обстановка крайне тяжелая: не сегодня-завтра мы можем потерять переправы и коммуникации, противник повиснет на нашем фланге, отрежет нас от соседней группировки, и окружение наших частей окажется неминуемым.

Уходя, мы сжигали склады и нефтебазы. Пламя опаляло лица бойцов; пахло пригорелой шерстью коней. Черный дым густо застилал небо.

Мой арьергард шел сквозь пожары. Горело и рвалось то, что составляло нашу оборонную мощь на этом театре военных действий.

Мы уничтожали все, что могло служить врагу для военных целей.

Казалось, готово было разорваться и мое сердце. От всего, что видели глаза, на душе становилось горько и больно.

Над мостом тонко заныли два немецких самолета. Они низко спланировали над рекой и, покружившись, скрылись. Где-то восточней ухали тяжелые разрывы; должно быть, главные силы шли под бомбежкой с воздуха.

«Почему не бомбили наши войска на переправе? — спрашиваю я себя. — Неужели они думают, что мы оставим мост целым? Нет, этого не будет!» — и я окинул взглядом величественно-стройное сооружение.

Плавно спускаясь с пяти высоких пилонов, над мостом висела крестообразная сеть ветровых связей. С боков, сквозь стальную решетку панелей, виднелся плес реки и синеющие горы. Строгие и точные сплетенья раскосов и диагональных связей, повторяющиеся тысячи раз, отчетливо рисовались на фоне реки и неба. Человеческий разум и сила подняли к смело перебросили над горными потоками стометровые металлические фермы, открыв свободный путь через большую реку.

«Пусть погибнет этот мост, — говорил я себе, — пусть вязнут в бродах танки врага, пусть тонут, копошатся в грязи, в иле! Мост ляжет на пути захватчиков бесформенной грудой металла и запрет реку для судоходного сообщения».

Я перешел мост и остановился, пропуская последнюю колонну арьергарда. Несколько сот пограничников, выбиваясь из последних сил, спешили к переправе.

— Через десять минут произойдет взрыв, товарищ капитан. Я прошу вас отъехать на безопасное расстояние, — обратился ко мне командир саперов.

— Обождите, товарищ лейтенант, вон там наши, — указал я на колонну пограничников, которым до моста оставалось пройти не более трех километров.

— Это займет тридцать минут, — оценивая расстояние, возразил сапер, — не могу, у меня график главного командования. В 14.00 я должен взорвать этот мост. Я прошу вас отойти на пятьсот метров.

— Товарищ лейтенант, сперва пройдут все наши люди. Это пограничники. Я дам вам знать, когда настанет время.

— Я обязан взорвать без опоздания! — настаивал лейтенант, — я головой отвечаю…

— И я отвечаю головой как начальник арьергарда!

— Но…

— Никаких но! Как старший тут, приказываю вам взорвать мост только после того, как пройдут пограничники.

Лейтенант подчинился.

Мы ждали отставшую колонну еще четверть часа, когда в хвосте арьергарда, проходившего в это время через город, возникла жаркая перестрелка.

— Фашисты в городе! Броневики! — доложил прискакавший связной из города, — Наши ушли! Бронемашины идут сюда! Прорвались со стороны Львова. К нам навстречу! Мы отрезаны!

— Фашисты! С востока? — я не хотел этому верить, но в городе уже трещали пулеметы.

Прибежал раненый шофер, — машина его была подожжена немцами. Он сказал то же:

— Вражеские броневики отрезали нас с востока… Десять бронемашин и танкетки! Видел сам. Я пытался проскочить, но броневики стоят на всех улицах города…

Стало ясно, почему отменен привал в Галиче, почему немцы не бомбили переправу. Их механизированный десант сидел где-то в засаде, ожидая, пока пройдут наши главные силы и удалится от моста арьергард. Десант выжидал, чтобы захватить мост целехоньким! Захватить в тот момент, когда по нему будут идти последние отставшие подразделения, расстроенные, слабо вооруженные, усталые. Следовало ожидать, что броневики сейчас же появятся у моста.

Не пустить их на мост — это являлось первой нашей

обязанностью.

Перешедшие на эту сторону повозки с патронами и несколько грузовиков пограничной комендатуры, которая спешила к мосту, я развернул поперек шоссейной дороги, поднимавшейся высоко над лугом. Эта баррикада послужила защитой отставшим пограничникам: они спешили к нам, услышав перестрелку в городе.

Через несколько минут фашистские броневики вышли из города и построили перед нами дугу обороны, упирающуюся своими концами в Днестр. С расстояния около трехсот метров они начали обстреливать нашу баррикаду.

Полагая, что мост уже захвачен и отрезанные от главных сил пехотные подразделения не станут сопротивляться, немецкий офицер поднял люк броневика и вылез наружу. Размахивая флажком, он направил огонь машин на нас. Над тумбой брызнули искры; осколки бетона свалили ординарца, рассекли мне лоб и щеку. Карый вздыбился, а потом упал на камни. С усилием и стоном он поднялся на полминуты и снова упал, ударившись головой о тумбу.

Немец поднес бинокль к сверкающим стеклам пенсне и захохотал. Я хорошо видел это невооруженным глазом.

Схватив винтовку убитого ординарца, я выстрелил в офицера. Бинокль выпал из его рук, офицер присел, люк броневика захлопнулся.

Завязалась жаркая схватка. Позабывшие усталость пограничники во весь дух бежали по звонкому мостовому настилу и, сев на свои шинельные скатки, как на салазки, двумя потоками скользили вниз, вправо и влево, по каменным отмосткам высокого земляного полотна дороги.

Перехватывая знакомых мне по прежней службе лейтенантов, я отдавал короткие приказания. Бойцов развернули подковой и ею охватили восточную часть моста.

Приблизившиеся к баррикаде броневики были забросаны бутылками с горючей смесью. Жаркое пламя вспыхнуло на шоссе. Два броневика, пытаясь сбить с себя огонь, дали «полный назад!» и ударились о третий. Я поспешил развернуть в боевой порядок все свои наличные силы.

Перебегая короткими рывками, мы двинулись в обход города справа. Саперы в это время должны были взорвать мост и уходить за нами.

Мы заняли село, вышли в поле, но и там оказались бронеавтомобили. Они вели уничтожающий огонь, начисто скашивая кукурузу и ветви кустарников. Двенадцать станковых пулеметов комендатуры осыпали их бронебойными пулями, но

силы оказались неравными. Нам снова пришлось отойти к мосту.

Броневики, закрыв башенные люки, спокойно стояли под градом пуль, расстреливая на выбор пограничников.

— Нам помогут, нас выручат! Держитесь, товарищи! — кричали командиры.

Но помощь не шла. Главные силы продолжали отходить на восток, выполняя план марша, а нам нужно было драться одним, чтобы обеспечить корпусу выход из-под удара. Неумолимый закон войны требовал от старших начальников жертвовать меньшим во имя спасения большего…

Немцы предприняли еще две атаки, но, лишившись пехоты, посаженной на бронемашины, снова засели на окраине города, построив дугу обороны.

На узком, почти голом плацдарме, прикрытые с тыла Днестром, мы бились с броневиками до вечера, когда на западном берегу показалась механизированная колонна мадьяр.

Корректировщики снова закружились над мостом. Мадьяры начали обстрел плацдарма с тыла.

Я передал по цепи команду уходить под прибрежной кромкой обрыва к притоку Днестра, к реке Гнилая Липа, а саперам приказал готовиться к подрыву.

— Подорвать нельзя, — упавшим голосом ответил лейтенант, — нарушена проводка, украден кабель безопасного удаления…

— Украден кабель? Кем? — спросил я.

— Не знаю, должно быть, лазутчиками. Смотрите, вырезан и, наверное, утоплен. Я настаивал на том, чтобы взорвать в назначенное время, — сказал лейтенант. — Видите, что получилось…

— Да, настаивали, — ответил я холодея, — настаивали, а я не позволил.

«Если мост достанется противнику, — с ужасом шептал я, — то что же будет? А будет то, что я окажусь изменником Родины! Клеймо предателя падет и на моих родных — отца, мать, братьев, на моего трехлетнего малыша. Отдать врагу стратегический объект невредимым? Нет, этого не будет!»

— Нельзя вос-ста-но-вить проводку? — обрушился я на лейтенанта. — Нельзя взорвать? Да как у вас язык повернулся, как вы смели подумать об этом? Марш, исправлять повреждение!

— Восстанавливать под огнем? — переспросил еще не нюхавший пороха лейтенант.

— Да! Под огнем! Приказываю вам лично восстановить проводку под огнем.

Лейтенант бросился в воду — у берега было мелко, по

пояс, — и побрел к ближайшему устою.

Взбираясь друг другу на плечи, саперы добрались до поврежденного проводника. Но вот верхний пошатнулся, упал в воду. Лейтенант вскарабкался на его место и соединил разорванные проводники.

— Готово, товарищ капитан! Готово! — радостно закричал он и в ту же секунду упал, сраженный пулей снайпера, притаившегося в кустах.

— Скорей назад, — крикнул я саперам. Они побежали, унося лейтенанта.

А я схватил свисавшие с панели моста провода и пальцами и зубами примялся оголять их, вставляя концы в отверстие зажима. Один проводник ощетинился и не входил на место. Медная жилка вонзилась в палец, брызнула кровь. В сознании билась одна мысль: цела ли цепь проводников на мосту? В крайнем случае — взберусь на бык или побегу на мост и подключусь там, чтобы взорваться с ним вместе.

Я взглянул наверх. Громада металла висела на десятиметровой высоте и, сорвавшись оттуда, должна была раздавить меня стотонной тяжестью… Я мысленно попрощался со всеми, кто был мне дорог. Прощай, Родина! Огненные слова присяги звали на подвиг, они торжественно звучали во всем моем существе, налитом непреклонной решимостью к самопожертвованию, и твердили: «Я клянусь защищать тебя мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни…»

Нащупав ключ подрывной машинки, я бросился под основание берегового устоя, в сырую вымоину, где река нанесла песчаную косу и образовала возле каменного устоя глубокую, подобно могиле, щель. Зарываясь головой в песок, я повернул ключ, посылающий ток к зарядам.

Взрыва я не слышал. Ощутил только страшное сотрясение, боль в ушах, давящую всего меня тяжесть. Мне показалось, что я ослеп, вокруг меня была тьма. Потоки воды, хлынувшие сверху, множество сыпучих осколков, бьющих по спине, — вот все, что я запомнил о той минуте.

Опираясь спиною на устой, я выпрямился и больно зашиб голову. Руки инстинктивно поднялись и нащупали низкий, как в рудничном забое, потолок.

Было ясно одно: мост уничтожен, а я жив, но ослеп.

Не помню, сколько времени я ничего не видел. Длилось это недолго, К ногам моим упал разорванный кусок панели. Я вздрогнул, но не от испуга, а от радости: зрение вернулось ко мне! На изогнутом краю панели я увидел круглые неокрашенные

отверстия с колечками из-под вылетевших заклепок…

— Мост взорван! — воскликнул я. — Долг исполнен! А себя спасти я сумею…

Нащупав оружие, я оглядел взбудораженную реку. Серая мгла светлела: уходили дым и чад, улеглась пыль от взорванных речных быков, но еще сыпались мелкой дробью бетон и камень. Прибрежная подвесная ферма упала одним концом в реку, другим сорвалась с берегового устоя и сползла вниз, застряв над моей головой на высоту одного метра. Ближайший к берегу бык оказался незаминированным, он стоял громадной каменной глыбой, на которой вздыбилась консольная часть пролетного строения. Другая консоль была отброшена влево и уткнулась в середину реки. Бык и накрывшая меня ферма рассекли взрывную волну и тем спасли меня от гибели.

Пошел проливной дождь. Быстро стемнело. Я пробрался к устью Гнилой Липы, но никого из своих не нашел. Долго пробирался сквозь мокрые камыши, пока не набрел на красноармейца, склонившегося над лежащим конем. Передняя нога коня была переломлена пулеметной строчкой, он лежал на боку нерасседланный, тянулся к красноармейцу, собирал в трубку верхнюю губу и словно шептал что-то своему боевому другу. А тот, припадая к гриве коня, плакал, как ребенок.

Я сел рядом с ним. Голова моя сильно болела.

— Послушайте, товарищ красноармеец, — сказал я. — Давайте знакомиться. Как ваша фамилия?

— Баранников… Николай Никитич, — дрожащим голосом ответил он.

— А покурить у тебя найдется, Николай Никитич? Мой табак промок, а запас в переметных сумках остался.

И я рассказал ему о гибели моего коня и о взрыве моста. Через полчаса, поговорив по душам, мы решили переплыть Гнилую Липу и вместе идти на восток, через горы, вдогонку нашим частям.

У Баранникова не хватило сил пристрелить своего коня. Пришлось сделать это мне.

— А теперь пойдемте, — сказал Баранников, — чего уж боле. Друга я лишился…

Над Днестром опустилась карпатская ночь. У переправы пылали костры, гудели моторы, сверкали фары. Войска врага прибыли и встали на западном берегу. А на восточном тщетно разыскивали тех, кто лишил их удобной и скорой переправы.

Мы бросились в холодные волны Гнилой Липы и вскоре выплыли на ее восточный берег. Отдохнув с минуту, мы поплелись в туманный мрак, в горы, отрезанные от своих.

Много рек переплыл я с Баранниковым, тысячу километров прошли мы полями, лесами, болотами, пока не стали партизанами.

…Долго сидел я над Десной, погруженный в воспоминания. В памяти проносились картины тяжелых ночных скитаний, лишения, походы и бои в тылу противника.

Я очнулся, когда меня окликнул Инчин.

Разведка донесла, что возле моста, кроме паромщиков, никого нет.

Хозяева этих чудесных мест — партизаны-кошелевцы — где-то за рекой, в заденянских селах.

Подгоняемые желанием отдохнуть и подкрепить свои силы, мы поспешили к переправе. Мне казалось, что она где-то здесь, совсем близко, в действительности же мост находился в шести километрах от нас. Освещенные полной луной, мы начали бесшумно взбираться на высокую насыпь.

Прямой рельсовый путь, прорезая леса, пришел сюда из Хутора Михайловского и устремлялся за реку, в Белоруссию.

Собрав потеснее колонну, я пошел по мосту. Внизу, сразу же за решетками панелей, с головокружительной высоты виднелось гладкое зеркало реки. В его спокойную гладь смотрел белый лик луны. Противоположный берег как будто отодвинулся и тонул в бледном сиянии. Посередине моста ферма круто нырнула вниз. Река, рассекаемая изуродованным железом, ворчала, как живое существо.

Мы спускаемся ей навстречу. Медленно сползаем, рискуя сорваться в темную пучину. Шаткий мостик лежит на рыбачьих лодках. По гибким скрипучим доскам я добираюсь до противоположной обрушенной фермы и лезу по ней наверх. Затем опять горизонтальный настил и снова осторожное, кошачье сползание по почти отвесному спуску навстречу ворчливому течению. За шатким мостом очередной подъем по стальной ферме. Голова кружится, когда взглянешь вниз, на темную реку. Почему-то ждешь, что вот-вот полоснут с той стороны пулеметы и положат всех нас на железных подмостках.

Через несколько минут пахну́ло в лицо теплым воздухом и густым ароматом цветущих яблонь. Тяжело вздыхающая река позади. Легко и приятно идти по земле.

К утру мы вошли в село Погарского района Витемлю. Оно стоит на берегу затейливо изгибающегося озера.

До половины дня — сон и полный отдых под охраной кошелевцев. Все местные мужчины — партизаны Василия Ивановича Кошелева.

Население отзывалось о нем с заслуженным восхищением. С

горсточкой своих мужественных воинов, подобно гордому соколу, пари́л он над степной равниной, подстерегая зарывшегося в землю врага. Немецкие гарнизоны Трубчевска, Погара и Почепа трусливо выглядывали из своих нор, не смея войти в соседние села.

Кошелев нуждался в подкреплении.

Расквитаться с предателями, очистить родное село от оккупантов, восстановить в нем советские порядки — заветная мечта и дело чести местного партизанского отряда. Тем более, если дело шло о райцентре или городе. Даже у прославленных партизанских генералов такая операция, как очищение района от оккупантов, считалась делом особой воинской доблести. Всякий неизвестный дотоле партизанский отряд, сумевший занять свой районный центр, получал всеобщее признание. Командир такого отряда приобретал неписаное право на самостоятельные сношения с крупными отрядами и даже со штабами партизанских объединений, как равный с равными.

Но самое главное для отряда заключалось в том, что он завоевывал в этом случае симпатии населения, которое в большинстве своем превращалось в партизан. И тогда как бы сами собой обрывались линии связи, горели мосты, разрушались гребли, рвались на шляхах под машинами оккупантов мины, и на каждом шагу подстерегала фашистов партизанская пуля.

Понятным было мне желание молодого командира погарских партизан Кошелева как можно скорей ворваться со своими отрядами в город Трубчевск и в неравной схватке победить или погибнуть… Среди партизан-кошелевцев немало было таких, которые имели личные счеты с трубчевскими предателями, и кровь загубленных предателями семей взывала к мщению.

Кошелев был готов к штурму трубчевского гарнизона, но боялся удара в спину со стороны погарского и стародубского гарнизонов гитлеровцев. Он просил меня:

— Создайте угрозу противнику в направлении на Погар и Почеп! Не допускайте захвата врагом переправы через Десну — единственного нашего пути отхода в Брянский лес!..

Этот проект вполне соответствовал и моей задаче.

Подписав оперативный план, мы двинулись из Витемли каждый по своему направлению: Кошелев — на восток, к Трубчевску, я со своим отрядом — на запад, к Погару.

Сделав рейд по Погарскому району, наш отряд остановился под Погаром, заняв несколько селений на восточном берегу реки Судость. Мы занялись вылавливанием полицейских и предателей-старост, реквизицией их имущества: скота, лошадей, запасов хлеба. Всё, что оказалось в заготовительных пунктах, стало

нашим.

И снова, как в апреле, мы двинули теперь обозы с побережья Судости к Брянской армии. Через Десну мы переправляли их на паро́мах, сделанных кошелевцами у взорванного моста. Оттуда обозы шли на станцию Белая Березка, где и погружались в вагоны.

Глава XV
СКВОЗЬ БЛОКАДУ

Выполнив задание райкома за Десной, мы через десять суток возвратились в Герасимовку. Нормальная жизнь в отряде наладилась. Но эсманцев всё же тянуло в родные края, в Хинель, где была оставлена боевая техника. Что там, в Хинели? — этого никто не знал.

Три разведывательные группы эсманцев, отправленные на разведку Хинельских лесов, пока мы находились за Десной, возвратились ни с чем. Оборонительную полосу осадной армии преодолеть не удалось. Севско-Новгород-Северский шлях ежеминутно освещался в ночное время ракетами, простреливался осветительными пулями из пулеметов. Противник, обративший села в свои опорные пункты, выставлял дополнительные посты — секретные засады.

Среди эсманцев ходило немало слухов о невыносимых условиях, которые сложились в Хинели для партизан, но все же слухи, по ироническому выражению Инчина, источником своим имели вездесущую «ОБС» (одна бабка сказала).

Готовясь к новому — третьему Хинельскому походу, мы ждали возвращения четвертой разведки, которую возглавлял Вася Анащенков.

С «переднего края обороны», каковым были для нас южные опушки Брянского леса, доносились порой отдаленные раскаты артиллерийской дуэли суземцев с осадной армией, — говорили, что Суземка переходила из рук в руки трижды и противник несет там тяжелые потери.

Орловский партийный центр, возглавляемый Алексеем Бондаренко, поставил под ружье все население. Один за другим формировались в лесах все новые и новые отряды Брянской армии и уходили на оборону своего «переднего края».

Все партизанские командиры знали, что Москва наладила со штабом орловцев регулярную живую связь, что на лесной аэродром садятся каждую ночь московские самолеты, привозя какие-то грузы и таинственных гостей из Москвы, — мы догадывались, что нашей малой войной интересуется Большая земля, Москва, и первомайский приказ Народного Комиссара Обороны об усилении партизанской войны в тылу немецких захватчиков приводится в действие.

Не терпелось и нам, эсманцам, поскорей выйти в свои районы, чтобы довести все это до населения.

Находясь в Герасимовке, мы пытались уяснить себе положение на фронтах, приводили в порядок оружие и с нетерпением ожидали Анащенкова.

В лесной глуши ничто не нарушало размеренного хода нашей жизни. Знойные летние дни, похожие один на другой, тянулись медленно и спокойно. Кончив политические занятия, партизаны подолгу отдыхали.

Лежа на цветистой лужайке, защищенной от солнца тенью нарядной березки или даже толпою белоногих молодых березок, партизаны созерцали блуждание легких облаков в лазурном небе, следили за трепетным полетом мотыльков и бабочек, дивясь их неутомимой резвости и яркости.

И до чего же хорош мир!

Но еще прекраснее он поздним вечером, когда лежишь на пахучем сене, наваленном в повозки, или сидишь у распахнутого окна. С затемненных опушек, от реки Неруссы тянет бодрящей прохладой, в темно-бархатном небе загораются подмигивающие звезды и откуда-то издалека доносятся манящие девичьи песни.

Но комары!

Подкравшись, они вонзают свое жало в ваше тело и нещадно пьют вашу кровь, оставляя нестерпимо зудящие волдыри. Не дают уснуть, назойливо поют над ухом и жалят, как крапива… Ни дым от подожженных еловых шишек, ни яркий свет, ни темнота — ничто не спасает от этих ничтожных по размеру, но великих неистребимым своим числом пискливых людоедов. Причиняемые ими муки лишают сна, аппетита, покоя и, в конце концов, сил. Еще большие мучения испытывают от них животные, особенно лошади.

Облепленный комарами конь рвет уздечку или ломает коновязь, ошалело летит в лесную чащу, где вместе с клочьями шерсти сдирает насевших на него комаров, до крови растирает искусанные места о шероховатую кору дерева, пытаясь найти хоть минуту покоя. Человеку — одно спасенье: закутаться с головой в одеяло и не высовываться до того часа, когда духоту ночи сменит утренняя прохлада.

Наши оборонительные бои против этих мучителей продолжались две недели, в течение которых одна за другой возвращались разведгруппы.

Они докладывали, что дошли до самого Севского шляха. Перейти его нельзя. Ракеты… Трассирующие пули… Засады…

Видно, разнеженные долгим сидением в лесу, партизаны уже разучились преодолевать опасности.

Между тем главные лесные штабы вели между собой переговоры о взаимодействии, готовили крупные боевые

операции, закреплялись на обороне вдоль юго-западных опушек леса, сколачивали объединения.

В результате взаимного соглашения Фомич стал комиссаром объединения Сабурова. В это объединение вошли все украинские партизанские отряды, кроме ковпаковцев, которые находились где-то под Путивлем. Не было в лесу и ворошиловцев. Гудзенко и Покровский увели свои бригады в глубь Орловской области на коммуникации противника.

Фомич предложил мне работать в штабе Сабурова.

Штаб находился где-то еще более глубоко в лесу, в местности, называемой Стеклянной Гуткой, куда, по его же выражению, и черный ворон не залетал, — в еловом бору, сквозь который не пробиваются солнечные лучи и где господствует музыка нудливо-звенящих комариных полчищ.

— Ой, Фомич, — отшутился я, — Мне осточертели комары, и я хочу как можно скорее увести отряд в Хинель. Душа рвется в поля, в степные села!

— Это не ответ коммуниста, — с упреком возразил Фомич, — речь идет о большой партизанской войне, Михаил Иванович. Мы уже связаны с Центральным Комитетом партии Украины, с товарищами Хрущевым и Коротченко. И чтобы усилить удары по врагу, как того требует партия, необходимо объединить наши усилия. А вы о комарах!..

— Комары — это шутка, Фомич, — ответил я, — но почему я должен быть только в лесу? Народ, а не лес — основная партизанская база! И отсюда следует…

— Одну минуту, Михаил Иванович, — перебил Фомич, — вы уже убедились, что без лесов не обойтись. Нас дважды спасли леса. И прежде всего Брянские. Ведь это факт, а из обобщенных фактов делаются выводы и, если хотите, наука.

— Согласен и с этим, — сказал я, — но опыт говорит, что партизаны могут действовать и в степи. Из полугода партизанской войны наш отряд находился в большом лесу лишь два месяца, а остальное время он провел в сёлах Червонного и Ямпольского районов. Это тоже наука.

Фомич засмеялся:

— Люблю научный подход к делу!

— Так вот, — продолжал я. — Согласен, что большой лес с аэродромами безусловно необходим. Но часть сил важно держать вне леса и даже вдали от лесов, в рейдах, чтобы, как говорил Котовский: «То тут, то там сверкать молнией и громить, громить, громить! И воодушевлять народ, собирать все, что есть лучшего в нем, в наши ряды, помогать населению в борьбе с оккупантами в степях, селах, городах!»

Фомич глядел на меня так, словно видел впервые, и в его больших живых глазах я читал одобрение.

— Правильно! — сказал он. — До чего правильно, Михаил Иванович! Часть наших сил непременно должна быть там, в степях и селах. Я радуюсь тому, что мы имеем кадры командиров, которые уже знают, как нужно воевать в тылу противника.

— Фомич, — продолжал я, — можно вести войну активную, наступательную и можно только обороняться. В первом случае мы навязываем свою волю противнику, во втором — диктует нам он, и это плохо. Заперев партизан где-либо в лесу на замок блокады, противник может считать, что его задача наполовину выполнена. Он лишает этим партизан продовольственной базы, изолирует от населения, а это в свою очередь лишает их пополнения новой силой. А что такое длительное пребывание в лесу? Медикаментов у тебя нет, хорошей воды и овощей тоже нет, питание недостаточное. Проходит неделя, другая, кто-то вдруг заболевает. Чем? Неизвестно. Заболевает и умирает. За ним и еще кто-нибудь. Короче говоря, начинается эпидемия.

Отсюда следует, что нельзя привязывать крупные силы партизан к одному и тому же месту. Пусть они будут и всюду, и нигде. Им необходим маневр. Им нужны и леса, но только для того, чтобы пройти там некоторую школу, формирование, освоиться с мыслью, что они живут в тылу врага, научить их хождению по оккупированной территории, научить, как добывают хлеб партизаны, и после всего этого — смело и решительно выдвигать в поля, в степи, в населенную местность и для действия на коммуникациях…

И вот, когда десятки отрядов и сотни партизанских групп своими активными действиями поддержат партизанский край, начнут действовать и за его пределами, тогда мы в состоянии будем разжечь партизанскую войну всюду и везде.

— Вот именно ради этого, Михаил Иванович, — проговорил, выслушав меня, Фомич, — мы и создали наше украинское объединение. А потом, постепенно, выйдут в свои районы и другие отряды, как выходил эсманский, как ушли все отрады Сидора Артемовича Ковпака. О чем же наш спор?

— О том, Фомич, что нужно уже сейчас кончать с войною «от тына до хаты».

— Могу вас порадовать, — сказал Фомич. — Готовьтесь к третьему Хинельскому походу. Этот вопрос уже решен мною. Вы поведете в Хинель две трети всего отряда. С вами пойдет Анисименко, он будет комиссаром. А что касается действий в лесах, то я уже думал об этом. Только должен заметить — горячий вы очень! Скажите, пожалуйста, чем вы будете отражать в

степи танки и броневики противника?

— Мы отнимем у него же противотанковые средства, Фомич.

— А если не сможете?.. Я не могу судьбу отряда решать на авось, наудачу. Речь идет о жизни сотен людей наших. Знайте, — Центральный Комитет принимает меры и поможет нам выйти в степи! Кстати, Михаил Иванович, у вас есть карта той степной местности? Ага, молчите?

Я смутился, Фомич был прав: для действия в открытой местности нужны легкие противотанковые средства, для вождения отряда на широких пространствах необходимы точные военные карты и радиосвязь с руководящим центром. И всего этого у нас еще нет. Эти средства можно было получить из Москвы.

Фомич знал больше меня и мыслил глубже меня.

На следующий день прибыл Анащенков. Ему удалось с двумя бойцами перейти злополучный шлях, побывать у себя дома, в Лемешовке, и узнать, что в Хинельских лесах нет ни одного гитлеровского солдата.

И вот первая группа в полном составе пустилась на юг, на Суземку. К нам были прикомандированы все пулеметчики-станкисты из второй и третьей групп, все артиллеристы под командой Ромашкина, разведка отряда под командой бравого грузина Талахадзе.

Прикомандирован был также и Тхориков. С целью реабилитироваться перед райкомом, он взял на себя восстановление оборвавшихся связей с оставшимся кое-где в районе подпольем.

— Следите, чтобы партизаны вели себя достойно среди населения, — напутствовал нас Фомич, — вам будет нелегко. Не повторяйте старых ошибок, будьте бдительны. Помните приказ: не жалеть патронов для угнетателей нашей Родины! Я буду присылать вам сводки Информбюро, газеты и листовки, а вы доносите о военных делах, о положении в отряде и в районе. Станет невыносимо — отходите сюда, на нас. При первой же возможности, — заверил Фомич, — мы выйдем в Хинель со всеми оставшимися силами.

Фомич снабдил нас листовками и газетами, полученными с Большой земли. Наши разведчики должны были распространить их среди населения Украины.

Ранним утром, провожаемый в опасный путь всем населением Герасимовки, наш отряд выступил по лесной дороге на Суземку. Поощряемые желанием скорее вырваться на светлые равнины, мы двигались быстро: через четыре часа достигли окраины Суземки. Изумленным взорам партизан предстали рыжие бугры с грудами

покоробленного железа, остатки печных труб. Колодезные журавли и деревья на приусадебных участках были обуглены. Села Суземки не существовало.

С горечью и скорбью глядели партизаны на эту страшную пустыню. Такого мы еще не видели.

От обширного пепелища и теперь — после нескольких недель жестокого сражения — тянуло пережженным кровельным железом. Среди буйной игривой зелени расстрелянная от трубы до фундамента Суземка лежала пепельно-желтым пятном. На нескольких квадратных километрах не видно было ни травины, ни зеленой ветки…

Но и этих руин не отдали суземцы врагу: сокрушающими контратаками они опрокинули ворвавшихся в село гитлеровцев, угнали их в степь, а сами стояли теперь в селе Шилинке, в десяти километрах южнее Суземки.

Во второй половине дня мы прибыли в Шилинку, еще не успокоившуюся после вчерашнего боя: фашисты пытались взломать оборону суземцев, трижды атаковали ее и трижды отступали, неся большие потери.

На улицах села кое-где еще дымились сгоревшие дома. Парни и девушки возбужденно рассказывали нам о вчерашнем сражении, указывая на сожженные ими танки. Хозяйки встретили нас приветливо, как родных.

Фронт сегодня молчал. На юге виднелось чистое поле, местами поросшее овсом и рожью. За дальними полями, километрах в пяти от Шилинки, чернели сожженные села Тарлопово, Алешковичи, Павлово, Безгодково…

Между Шилинкой и противником лежала нейтральная зона. Для того, чтобы попасть в Хинель, предстояло пройти эту зону, а затем просочиться между гнездившимися вдоль шляха опорными пунктами осадной армии. Ширина этой полосы колебалась от восьми до двенадцати километров, в зависимости от расположения деревень и сел.

Остаток дня я и Анисименко посвятили изучению карты и оценке данных, которые принесли местные отряды. Партизаны, разместившись в уцелевших хатах, отдыхали. С завистью профессиональных воинов слушали они рассказы суземцев и рассматривали добытые ими трофеи. Суземцы похвастали оружием, которое прислали им на самолетах из Москвы. Большое впечатление производили невиданные еще «противотанковые ружья.

— С таким ружьем ни поле, ни степь не страшны, — говорили партизаны. — Эх, нам бы на отряд такое ружьецо заиметь!

Я внимательно осмотрел эту новинку. Зарядил,

прицелился, — длина ствола такова, что, казалось, невозможно промахнуться, и подумал:

«Будь хотя бы одно такое ружье под Галичем, немецкие броневики не отрезали бы нас от главных сил…»

Бронебойщик, охотно демонстрируя противотанковое ружье, говорил:

— Любой кирпичный дом насквозь пробивает! И зажечь можно!

— Вот это да! Полицаям не удержаться! — воскликнул Сачко.

— Что полицаи! Танки посунулись на меня целой пятеркой, так я враз зажег, с первых выстрелов! — хвастается бронебойщик, показывая рукой туда, где стояли рядом два небольших закопченных танка с белеющими на бортах крестами.

— Это, брат ты мой, война! — мечтательно произнес Баранников. — К орловцам бы нам перейти…

Суземцы торжествовали: вступив в большие сражения позднее нашего, они преуспели, и им приятны были наши отзывы об их технике.

— Откровенно говоря, есть чему завидовать, — с грустью сказал мне Анисименко. — Они-то Суземки не отдали. А мы? Не только Хинельские леса… Стыдно признаться, — станковые пулеметы бросили…

Вечером отряд собрался на берегу речки Тары. Я объяснил порядок перехода. За ночь предстояло пройти более тридцати километров. Отряд должен был бесшумно, скорым шагом идти по полю, которое в южном направлении тянулось на добрых двадцать километров. Это мешкообразное поле было с обеих сторон стиснуто опорными пунктами противника. На правой стороне поля он занимал села Алешковичи, Павлово, Тарлопово и Орлия. Левую сторону составляли Заулье, Бересток, Безгодково и ряд хуторов.

Опасность предстоящего марша заключалась в том, что путь нам преграждало большое село Орлия, расположенное в двух десятках километров от Шилинки. Втянувшись в мешок, мы должны были у его дна, которым и являлось село Орлия, вырваться к Хинельским лесам. В этом месте ширина мешка сужалась до прицельного пулеметного огня.

Идти нужно было не только тихо, но еще и абсолютно точно. Проводников среди шилинских жителей не оказалось. Со всей тщательностью, введя поправки на магнитное склонение, я проложил курс движения — вслепую, при помощи компаса, со строгим соблюдением заданного азимута. В случае обстрела всему отряду следовало залечь и ждать команды, а боевое охранение, приняв на себя огонь, должно было держаться до тех

пор, пока отряд не выполнит обходного маневра.

Партизаны понимали, что обстрел неизбежен, но темнота скроет нас от глаз врага и тем уменьшит наши потери. Перешли речку Тару — передний край обороны суземцев.

Ночь была тиха и тепла. Ступили на мягкое поле. Шелестят колосья. Слышны крики коростелей. Над полем будто перекатываются волны то прохладного лесного, то теплого, напоенного степными медовыми ароматами воздуха.

Идем часа три без привала. Где-то в лощине овсяного поля остановились. Отдыхали тихо. Никто не смел курить. Ко мне подошел Гусаков и таинственно доложил:

— Товарищ капитан, пулеметчик Ральников говорит, что видел в Шилинском штабе Митрофанову…

— Елену Павловну?

Я невольно вздрогнул и не сразу нашелся, что ответить.

— Так почему же ты молчал, Петро? И мер не принял? Надо было немедленно задержать!

— Да я только вот теперь узнал, хлопцы проговорились. Ведь вы сами знаете, что мало кто о ней плохое знает. Забылось это, как покинули мы Хинель, — оправдывался Гусаков.

— Ну, а зачем там Ральников был?

— Да каже, що по вашему указанию на связь с шилинским командиром шел. Так вот, он искал его по всем хатам. Ну, и встретился с ней. Воды попросил напиться, а она как бы не признала его, ушла на кухню, да так больше и не появлялась, — нашептывал мне Гусаков.

— Ну, а ты уверен, что Ральников не ошибся? — подавляя в себе тревогу, продолжал я.

— Какое там ошибся, товарищ капитан! Ведь Ральников ездовым у Митрофанова состоял. И в Демьяновку часто ездил…

— Тогда дело наше того… Встреча с твоей «крестницей» не обещает ничего доброго. Надо будет сообщить о ней из Хинели суземским партизанам. А с донесением пошлем самого Ральникова. Напомни, если я буду очень занят, а Ральникову скажи, чтобы он хорошо запомнил место, где повстречал ее.

— Это уж будьте покойны! Говорят, хата даже приметная. Где-то около шилинского штаба.

— Ну, хорошо, Петро. Пока иди на свое место и предупреди Ральникова, — никому ни слова!..

Я забеспокоился… Елена — опытный разведчик. Мы выслежены. Припомнился недавний случай уже в Герасимовке. За неделю перед нашим походом Баранников встретил женщину, очень похожую на Митрофанову. Но тогда его подозрения отбросили с грубыми шутками. Партизаны заявили, что

Баранников был под мухой, хотя он твердо стоял на своем, уверяя, что Митрофанова ночевала у одной женщины. Кому-то из бойцов она заявила, что пришла в гости к своей тетке.

Сомнений не оставалось: Елена жива и продолжает следить за нами.

Наш и без этого чрезвычайно опасный поход показался теперь обреченным на провал: мы были в мешке, и о нас противник знал. Я искренне сожалел, что уступил главштабу и не пошел западным маршрутом, в обход Михайловского Хутора. Однако и возвращаться назад было нельзя. Оставалось каких-нибудь пять-семь километров, и тогда уже мы вырвемся из мешка, и до Хинельского леса останется не более десяти-пятнадцати километров.

Я поднял отряд и снова двинул его вперед по принятому маршруту. Теперь уже пошли сплошь по засеянным полям.

Идем скоро, уже чувствуется близость шляха, В непроглядной темени, куда указывает светящаяся стрелка компаса, — пусто. Черная июньская ночь поглотила весь мир. Ноющая боль в плечах и спине не оставляет меня ни на минуту. Ноги налились свинцом. Все утомлены. В ушах шум. Идущий впереди растворяется в темноте и ритме однообразного движения. Идем на слух, по инерции. Перенапряженные глаза предательски смыкаются, еле ловя бегающие в небе голубые и зеленоватые линии. Они вписывают в темную пустоту плавные полудуги, плывут вдаль и тонут столь же таинственно, как возникают. Потом снова появляются, горят, играют и гаснут. Их все больше и больше: золотистые, зелено-голубые, они сверкают близко, несутся целым роем навстречу, бьются о землю, скачут по колосистому полю, щелкают над нами.

В то же мгновенье видим хвостатую, ослепительно белую комету с раскаленной головкой. Шипя и раскидывая искры, она падет на ржаное поле, на освещенную колонну.

— Ложись! — звучит повелительный голос, покрываемый перестрелкой.

Там, где идет Инчин, уже рвутся гранаты и хлопают выстрелы.

Над колонной, над зыбким полем несется запевный рой пуль. Привычная к команде колонна, не зная еще и не понимая, что произошло, залегла.

Головное охранение Инчина наткнулось на противника. С трех сторон понеслись скрещивающиеся между собой огненные брызги; пулеметы вели огонь по заранее пристрелянным рубежам.

Я подаю вторую команду:

— Лежать! Не обнаруживать отряда!

Считаю огневые точки по вспышкам: три, пять, десять, двенадцать пулеметов стреляют длинными очередями.

Трассы пуль скрещиваются над полем, образуя причудливую сетку. Пули скачут по ржаным колосьям, скользя, как по воде, уносятся гудящими и сверкающими шмелями в пустоту ночи.

— Спокойно, хлопцы, спокойно! Огонь слепой, пули вверху щелкают, — слышу голос политрука Лесненко.

— Голову прижимай, не поднимайся, — твердит кому-то Петро, и я уверен, что на этот раз коммунисты и комсомольцы, наученные опытом внезапного обстрела, не дадут кому-либо из партизан обнаружиться и тем вызвать панику, как это случилось месяц тому назад под Воскресеновкой.

Но вот прозвучала команда: — Отходить!

— Отходить назад! — громко повторил кто-то в рядах моей группы, — Приказ капитана, отходить!

Мелькают тени — две, три… десять, еще десять… Побежали все, в том числе и мои…

— Стой! Стой! — Но топот сотен ног уже заглушает мой голос, и лишь конь, стоящий возле, ограждает меня от каблуков убегающих.

— Паршивая овца все стадо портит! — вырвалось у меня.

Еще минута, и я остался один. Продолжаю лежать, не желал быть убитым шальной пулей.

Кладу рядом с собой коня. Усталый, он храпит, пришлепывая губами.

Проходит полчаса. Пулеметы умолкли. Снова тишина. Появляется силуэт. Он блуждает по темному полю, чего-то ища. Заметив голову коня, идет к нам. Я навожу на него автомат.

— Хинель! — тихо говорит силуэт, остановившись.

— Херсон! — отвечаю я. — Кто ты?

— Лейтенант Инчин! — Он бросается ко мне.

— Инчин! Кто с тобой еще?

— Один, — говорит он и садится рядом. — Вы тоже — один?

— С тобой и с конем — трое.

— Глупо бежать под обстрелом десятка пулеметов, — оценивая положение, говорит Инчин. — И вот нате! Превратились в стадо овец… Просто срам…

— Нет, лейтенант, это не паника, а похуже.

Раскурив в кулаке по самокрутке, мы уходим, уходим назад, без компаса, который Инчин разбил при схватке у окопа.

Вскоре натыкаемся на брошенный ручной пулемет, потом на труп. Повернув лицом кверху, узнаем Ральникова.

— Ральников!

— Убит наповал… ножом в спину, — говорит Инчин. —

Видите? — В голосе Инчина изумление. — Ножом? Кто бы это мог? В спину?

«Рука той», — мелькает у меня мысль.

— Пулемет возьми, а Ральникова положим в борозду, землей прикроем, чтоб не торжествовали гитлеровцы…

Блуждаем долго по незнакомым, болотистым полям, пытаясь отыскать следы колонны.

В полдень натыкаемся на дзот с пулеметом «максимом».

— Кто вы?

Секунда — и нас скосит пулеметная очередь.

— Застава отряда «За власть Советов!» — отвечают из дзота.

— А вы?

Нашему счастью нет границ. Попали к своим. В пути мы уклонились слишком вправо, к селу Негино.

Кое-как подкрепившись печеной картошкой, пошли на Суземку шляхом. К полудню натолкнулись на своих беглецов. Они лежали на опушке. Многие еще спали, хотя солнце стояло высоко, остальные — спорили.

Подкравшись с тыла, слушаем, о чем речь.

— Капитан убит и упал с лошади.

— А я говорю — нет.

— А отходить кто скомандовал?

— Я от Плехотина эту команду принял…

— Слышишь, лейтенант, — подталкиваю я локтем Инчина.

— Понял, товарищ капитан, спровоцировали, — шепчет он.

Лесненко — я узнаю его по голосу — пытается найти причину бегства отряда. Он кого-то допрашивает:

— Ты первый принял команду капитана?

— Я от Плехотина принимал.

— И совсем не от меня. Я в замыкающем отделении был, а капитан впереди, — отзывается Плехотин.

— Кто еще видел, как капитана убило? — снова спрашивает Лесненко. — Кто возле него был в то время?

— Пустое! — услышал я голос Тхорикова. — Он к гитлеровцам переметнулся!

— Ну, ты эти балачки брось, Тхориков! — возмущенно произнес Лесненко, — Брось и уйди отсюда! Не мути людей и паники не делай… Хватит… В который раз портишь дело, а сам — в кусты!

— И проваливай сейчас же! Собирай свою группу, а не то… — добавил кто-то, по голосу похожий на Сачко: он сегодня шел в хвосте колонны и тоже не знал, что сталось со мною.

Мы вышли из укрытия в тот момент, когда вся группа, возмущенная провокацией Тхорикова, гудела, как потревоженный

улей.

— Как мог ты сказать такую подлость? Как у тебя язык повернулся? — стараясь быть спокойным, строго спросил я у Тхорикова. Он растерянно пролепетал:

— Мне так сказали… Не обижайтесь… капитан…

— Кто вам сказал эту подлость? — наседаю я на него. — Кто?

Тхориков жмется, не говорит.

— Говорите, кто?

— Не с вашей группы. Он с моей… Я разберусь, — потрясенный, весь багровый проговорил Фисюн.

— Да, товарищ Фисюн, разберитесь… Не он ли ударил ножом нашего бойца Ральникова?

— Оставь нас, Порфирий, отойди куда-нибудь со своими сию минуту, — потребовал возмущенный Анисименко. — Уйди и ты по добру по здорову, Тхориков. Чтоб и духу твоего больше у нас не было!

Фисюн поспешил поднять своих людей и удалился. За ним поспешил и Тхориков, провожаемый враждебными взглядами партизан.

Я сразу же приступил к подробному разбору ошибок, допущенных командирами при переходе. Выяснилось, что Анисименко удалось остановить людей только в двух-трех километрах от места, где отряд поддался на провокацию. Были высланы поисковые группы за мной и Инчиным, но все они вернулись ни с чем: не имея компасов, они не смогли правильно ориентироваться на незнакомой местности. Выяснилось и другое, как уверял Плехотин: группа Фисюна, отступая, выполняла якобы мое распоряжение, переданное Тхориковым…

Усталые и голодные, возвратились мы в Герасимовку. Я постарался сделать так, чтобы отряд вошел в село поздно вечером: было стыдно показаться на глаза людям…

Утром провели открытое партийное собрание, в котором принял участие Фомич. Коммунисты и комсомольцы резко осудили тех, кто проявил трусость и сорвал наш третий Хинельский поход.

Собрание прошло бурно. Все выступавшие клялись, что не допустят больше нарушения партизанской дисциплины и своего партизанского долга.

Фомич подтвердил, что решение райкома о втором Хинельском походе должно быть выполнено безоговорочно и что первой группе предстоит сегодня же выступить в Хинель.

Резолюция, принятая собранием, клеймила позором паникеров и дезорганизаторов, призывала коммунистов и комсомольцев быть примером мужества, воинской дисциплины,

стойкости в преодолении трудностей боевой жизни.

Во второй половине дня группа двинулась в опасный путь. На этот раз выступили без долгих сборов. Скромно, без проводов и «заклинаний», без заранее разведанных маршрутов, по пути, известному только мне да Анисименко — и то лишь по топографической карте. Нам предстояло пройти километров сорок лесом на запад, затем, разузнав обстановку у партизан — ковпаковцев или ворошиловцев в районе Старой Гуты, — повернуть на юг, к Неплюевским лесным дачам у Михайловского Хутора. Жизнь учила, что марши, совершаемые в тылу врага, должны проходить без длительной подготовки, быстро; партизаны должны беззаветно верить своему командиру, строго хранить тайну марша и оперативные задания.

Через сутки наша первая группа без людей Фисюна и Тхорикова вышла из Брянского леса. Руководясь исключительно указаниями магнитной стрелки, мы в течение короткой летней ночи прошли без дорог и без передышки сорок километров.

На рассвете в поселке Александровском, в трех километрах от Неплюевского леса, мы напали на отряд мадьяр, который застали спящим, и обратили его в бегство. Нам достался табун их лошадей, стреноженных на лугу.

День провели в глухой балке, не подавая признаков жизни. Затем снова пробирались по лесным тропам и к утру оказались на разъезде Неплюево. Дальше наш путь преграждало растянувшееся на пять километров болото, обходы которого стерегли еще со вчерашнего утра немцы: их гарнизоны стояли в Родионовке и Чуйкове, ожидая нашего появления.

Оставаться вблизи железной дороги было рискованно, и отряд пошел по болотистому берегу Ивотки.

Противник заметил наш маневр и открыл дальний пулеметный и минометный огонь из Чуйковки. Мины шлепались в разопревшее болото и разрывались в торфяном грунте, пули щелкали где-то вверху.

Мы ответили Чуйковке пулеметным огнем, и долина Ивотки наполнилась грохотом боя.

Палило солнце, дымилось рыжим паром болото. Партизаны, пробираясь по зыбким трясинам, вязли, проваливались в дренажных канавах, затянутых сверху нежно-зеленой порослью.

Из трех канав меня вытащили товарищи за руки. Зловонная грязь набилась за борта плаща, в карманы, заполнила рукава, полевую сумку, кобуру пистолета, тянула в бездонную жадно чавкающую топь. Не будь протянутых рук боевых друзей, гибель в таком месте — бесславный удел любого!

Захваченные у мадьяр лошади одна за другой утопали в

болоте, другие падали от пуль. Я всегда остро переживал разлуку с конем — умным, безропотным другом человека. Своего рыжего венгерца я тащил через болото за повод, за гриву, всеми силами помогая ему выбираться из канав, едва только сам нащупывал более или менее устойчивую поверхность.

Чуя смертельную опасность, конь рвался из последних сил, то вытягиваясь свечой в канаве, то скользя по болоту на боку от одной до другой кочки. Наши пулеметы гремели над знойным болотом, как бы поощряя отчаянное рвенье, с каким партизаны и животные пробивались к хинельским лесным массивам.

В этом месте мы потеряли партизана Исаака Синдера. Он не решился перейти Чуйковское болото. Убоявшись густого ружейного и пулеметного огня, он вдруг повернул со своим конем назад и скрылся в лесу, и там, под Чуйковкой, стал легкой добычей полицейских. Славный, веселый парень, Исаак заполнял досуг партизан прибаутками, рождавшимися под аккомпанемент гитары.

С грустью вспоминали партизаны этого красивого парня, его веселые частушки, его наивность. Когда он поступал в отряд, я предупредил его.

— Слушай, Исаак, у нас бывают бои, трудные походы, каждый партизан обязан выполнять боевые задания… Война — страшное дело…

— Товарищ командир, — невозмутимо заверил тогда Исаак, — какой бой не бой, хоть в двенадцать часов ночи, а я буду брить… Абы ваша борода!..

Он стал парикмахером нашей группы, но так и не преодолел смертельного страха перед выстрелами.

Пройдя Чуйковские болота, мы вышли к селу Ломленка, что в пяти километрах от Хинельского лесокомбината. На берегу Ивотки запылали костры; партизаны умылись, выстирали одежду и белье. Крестьяне принесли нам из села молока, хлеба, пасечник накачал меду. Закипел в ведрах мясной суп. Изнурительный, опасный, полуголодный шестисуточный поход в Хинельские леса закончился. Мы снова были в Хинели.

Глава XVI
ТРЕТИЙ ХИНЕЛЬСКИЙ ПОХОД

Хинельский лес выглядел одичало: просеки и линии затянуло сумрачным осинником и бузиной, а там, где стояли домики лесников, расцвел колючий татарник — обитатель пустырей и развалин. Лесокомбинат, лесные дороги к которому позаросли травой и огромными мухоморами, представлял собою печальные руины, а на них зеленой рощей поднялись крапива и лебеда. Мрачно было там, где недавно разоружался наш отряд. Солнце едва пробивалось сквозь частый дубняк, и воздух здесь был, как в погребе, сырой и затхлый.

Мы ничего не нашли из нашей боевой техники, за исключением одного полкового миномета да 76-миллиметровой пушки, умело спрятанных в болоте. Противотанковую батарею, батальонные минометы, станковые пулеметы с боеприпасами захватила севская и глуховская жандармерия. Лошадей и седла забрали немцы. Полицаи выкопали из земли наши чемоданы, гармонии, баяны.

В Эсмани, в Ямполе, Марчихиной Буде, в Михайловском Хуторе стояли крупные немецкие отряды, охранявшие тыловые коммуникации осадной армии.

С фронта дошли до нас печальные вести. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, немцы бросили на нас все свои свободные резервы и прорвали наш фронт на юго-западном направлении. Танковые армии врага ринулись через Северный Донец за Дон, к Волге…

Оккупанты увозили молодежь на фашистскую каторгу, советский актив сгоняли в концлагери. Самолеты кружились над лесами, сбрасывая зажигательные бомбы и листовки.

В своих листовках для партизан генерал Нейман писал:

> «Партизаны! Красноармейцы в партизанских районах!
>
> Прекратите бесполезную борьбу. Вы окружены! Мы знаем, что многие из вас, лишь подчиняясь силе, находятся с партизанами.
>
> В этом случае вам нечего опасаться, если вы перейдете к нам и сдадитесь.
>
> Кто добровольно перейдет к нам, тому будут оказаны особые льготы и обеспечено хорошее обращение. Кто добровольно перейдет к нам и в плену

будет себя хорошо вести, тот возвратится к своей семье. У вас нет больше времени для раздумывания.

Спасайте вашу жизнь!»

Обратная сторона листовки представляла собой стандартный пропуск. Он гласил:

«Предъявитель сего не желает бессмысленного кровопролития и добровольно переходит на сторону немцев. Он знает, что у немцев ждет его хорошее обращение и хорошее питание. Настоящий пропуск действителен для любого числа красноармейцев и партизан».

Другую листовку немецкое командование сбросило на Хинельский лес специально для нашего командного состава.

«Командиры Эсманского и Севского отрядов!

Раскроите глаза и взгляните на действительность так, как она есть!

Дальнейшее ваше сопротивление германскому командованию безрассудно и не может быть ничем оправдано.

По вашей вине гибнут люди, родные вам по крови, обманутые и загнанные вами в леса; страдают и гибнут семьи, оставленные в селах. Победоносное историческое движение германской армии вам не остановить. А поэтому, для сохранения вашей жизни и для спасения многих руководимых вами людей, германское командование предлагает вам прекратить дальнейший обман и явиться вместе со своими людьми в полном вооружении в распоряжение комендатуры Хутора Михайловского. Вам и людям вашим будет дарована жизнь. Срок для выхода из леса и явки в комендатуру дается 8 дней, то есть до 25 июля 1942 года. После чего будет поздно.

Подумайте и немедленно решайтесь».

В Глухове вновь прошло широкое совещание административного аппарата оккупантов. Были вызваны все бургомистры и сельские старосты. Комиссар Линдер готовился к уборке урожая. Он запретил выдавать крестьянам хлеб и потребовал опечатать все мельницы. Весь хлеб был объявлен собственностью «великой Германии» и подлежал уборке в кратчайший срок.

— Чтобы не допустить потерь зерна при обмолоте, — говорил Линдер, — надо свезти все снопы из нескольких сёл на тока́, где будут установлены молотильные агрегаты, доставленные из Германии. Там, под охраной солдат, будет произведен обмолот всего урожая хлеба.

Далее Линдер напомнил старостам, что они ответственны и за выполнение плана вербовки рабочей силы в Германию:

— Всех юношей и девушек нужно отправить в первую очередь! Наряду с этим старосты должны помнить о том, что от каждой коровы надо взять не менее девятисот литров молока. Кто не сдаст этого количества, у того следует отобрать корову и передать ее мясокомбинату.

Линдер выразил надежду, что ему удастся собрать в каждом районе не менее миллиона пудов зерна.

— В этом случае, — заявил он, — господа бургомистры и старосты будут на высоте занимаемого положения!

Местные партизаны, побывав дома, узнали, что немецкие власти пустили в народе слух, будто брянские партизаны поголовно истреблены, а Брянский лес полностью выжжен.

Очень небольшую группу партизан нашли мы в Хинельском лесу. Десятка три людей, потерявших свои дома и всех родных и близких, составили ядро нового Севского отряда. Командиром его был Коновалов — молодой человек из села Подывотья. В отряд входили старики, подростки и даже женщины с малолетними детьми. Они свободно общались с населением окрестных сёл, и благодаря этому противник не раз выслеживал партизан и часто нападал на лагерь. Этот слабый отряд нуждался в нашей помощи, но в свою очередь он и нам мог оказать поддержку, мы договорились с Коноваловым о взаимодействии, — севцы взяли на себя разведку направлений на Севск и Середино-Буду, я же обеспечивал направления на Ямполь, Глухов и Хомутовку.

В закрепление нашей боевой дружбы и чтобы отвадить полицаев и мадьяр от леса, мы провели с Коноваловым отчаянный налет на венгерский гарнизон в селе Грудском, под городом Середино-Будой. На рассвете внезапно и решительно атаковали мы мадьяр. Будучи в тылу осадной армии, они преспокойно спали в занятом ими селе, офицеры и солдаты не успели даже одеться. В одном белье выскакивали они из домов и падали, сраженные партизанской пулей.

Мы захватили богатые трофеи: обувь, шинели, пятнистые плащ-палатки, рыжие ранцы. Но из Середино-Буды подоспели на бронемашинах немцы. Искусно пользуясь складками местности, они пытались задержать наши отряды. До леса оставалось пятнадцать километров. Пришлось поспешно отходить назад.

Севцы потеряли трех убитыми, станковый пулемет, под которым была убита лошадь; артиллерист Хритин попал под колеса пушки, ранили начштаба севцев, подо мной мина разорвала коня…

Собрав своих людей в селе Саранчино, в трех километрах от леса, и отразив еще один натиск броневиков, я увел людей в лес. День уже кончался.

Усталые партизаны расположились на небольшой поляне. После ужина я и Анисименко вышли на проверку постов. В лесу было темно. Затухающие костры перемигивались с сияющими на небе звездами. Продвигаясь ощупью, мы подошли к третьему взводу. В отделении Богданова еще не спали. Кто-то тихим голосом говорил:

— Мадьяры и полицаи в картофеле да в жите попрятались, а севский разведчик принял их за наших. Крикнул им: «Идите сюда!» — а те зовут к себе. Тогда разведчик и говорит им: «Кладите оружие, и я положу винтовку. Сойдемся вместе и посмотрим, кто вы такие!..» Тут из-за хаты бросились на него четверо. Троих он прикончил, а четвертый в упор его пристрелил…

— Ай-ай! Зачем пароль не говорил! — покачал головой сержант Серганьян, недавно поступивший в отряд. — Почему не говорил «Хинель»? Зачем кладем винтовка? П-пачему сойдемся?.. Зачем посмотрим? Ай-ай! Не так надо было!

— Не обучен парень, — пояснил Серганьяну пулеметчик Яковлев.

— А Хритин-то, — вмешался в разговор боец Антонов, — вот здоровяк! Гляжу, пушка скачет что мочи, а он наперерез ей. Вскочил и сорвался прямо под колеса… Так его и переехало, на полном скаку…

Я тихо подошел к крайнему костру первого взвода, состоящего преимущественно из местных, пустогородских парней. Вокруг костра полулежали Плехотин, братья Товкусы, Степановский, Лица других скрывала темнота. Говорил вполголоса старший Товкус, парень лет девятнадцати:

— Дома я побыл. Переоделся. День на огороде отсидел, тетку в город посылал, чтобы потом капитану за Глухов доложить… А ночью собрались сестры, две тетки. Выпили. Хорошо дома!.. Они по нас уже две панихиды отслужили. Спрашивают: «Может, вы там, в лесу, и хрущей всех поели?»

— А в Глухове что? — спросил Степановский.

— Там полицаи на весь базар трезвонят: «Немцы за реку Урал перешли, а Брянские леса спалены, все партизаны перебиты…»

— С нами тоже такое будет, — мрачно заметил Плехотин. —

Отрядом мы тут не выстояли, а группой и думать нечего… Перебьют, как зайцев… Там одного, там другого…

— Вот и тетка говорила, — продолжал Товкус, — и что, говорит, сделаете вы с такой силой? Армия не удержала, а то вы… горсточка…

— Ну это уж ты теткину мораль нам не рассказывай! С немцем я не замирюсь! — возразил волжанин Прошкин.

— А что ты сделаешь? — осторожно спросил кто-то.

— А вот то, что и до сих пор делал! — с жаром заговорил Прошкин. — Никто не может победить русского человека! Пусть — три года, тридцать лет будет война, а Россия не покорится, И я не покорюсь, и отец мой — тоже! Вот так и буду с винтовкой ходить всю жизнь, в лесу сдохну, а не смирюсь!

— Ну, это, конечно, твое дело, — смущенно ответил Товкус в то время, как Плехотин поднялся и отошел в сторону.

— А твое дело где? Уж не пропуском ли немецким в Михайловский запасся?

— Разве я к этому! — обиделся Товкус. — Я рассказываю, о чем полицаи говорят.

— А вы не верьте! — сказал Анисименко, выходя из-за кустов. — Не верьте фашистской пропаганде! Наш фронт стоит под Орлом и Брянском, а не за Уралом. Немцев не хватит, чтоб покорить советских людей, завоевать наши республики. У них нет сил на то, чтобы справиться с нами, с партизанами!

Подсев к Яковлеву, Анисименко набил табаком трубку, раскурил ее.

— А теперь побалакаем об истории, — сказал он. — Вспомните, товарищи, сколько раз русские пруссаков бивали? А Наполеон? Ведь в Москве был, но Россию не взял…

В те дни мы сами толком не знали о положении на фронтах, о том, что делается на советской территории, в тылу нашей Красной Армии, на восточных и южных границах Советского Союза. Не знали убедительных фактов из действительности тех дней. Приходилось ссылаться на историю.

Заметив комиссара, к костру подошли бойцы из соседних подразделении. Анисименко говорил про гражданскую войну, о борьбе молодой Советской России с Антантой, с японскими и американскими интервентами. Он встал на колени и подбросил в костер хворосту. Отблески огня затрепетали на сосредоточенных лицах, скользнули по стволам деревьев, золотистые искры взвились, пробив а я нависшую над костром темень.

— Четырнадцать государств отразили! Вот это да! — восхищенно протянул Карманов. — Герои отцы наши были!

— А деды? А прадеды? Какой только нечисти не лезло на

наши земли! — произнес кто-то.

— А чем теперь наше государство держаться будет без Донбасса, без Украины? — спросил подошедший Плехотин.

— Да, без Украины, пока что… — Анисименко пристально поглядел на Плехотина. Все ждали, что скажет комиссар на это. Фашистская пропаганда из кожи лезла, устно и печатно пророча о неизбежном поражении Советского Союза после того, как он лишился Донбасса, Криворожья, Украины.

— Что ж, товарищи, разберемся и в этом вопросе, — произнес Анисименко. — Кто из вас силен в географии? Нужно разъяснить Плехотину…

Анисименко умышленно не спешил с ответом, он хотел, чтобы сидящие у костра комсомольцы приняли участие в беседе, чтобы они учились искусству влиять на сознание тех, кто был слабее духом или познанием.

— Где у нас есть уголь, марганцевые рудники, цветные металлы, железо, алюминий? Где хлеб, скот, хлопок? — и по мере того как комиссар перечислял природные богатства СССР, комсомольцы Коршок, Карманов и Яковлев подсказывали:

— Урал… Казахстан… Сибирь… Кузбасс… Поволжье!

— Правильно, хлопцы! — сказал Анисименко. — Вы указали те места, где за годы пятилеток создана вторая угольная и металлургическая база — наша надежда, победа наша!.. И вот на эту базу эвакуированы все украинские заводы.

— Правда, хлопцы! Правда! Оно так и есть! Шостенские заводы куда-то не то на Урал, не то на Волгу выехали, — подтвердил один из собеседников.

Партизаны плотней сгрудились вокруг Анисименко, приготовились слушать, костер снова затрещал, осветил ладную фигуру комиссара, чисто выбритое лицо, темноватые стрелки бровей на прямом лбу, синие глаза, внимательные, чуть насмешливые. Завладев вниманием, Анисименко начал издалека:

— Еще на другой день после гражданской… — сказал он, — Владимир Ильич говорил, что от войны мы всегда на волоске… Он предупреждал партию и народ об этом, хотя и не хотел войны, делал все, чтоб не допустить ее…

— Два десятка лет мы боролись за мир! В то же время разные араки, муссолини, чемберлены и черчилли, а с ними и американские миллиардеры делали нам пакости и всячески разжигали войну. Они вырастили бешеного пса Гитлера, вооружили его и науськали на нас.

— Но ведь американцы теперь за нас… — неуверенно и робко произнес Коршок.

— Я говорю об империалистах, миллиардерах, банкирах,

Коля, — пояснил Анисименко, — а эта Америка всегда была против нас. Теперь они боятся, что Гитлер отберет у них рынки, они боятся, как бы германские фашисты не завладели миром… Понятно? Я вот у харьковчан был, слушал радиопередачи. По-русски из-за границы передавали. Так что вы думаете? Один американский сенатор, по имени Гарри Трумэн, такую подлость сказал: «Если, говорит, будут побеждать немцы, мы будем помогать России, а если начнет побеждать Россия, мы станем помогать Гитлеру, и пусть они убивают как можно больше…»

— Вот гадюка! — воскликнул Коршок. — Он еще в спину нам ударит вместо второго фронта!

— Относительно этого руки у них коротки, — спокойно продолжал Анисименко. — Господа империалисты сами ничего не могут сделать, им для этого миллионы солдат потребуются, — миллионы простых людей. Ну, а народу американскому, так же как и нам, не война, а мир нужен. И тут ты прав, Коля, — простые американцы за нас! Народ всегда за народ!

Анисименко подумал с минутку и добавил:

— Но суть вопроса не только в России, хлопцы. Вы слыхали, конечно, о странах, где народы под игом колониализма и тоже следуют нашему примеру. Борются за свободу… Их такая сила, что не миллионами, а миллиардами этих угнетенных людей считать надо, и уж они-то, ой, не помощники империалистам-разбойникам, а верные им могильщики будут!..

* * *

Поздно ночью я возвращался в свой зеленый шалаш, было тихо, В расположении хозчасти метался в жару Хритин. Возле него сидели Нина и Аня. Они меняли больному компрессы.

— Вливание бы ему сделать, — говорила Нина, — да ни шприца, ни камфоры нет.

— Чем же вы лечите? — спросил я девчат.

— Примочки, компрессы, слова утешения… Мы сидим на его повозке посменно.

Заметив меня, подошел санинструктор Цивилев — единственный медик в отряде.

— Марганцовка и несколько ампул с йодом — вот вся моя аптека, — сказал он. — Нужно поискать, товарищ капитан, у противника. Больницу захватить, что ли?

— Нужно раздобыть, — согласился я. — Очень нужно.

«Раздобыть — вот то слово, которое всегда на языке у партизанского командира. Медикаменты и инструменты,

перевязочный материал, обувь и обмундирование, вооружение и боеприпасы, продовольствие и снаряжение, топографические карты, транспорт — без этого невозможно ни воевать, ни существовать отряду. Все эти предметы снабжения и обеспечения — суть забот армейского интендантства, и войсковой командир не выпрашивает их, а законно требует. Не то у партизан — они сами должны добыть всё необходимое. Лечение раненых и больных, уход за ними в условиях партизанской войны являются самым трудным делом.

Пожелав доброй ночи девушкам, я ушел в свой шалаш, раздумывая над тем, сколь тяжелы обязанности партизанского командира. Вскоре потянуло ко сну. И я разделся в наскоро сооружением шалаше и уснул.

Но тревожен и чуток сон партизана в лесу. Чувство самосохранения, не дремлющее в нем и в дневные часы, особенно обострено при отдыхе ночью.

Мне припоминается случай, когда мы крепко спали в лесу, а кони стояли рядом и хрустко пережевывали корм, отфыркивались, звякали трензелями, били ногами, отгоняя оводов. Однако это абсолютно не нарушала нашего отдыха. Но вот что-то невнятно затрещало, и мы вскочили.

— Стреляют? — послышались встревоженные голоса. — Из пулемета бьют?

— Да что вы? Кругом спокойно, — отвечал недоумевающий часовой.

— А что урчало?

Часовой посмотрел на лошадей, улыбнулся.

— Так то в животе у коняки булькотнуло.

Как полет летучей мыши, изломан сон партизана в незнакомом лесу. Непроглядная тьма, неопределенные шорохи и таинственные звуки наполняют лес ночью…

Подточенный короедом и отяжелевший от влаги сук падает, задевая за сухие, омертвевшие ветви, и, потревоженные, они звенят, как струны цимбал.

Забилась, захлопала ночная птица, и неведомо — поймала ли добычу, сама ли попала в лапы хищников. Зеленоватыми угольками мерцают светлячки, и кажется, чьи-то пристальные глаза силятся сквозь тьму разглядеть укрывшегося в ней человека.

Кто-то дико, неистово захохотал, и чудится, — это смех великана. По всему лесу раздается отрывистое, зловещее «хе-хе-хе-эй!!!», и разбуженный человек невольно хватается за оружие, но потом, когда хохот вновь повторяется, он смешит и самого человека: «Филин, сдохнуть бы ему, лешему!..» Часовой швыряет

в него ком земли. Слышны свистящие взмахи крыльев, «леший» удаляется. Вскоре его крик раздается где-то вдали — «кеге, кегей!..» Филин на время умолк, но вот кто-то осторожно крадется, приминая мох. Это какой-нибудь зверек отправился на охоту…

Сквозь сплетенные ветви шалаша мне видна опыленная серебром часть неба — Млечный Путь — большая дорога вселенной…

Яркие звезды горят кротким и мирным светом. Сон одолевает меня, убаюканного ночными шорохами старого леса.

Уже перед рассветом мне приснился необычайный сон. Привиделось, будто ползет к моему шалашу большая ядовитая змея. Кругом — никого; темно, страшно. Чешуя горит зеленоватым огнем, отражая холодное сияние месяца, и этот холод распространяется во все стороны; растительность гибнет, а я цепенею на месте.

Змея вперила в меня пылающие злобой глаза, сверлила настойчиво, жгуче. Хотел бежать, а ноги лишены силы. Мне надо ухватиться за нависший сук дерева, а он вдруг поднялся, и руки хватают пустоту. Навожу пистолет — не стреляет, клинок ломается, как сосулька, кинжал потерян. Я охвачен отчаянием и страхом и кричу о помощи чужим голосом. Но голос предательски слаб, его заглушают удары расходившегося сердца. Незримая сила сковала тело, сделав меня трепещущей и беззащитной жертвой.

Змея взвилась и застыла вопросительным знаком…

Предельным усилием воли делаю взмах руками, как бы разрывая обруч, и чувствую острую боль в руке. Она ударилась о приклад автомата. Сон обрывается. Автомат машинально вскинут к стрельбе. Мой взгляд встречается с упорными глазами женщины. Она, крадучись по-рысьи, вползает на четвереньках в шалаш и, увидев, что я проснулся, замирает на полушаге.

— Вы что тут? — невольно крикнул я уже своим голосом и приготовился к защите.

— Я… Ягоды собирать пришла… — ответила она в замешательстве, пятясь к выходу. Потом вскочила. Рванувшись назад, она зацепилась платком за сучья шалаша. Подоспевший на крик дежурный схватил незнакомку.

— Часовые сюда, ко мне! — крикнул дежурный.

Послышались поспешные шаги и голоса:

— Кто такая?

— Ты что тут делаешь?

— Я тебе покажу, гадюка, ягоды! Как сюда попала? Н-ну? Отвечай!

Сквозь ветви шалаша мне видно, как дежурный по отряду,

воентехник Кулькин, навел на женщину револьвер.

— Мы из Саранчина… — лепетала задержанная.

— Кто еще с тобой!

— Муж… Мы вместе…

— Где он? Показывай, стерва!

Неподалеку раздается окрик:

— Стой, стой, стреляю! — И предутреннюю тишину леса взорвал выстрел. За ним второй, третий…

Лагерь ожил. Послышались голоса командиров:

— В ружье!

— Пулеметы к бою!

— Взв-о-од, за мной!

— Обыскать кусты!

Отряд мгновенно принял боевой порядок, приготовившись к ближнему лесному бою. Командиры были приучены располагаться на стоянках треугольником и по тревоге строить «кольцо обороны».

На лесной тропе на Саранчино продолжали греметь одиночные выстрелы.

Быстро одевшись, я вышел из шалаша и вдруг заметил валявшуюся у входа гребенку Елены…

Так вот какая змея оказалась в моем шалаше!

Приблизившись к группе партизан, окруживших женщину, я увидел, что это не Елена.

— Вы потеряли гребенку? — спросил ее.

— Моя! Моя! — механически воскликнула та и потянулась ко мне.

— Где вы ее взяли?

Женщина растерялась.

— Ой, это не моя. Она случайно досталась… Кто-то оставил…

— Где вы ее взяли?

— Ночью было… Мадьяры женщину перевязывали. Может, она в хате оставила, — говорила несвязно задержанная, дрожа как в ознобе.

— Когда это было?

— Не помню… Весной… Подывотье горело, Новоселки. В Саранчине мадьяры стояли…

— И в лесу людей казнили, — подсказал Анисименко.

— Да, на другой день…

— Это шпионка, — сказал появившийся Буянов. — Мой часовой убил ее мужа. Смотрите, что было в потайном кармане.

Буянов показал при этом грязно-белую нарукавную повязку, на которой значилась выжженная ляписом трафаретная надпись.

— Вот как, севский полицай! — воскликнул Анисименко. — А почему ты думаешь, что он муж ее?

— Да только вчера я стоял у них во дворе и обоих видел…

— Нас мадьяры подослали, — заплакала женщина.

Со стороны Саранчино снова послышались выстрелы. На этот раз пулеметные.

— Это они? — спросил я женщину, кивнув в сторону выстрелов.

— Бежали! Они убежали! — закричал Богданов. — Человек пятнадцать возле речки пряталось!

— Надо уходить отсюда, — сказал я Анисименко. — В Саранчине — гнездо шпионов. Севцы жаловались, что из этого села никто не смеет вступить в их отряд.

Мы быстро построились в походную колонну и двинулись на юг лесом, избегая дороги.

Позади нас булькали мадьярские пулеметы, очевидно прикрывшие отход своей разведки.

— Убит часовой! Мой боец Кручинин. Веревкой задушен, — взволнованно доложил подбежавший ко мне Сачко.

Я подозвал дежурного.

— Кто был часовым у штаба?

— От первого взвода Плехотин, а патрулировал помкомвзвода Колосов, — ответил Кулькин, — но Плехотина нет, я проверил всю колонну…

— Может быть, убит и Колосов? — спросил я.

Кулькин пожал плечами.

— Не может быть, я видел его в момент тревоги.

Колонна шла, пробираясь к южной опушке леса.

Посадив пленницу на свою повозку, я потребовал от нее чистосердечного признания. Она сказала, что человек триста немцев подкрались ночью к лесу, рассчитывая с рассветом напасть на наш лагерь. Полицая они выслали в разведку под прикрытием двадцати солдат с офицером. Предатель в свою очередь «прикрылся» своей женой, послав ее вперед. На случай внезапной встречи с партизанами она должна была сказать, что собирает в лесу землянику. В темноте лазутчица забрела в центр лагеря и, чтобы не попасть в руки патруля, юркнула в шалаш. Муж ее был тайным полицаем. Далее женщина рассказала, что подозрительные отлучки мужа в Севск и Середино-Буду привели к ссоре, но предатель пригрозил ей, что он выгонит ее из дому или отдаст на расправу в гестапо. А потом сделал и из нее предателя. За сегодняшнюю «работу» немцы обещали им свои тридцать сребреников — корову и какую-то часть урожая.

Она призналась также и в том, что вчера вечером ее муж

разговаривал с каким-то вооруженным человеком, лица которого она в темноте не рассмотрела, и что человек этот, не заходя к ним в дом, ушел в сторону леса.

— По-видимому, кто-то из наших, если так смело ушел в лес, — высказал предположение Анисименко.

— Я тоже так думаю. Нужно всё это проверить, а эту направим к севцам. Они с ней лучше разберутся.

О Елене мы не получили других сведений.

— Была ночь, — твердила женщина, — были в доме гестаповцы, офицеры. Раненая была молода, гарно одета… увезли ее в хутор или в Середино-Буду…

После трех часов пути мы пересекли Хинельский лес и вышли к сожженному лесокомбинату.

Кручинина похоронили рядом с могилами Дегтярева и Феди Чулкова. Вырезали из доски большие пятиконечные звёзды, прибили их на трех обелисках, повесили венки, холмики обложили дерном и молча пошли дальше.

Вечером на стоянке я сидел с Анисименко у костра, расположив отряд в лесу вблизи южной опушки. Часть партизан была отпущена по домам в села — сменить белье, собрать сведения об обстановке.

Пробравшись незаметно — «навпростець» — полями, наши отпускники гостили час-два в родной хате, а потом высиживали весь день где-либо в пшенице или кукурузе, отослав своих родственников в Эсмань, в Севск или Глухов.

Все, что видел дед, ездивший в город на базар или в больницу, все, что слышала «гостившая» у дочки бабка, к вечеру было известно нашим отпускникам, а к утру следующего дня и мне с Анисименко.

Сейчас же предметом нашей беседы был снова Плехотин.

— Дело, комиссар, серьезное, — говорил я Анисименко. — Этак, пожалуй, и нам воткнут по ножу в спину!

— Плехотина я зимой в отряд принял, знал его и раньше, — задумчиво проговорил Анисименко. — Неужели он гадюка?

— Возможно, Иван Евграфович, — не совсем уверенно сказал я. — У меня в группе был он первым трусом. Выговор перед строем имел за трусость, а трус легко становится подлецом и в конце концов предателем, потому что себя он любит больше, чем Родину…

Подошел Инчин и сказал:

— Кручинин имел при себе дневник — вот он. — Инчин держал в руках нечто, похожее на бумажник, аккуратно вделанный в целлулоид. — Слушайте, я прочту вам последнюю запись. Вчерашнюю.

Инчин присел к костру. Неровный свет дрожал на его светлой, всегда взъерошенной шевелюре, на озабоченном лице.

— Вчерашнюю! — Анисименко судорожно подался к Инчину: — Читай!

«4 июля. В лесу близ Саранчина, — начал Инчин, — опять гадко — ушел с Плехотиным в самоволку. И что за тип, что ни придумает — пакость. Сманил пить молоко и обещал дать табаку и соли. Будто воришки, пробрались в село — я в хату, он куда-то на огород. Выпил целый кувшин молока, а его все нет. Потом хозяин пришел. Спрашиваю: «Не с тобой ли в Демьяновке выпивали?» Говорит — незнакомы. Но явно тот тип, только теперь бритый. Пришлось одному впотьмах идти. А Плехотин у костра и в глаза врет, что искал меня, и соли не дал. Опять захотел по морде».

— Еще что-нибудь есть? — спросил Анисименко.

— Дневник солидный, товарищ комиссар. Чтобы разобрать все записи, нужен, по меньшей мере, целый день. Вот о расправе карателей в Барановке. Совещание комсомольцев-барановцев. Частушки девчат.

— Дело, дело давай! — сказал Анисименко.

— Слушай дело, — отозвался Инчин. — Читаю запись от двадцать девятого декабря: «Были в Пустогороде, хороших коней достали. Я стрелял в полицая. Промах, а капитан показал класс: «прошил» и угол клуни и полицая двумя пулями, израсходовал только два патрона!» Читаю запись от двадцать восьмого мая: «Плехотин — идиот. Он сказал Тхорикову, что К. перебежал к мадьярам. Мы с Кармановым дали Плехотину в морду».

— А вот и про меня, — сказал Инчин: «Двадцатого июня в Герасимовке. Полный отдых! Красиво пел под гитару Инчин:

В тихом и далеком океане,
Где-то возле Огненной земли,
Плавают, купаются а тумане,
Серые, как призрак, корабли…»

— Люблю синее море, хоть никогда не видел…

— Что еще про Плехотина? — нетерпеливо спросил Анисименко.

«Двадцать второе марта. Возил пакет в Марбуду Покровскому и записку Митрофанова его жинке. Заехал за ней, а там — Плехотин с каким-то бородатым типом пьянствуют. Говорит, за жинкой Митрофанов прислал. Нарезались в дым. Спрашиваю типа, кто такой? А он ворошиловцем назвался. Баланда, конечно: ворошиловцы все бритые. Плюнул на эту шайку, уехал».

— С Плехотиным все ясно, — печально произнес Анисименко.

— Очень ясно и поэтому так тяжело…

Следующий день принес еще ряд несчастий — не возвратился из разведки Севского шляха партизан Чечель. Он был убит вблизи своей усадьбы из засады, подстроенной предателем старостой.

В селе Подывотье гитлеровцы уничтожили наших связных, которые возвращались из Брянского леса, от Фомича. На рассвете, достигнув Хинельского леса, они устроились отдохнуть в уцелевшем доме, были выслежены и окружены ротой солдат.

Три партизана приняли бой. Гитлеровцы изрешетили и подожгли дом, предлагали партизанам сдаться живыми, неравный бой продолжался более часа.

Мы узнали об этом слишком поздно, в то время, когда перестрелка закончилась и гитлеровцы отошли, увозя своих убитых и раненых.

Мстя партизанам за упорство и за свои потери, они глумились над нашими убитыми так, что политрука Юхневича мы опознали по шоферской книжке, которая оказалась в кармане, Петю-моряка — по тельняшке, а третьего так и не узнали…

Борис Юхневич и Петя-моряк пользовались у всех нас особым уважением и доверием как участники героической обороны Одессы — родного их города.

Похороны состоялись днем, а вечером Сачко доложил, что партизанка Аня Дубинина, недавно вступившая в отряд, не возвратилась из разведки. По всем данным, она схвачена в своем селе Хвощевке севской жандармерией…

«Неудача за неудачей — шесть убитых, двое захвачены живыми, да еще перебежчик в лагерь противника — таков скорбный итог нашей недельной войны в Хинели», — отметил в дневнике отряда Инчин.

О том, что Плехотин перебежал к противнику, сказал боец Солодков, побывавший дома в Пустогороде, откуда был родом и Плехотин. Там все рассказывали, что Плехотин грозится выпросить у немцев роту солдат и выловить всех партизан. Он открыто ходит по селу вместе со старостой и полицаями.

Потрясающие вести принес Артем Гусаков:

— В поселке Смолени гестаповцы сожгли семь партизанских хат и жену партизана Пятницкого с двумя малыми детьми, живыми в огонь бросили. А в Шостке восемьсот душ зарыли в одной могиле. Живыми в нее бросали… В Глухове концлагерь открыт, весь советский актив туда загоняют. Набедовались и мы: в лесу да в поле ховались. Вы меня выручайте, всю семью в партизаны записывайте — и Никифоровну, и невестку, — мочи нет жить в селе!

Анисименко решил собрать всех коммунистов, чтобы решить, как быть и что делать дальше. Договорились, что собрание проведем через два дня, когда коммунисты будут в сборе.

Лейтенант Щеглов вызвался разыскать Плехотина и доставить его в Хинель.

В сопровождении двух бойцов — Солодкова и Иванова — он с вечера отправился на поиски, шел всю ночь через посевы, минуя села, избегая встреч с кем бы то ни было. Более двадцати километров, отделявших Хвощевку от Пустогорода, прошли партизаны-боевики.

Во второй половине ночи они достигли родного дома Солодкова, прислушались. За плетнем захлопал крыльями и прокричал петух, мелькнула белым клубком испуганная кошка, Солодков перелез плетень. Тихо, условным стуком, забарабанил по окну пальцами.

— Открой, мама!..

Падающая звезда вписала в черное небо косую оранжевую линию, хлопнул в центре села выстрел.

Скрипнула калитка, с порога донесся трепетный вздох и жаркий шепот:

— Сыночек! Живый!

— Я на минутку, мама, меня ждут товарищи.

По небосклону скользнули еще две звезды и угасли; снова бухнуло близ сельуправы: там варта.

Показался Солодков с кувшином в руках. Иванов жадно припал к кувшину, выпил половину и передал Щеглову.

— Яички тоже выпьем, хлеб с собой, — сказал Щеглов товарищам, опрокидывая порожний кувшин на кол плетня, — пошли! Что узнал? — шепотом спросил он, когда все трое удалились от хаты.

— Дома, сволочь, — ответил Солодков. — Вечер с полицаями гулял, в селе только и разговоров об этом.

— Где живет он?

— Недалеко. За мной, хлопцы!

Солодков повел товарищей по картофельному полю, лаяли собаки, перекликались третьи петухи.

— Вот стежка! Сапоги снять надо, — сказал Солодков.

Друзья, присев, стаскивают с ног влажную обувь и, связав голенища за ушки, несут сапоги на плечах.

— Подкрадемся кошкой, — наставляет вожак. — Скоро кладка через речонку, дальше огород, за тыном хата.

Мелькнула тень, не понять, человек это или собака.

Что-то хрустнуло, закачалась круглая шляпа подсолнуха.

— Вперед, оцепить хату! — шепчет Щеглов, и все трое бегут к

невысокому тыну.

Ослепительный блеск и резкий грохот разорвавшейся гранаты останавливают смельчаков.

Солодков узнал сухопарую, метнувшуюся за ворота фигуру Плехотина и выстрелил по убегавшему.

Завыли псы в соседних дворах, посыпалась труха с крыши.

— Ушел, падлюка! — едва не плача от досады, говорит он и, обернувшись, видит Щеглова: упершись лбом в забор и крепко прижимая к себе винтовку, тот тихо стонет.

Иванов забросил винтовку своего друга себе за спину и, просунув голову под руку раненого, велел Солодкову сделать то же. Через минуту они осторожно понесли Щеглова в сторону поля.

Иванов споткнулся о что-то мягкое, непонятное, припал на колено.

— Подушка… постель: на огороде спал, шакал… Потому и сорвался вовремя…

Через кладку перенес Щеглова Солодков. Иванов, пятясь, придерживал Солодкова за плечо, балансируя двумя винтовками.

— Теперь — в рожь, скорей… перевяжем.

Укрывшись во ржи, они положили раненого на землю. На счастье, у Солодкова оказались бинт и ампула с йодом. Сделав перевязку, друзья поставили Щеглова на ноги и повели напрямик через густое жито. С рассветом они подошли к поселку Новины. Щеглова томила жажда.

— Пить, пить! — шептал задыхающийся Щеглов. Но фляжек не оказалось.

— Придется в крайнем дворе укрыться, у сватьи. Сгорит, если останемся на солнце, — предложил Солодков.

— Давай, пока никто не видит…

Перебежав клеверище, партизаны вошли во двор крайней хаты.

— Останемся у вас, сватья. До вечера, — сказал хозяйке Солодков.

Хозяйка всплеснула руками.

— Упаси бог, если узнают… — прошептала она, приставляя к чердаку лестницу, по которой и втащили раненого.

— Воды, воды, — страстно просил Щеглов.

Его с трудом втащили на чердак, принесли сена.

— Молоко, чаю с медом, простыню или рушники сюда, мамаша! — командовал Иванов.

Чердак озарился красным дрожащим светом, поднявшегося из-за Калиновской рощи солнца.

— Коровки-то, родимые, нет, забрали ироды, — причитала

хлопотавшая хозяйка. — Молоко у одной только у «гитлеровши». Нате взвару вот вам, яблочного…

Солодков знал, что «гитлеровшей» женщины называли соседку сватьи, сварливую бабу, сестру пустогородского полицая..

— Сходи к матери, сватья, — распорядился Солодков, — узнаешь заодно, что там, а мы за хозяев будем. На замок нас запри.

Хозяйка закрыла хату, отнесла на огород лестницу.

Щеглов уснул. Сквозь дыру, проделанную в соломенной крыше, виднелись поля, над ними бледно-синее небо. От трубы к дальнему углу чердака паук тянул свою нитку, неутомимо взбираясь по ней вверх, под самую крышу.

Долго ждали хозяйку. Она пришла только через час.

— Ищут… След шукают… Людей пытают… — сказала она и поставила на пол чашки со сметаной и медом. — Уйти бы вам, пока можно… Я вот коняку пошукаю для пораненого, — и она ушла в поселок.

Щеглова разбудили, заставили поесть. Промыли раненое плечо.

— Рукоятью гранаты вдарило, как видно, — заметил Иванов, обследуя крупный кровоподтек. — На два дня всего и разговору!

Щеглов выразил желание немедленно идти к своим. Друзья советовали подождать до вечера. Щеглов согласился. Он прилег на разостланное сено и уснул снова.

Тем временем все девять хат выселка окружались полицаями. Сомкнув кольцо, они уверенно направились к крайней хате.

— Сдавайся, Солодков! — кричали они. — Знаем, где вы сидите!

— Вас только трое! — услыхали партизаны злорадный голос Плехотина. — Все равно, не уйти вам!

Щеглов пробудился от окриков, заглянул в щель на крыше.

— Сдавайтесь, не то запалим хату! — крикнул Плехотин.

Прошло еще несколько томительных минут. Снова послышался тот же голос:

— Хозяйка! Выходи, если жить хочешь!..

Партизаны не откликались.

— Кидай! — раздалась чья-то команда.

Хата дрогнула. Потянуло чадом и пылью. Голоса заспорили:

— Да там никого нету!

— Сбрехала девчушка!

— Ушли…

— Надо поглядеть…

— Иди!

— А сам?

— И я пойду.

— Треба троим!

— А ну, пошли! Подумаешь: трех бандитов испугались! Марш за мной, вояки! — распоряжался начальник полиции.

— Лезь на горище!

— А сам?

— Говорю, лезь!

— Ну так и полезай!

— Оба лезьте!

Черная дыра чердачного помещения пугала полицаев своим безмолвием.

Двое наиболее смелых начали лезть сверх, тыча стволами винтовок в темноту.

И когда голова первого оказалась на уровне потолка, в упор, в переносицу ему, грянули одновременно два выстрела.

Щеглов бросил две гранаты и прыгнул в пыльное облако, на двор, перемахнул через плетень и скрылся в кукурузе. Солодков с Ивановым следовали за ним. Добежав до пшеничного поля, Щеглов выпрямился во весь рост и погрозил полицаям кулаком. В ту же секунду застучал пулемет, длинная строчка его прошила лейтенанта. Он упал навзничь, подхваченный товарищами.

К пулемету присоединились одиночные выстрелы. Партизаны не отвечали. Стрельба оборвалась. Солодков и Иванов оставили убитого товарища и подползли к краю поля.

— Заряжай, — сказал Иванов. — Давай!

Партизаны выстрелили. Рыжий полицай бросил винтовку и, схватившись за живот, побежал обратно.

— Побежим и мы, — сказал Иванов.

Тяжелые колосья стегали по их лицам. Вслед им снова пустили пулеметную очередь.

Солодков присел от боли, ноги его подкосились, он застонал и тяжело рухнул на землю.

— Пристрели, — попросил он Иванова. — Сил нет…

— Найдешь силы, помалкивай, — произнес Иванов и, продев правую руку за ремень карабинки, подставил свою спину Солодкову.

Скрипя зубами и обливаясь по́том, Иванов полз, сгибаясь под тяжелой ношей… В глубокой канаве он свил жгут из своей рубахи и крепко стянул им ногу Солодков а в двух местах.

Полицаи продолжали обстреливать поле.

Сбросив лишнюю одежду и сапоги, Иванов понес Солодкова, выпрямившись во весь рост. Канава увела их к житному полю.

Там, скрытые высокой густой рожью, они вдруг натолкнулись на небольшого коренастого парня.

Тот, не говоря ни слова, принял ношу Иванова на себя и пошел с ним рядом.

— Кто ты? — спросил Иванов, когда немного отдышался.

— Астахов Роман, — назвался парень, с виду кадровый боец Красной Армии. — Лейтенант Астахов, — уточнил он и пояснил, что он — здешний, из Барановки родом, а под Воронежом попал в окружение.

— К вам, к партизанам, сейчас иду, — скупо добавил Астахов.

— Кто тебе сказал, что мы партизаны?

— Неграмотному ясно, Кто еще со сволочью будет драться? Я с начала за вами подглядывал, только стрелять начали…

Глава XVII
ОДНИ В ХИНЕЛИ

Июльским вечером у развалин дома лесника, где в начале зимы жил Хохлов со своим отрядом, кипели страсти. Еще издали я услышал голос Фисюна.

— Кибитовать надо! — говорил он тоном, не допускающим возражений, — Фисюна германцем не запугаешь! Ты еще без штанов под стол лазил, когда я тут немцев лупил!..

На поляне собрались все коммунисты первой группы: Анисименко, парторг Лесненко, Петро Гусаков, Сачко и политрук первого взвода Бродский. Анисименко пригласил на собрание также средний комсостав, Фисюна и начштаба Фильченко, которые, отказавшись от компании Тхорикова, пришли в Хинель вслед за нами.

Когда Фисюн высказал опасение за судьбу отряда, Буянов улыбнулся и, наклонившись к нему, шепнул так, чтобы слышали все присутствующие:

— А ведь ты, Порфирий Павлович, боишься! Признайся по совести…

Этим он высек искру, которая и воспламенила наше партийное собрание.

— Не боюсь я немцев, а тем более параз, предателей! — гремел Фисюн. — Но то, что вы проглядели Плехотина и шпионов к себе в шалаш пускаете, я не могу назвать иначе, как, по меньшей мере, ротозейством.

— А вы разве не знали, что Плехотин у вас в отряде? — напомнил Лесненко.

— Ну, знал, — проговорил Фисюн. — И давно его знаю, да только всегда помню, что он родич Процека и никогда петлюровским последышам не доверяюсь… Кибитовать надо…

Фисюн сочно сплюнул, а это означало, что он крайне недоволен и работой парторга Лесненко.

— Угробят отряд! — проговорил Фильченко.

Собравшиеся зашумели:

— Ну, уж и пропали!

— Отлил пулю!

— Перепугал! Хо-хо!

— Да вы случайно под Грудской уцелели! Только что штаны там не оставили, — не унимался Фильченко.

— А вы? Что теперь на месте Герасимовки? Головешки? — уколол начальника штаба Сачко.

— Факт, — загорелся Буянов, — если уж говорить про штаны, так это вы оставили их на берегу Неруссы — севцы рассказывали нам, как ваши реку переплывали. Кое-кто и оружие утопил в Неруссе.

— На войне не без этого, — обрезал Буянова Фисюн. — Ты бы видел, как жмут на нас и с земли, и с неба. А смеяться стыдно над этим…

Фисюн успел информировать меня и Анисименко о положении дел в Брянском лесу. За последние две недели дела там резко ухудшились. Прежде всего был сорван выход украинских отрядов на Сумщину. Перейдя к общему наступлению, осадная армия врага все же прорвала фронт суземцев. Один полк противника углубился в лес вплоть до Герасимовки.

Герасимовка, Старый и Новый Погощ, Денисовка, Старая и Новая Гута, обе Зноби, Кренидовка и многие другие знакомые нам села были сожжены дотла. Противник продолжал выжигать лесные деревни, обливая их фосфором с самолетов, о подлесных же и говорить нечего: все они уничтожены артиллерийским огнем. Правда, положение на обороне Суземки было восстановлено. Два из трех наступавших батальонов были окружены и уничтожены ворошиловцами и орловцами, но эсманцы потеряли треть состава, лишились квартир и продовольствия.

— Теперь не знаю, что вам и посоветовать, — признался Фисюн, — и там не легко, и тут трудно. Фильченко стоит за немедленный увод вас назад, да ведь, сами понимаете, он — хлопчина.

Я наблюдаю за тем, как Фисюн лавирует, бросая реплики то одному, то другому.

— Вот то-то! — согласился Лесненко. — Вам тяжело, и мы этому верим, но и на нас жмут…

— А вы от леса не отрывайтесь, да с людьми побольше работайте. Вот и будет порядок, — продолжал лавировать Фисюн.

Лесненко встал, украдкой взглянул на Фильченко и обратился к собравшимся:

— Какие основания, товарищи, думать, что мы угробим отряд? Мы должны толково обсудить наше положение. Я, товарищи, из Студенка. Это — самая южная точка нашего района. Богатые урожаи родит там земля. Поглядел я — сердце кровью обливается. Неужели, думаю, фашисты урожай снимут? Ограбят все дочиста? А народ с чем останется? Кто за него заступится? Фашисты сжигают дома наших партизан, убивают людей. Детей в огонь бросают. Как тут быть, товарищ Фильченко? Скажи по своей

партийной совести!

— Это ты потому так рассуждаешь, что село — твое, родное оно тебе… Вот и ходишь ты туда за полсотни километров…

Лесненко нахмурил густые брови.

— Нет, не потому, что мое. Все села мне родные. И мне больно за каждое. Мы еще посмотрим, кому урожай достанется! В этих хлебах, товарищи, если надо, куда хочешь пройти можно. Я вот смело пройду с двумя-тремя бойцами и таких дел наделаю, что небу станет жарко!

Высказавшись, Лесненко провел ладонью по своему смуглому скуластому лицу, затем пригладил черный, давно не стриженый ежик волос и уселся, забыв объявить собрание открытым.

— Ну, кто следующий? — спросил он.

— Смелый ты слишком! — сказал волнуясь Фильченко. — Я думаю, что задача первой группе поставлена была ясно: поднять боевую технику — и назад. Техники не оказалось, мудрить больше нечего: надо назад идти. Отряд нуждается в пополнении…

— Значит, поворачивать ни с чем оглобли, так? — спокойно спросил Лесненко.

— Раз техники нет, сами мы ее не сделаем! А сидеть здесь и шпионов к себе в шалаши приваживать…

Буянов толкнул локтем Сачко.

— Во, в штаб нацеливает!

— Дайте мне, — попросил молчавший до сих пор Гусаков.

— Говори, Петро, — разрешил Лесненко.

— Мне в своем районе никто не страшен. Я тут каждую стежку знаю. Если нельзя всем отрядом, пустите меня с хлопцами… Я вам все пулеметы у полицаев поотбираю! Выводить весь отряд незачем. Дисциплинку если подтянуть трохи, то и в лесу жить можно. Разве капитан не знает, как это делается? Я кончил, товарищи!

— Буянов пусть скажет, — предложил Фисюн.

— А что мне? — начал Буянов, привстав на коленках. — Я в Сталинграде родился и лесовать не умею.

И усмехнулся.

— Ты что, зубоскалить пришел на партсобрание? — оборвал его Фисюн. — Дело говори, а не кибитуй…

— А дело мое солдатское, — война! Пока не кончится! До Берлина! И весь взвод мой тоже так думает. Проверь, если хочешь.

— А указание райкома? Комсомольцу это что, безразлично? — бросил Фильченко.

— Не знаю, что вам говорили, — ответил Буянов, — а нам

секретарь райкома сказал на прощанье: «Пришлю связных». Думаю, подождать нужно. Мухамедов от моего взвода ушел с пакетом в штаб. Вернется — все ясно станет…

Он помолчал немного и добавил с сердцем:

— По-моему, стыдно, товарищи, идти к орловцам, не сделав ничего в своем районе… Относительно же того, что нас горсточка, как выразился начальник штаба, то, видимо, забыл он, сколько нас было, когда эсманские склады уничтожали.

И Буянов отвернулся.

— Ну, а ты, товарищ Сачко, что скажешь? — обратился Лесненко к командиру второго взвода.

— Я думаю так, — пусть товарищ Фильченко, раз ему здесь не сидится, доложит Фомичу наше мнение. Он пришлет указания, а мы тем временем кое-что сделаем.

— Мудро! — как-то загадочно произнес Инчин.

— А ну, ты выскажись, мудрец, — рассердился Фисюн.

— Я предлагаю, — начал Инчин, — не сидеть сложа руки. Начнем с разложения полицейских команд. Мы многое можем сделать пропагандой, через печатные листовки. Вот я составил обращение к полицаям и прошу меня выслушать.

— Читай!

— «Обращение, — начал Инчин, — к полицаям, старостам сел и их помощникам Эсманского, Севского, Хомутовского и Ямпольского районов! Настоящая воина, начатая Гитлером против Советского Союза, приносит народам нашей страны величайшие бедствия. Весь советский народ мужественно борется с врагом на фронте и в тылу».

Инчин сделал паузу, пристально оглядел каждого из присутствующих, тряхнул белой челкой, нависшей ему на глаза.

— Дельно! — подтвердили слушатели.

— «Только вы, — продолжал читать Инчин, — продажные шкуры, потерявшие чувство долга перед Родиной, изменяли своему народу и пресмыкаетесь перед гитлеровцами, которые ненавидят русский народ, ненавидят всех славян. Презирают они и вас, своих холуев и мерзавцев…»

Инчин снова сделал паузу.

— Хм, того… что-то вроде не так… — заметил Фисюн, потягивая из люльки.

— Насчет «шкур», «холуев» и «мерзавцев» будто не к месту, — сказал Лесненко, — да ладно, валяй дальше! Посмотрим!

— «Никогда еще наша отечественная история не знала таких подлых предателей. Вы будете прокляты всем советским народом! Фашисты неспроста называют вас — «Стерва-полицай», а вы, как послушные собачки…»

— Опять не так!

— Пусть дочитает!.. Не мешай!

Инчин пренебрежительно усмехнулся и закончил:

— «Необразумившихся полицейских гадюк, будем беспощадно давить и уничтожать! Пошевелите своими жалкими мозгами и подумайте, если вы еще способны вообще думать…»

Собрание разразилось громким смехом:

— Здорово ты их разложил! Передал кутье меду!

— Агитнул!

— Убедил, ей-богу, убедил!

Все давились от смеха.

— Грозить — так грозить, а разъяснять — так без насмешек, — сказал командир первого взвода Прощаков.

Анисименко поднял руку, прося внимания. Когда смех и голоса стихли, он обратился к Инчину:

— Ну, дорогой наш лейтенант, вояка ты у нас отменный, но, судя по этой листовке, дипломат из тебя, как из говядины пуля! Раз взялся агитировать, то надо делать это умеючи, с подходом. Расшевели им мозги. Тогда, может быть, и результаты получатся хорошие.

— По части дипломатии у меня, правда, больше нажим на автомат да на артиллерийский снаряд. Но, ежели надо, подредактируем! — И Инчин добродушно рассмеялся.

Вторую листовку предложил от моего имени Анисименко. Она была составлена нами вместе и адресовалась к населению оккупированных районов:

«Не верьте бессмысленной лжи гитлеровцев, — говорилось в листовке, — будто Москва окружена… Уничтожайте заядлых полицаев, затягивайте время обмолота, выводите из строя тракторы, молотилки, комбайны, сжигайте склады с горючим, закапывайте, прячьте зерно для своих нужд и для идущей к вам Красной Армии — вашей освободительницы! Ни грамма хлеба немецким захватчикам! Проклятье и смерть врагу!»

Эту листовку приняли без возражений и поправок. Я выступил с коротким словом, в котором призывал партизан перейти к боевым операциям, дислоцируясь в Хинельском лесу.

— На террор оккупантов мы должны ответить террором! Пусть у врагов горит под ногами земля!.

Взял слово Фисюн.

— Теперь главная работа в народе, — сказал он. — Мне поручил райком усилить подпольную работу. Надо по всем селам создавать антифашистские комитеты, партийные и комсомольские группы. Пусть они жгут мосты, обрезают провода, уничтожают молотилки, комбайны. Не дать немцу хлеб,

заготовить его для себя — вот наша задача, хлопцы. Райком обязывает нас заложить в лесу не менее двух тысяч пудов пшеницы и все, что необходимо нашему отряду на будущее, так как, видно, война приняла затяжной характер, — такой характер, какого больше всего боятся фашисты.

— Товарищи! — заключил собрание Анисименко. — Нам необходимо перешагнуть через излишнюю осторожность… Нам нужны смелость, дерзость, отвага. Пусть десятки героев выйдут из Хинельского леса и мужественно сойдутся в единоборстве с предателями, с теми, кто угоняет молодежь на каторгу, кто сжигает партизанские семьи, кто готовится отдать врагу урожай. Нужно изгнать из наших рядов благодушие и ротозейство, надо решительно поднять сознательность и дисциплину в отряде. Коммунисты и комсомольцы должны послужить для всех примером. Ненависть к врагу воспитывайте в каждом партизане! Это удесятерит наши силы!

Большинством голосов приняли решение: остаться в Хинели.

На следующий день мы приводили всех партизан к присяге. Текст ее принес с собою Фисюн.

Выстроившись на поляне, партизаны по одному подходили к столу, привезенному из Хинели, и произносили торжественные слова:

«…За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. Кровь за кровь и смерть за смерть!»

После принятия присяги был объявлен вечер самодеятельности. Инчин готовился к нему еще в Герасимовке, причем главными участниками самодеятельности были сам Инчин и его помощники в этом деле — Сачко и Нина Белецкая.

За неимением гармоники пришлось помириться на гитаре, за которой Инчин специально съездил в Хинель к учительнице.

На лесную поляну спустился теплый вечер, когда весь отряд расположился вокруг костра, с нетерпением ожидая представления.

Когда костер разгорелся особенно ярко и нетерпение зрителей достигло предела, на зарядном ящике появился Инчин. Взяв несколько аккордов на гитаре, он раскланялся на все четыре стороны, а его белесая челка смешно заершилась, застилая глаза, и от этого всем стало еще веселее. Семеня ногами и шумя длинной юбкой, в белом платке, накинутом на голову, проплыл Сачко. Приподняв подол юбки, он отбил чечетку, а потом на губной гармошке бегло исполнил вариацию неаполитанской песни «Пой мне». Отряд ответил дружными аплодисментами.

Требуя внимания, Инчин поднял над головой гитару и объявил:

— Живая газета, или попурри из партизанских напевов!

Он прошелся всеми пальцами по струнам и запел приглушенным душевным тенорком:

Наши пушки на опушке
Бьют полки германские.
Пропоем мы вам частушки
Наши партизанские.

Сачко, комично сложив руки на животе, завел глаза под лоб и, весь сморщившись, пропел тонким, похожим на женский, голосом:

Вот мы слышим чудеса
Из фашистской сводки:
Немцы сбили в небесах
Три подводных лодки!

Партизаны ответили на куплет дружным хохотом, а Сачко и Инчин уже на два голоса затянули под аккомпанемент гитары припевку:

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну танки бьешь:
Ленинград не завоюешь,
Сталинград не заберешь.

Чередуясь один с другим, лейтенанты исполнили еще несколько злободневных частушек:

У бурмистра-холуя
Туша вроде бугая,
Морда очень важная,
Да душа продажная.

На горе собаки брешут,
Черные, лохматые.
Нас в Германию увозят
Звери требухатые.

Инчин и Сачко передохнули, а все слушатели поугрюмели, улыбка сбежала с их лица: короткая частушка сказала о том, что может случиться с женой, сестрой и невестой каждого партизана… Инчин снова тронул струны гитары, и Сачко пел уже слова гнева к мести:

Ты не жди, фашист, пощады
За грабеж и за разбой:
Пулеметом и гранатой
Рассчитаемся с тобой!

— Факт! Глотку перекусим гадюкам! — гневно комментировали партизаны, сжимая кулаки и винтовки.

Концовка выступления лейтенанта была шутливо-легкой. Пели на мотив «Коробушки».

Пойду, выйду в ночь глубокую
В роще елок и берез.
С партизанкой черноокою
Пустим поезд под откос.

И все слушатели, слоено сговорившись, подхватили частушку и хором пропели:

С партизанкой черноокою
Пустим поезд под откос!

— Исполняю последний куплет, — оборвал Сачко и запел:

Партизанская тропинка
Не бывает узкая,
Сколько, Гитлер, ни воюй —
Победа будет русская!

После Инчина и Сачко выступила Нина, Она с подлинным чувством исполнила старинную русскую песню на слова Кольцова — «Не шуми ты, рожь, спелым колосом».

В немой тишине звучал ее высокий чистый голос. Инчин, перебирая струны, вторил ей глухим тенором. Слова песни вливались в души зачарованных слушателей.

И те ясные

Очи стухнули,
Спит могильным сном
Душа девица.

Разведчик Козеха смахнул с ресниц непрошеную слезу и, оглушительно хлопая ладонью о ладонь, самозабвенно требовал повторить, чтобы «душа выплакалась».

Нина еще раз спела эту песню и закончила свое выступление шуточно переделанной:

Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили фрицевы ножки,
Позарастали мохом, травою, —
Там поплатился фриц головою.

Специальное отделение концерта составили эрзянские[3] песни. Мордвины — высокий брюнет Калганов и блондин Дмитриев — под аккомпанемент Инчина исполнили «Песню о Сталине» и «Песню матери».

В заключение Инчин объявил, что он продекламирует «Песню партизан восемьсот двенадцатого года» в обработке конников Гусака:

Вкушает враг беспечный сон,
Но мы не спим, мы надзираем, —
И на фашистский гарнизон,
Как снег внезапный, налетаем!

Свершив набег, мы в лес густой
С трофеем добытым уходим
И там, за сводкой фронтовой,
Минуты отдыха проводим.

С зарей оставим свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
За Родину, вперед, в набег! —
Опять отчаянная сеча…

Самодеятельный концерт был окончен. Партизаны расходились неохотно. Я, Анисименко и Инчин (он выполнял обязанности начальника штаба) засели за оперативную работу.

Три десятка мелких боевых групп в составе трех-четырех

человек должны были действовать в окрестностях Эсмани, в Ямпольском и Хомутовском районах, на Севско-Глуховском шляху. Мы решили нанести первый наш удар по административному аппарату оккупантов. Лучшие бойцы и командиры уходили из Хинельского леса в степь, чтобы действовать в одиночку, выслеживать в селе или в поле тех, кто был опорой ненавистного «нового порядка».

Двое суток мы потратили на то, чтобы поставить перед каждой группой боевую, конкретную задачу, указать маршрут движения, проинструктировать, как действовать в различных условиях встречи с врагом.

С наступлением вечера группы одна за другой отправлялись на опасное задание. Высокие хлеба́, стоявшие на полях, хорошо укрывали от глаз противника. Рассеявшись на полях и в кустарниках вблизи дорог, боевые группы должны были терпеливо ждать или выискивать предателей, гитлеровских чиновников и одиночных солдат и ликвидировать их на месте. Они обязаны были также в ночное время уничтожать мосты, проволочную связь, распространять наши листовки, разрушать молочные пункты, молотильные агрегаты, тракторы, двигатели, комбайны, захватывать документы в сельских управах — и оставаться неуловимыми для противника. По выполнении задания каждая группа должна была возвратиться к одному из наблюдательных постов на опушке Хинельского леса и с помощью наблюдателей найти отряд, который постоянно менял стоянку во избежание внезапного нападения на лагерь. Мы ввели правило — не стоять на одном месте более одних суток.

Разведчики, связные и возвращающиеся с задания партизаны должны были выходить на открытое условное место днем или рано утром и ждать, пока за ними не придут с наблюдательного поста, скрытого на лесной опушке. Наблюдателей мы выставляли в лесокомбинате, вблизи винокуренного завода и у руин дома лесника, против села Хвощевки.

Такой порядок исключал возможность внезапного нападения на лагерь и, кроме того, не позволял противнику устраивать засады на лесных опушках.

Четвертый наблюдательный пост находился в селе Витичке. Его держал староста, оказавшийся своим человеком. Когда в село приезжали немцы или севские полицаи, крылья ветряной мельницы стояли наискось — иксом. Когда в селе было спокойно, крылья стояли прямым крестом. Об этих поворотах мельничных крыльев знали только командиры, строго сохранявшие тайну.

Наши наблюдательные посты направляли к стоянке отряда и тех, кто хотел вступить в партизаны.

— Главное — не терять бдительности, быть трезвым, ни в коем случае не останавливаться на отдых в хатах, — наказывал я партизанам, уходившим на задание и напоминал при этом, что случилось со Щегловым и Солодковым.

— Вот вам список паролей на несколько суток. Каждый день пароль разный. Кончится список — возвращайтесь в отряд…

— Да что уж тут! — отзывались партизаны. — Второй год воюем, пора самим знать!

— Ну, глядите! А рука не дрогнет? — пытливо спрашивал Анисименко у Талахадзе, — он получил задание действовать со своей группой в Хомутовском районе.

— Никогда! — отвечал Талахадзе. — Сомнение в другом: найдем ли мы этих предателей. Они не спят дома, большей частью в районных центрах находятся.

— От вас требуются три качества: хитрость, смелость, осмотрительность, — поучали мы отправляющихся в походи отсылали на обучение к Ромашкину в «мастерскую», которая была в то же время и учебным классом.

Ромашкин и его артиллеристы, закатив в лесное озеро под лилии свою 76-миллиметровую пушку, изготовляли противотанковые мины.

Отвинчивая головки гаубичных снарядов, они выплавляли взрывчатку и заполняли ею специально приготовленные коробки.

— Тебе «удочку» иль нажимного действия? — спрашивали артиллеристы новоявленных минеров и тут же поясняли достоинства и недостатки своих снарядов. — Ты не бросай мину! — учил Ромашкин. — Не израсходуешь — обратно сдашь. У нас учет строгий. На тебя записываем! А если израсходуешь, опять-таки трофеями отчитайся!

— Это как?

— Н-ну, значит, документики комендантовы возьмешь, если посчастливится взорвать его, оружие прихватишь, патрончики, само собой. Запиши за ним мину, — говорил он наводчику Бурьянову и продолжал: — На дороге мину не оставляй! Понимаешь сам: поставишь на фашиста Иоганна, а разорвать может дядю Ивана! Так что применяй наверняка: видишь, что комендант едет, — ставь ее в колею, песочком прикрой, а не то «на удочку» подцепи и с иди себе, выжидай. Своих мимо пропускай, а чужие поедут — дергай! Да смелее! Шагах в тридцати лежи в кукурузе и — не бойся!

— Теперь вот взрыватель и капсюль, — поучал Ромашкин, отводя неопытного минера в сторону. — Это вещицы деликатные. Небрежности и излишней поспешности не любят… Видишь, куда и что… Ошибешься только один раз…

Проделав ряд манипуляций с вещами деликатного и весьма опасного свойства и показав, в каком положении полагается их носить, Ромашкин лично сопровождал минеров к командиру.

Петро Гусаков сдал обязанности помпохоза отцу и принял конную разведку. Он получил задание срочно сколотить лихую конную группу и рыскать с нею по району. Молодые партизаны-барановцы: братья Пузановы, Троицкие, Астаховы, Толстыкины, Карманов, Коршок, Шашков, Кирпичев, мордвины Дмитриев и Калганов, сыны Кавказа Серганьян, Талахадзе — все, кто славился лихостью натуры, пошли к Петру в команду. Туда же был зачислен и мой ординарец Николай Баранников.

— Михаил Иванович, пустите в разведку, — просился он, выбрав удобную минуту. — Что я, хуже всех, что ли?

Я знал, что рано или поздно услышу это от Николая. Как старейший партизан в отряде он мог бы руководить группой бойцов, но мне, по совести говоря, не хотелось расставаться с боевым другом, и я продолжал удерживать его возле себя.

По тем же причинам молчал и он. Но сознание, что за всю партизанскую войну ему не удалось зарубить ни одного фрица, угнетало Баранникова. А тут еще организуется конница! Что могло удержать возле меня этого страстного поклонника кавалерии?

— Вот и клинок, и конь подходящий, и седло как следует быть, — не глядя на меня, бубнил Баранников.

— Так ты ж глуховат, Коля. Какой из тебя разведчик?

— Зато глаз и рука у меня верные, не думайте! Мало кто на границе обеими руками лозу рубил. А я рублю. Хотите, покажу?

Я отпустил его в разведчики. Николай радостно воскликнул:

— Будьте уверены, Михаил Иванович: Баранников не подкачает!

Гусаков с охотой принял Николая.

— Хлопцы, так это же клад нам! Лучшего инструктора по кавалерии и желать не надо!

— Даешь!

— Приняли!

— Ко мне его, в мое отделение, — просил Гусакова Талахадзе.

Валявшиеся по лесным полянам и в подлесных селах ленчики, с которых уже были содраны кожаные крылья и крышки, были вмиг собраны с помощью сельских мальчишек. Их вновь обтянули кожей или дерюжинами; стремена отковали в кузницах, и через два дня мы имели лихой каввзвод.

— Эх, клинков бы достать побольше, — мечтательно говорил Анисименко, — да весь отряд на коня посадить! Скачи хоть до

Ворожбы или Конотопа!

В каввзвод рвался каждый. Признаться, и мне очень хотелось «прошуметь» по степным районам области, нагнать страху на разжиревших комендантов… Но большая часть партизан была без коней, и я не имел права оставлять их без командира хотя бы на короткий срок.

Каввзводу медлить не пришлось. Двести пятьдесят ртов хотели есть. Нужно было вырвать продовольствие у предателей, снабдить им отряд. Необходимо было запастись и фуражным зерном.

Каввзвод Гусакова спешно направился в рейд по району, чтобы решить первую задачу, от которой зависела боеспособность всего отряда: доставить в лес продовольствие.

С теми, кто оставался, мы кочевали по лесу, меняя в первое время стоянки дважды в сутки. На четвертый день снова вышли к лесокомбинату.

Был солнечный, золотой день. Многие из местных партизан возвратились, из «домашнего отпуска», из разведки. В Хинели и вокруг нас было спокойно. Лагерь наполнился шумом, весельем. Партизаны толпились вокруг прибывших, расспрашивая о близких. Разведчики делились новостями, табаком, показывали добытое оружие, новый жандармский мундир и прочие трофеи.

Иные балагурили с девушками, которые начали приходить к нам, спасаясь от угона в Германию.

Пришли Ольга Хохлова с братом — сестра командира первого Севского отряда. Нина Амелина, Катя Соболева, Надя Сидоренко, Новикова, Молюженко и еще несколько девушек. Они оживили суровый быт партизан, заставили их внимательнее относиться к одежде, к внешности. Кроме старика Гусакова да средних лет ездового артиллериста Сташевского, все были молодыми парнями. Стали бриться, чаще умываться. Исчезли засаленные, измятые фуражки, рваные штаны.

Девушек прикрепили к отделениям. Они варили пищу, чинили одежду, стирали. При боевых операциях превращались в санитарок, носили сумки, оказывали помощь раненым.

С большим нетерпением ждали мы возвращения каввзвода.

И вот со стороны Хинели поднялось пыльное облако и вскоре показалась из-за пригорка конница. До нас долетели звуки гармошки и слова лихой песни.

— Гусаковцы всем эскадроном в артисты записались! — говорили наши девушки, смотревшие в поле.

Из-за придорожных верб показались упряжки, — их у Гусакова раньше не было. Петро ехал, как всегда, впереди, он широко улыбался, скаля зубы.

Через две-три минуты он докладывал:

— Зроблено, товарищ капитан, все! Кроме двух пулеметов, по которые ехал, набрали воз винтовок, патроны в ящиках, гранаты, две бочки спирта-сырца, позади нас коров гонят и двести мешков с житом в обозе!

— Такой доклад не удовлетворяет нас, товарищ Гусаков, — сказал я. — Доложите обо всем подробнее.

Гусаков снял автомат, шашку, сел на траву и, подумав, приступил к рассказу:

— Подкрепились мы вчера медом на комендантской пасеке, смотрю — солнышко садится. Пора и по коням. Полувзвод оставляю в Муравейной на охране пути отхода, а с остальными подаюсь к Фотевижу. Стоим в балке, ждем разведку. Разведчики наши враз примчались и девочку с собой привезли. Она рассказывает: на церкви два пулемета, немцев в селе человек тридцать да полицаев столько же.

Петро никогда не был военным и поэтому докладывал или предельно кратко, вроде «зроблено!», или, если ему предлагали доложить подробно, рассказывал так, как сейчас.

— Думав я, думав, — продолжал Петро, — нас вдвое меньше, да и церква им хорошая оборона. Понятно, в лоб не возьмешь: людей потеряешь, раненые будут и назад с побитой пыкой ехать соромно. Пытаю хлопцев: «Что ж они, эти мадьяры и полицаи, там роблять?» А разведчики кажуть: «В церкви денатур пьют и бараниной закусывают!» Тоже добряче разведано!

Точность гусаковской разведки была безукоризненна. Я улыбнулся. Петро, поощренный, продолжал:

— Ей-богу, и сам не знаю, як мои хлопцы рознюхалы, а, может, дивчина сказала, а действовали мы правильно. Ну, кажу хлопцам, сходно на то, что разведку вы зробылы с толком. Теперь еще в операции покажите себя, и мы дадим напиться фашистам, не дывлячись, что их набогато больше.

Тряхнув кудрявым чубом, Петро глянул куда-то вдаль.

— А сам гадаю, — продолжал он, — с чего начать и как бы получше вдарить. Можно ворваться на галопе, но есть смысл и подползти. Правда, так страху не нагонишь, лучше бы с громом, с топотом. Стою это я себе, мудрю. Глядь, пыль столбом поднялась! Стадо коров гонят пастухи на Фотевиж. Сразу мне в голову ударило, как в село ворваться. Прилепились мы к стаду, наддали клинками бугаям под хвост и прямо к селу. Подняли стрельбу, пылью закуталось все. Заметались гитлеровцы, а мы на испуг их берем. «Миномет на позицию!» — командую. Талахадзе тоже кричит во всю глотку: «Пушка! Огонь по окнам церкви! Бронебойными!» Тачанка наша на галопе разворачивается. Этак

мы уже в центр села ворвались, и опять я командую: «Взводу Талахадзе обходить слева, да живее, а то все полицаи поутекают!» А тут с другого конца села еще стадо идет. Одни коровы! Мечутся. Ломают плетни, и как подняли рев! Побросали немцы пулеметы — и ну бежать к Севскому шляху! Схватили мы около церкви повозки, смотрим — груз: спирт в бочках! На молотьбу завезли, как горючее. И баян гарный. А в церкви два пулемета и винтовок до двадцати штук, да патронов куча ящиков.

Петро не усидел. Вскочив, он продолжал с увлечением пояснять ход операции:

— Ну вот, а дальше стоят тракторы, возле моей квартиры. И комбайны. Молотарок четыре штуки. Стащили мы всё до купы и подпалили. Ух, загорелось як! Дальше до комор подались мы, а оттуда дед тикает. Я кричу: «Стой, дед!» Куда там, бежит! Аж мотня телипается! Я очередь поверх головы высыпаю из автомата. Смотрю — упал. Нагнулся к нему с коня, спрашиваю: «Ты кто такой, полицай?» А он с перепугу кричит: «Ей-богу, люди добры, не знаю!» Я перекрестил его слегка плеткой: не тикай от партизан в другой раз! Дал ему листовки, говорю: «Просвещайся!» Берет он нашу агитацию, я глянул: мать честная! Да это ж мой дядя! И он узнал меня, говорит: «Так это ты, племяш, дядька своего так отдубасил?» — «Так, говорю, я ж!» — «Раз, говорит, такое дело, то слухай: есть, говорит, в хате у молочарки начальничек да староста со старшим полицаем. Заховалися. Поучал начальничек из Глухова, как партизан на барановском кладбище подсиживать. Сказал, чтобы там пулеметы против вас держали когда вы в Хинель подадитесь…» Я — туда. Хата на замке. Мойсейкин прострелил замок по вашему, товарищ капитан, способу, Кирпичев с Карагановым забежали в хату и давай по сепараторам стрелять. А с кровати одеяло и подушка поднялись да прямо на нас… Кирпичев перепугался, а из-под подушки старая бабка спрашивает: «Что мне делать, сыночки?» И смех, и горе! Спрашиваю я бабку: «Где начальники?» А она: «Не знаю, родимые, никого не было», — а сама из-под подушки рукой на чердак показывает и из хаты тикает. Я бац туда гранату. Запищали. Староста и полицай «накрылись», а начальник вылез. «Учитель, — говорит, — я. Закон божий преподавать в школе приехал». Бумажки свои под нос нам сует. Довезли мы этого учителя до барановского кладбища. Тут я спрашиваю: «Слухай, учитель: на этом месте ты учил засаду держать для нас?» Там мы его и покинули на съедение собакам, — закончил Гусаков свой доклад.

— А ведь хорошо получается с конницей! — сказал Анисименко. — Теперь коменданта еще из Эсмани выгони, и тогда урожай и население наши. Обмозгуй, Петро, это дело я

начинай немедля.

Петро хитро прищурился, оглядывая меня и Анисименко.

— Зроблю, як капитан одобрит, завтра в ночь. У меня и люди свои в Эсмань посланы — дядя и одна дуже, дуже гарна дивчина…

* * *

В раскрытые окна одноэтажного особняка струится запах жасмина. Сквозь кисею занавески видны огненно-красные пионы, маки. Тихо в доме. Из столовой доносится мерное жужжание пчел. Запах первого меда влечет их в комнату, к чайному столу. Одна из них гудит, как буксующий грузовик, — назойливо, неугомонно.

Майор Кон, напившись чаю, внимательно следит за пчелой, потом переводит взор на распахнутое окно; виден опаленный край горизонта. Майор во власти мирных дум и мечтаний. Подобное состояние он испытывал каждый раз после плотного ужина и сладкого чая, знаменующих собою конец дневных забот.

Его помощник — пятидесятилетний лейтенант Рихардт, человек весьма сомнительной принадлежности к арийскому племени, — хорошо знаком с привычками своего патрона и даже мыслями его. Рихардт сонно глядит на Кона, догадываясь, что тот, анализируя свое положение, в сотый раз убеждается в истинном своем призвании, которое отнюдь не в том, чтобы воевать. Его влечет мирная деятельность — коммерция, именно то, что наиболее присуще офицеру запаса вермахта.

— Есть ли в мире насекомых более благородное и чистоплотное существо, чем пчела? — спрашивает Кон. Рихардт отрицательно качает головой. Кон продолжает: — По правде говоря, я не могу одобрить варварства наших солдат, разоривших на Украине почти все пасеки… В своем боевом порыве они, по-видимому, забывают, что русская пчела одинаково полезна и для нас, немцев!

Рихардт кивнул седеющей головой.

— По этой причине, — тяжело вздохнул Кон, — во всем нашем районе остались только две пасеки.

Коменданту хотелось выяснить, как относится его помощник к тому, что эти две пасеки была скрыты от государственного учета и присвоены им, комендантом…

— Вы, как всегда, правы, мой друг, — произнес Рихардт. Он был почти вдвое старше своего начальника, «подлинного арийца». — Эти деятельные существа, пчелы, кроме

беспримерного трудолюбия, отличаются еще и другими достоинствами: дают доход и далеки от политики, в том числе и от дискриминации… Я поощряю ваше пристрастие к милым двукрылым труженицам…

— Но, — возразил Кон, — их не следует баловать. Они обязаны работать! Пользуясь воскресным днем, я намерен завтра же произвести первую выкачку меда в деревне Му-ра-фей-ная…

— Это, пожалуй» даже необходимо… Тем более, что с некоторых пор…

Рихардт вдруг осекся на полуслове. Он вспомнил условие — никогда не говорить со своим шефом о неприятном, особенно после ужина и по субботам. Он хотел напомнить, что Муравейная находится за Фотевижем, всего лишь в десяти километрах от Хинели… Кон, продолжая прогуливаться из угла в угол, говорил:

— Прогноз обещает отличное лето, и эти бескорыстные труженицы, — он ласково посмотрел на ползавшую по столу пчелу, — до конца лета наполнят еще раз свои соты преотличным медом.

Майор тронул уголок занавески и выпустил пчелу на свободу.

Сумрачные тени, уже поселившиеся в верхних углах комнаты, скрывали лицо Кона, и Рихардт не заметил его улыбки. Комендант подсчитывал свои дивиденды.

— Двести шестьдесят в Муравейной, сто пятьдесят рамочных ульев на берегу речки Клевень… Итого четыреста десять. Если взять по десяти килограммов меду с каждого… Это более четырех тысяч килограммов!.. А если по двадцати? А — воск?

Кон чувствовал себя превосходно. Остановившись против трюмо, он хрустнул костяшками пальцев и потянулся.

Рихардт продолжал неподвижно сидеть, думая не о меде, а о масле. Ведая сельским хозяйством в районе, он втайне радовался мелким операциям партизан: кто в конце концов знает, сколько масла пли сливок увозят партизаны после налета на тот или другой молочно-заготовительный пункт?

— А яички? А сыр? — размышлял Рихардт. — Ведь за счет партизан можно списать многое…

Телефонный звонок нарушил коммерческие мечтания офицеров. Кон поспешил к аппарату.

— Пан комендант, — послышался незнакомый голос в трубке. — Мы, пан комендант, решили отправить вашу пасеку в Хинель…

Последнее слово передернуло коменданта, и он не сразу нашелся, что ответить:

— В Хинель? Для какой цели?

— Мед партизанам нужен, пан комендант! — ответил ему тот

же явно издевающийся голос.

— Что такой? Кому, сказаль ви? — переспросил комендант.

— Кажу: партизанам и колгоспникам… Это ж ихний мед! — убежденно повторил голос.

— То есть черт знает! — выругался Кон. — Кто со мною разгофаривает?

— Пан комендант, с вами говорит командир конной партизанской разведки…

Телефонная трубка обожгла пальцы коменданта и полетела на пол.

— Партизан кавалерия! — выдохнул наконец Кон и кинулся в спальню, где на туалетном столе лежало оружие. Рихардт сбросил с себя форменный френч, сунул в карман брюк парабеллум и выбежал из дома.

Минутой позже вылетел на крыльцо Кон. С автоматом в руках и двумя гранатами за поясом, он беспокойно озирался по сторонам.

Часовой, видя встревоженное начальство, брякнул прикладом, вытянулся, отрапортовал:

— На посту спокойно!

Не видя непосредственной опасности, комендант решил узнать, откуда ему звонили.

— Звонили из квартиры начальника полиции, — ответила коменданту телефонистка коммутатора.

— Связать меня с ним! Немедленно! — потребовал Кон.

Но квартира начальника полиции не отвечала.

— Пьян, скотина! — сказал комендант. — Надо послать переводчика на квартиру…

Переводчик нашел жену начальника полиции запертой и чулане; сам начальник был пристрелен в спальной комнате, телефон разбит.

Жена начальника полиции рассказала, что в сумерки трое глуховских полицаев пришли к ней на квартиру, пили чай, занимали ее веселой болтовней, а потом попросили позвать мужа. Когда тот вошел, случилось непонятное: мужа полицаи убили, а ее заперли в чулане…

— И все это в двухстах шагах от моей квартиры! — с ужасом воскликнул Кон, собираясь немедленно выехать в Глухов. Но, успокоившись, он окружил свой особняк пулеметами, приказал полицейским патрулировать по Эсмани и всю ночь самолично проверял бдительность пулеметчиков.

Утром он узнал, что мотоцикл Рихардта валяется на дороге в Глухов, а пятидесятилетний лейтенант, по всем данным, попался партизанам в руки…

* * *

Когда стемнело, добропольский старик Степан Шупиков решительно зашагал по тучному высокому житу. Трое партизан во главе с Талахадзе пошли за ним. Их путь лежал в курское село Доброе Поле. Старик только вчера стал партизаном. Он дал слово покончить с местным предателем — старостой — и для этого попросил помощи.

Три партизана провели весь день возле села, в посевах. Шупиков к вечеру встретился в условленном месте с Талахадзе.

— У нашего христопродавца собрались гости. Из Сального волостной старшина, трое из других сел, тоже шкуры старосты. Самогону четвертную у Феклы взяли. Та свистуха для них радеет тоже… Индюка общипала… Пьянствовать собрались…

Старик пытливо ощупал глазами статного Талахадзе, небольшого, но плотно сбитого Баранникова, стройную фигуру Коршка.

— Не сробеете, детки?

— Со старыми партизанами, отец, дело имеешь, — солидно ответил Баранников.

— Оно правда: я тут самый молодой партизан, хоть летами вчетверо старше вот этого товарища, — Старик показал на Талахадзе. — Только как-никак, а их пятеро, и каждый с винтовкой, а вас трое… Может, кого в Хинель послать? За подмогой?!

— До наших двадцать километров, — прикинул Талахадзе, — не выйдет, дед: потеряем время, гости разъедутся. Сами справимся!

— Ну, гляди, — и старик снова побрел к селу.

Миновав широкий луг и прорезавшую его речку, партизаны задворками пробрались к дому под железной крышей. Прислушались.

Из дома доносился хмельной шум, сквозь щели ставен пробивался желтоватый свет «молнии». Чей-то заплетающийся голос твердил:

— К-кум Митрич! Кум М-митрич!..

Талахадзе прижался ухом к ставне.

— Кум М-митри-и-ч! Как наш комендант выразился? Как он на совещании го-в-в-вари-л-л?

Другой силился запеть:

— Мы пук, м-мы пук, мы пук… М-мы пук цветов с-сорвали!

Взвизгнул веселый женский плач:

— Ой, Митрич, и рука же ваша… Ребрышки пожалейте мои, Митрич!

— Кум! Кум Митрич! Т-ты рук-ково-дитель. Разъясни, как он о партизанах выр-разился.

— Господа, — сказал бархатный голос, — мы теперь веселимся… Н-но…

Голос волостного старшины зазвучал властно, все смолкли.

— Но, господа старосты, как только поспеет рожь, одно слово — страда! Помните наказ коменданта: «Все для Германии!»

— Всё!

— Страда!

— Ни-ни-к-кому, ни з-зерна, кум!

— А про бандитов господин комендант так выразился: «Немецкое командование твердо решило…»

— Твердо! — повторил первый голос.

— «…покончить с партизанами до начала августа».

Оставив Коршка с дедом, Талахадзе и Баранников обошли дом и постучали в калитку. В доме погасили свет. Всё стихло.

— Кто стучит? — послышался из-за двери женский голос.

— Хомутовская полиция, откройте! С пакетом от коменданта, — сказал спокойным тоном Талахадзе, держа автомат под мышкой.

Дверь открыла молодая женщина. В ту же секунду из-за ее спины раздался выстрел…

Пуля сорвала с Талахадзе фуражку.

Не целясь, Талахадзе нажал на спусковой крючок и послал в темные сени сноп выстрелов, Баранников бросил туда же гранату. За домом захлопали выстрелы.

Через несколько минут старшины и двух старост уже не существовало. Третий староста выскочил в окно и скрылся в кукурузе. Талахадзе увел свою группу по направлению к волостному центру Сальное.

На другой день хомутовский комендант допросил прибежавшего к нему из Доброго Поля старосту и арестовал его. В сопровождении нескольких офицеров он выехал на расследование происшествия.

Не доезжая Сального, его машина остановилась: всю дорогу заняло стадо коров. Гудя сигналом, машина напирала на них, но вдруг под машиной вздыбилась земля… Полетели стекла, в лицо коменданту плюхнулся кусок теплой говядины.

Оглушенный комендант несколько минут ничего не соображал. Придя в себя, он протер забрызганные кровью очки и увидел впереди себя воронку. Возле нее валялись четыре коровьи туши.

Бросив автомобиль, комендант со своими офицерами побежал назад, в Хомутовку. Убежденный в том, что

арестованный им староста — агент-наводчик, он приказал повесить его.

Пятому старосте, как потом узнала наша разведка, посчастливилось отсидеться в огуречной бочке, но жил он всё же недолго, Узнав о судьбе своего коллеги в Хомутовке, он удавился поясным ремнем на чердаке собственной хаты.

* * *

Пять кавалеристов из венгерского конного полка, дислоцированного в городе Рыльске, появились на пустынной станции Локоть, удаленной от Хинели на шесть десятков километров.

Курская степь млела в неподвижном зное… Ослепительные и жгучие потоки извергались с бледно-синей вышины неба, и люди, населяющие локотский поселок, и домашняя птица спасались от летней духоты в погребах, под навесами, в тени сараев.

Только ошалевшая от жары ворона торчала на острие пирамидального тополя, полураскрыв свой клюв, и не знала, что ей делать: лететь к реке или оставаться под горячим солнцем, пока еще есть силы сидеть недвижно.

Тонкий слегка сутулый мадьярский офицерик легко держался на рыжем рослом коне, стоявшем посреди перрона. Железная дорога, связывающая Ворожбу с Михайловским Хутором, продолжала бездействовать. Офицер поднес к глазам бинокль, оглядел безлюдную улицу, село, поле с чуть волнующимися колосьями и задумался. Зной, безлюдье. Четыре солдата придержали своих коней, ожидая команды.

Возле тополя ударил выстрел. Ворона, взмахнув крыльями, упала на землю. Из-за тополя показался полицай.

— Стерва твоя мама! — крикнул на него офицер.

Он разразился более сочной бранью, когда выбежали на улицу еще трое полицаев, не решаясь приблизиться к мадьярам. Тогда навстречу им выехал рослый черноглазый капрал, он разъяснил полицаям, что́ именно возмутило его офицера.

— Господин лейтенант — командир особого отряда по борьбе с партизанами. Он разгневан бесцельной тратой патронов, а также тем, что вместо преследования партизан, которые подрывают под Ворожбой воинские эшелоны, господа полицаи безобразничают и стреляют по воронам. Господин офицер желает, чтобы к нему подошел ваш начальник.

— Начальник дома, а я только старший дежурный смены, — ответил тот, что появился на улице первым.

— Покажи оружие! — приказал капрал.

Убедившись, что в затворе винтовки недостает выбрасывателя, а гильза застряла в патроннике, офицер возвратил ее полицаю.

— Следующий! Покажите оружие лейтенанту.

Лейтенант, оставаясь на коне, вынул затвор второй винтовки и придрался к пятну ржавчины на боевой личинке. Он наградил владельца винтовки ударом плетки и оставил затвор у себя. При осмотре третьей винтовки офицер нашел, что неисправна пружина подавателя и возвратил винтовку без подающего механизма.

Четвертая винтовка оказалась в безукоризненном состоянии, но зато придирчивый лейтенант нашел вмятину в патроне и на этом основании изъял патроны. И в заключение лейтенант сказал через переводчика, что тут, на станции Локоть, будет размещен штаб отряда особого назначения, что они обязаны вызвать к нему немедленно старосту села с продуктами питания для штаба и начальника полиции со всеми остальными полицаями, а также управляющего и начальника охраны лесозаготовительного предприятия.

Капрал сошел с коня и, обращаясь поочередно к полицаям, приказал:

— Ты вызовешь старосту; тебе найти начальника охраны лесозавода; тебе — привести управляющего, а ты, — сказал он четвертому, — поведешь нас к начальнику полиции.

Первым появился начальник полиции, вместе с ним пришел начальник охраны; их сопровождали переводчик и солдат. За ними спешили остальные полицаи. Староста прибыл на дрожках, запряженных выездными конями.

Все почтительно остановились перед лейтенантом. Когда капрал доложил, что все в сборе, лейтенант произнес несколько отрывистых фраз:

— И чтоб распущенности больше не повторялось! — переводил капрал гневную речь лейтенанта. — Вы, — он указал на начальника полиции, — и вы, староста, обязаны лично проверять службу засад и пойдете с нами. Пан управляющий получит от господина офицера указания в дороге, господа полицейские пойдут впереди, чтобы охранять дорогу. Там, на берегу Клевени, мы встретимся с глуховской полицией и примем общий план действий.

— Кто же останется на охране управы? — решился спросить староста.

Капрал обратился с тем же вопросом к лейтенанту. Тот что-то ответил по-немецки.

— О, не беспокойтесь, пан староста, — тут сегодня же будут наши, — сообщил капрал ответ лейтенанта.

Через час приблизительно отряд, предводительствуемый капралом, остановился на берегу речки Клевень.

— Тут мы подождем глуховчан и эсманцев, — сказал он. — Можете отдохнуть, снять сапоги, снаряжение.

Утомленные жарой и скорым маршем, полицаи не заставили себя долго просить. Они развалились на траве в тени молодых деревьев.

Мадьяры спешились и отвели коней в сторону. Лейтенант обошел место привала и расставил вокруг бивака часовых, лошадей приказал привязать в лесу за небольшой высоткой. Возвратившись к полицаям, он снова выругал их на своем непонятном языке, а капрал пояснил, что господин лейтенант не терпит, когда оружие разбросано где попало: оно должно быть поставлено в козлы или, по крайней мере, аккуратно положено подле дерева. Он указал при этом на дикую грушу, одиноко стоявшую на поляне.

Начальник полиции, не желая обострять отношений с лейтенантом, приказал составить оружие в ко́злы и выставил к нему часового.

— Пан староста, — обратился после этого капрал к хозяину гарнизона, — на привалах не положено, чтобы кони и люди находились вместе. Поставьте ваших лошадок рядом с нашими и принесите господину лейтенанту чего-нибудь поесть.

Когда, наконец, воинский порядок был водворен, лейтенант расположился шагах в пятидесяти от полицаев.

— Ишь, злюка! — вполголоса сказал полицай, стрелявший по вороне. — Он нас и за людей не считает…

— Да и сам на оловянного солдатика похож, — отозвался другой полицай. — Гляди, возле муравейника сел, на самом солнцепеке, дурак этакий!

— Может, он ревматизмом болен, вот и тянет к муравьям, — философски заметил третий полицай.

— И ты хорош тоже! — недовольно проговорил начальник. — Сколько раз говорил: не стреляйте в селе без толку. Вот покажет он наше оружие начальству — кому припарка из-за вас будет? Опять мне же!..

— Надо бы задобрить его! — осторожно подсказал начальник охраны…

— Гляди, и этому теперь взбучка будет, — и все стали смотреть, как лейтенант придирчиво осматривал карабин капрала. Повертев его в руках, лейтенант прилег за муравьиной кучей, навел винтовку на начальника полиции и выстрелил.

Капрал широко размахнулся и швырнул в полицая гранату, в то же время выстрелили и солдаты. Упал часовой, стоявший возле оружия, полицаи бросились в стороны. Солдаты кинулись за ними, на ходу стреляя из винтовок…

Лейтенант Инчин вытащил из-под повозки старосту и на чистейшем русском языке прочитал ему заповедь партизана.

* * *

Молочный туман порозовел, стал летуче-легким. На траве, на дубовых листьях, на мелком ольховнике, что толпился меж лесом и обширным заливным лугом, засверкала живым серебром роса. С лугов доносился нестройный хор людских голосов, шелестящий посвист кос.

Сачко только что проснулся. Прислушался к мирному, с детства знакомому стуку отбиваемой косы, и ему вдруг захотелось встать в ряды косцов, размахнуться во всю силу, надышаться медовым запахом трав и цветов… У Сачко даже зачесались ладони. А еще только вчера он налетел со своим взводом на охрану неплюевского железнодорожного моста, взорвал его и тем самым прекратил движение поездов на магистрали Конотоп — Хутор Михайловский.

Сачко вышел из шалаша на полянку, увидел косцов, ахнул.

— Митинг, Борис, митинг треба зробить! — крикнул он своему политруку Бродскому. — Подымай хлопцев!

Взвод поднялся. Сачко распорядился:

— Оцепляй, хлопцы, покосы, да незаметно, чтобы не поутекли с переляку!

Сачко любил быть с населением, и потребность поговорить с людьми завладела им еще сильнее.

Партизаны поползли, скрытые душистыми травами, оцепили луг. Сачко, взобравшись на повозку, картинно простер руку и скомандовал:

— Шабаш, хлопцы-дивки! Объявляю перерыв на обид!

При виде вооруженного человека косцы разбежались. Из кустов один за другим поднялись со всех сторон партизаны.

— До мене, до мене, — смеясь, сзывает Сачко косцов к повозке, — Слухайте! Капут Гитлеру! Ховайте хлиб, вступайте в партизаны. Нет такой силы, чтоб нас, советских людей, одолела!

Митинг скоро превращается в дружескую беседу, люди жадно слушают вести с Большой земли, рассказ о борьбе, которую ведет Брянская армия.

— Брехня, что немцы Ленинград и Москву взяли, — говорит

Сачко, и люди легко и свободно вздыхают.

— Ты кто? — обращается Сачко к вихрастому пареньку.

Тот отвечает:

— Был колхозником, а теперь и сам не знаю кто.

— А ты? — спрашивает Сачко другого.

— И я никто.

— Ага! На немца ишачите!

— Точно! — подтвердил третий. — Только теперь я не желаю ишачить на немца! — говорит он и с силой втыкает косу в землю. — Довольно! Все равно жизни нет! Точка!

Сачко любовно смотрит на парeньков и через минуту, посоветовавшись с ними, вручает каждому оружие.

— Бачу, — добри партизаны з вас будуть! — говорит он. — А ну, теперь кажи всего хорошего и айда с нами.

Взвод простился с косарями и скрылся в лесу.

Пересекая шлях с Михайловского на Ямполь, Сачко заметил следы автомашин.

— Ставь мину и ховайся за кущи! — приказал он.

Через минуту все готово. Партизаны ложатся на землю вблизи дороги, вдали гудит автомобиль, шум приближается, нарастает, и вот показывается легковая машина. Сверкая лаком и хорошо протертыми стеклами, мерседес идет прямо на мину. Секунда, вторая, третья — раздается взрыв, языкатое пламя цепко охватывает машину, из-за кустов бьют по ней партизаны. Два немецких офицера вываливаются из кузова, один из них целится из револьвера в Сачко, но меткая пуля подсекает его, и он падает в дым и огонь. Второй офицер пытается бежать, но и его постигает та же участь.

Трещат патроны в кузове. Сачко бросается к машине.

— Хлопцы! — кричит он. — Портфель або автомат треба выхватить!

Взрывается бензобак, вместе с дверцей машины вываливается из кабины женщина. Она объята огнем. Сачко набрасывает на нее свой плащ, изловчившись, выхватывает женщину в затянутый бурьяном кювет.

— Нежива, — отмечает он спустя минуту, — Обличье опечено…

Обжигая пальцы, сдирает тлеющий жакет с погибшей, выворачивает карманы и находит огарок темно-зеленого дерматина…

Через сутки Сачко был уже в Хинельском лесу и, таинственно улыбаясь, вручил мне огарок удостоверения или паспорта погибшей. Я взял его в руки и на обратной стороне увидел потрескавшееся от огня фото владелицы. Всмотревшись получше,

узнал Елену.

— Так это она? — воскликнул изумленно Буянов.

— Вона! — подтвердил Сачко. — Фигура, рост, волосы, — все з першой хвылыны нагадало мени жинку Митрофанова…

— Повезло тебе! — сказал Буянов. — Это ведь касается моего взвода, и мне полагалось с ней рассчитаться.

— Чего же не мне? — возразил Сачко. — Этой крале и я был в задолженности.

Я долго смотрю и читаю в глазах командиров одно и то же воспоминание — это вечеринку в день Красной Армии на лесокомбинате, когда Елена кокетливо спросила Сачко, не боится ли он женщин, а Буянов вместе с Ромашкиным громогласно уверяли, что Елена Павловна — самая обворожительная женщина.

— Самая обворожительная! — вслух повторил я и, возвратив лейтенанту дерматиновый огарок, сразу же подумал о том, что появление этой особы не могло предвещать ничего доброго.

— Треба начеку быть, — сказал Сачко, прищурившись на меня и Буянова. Он доложил, что под Михайловском все забито войсками, а ямпольский комендант хвалится людям, что немцы на днях прочесывать все леса будут.

Вечером с наблюдательного поста привели молодого человека на костылях. Нога у него была ампутирована до колена. Парень назвал себя ленинградцем, сержантом связи и просил принять в отряд.

— Но партизанский отряд не госпиталь! — резонно заметил ему Анисименко. — Вам трудно будет следовать за ними.

— Я передвигаюсь очень быстро. Вы вряд ли за мной поспеете! — и показал, как он умеет ходить, пользуясь костылями.

— Все же, нам нужны руки, чтоб владеть оружием, а не костылями.

— Что мне делать? Работать я не в состоянии и содержать меня некому.

— А кто же вас содержал до сего времени? — спросил я.

— Был в Трубчевском госпитале, потом, когда нас освободили партизаны, проживал у людей на Десне… Теперь того села нет, сожжено. Люди разбежались…

— Мы поможем хлебом, вам его хватит надолго, проживете у наших людей в селах…

— Нет, воевать я хочу! — настаивал инвалид. — Вы не имеете права отказывать мне. Я — фронтовик. Окруженец. Мне совсем некуда деться.

— Воюйте вне отряда, мы дадим вам оружие. Нам нужны верные люди и в селах.

— Нет, я хочу быть с боевыми товарищами! Кроме того, я еврей, немцы меня уничтожат.

Он расплакался.

Беседа с инвалидом заняла много времени. Настала ночь, пришлось оставить его до утра с тем, чтобы после определить на жительство в Хвощевке или в Хинели. Внешний вид инвалида и его напористость вызвали у нас подозрение. Лицо и руки холеные, красноармейский костюм чисто выстиран, отутюжен.

— Надо за ним понаблюдать, — сказал Анисименко. — Мне он не нравится…

Поручили специальному надзору не спускать с пришельца глаз.

На рассвете из Лемешовки прибыл Анащенков. Он доложил, что женщины видели, как утром вчера севские полицаи подъехали к Лемешовке на нескольких подводах и высадили какого-то человека на костылях и с хохотом умчались в сторону Севска. Пришлось учинить безногому строгий допрос и тщательно обыскать его.

В холошине брюк, снизу, там, где она подгибается, нашли пачку документов: справки и удостоверения, выданные Погарским, Трубчевским, Навлинским, Севским, Путивльским и Глуховским немецкими комендантами. Перед нами был искушенный большим опытом фашистский разведчик, действовавший в зоне Брянского края на протяжении года. Перед расстрелом шпион признался, что он уроженец города Ромны, Полтавской области, что состоял агентом гестапо, что ему удалось втереться в доверие смоленских, брянских, черниговских партизан, провалить их подпольные организации, разгромить отряды.

Но всему бывает предел. Шпион и провокатор сам выкопал себе яму и закончил в ней свою подлую карьеру.

* * *

«Едва успеваю заносить боевые эпизоды», — отмечал в дневнике Инчин, возвратившийся из своего рейда по Эсманскому и Шалыгинскому районам.

> «Третий Хинельский поход в расцвете. Не сомневаюсь, что урожай будет нашим. В тридцати селах — ни одного гитлеровца, все очищено от злой нечисти. Лесненко свалил эшелон с танками под Ворожбой. Буянов — эшелон с артиллерией в районе

Льгова. Богданов — эшелон с живой силой там же!

Я провожу занятия с партизанами по топографии. Тема: чтение карты, проложение азимута (расчет транспортиром по карте), умение пользоваться компасом. Карт нашел в лесу целый куль. Видим теперь далеко — от Киева до Курска.

Силы наши растут, идут люди, да какие! Отец братьев Троицких пришел из Барановки с пулеметом, из Сороковых Бальчиков — Козеха Иван, вооруженный клинком, винтовкой и сам на коне. (Они партизанили самостоятельно).

Ждем Сачко. Вот его донесение:

«Сожгли Четвертиновский мост, уничтожили группу чуйковских полицаев, ликвидировали неплюевского старосту, подорвали грузовик и при этом расстреляли из засады три десятка солдат».

Фисюн, выполнивший задание в районе и довольный деятельностью отряда, ушел со своей группой и Ниной к Фомичу, в партизанскую столицу. Он унес с собой документ, называемый донесением № 8. В нем сказано:

«Сообщаем: население уклоняется от выполнения мероприятий немецких оккупационных властей. Предатели и полиция окружены презрением и ненавистью. Под нашими ударами полиция разбегается, немцы заняты ее организацией и пополнением. Применяется массовая порка тех, кто отказывается служить фашистам. Из 79 человек, выпоротых шомполами в Эсмани, согласились поступить в полицию только пять человек.

Комендант Эсманского района предпринял вторую попытку создать административно-кустовое управление в селе Фотевиж. Вызванная на усиление фотевижской полиции рота немецких солдат была выбита нашей конной группой с большими для противника потерями. Остатки роты расквартировались и укрепились в глубине района (Слобода, Бачевск, Бальчики). Территория от Хинельских лесов до Вольной Слободы и Эсмани полностью очищена от немцев и их прихлебателей. Старостаты и волостные управления разгромлены. Эсманский комендант переехал в Глухов, Хомутовский — в Рыльск.

Гебитскомиссар Линдер намечает чистку административного аппарата и полиции от лиц, заподозренных в сочувствии партизанам.

Командир группы — Наумов.

Комиссар — Анисименко.

Старший адъютант — лейтенант Инчин».

Глава XVIII
ГОСТЬ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Непроглядной, пугающей тьмой, неопределенными шорохами и таинственными звуками наполнен Хинельский лес. Буря свалила столетнюю сосну, образовав под вывернутыми корнями глубокую яму. Нависшие сплетения корней скрывают ее от взора, они прячут в ней чутко дремлющего человека. Положив руку на пистолет, он ждет рассвета.

Перед тем как взойти солнцу, в северной части неба разлилось кровавое пятно зарева и с той стороны отчетливо донеслись орудийные залпы. Человек всматривается, вслушивается, незаметно впадая в полузабытье.

Проснувшись поздним утром, человек выглянул из-под кореньев и удивленно свистнул. Леса не узнать!

Обласканный потоками теплого воздуха, он стоял, нарядный, сияющий, зелено-голубой.

Ночных причуд и страхов как не бывало. Уступив место погожему дню, ночь унесла их с собой. Меж высокими вершинами елей синело ясное небо. Сверкая свежестью, в легкой утренней дымке, лес стоит тихий, душистый, приветливый.

Выбравшись из ямы, человек зорко оглядывается, щурясь и улыбаясь ясному утру, быстро ориентируется по компасу и уходит на север. Вот он, мелькнув через полянку, стоит под большим дубом, прислушивается. Затем, пройдя скорым шагом около километра, присаживается возле приземистого куста, внимательно рассматривает залитую солнцем стрелку лесной просеки. И хотя на просеке не заметно живого существа, человек не спешит.

Затемненные дальние кусты кажутся фигурами людей, просматривающими просеку. Желтоватая полоска песка так похожа на окоп, вырытый поперек просеки. Не двигаясь, человек не сводит глаз с подозрительных предметов. Но вот уносится легкое облачко, по-прежнему сияет солнце; тени, скользя по земле, уходят прочь.

Разлапые веточки молодой елки стали совсем непохожими на двух человек, склонившихся друг к другу; песчаная полоска искрится, теряет свою прямолинейность; нет в ней ничего сходного с окопом.

Перебежав просеку, человек уклоняется на северо-запад. Воздух в лесу становится суше, пернатые обитатели леса разноголосо щебечут и поют. Припав к кусту черной смородины,

человек обрывает недозревшие ягоды, набивает ими фуражку, карманы куртки. Скрытый густыми зарослями папоротника, он опускается на землю и горстями жадно ест кислые ягоды, сплевывает, морщится и снова ест. Оставив небольшой запас ягод, человек поднимается и идет дальше.

Еще далеко до полудня, а лесной воздух накаляется, густеет. Слышен дробный стук дятла; мелкие кусочки коры сыплются вниз. Становится жарко. Человек смотрит на карту, спускается лощиной, выбивает ногой небольшую ямку, раскапывает ее ножом, выгребает коричневый торфяной грунт, затем серый супесок, прохладный, совершенно сухой. Убедившись, что воды не достать, человек прибавляет шагу, ежеминутно смотря то на карту, то на солнце. Изнуренный усталостью, жаждой и зноем, человек ложится в тени, расстилает куртку и рубашку, несколько минут отдает отдыху, потом снова идет, и когда на повороте тропы мелькнула чья-то тень, человек бросается в сторону. Среди дороги торчит бурый, обгоревший остов грузового автомобиля, на буферном брусе его четко выделяются белые углы немецкого креста и военные опознавательные знаки WH.

Начался густой высокий дубняк. Поднявшись на холм, человек вглядывается в болотистую впадину. В ней сумрачно, тихо и неприветливо. За котловин о и высится громадный, свежевыструганный деревянный крест. Рядом с ним несколько могильных холмиков.

Хмуро и сосредоточенно смотрит лесной гость на кладбище. Кто выбрал это мрачное место, чтобы похоронить здесь людей?

Человек подходит к самой большой могиле и видит огромный ствол дуба, спиленный сверху и затёсанный в форме обелиска. На нем поперечная крестовина. Большими зарубинами на дереве высечены слова:

«КТО СМИРИТСЯ — ТОТ ПРЕДАТЕЛЬ!
КТО ЗАБУДЕТ — ТОТ ПОДЛЕЦ!»

Ниже черной краской написано:

«Здесь 28 мая 1942 года расстреляны мирные жители села Подывотья, Севского района, Орловской области».

Далее следуют большие колонки имен расстрелянных. Против каждого — цифры, указывающие возраст расстрелянного:

«75 лет; 81 год; 1 год; 9 лет».

Против многих женских имен: «17 лет, 19 лет…» Старики и

старухи, девушки, дети… И далее надпись:

«Всего загублено 182 души».

Сняв фуражку, человек медленно обходит могилы. Он пытается представить себе картину расправы над беспомощной толпой детей и матерей партизан Севского района.

Изранен пулями дубняк. Кора на деревьях сорвана, выворотилась щепа, висят надломленные пулями сучья. Стволы деревьев пестреют свежими, белеющими пятнами. Прежде чем впиться в дерево, эти пули решетили людей…

Человек шагает дальше. На противоположной стороне котловины он находит груду стреляных гильз, рядом с нею другая, третья, питая — всего пятнадцать кучек. Пятнадцать пулеметов выставили фашисты против детей и стариков… Тут же, на скате котловины, среди бледно-зеленой поросли, виден голубой лакированный ремешок с поржавевшей пряжкой, разбитое карманное зеркальце, большая тряпичная кукла с тремя бусинками на еле обозначенной шее, растоптанный флакон из-под одеколона с резиновой соской, целлулоидная побрякушка и крошечный детский башмачок.

«Двадцать восьмого мая, — думает человек, — в котловине, конечно, была еще вода: она еще и теперь не высохла, кто упал, тот захлебнулся, если не был убит… а несчастные матери не могли спасти детей, даже закрыв их своим телом…»

— Дикие звери! — громко произносит человек и удаляется, не оглядываясь, повторяя впившиеся в память строки, высеченные на дубе: «Кто смирится — тот предатель! Кто забудет — тот подлец!»

Потрясенный видом страшного кладбища, человек понуро и долго идет под зеленым навесом глухой лесной дорожки, пока путь ему не пересекает река. Человек издает радостное восклицание, быстро раздевается и входит в воду. Прежде всего он жадно пьет, затем умывается, а когда выходит на берег, обращает внимание на следы подков, которыми покрыта вся земля. Теперь человек идет по следу.

Под вечер он заметил серо-голубое пятно дыма над полянкой. Подкравшись поближе, он увидел двух вооруженных мужчин, одетых в какую-то неопределенную форму. Они стояли возле старого дуба и раскуривали цигарки. Несколько человек сидели на траве близ костра. Слышалась невнятная беседа. Человек затаился. Немного спустя показались четыре всадника. Проехав мимо старого дуба, они сказали что-то двум часовым и двинулись вперед. В тишине четко слышно звяканье уздечек.

Всадники проехали совсем рядом — слышно было

поскрипывание сёдел. Раздвинув листву, человек увидел вороном коне парня в поношенной артиллерийской фуражке с красноармейской звездочкой на околышке.

— Миш-ка-а-а! — крикнул часовой. — Соли-и-и поболе-е-е достань, слышишь?

— Да ну вас!.. — отмахнулся передний всадник. — То мёду, то соли… Мне старосту поручено ухлопать, а соли — это уж как выйдет…

Человек улыбнулся — впервые за весь день. Он вышел на дорожку, не снимая с лица улыбки.

— Стой! — кричат всадники, и рванувшиеся кони жарко дышат ему в лицо. Он пятится. Тот, кого звали Мишкой, командует:

— Руки вверх! — и привычно обезоруживает незнакомца. Второй сильными руками ощупал фигуру задержанного. Снял полевую сумку, отобрал перочинный нож и компас.

— Кто такой? Как сюда попал?

— Ведите меня к командиру, там скажу и кто я и как попал сюда, — ответил человек.

От дуба уже бежали трое, соревнуясь в скорости.

— Что за парень? С Подывотья?

Им никто не ответил. А Мишка, повертев пистолет незнакомца, спросил:

— Ты, часом, не десант?

— Нет, — решительно ответил человек, — я не десант, я вас искал и нашел. Прошу доставить меня к командиру как можно скорее.

— Понятно, — сказал парень с красной звездой на фуражке и, обернувшись к своим, негромко, но повелительно добавил: — Астахов, возьми сумку и пистолет, веди человека в группу, а я подожду здесь, на заставе.

Незнакомец, оказавшийся связным ЦК КП(б)У, по фамилии Бойко, десантированный накануне в Хинельский лес с парашютом, сидел в моем шалаше и рассказывал, как он брел по лесу, отыскивая нас. Потом рассказал о своей миссии, о жизни в Москве, сам задавал сотни вопросов.

Сразу же после ужина подле большого костра партизаны задымили цигарками. Всем хотелось поскорее увидеть дорогого гостя, представителя Большой земли, посланца родной Москвы, большевистской партии.

Его встретили аплодисментами. Партизаны поднялись со своих мест, обступили, и не скоро установилась на поле тишина. Товарищ Бойко получил, наконец, возможность начать беседу.

— По ту сторону фронта, — сказал он, — в бассейне Дона

завязалось небывалое сражение. Как известно, товарищи, враг пытался взять Москву, но был отбит и разгромлен. Теперь фашисты пытаются взять реванш в другом месте. Они нацелили более тридцати дивизий на волжский город Сталинград. Но вот уже около месяца, как они безуспешно атакуют этот город. Сталинград стоит несокрушимо! Нет сомнения, товарищи партизаны, что и эта авантюра Гитлеру не удастся. Могучими ударами Красной Армии фашисты будут разбиты, и части нашей доблестной армии перейдут в наступление. Товарищи! С первого дня войны наша столица Москва стояла и стоит твердо, как гранитная скала. Никогда врагу не видеть столицы советского народа. Если ранее отдельные самолеты врага прорывались к Москве, то теперь гитлеровцы уже не имеют для этого ни силы, ни возможности. Небо Москвы — наше небо, и в нем господствует только наша авиация. Земля московская — наша земля, и попытавшийся осквернить ее фашист жестоко наказан. Столица живет полной жизнью. Работают метро, троллейбусы и трамваи. На заводах, в лабораториях, на фабриках, в колхозах всей нашей страны советский народ кует победу. Самолетов, пушек, танков, автоматов, пулеметов вырабатывается вполне достаточно. Красная Армия получила на вооружение массу нового оружия, созданного нашими выдающимися конструкторами. У нас есть гвардейские минометы, которые бойцы ласково называют «катюшами». От этих «катюш» немцы приходят в ужас. У нас есть нового типа самолеты и многое другое, что лишь недавно стало применяться на полях войны. Отход наших частей на восток окончился. Руководители ЦК находятся на обороне Сталинграда. Враг и там будет разбит, как и под Москвой. Презирая смерть, оставаясь до конца преданными, верными сынами Родины, вы, товарищи партизаны, мужественно разите оснащенного современной техникой врага. Ваша помощь фронту высоко оценена правительством и Центральным Комитетом партии. Направляя меня сюда, Никита Сергеевич просил передать вам, товарищи партизаны, от имени ЦК Коммунистической партии и от своего имени большое спасибо!

Гром аплодисментов прервал оратора.

— Товарищ Хрущев выразил уверенность, — продолжал Бойко, — что сила ваших ударов по врагу будет все более возрастать и что под знамена народной войны встанут все люди временно оккупированных районов Украины. Близится час победы! Враг будет разбит! Смерть немецким захватчикам!

Партизаны поднялись и бурной овацией ответили на заключительные слова московского гостя.

После официальной беседы партизаны приступили к

расспросам. Они интересовались буквально всем: и положением на фронтах, и работой заводов, и жизнью в глубоком тылу, и новинками в театрах и кино. Вопросам, казалось, не будет конца. Почти все партизаны пожелали послать на Большую землю весточку о себе.

— Пишите, товарищи, — сказал наш гость, — письма ваши будут доставлены по адресам. А в скором времени будут у вас и радио, и самолеты, и новое вооружение. Уже создан Украинский штаб партизанского движения. О жизни вашей, о вас всех не забывает ни на минуту партия.

Вести, принесенные товарищем Бойко из Москвы, несказанно ободрили партизан. Разбившись на группы, мы горячо обсуждали до рассвета положение в стране, рисовали ход дальнейшей борьбы нашей армии и партизан. Связь с Большой землей, помощь со стороны Центрального штаба партизанского движения выдвигали перед нами новые формы и методы борьбы с захватчиками.

— Слыхали, ребята? — говорили партизаны. — Товарищ Бойко рассказывает, что винтовку изобрели для нас, партизан, специальную: можешь стрелять — и ни звука, ни огня!.. Вот это — да! Вот чем часовых снимать станем!

— А я еще когда в армии был, слыхал, что танки такие наши конструктора придумали: целая крепость! Сам прорывается через фронт, сам себя окапывает… Наделает дебошу — и пошел к своим!

— Брось арапа заправлять, про танки такие ничего товарищ Бойко не рассказывал! — возражают увлекшемуся.

— Сам брось! Разве обо всем расскажешь? Году мало! Там, брат, на фронте теперь дают фашистам прикурить…

Днем из шалаша вышел лейтенант Инчин. Он легко вскочил на широкий пень, поднял руку.

— На операцию идем! — по-своему разгадали партизаны жест лейтенанта и вслух спросили об этом.

— Нет, — весело ответил Инчин.

— В разведку! — крикнул Гусаков.

— Нет, — ответил Инчин. — Не говоря «куда», кто со мною? Есть охотники? — спрашивает он.

— Я!

— Скажи куда?

— Я! Я! Я!

— Покажи рукой направление! Я!

Инчин вызывает по фамилиям:

— Из артиллеристов — Родионов, из группы диверсантов — Панченко и Хохлов, ко мне!

В шалаше Инчин посмотрел на карту и негромко сказал:

— Товарищи, нам поручили любой ценой провести в Брянские леса к Фомичу товарища Бойко, представителя ЦК партии. Понятно? Так вот, мы головой отвечаем за порученное дело. До Барановки поедем верхом, там бросим коней и двинемся пешком мимо Свесы на Неплюево, обойдем Михайловский Хутор. Пойдем, как видите, дальним маршрутом.

Родионов и Панченко кивнули головами.

— Не впервой!

— Дойдем! Я знаю эти дорожки, — уверенно сказал Хохлов.

Группа выехала после обеда.

Скрипели седла под всадниками, мягко шли кони по песчаной дороге.

— Эх, Хинельский лес, долго тебя помнить буду! — вздыхая, говорит Родионов. — Красота какая, да черт ей рад!

— Брось философствовать, давай лучше песню сыграем! — предлагает Инчин.

— Какую? Давай ту, что ты придумал! Помнишь, вечером пели?

Партизаны запевают. Московский гость внимательно слушает.

На опу-у-шке ле-еса бра-а-тская мо-ги-ла,
А на ней бере-зонька одна-а…
Брянская березонька славу со-охрани-ила,
Партизан-героев име-ена!..

Грустный напев партизанской «Березоньки», сложенной Инчиным, ранит сердца и певцов и гостя. Тихо позвякивая уздечками, идут кони. Ладно поется песня. Потом Инчин начинает другую. Ему стройно подпевают товарищи, и новая песня стелется над полем, которое видело не один бой и многих схоронило в себе…

Всадники подъехали к сожженному лесокомбинату. Сняв шапки, они остановились у старой березы, подле могилы Дегтярева.

— Эх, товарищ лейтенант, правильную ты песню сложил, — вздохнул Панченко и тихо, взволнованно прочел:

И в бою жестоком ты погиб за Родину,
За ее свободу жизнь свою отдал…
Кровью обагрил ты брянскую березоньку,
Нам дорогу к славе указал…

— Она, брат, сама сложилась, — задумчиво ответил Инчин. — Я только записал… — И, помолчав, добавил: — Всему отряду она стала родной как память о нашем боевом комиссаре Терентии Павловиче.

Показался и винокуренный завод; от пруда повеяло прохладой. Легкий ветерок принес медовый запах зреющей ржи. С запада наползала темная дождевая туча. Инчин придержал коня. Звякнув стременем, лейтенант поехал рядом с гостем.

— Хинель, а дальше, — Инчин ткнул плеткой в сторону, — километрах в семи будет Барановка, наши разведчики там. Крайняя наша застава…

Проехав молча сотню шагов, спросил, нагнувшись:

— Может, поскачем малость? Как себя в седле чувствуете?

— Не як запорожский козак, но падать не намерен! — улыбнувшись, ответил Бойко.

— А ну, хлопцы, разомнемся! — Инчин свистнул и слегка ударил каблуками коня. Отбрасывая комья земли, кони пошли рысью. Маленькая лошадка Панченко, не выдержав размашистой рыси рослых коней, перешла в галоп и вскоре вырвалась вперед на целый корпус.

— Э-эх! Жаль, дальше Барановки не скакать нам… Давай жиганем! — гикнул Родионов, и вмиг все четыре лошади рванулись в карьер, оставляя за собой плотное облачко пыли.

— Догоню камрада! — похлестывая плеткой коня, прокричал Панченко.

В сумерках въезжали в Барановку, моросил мелкий дождь.

Вдруг раздался окрик:

— Стой! Кто едет?

— Свои!

Часовые подошли ближе.

— Здорово, лейтенант, куда на ночь глядя? Кто тут еще?

— Родионов, дружище!

— Землячка бачу, здоров, Панченко!

— А кто же с вами? Будто незнакомый!

— Это наш. Новый товарищ!

В просторной хате колеблется неровное пламя каганца, по стенам скользят людские тени — горбатые, неестественно широкие.

Инчин еще раз проверяет маршрут по своей самодельной карте. Покурив, вышли из хаты.

— До свидания, ребята! — прощаются уходящие.

— До свидания, товарищи, в час добрый! — отвечают часовые.

Зачавкала под ногами грязь, забарабанил еще сильнее дождь.

Барановка осталась позади.

Порою Инчин останавливается, дает успокоиться фосфорному светлячку компаса, внимательно смотрит на стрелку. Отяжелевшая, намокшая одежда неприятно холодит тело.

— Пошли! — шепчет лейтенант, и снова чавкает грязь под ногами.

Более часа лились потоки дождя, потом он стал сеяться, будто через сито, мелкими капельками, однообразный, нудный. Часам к двенадцати ночи на путниках не осталось, что называется, сухой нитки.

Сбившись в тесный кружок, партизаны вслушиваются в монотонный шум дождя. Панченко смотрит в небо, пытаясь поставить прогноз погоды на ближайшее время.

— Тучи уже разорванные, скоро перестанет клятый дощ…

— Где мы, лейтенант? — спрашивает Родионов.

— Железная дорога от нас недалеко, мы находимся возле Протопоповки.

Передохнув, путники идут. Снова мокрая одежда прилипает к телу, растирает, печет его; движения стеснены. А дождь всё сыплется, вопреки прогнозам Панченко. Только с рассветом он перестал.

— Как самочувствие? — спрашивает Инчин у спутников.

— Умылись! Ветерок бы теперь на обсушку! — отвечает Хохлов. Лицо у него мокрое, шапка сбита в комок…

Повернули в сторону, а когда зашли в болотистое место, сплошь заросшее лозняком, Инчин, усмехнувшись, сказал:

— Партизанский день закончился! Начинается ночь, прошу занимать кровати, постарайтесь уснуть. Я дежурю первым.

— Растолкуй, где мы стали на дневку, — просит Родионов.

— Прямо перед нами село Протопоповка. Левее железная дорога между Михайловским Хутором и Ямполем. От нас она недалеко, метров триста.

По болоту щетинились невысокие кочки. Напитанные, как губка, водою, они хлюпают и чмокают. Партизаны смеются. Инчин спрашивает:

— Как харчишки?

— Всё поразмокло. От хлеба одна каша… — с досадой отвечает Панченко.

Товарищ Бойко тщательно ощупывает на себе куртку и приходит к выводу, что больше она воды уже не примет, хоть поливай ее из ведра…

— Неплохо бы выкрутить ее…

Выжимать пришлось все, и только после этого расстелили одежду по кочкам. Предвиделся погожий день, темные тучи ушли

на северо-запад.

— Скучновато без солнышка… — ёжится Инчин. — А ты там что колдуешь? — спрашивает он Панченко, Тот отвечает:

— Обед готовлю! Ешьте на здоровье!

Каждому досталось по куску вареного мяса и по горсти кашицеобразного хлеба.

Поев, покурили. А потом налетели тучи комаров. Назойливо звеня, они облепили лицо, руки, жалили невыносимо. Утро разморило теплом. После изнурительного похода тело требовало отдыха, и двое вскоре уснули.

Инчин принялся за дневник, беспрестанно отмахиваясь от комаров. Бойко тоже что-то записывает в блокноте, пишет он сосредоточенно, не обращая внимания на укусы комаров.

Проснулся Панченко. Он обмакивает в гнилой луже тряпочку и тщательно вытирает ею искусанное лицо, а потом опухшие руки.

Инчин смотрит на Панченко и заливается беззвучным хохотом:

— Вот бы эту физиономию акварелью изобразить! Картинка!

— Это не картина, — отмахивается Панченко. — Я вот другую придумал, получше! Сидим мы на болоте, поели кое-как, а на дальше ничего и нет. Предлагаю отправиться в Протопоповку за хлебом, салом, молоком. Что скажете?

Инчин хмурится.

— Брось даже думать об этом! Не коменданта какого бомбить идем — надо товарища доставить на место, — и он многозначительно показал глазами на Бойко, всё еще сидевшего над своим блокнотом.

— Ну, раз на Протопоповку дорога заказана, придется нам, хлопцы, дощу выпить, а голоду закусить! — недовольно пробурчал Панченко.

Поднялся Родионов, Он разминается, зевает. Потом черпает ладонями буроватую жижу, пристально разглядывает её. В жиже копошится бесчисленный рой шустрых, ныряющих и кувыркающихся личинок. Прополоскав рот, Родионов брезгливо сплевывает. Панченко, с любопытством наблюдавший, недоуменно спрашивает:

— Чего не пьешь?

Зачерпнув пригоршнями воду, он пьет ее с жадностью и причмокиванием. Затем, развалившись на кочке, спрашивает:

— Родионов, а ты знаешь, почему эта вода не опасна? Потому, что в ней собрались микробы всякого сорта. И хотя в луже вода стоячая и, допустим, ты ее выпил, эти микробы тебе не опасны, потому что они свою войну с бактериями ведут. И

дерутся до полного уничтожения, пока не слопают одна другую. Понял?

— Темное дело…

— Совсем не темное! Бывает, выпьешь чистой воды и заболеешь. Почему, спрашивается? А потому, что живет в ней какая-нибудь одна, ну, две-три инхузории. Они, может быть, потому и не дрались, что друг дружку не заметили, и сразу человеку в кровь лезут, да и баламутят там, как черти в болоте…

Инчин и Хохлов долго смеются. Инчин говорит:

— Ну, и дикость же ты несешь, Панченко!

— И никакая не дикость, У нас старичок один был, ветеринар. Самоучка, а, понимаешь, сам до всего дошел. К нему за тридцать километров приезжали люди. Давал он жизни, еще как! Каждый кланяется: «Беда, выручай, Антон Спиридонович», — так он бывало говаривал: «Микроба — начало начал всей жизни на земле!»

— Тогда понятно! — приняв серьезный вид, язвит Инчин. — Если это ветеринар, да еще сам дошел, то спорить нечего.

Но Панченко, не заметив «подначки», продолжает свои рассуждения о микробах, доказывая Хохлову:

— Точно, дружище, он ученым «форы» давал.

— Еще бы, — скептически отвечает немногословный Хохлов.

Немилосердно печет солнце. Залитое светом болото пучится, играет пузырьками выходящего газа. Насыщенный душными испарениями воздух густ и тяжел. Звенящий писк комаров сменяется жужжанием слепней, жадно вгрызающихся в тело. Намучившись на кочках, Хохлов недовольно спрашивает:

— Что, лейтенант, до вечера на кочках куковать будем?

— Ну нет, разве так отдохнешь? — отвечает Инчин и нагибается над своей самодельной картой. — Пойдем с таким расчетом, чтобы ночевать по ту сторону дороги.

Начали продвигаться лесом.

Из Протопопова застрочил пулемет.

— Лает, как дворняжка, — усмехнулся Родионов, — семь штук отстучал — и молчок!

Под вечер Инчин скомандовал:

— Садись, передохнем. Впереди дорога на Свеса — Михайловский Хутор, разведывать надо.

Полежав немного, послали Панченко на дорогу. Вернувшись, тот доложил:

— Тишина, нигде никого, хоть в карты среди дороги играй!

— Наверняка в дураках останешься! — вставил Родионов.

У самой дороги прислушались — тихо. Перешли скорым шагом, присели за кустами.

Панченко разрядил винтовку, загнал обойму с разрывными пулями.

— Може, нарвутся, не мешало бы винторез прочистить, полдесятка выпустить.

— Сутки уже в дороге, без стрельбы обошлось.

Издалека донеслись звуки движения; партизаны притаились. Вот показались группы вражеских солдат. Большинство шло пешком, немногие ехали на повозках; двигались они по дороге на Михайловский Хутор. Когда прошли, Инчин, сокрушенно покачав головою, сказал:

— Чуть не влипли мы, их более сотни.

— Это что-то не то, — заметил Хохлов. — Чего их на Михайловский потянуло?

Послышался топот, по дороге замелькали всадники, показалось несколько подвод.

— Кони замученные, — шепнул Панченко. Инчин сердито оглянулся на него.

Удалились и эти. Инчин махнул рукою:

— Ну их к черту, зацепимся с ними в драку, да и не выпутаемся. Пошли!

Не прошли и сотни метров, как Хохлов, шедший в «голове» группы, метнувшись быстро, присел за толстым стволом дерева. Инстинктивно присели остальные. Минуту спустя Инчин тихо спросил:

— Чего там?

— Мадьяры.

Насколько первая встреча с мадьярами на дороге никого не удивила, настолько ошеломила вторая — в лесу, а полутора сотни шагов от дороги. Как они туда попали, никто не заметил. Теперь все взоры устремлены были на Инчина. Ни минуты не колеблясь, Инчин махнул рукой: «За мной». Партизаны метнулись обратно к дороге. Она жила цокотом повозок, приглушенным гомоном мадьярской пехоты. Инчин распластался за большим пнем; как подкошенные, залегли остальные.

— Ну и напоролись, — Инчин отпустил по адресу мадьяр пересоленное словечко.

— Они, гадюки, охраняют движение колонны по дороге, — высказал свою мысль Панченко, но Инчин только нетерпеливо махнул рукою:

— Это и дураку теперь ясно! Ты скажи лучше, как отсюда выбраться?

— Да вот, лесом, рядом с дорогою.

— Нельзя, угробим все дело. Ползем лучше до этого хвороста.

На небольшой поляне редколесья лежали разбросанные кучи неведомо когда заготовленного валежника. Быстро зарылись в него, замаскировались. Бойко, Панченко и Родионов стали наблюдать за дорогой, Инчин и Хохлов — за кромкой леса. Ночью ничто не изменилось. Дорога шумела, двигались войска, перекликались посты бокового охранения. Прислушиваясь к шороху и по-своему оценивая тяжелое свое положение, партизаны провели в хворосте всю ночь. Утро не принесло ничего доброго.

Выяснилось, что войска стоят на дороге без движения. В половине дня Хохлов окликнул Панченко:

— Чуешь? У тебя хоть немного там чего осталось? Более суток голоден.

— Лежи ты! Жменя крошек в сумке, все дождь расквасил! — недовольно ответил Панченко.

— А соли? — не унимался Хохлов.

— Око нечем запорошить! — ответил Панченко и, протянув руку через хворост, прошептал: — На вот, хоть ешь, хоть дывысь.

Хохлов взял грудку слепленных, как комок глины, хлебных крошек.

Вскоре два конных солдата проехали мимо и на дорогу потянулось боковое охранение — с конями, пулеметами, ящиками патронов на вьюках.

Выждав с час и не улавливая никакого шума, Инчин вылез из хвороста. Рассевшись под кустами, начали совещаться. Инчин сказал.

— Сами знаете, что ввязываться в бой мы не могли, а выйти без боя из этого коридора, в котором оказались, — попробуй. Ну это все позади, войска прошли. Наша задача — во что бы то ни стало достать хоть по куску хлеба, и, по возможности, без боя. Но если кто под руку подвернется — бить, и наверняка! А теперь пошли.

Железную дорогу перешли без приключений. Поросшая зеленым бурьяном, она краснела ржавыми рельсами. Инчин развернул свою карту:

— Кажется, Шатрищи, да нам лишь бы продуктов достать.

Родионов, Бойко и Панченко остались в лесу. Инчин с Хохловым пошли в село. Зашли с огородов. Возле сарая стояла старая бабка.

— Здравствуйте, мамаша! — приветствовал ее Инчин. — Вы не скажете, где живет старший полицейский?

— А вы кто такие будете?

— Мы — ямпольские полицаи, — ответил Инчин.

— Идить до крайней хаты, там живе, щоб ему повылазыло, — и бабка поспешила скрыться за сараем.

Ленивой походкой уставших людей Инчин и Хохлов бредут к хате полицая, Инчин вполголоса говорит:

— Будем надеяться, что он не из храбрых и не рискнет под вечер оставаться дома. Стой здесь, во дворе, а я прямо к двери.

Инчин постучал — не отвечают. Тогда он забарабанил сильней, Хохлов увидел, как вдруг с боковой стороны дома открылось окно и из него выскочил полицай с винтовкой в руках.

Хохлов выстрелил на вскидку, но промахнулся, полицай юркнул за угол. В тот же миг с другой стороны села длинной очередью застучал пулемет. Хохлов побежал за угол соседнего дома. Переждав минуту, Инчин постучал в окно. Показалась женская голова.

— Хто вы такий?

— Свой, а де Иван? — спрашивает Инчин, назвав первое пришедшее в голову имя.

— Та вин за сараем сховався.

«Угадал, что Иваном зовется!» — подумал Инчин. — Эх, уйти бы, только как же без продуктов… — и дружеским тоном продолжал: — Так зови его в хату! Чудаки, даром стрельбу подняли!

Жена полицая пошла за сарай, а Инчин притаился у окошка, зажав в руке гранату-лимонку. Стукнула дверь, полицай с женой вошли в хату. Рванув кольцо, Инчин бросил в окно гранату и метнулся за угол.

Ухнул взрыв: вырвало оконную раму. Совсем близко, через два-три дома затрещал автомат, к нему присоединились выстрелы из винтовки.

Перебежав улицу, Инчин постучал в дверь. Из-за сарая показалась голова Хохлова, потом и сам он, улыбающийся, с узлом в руке.

— Беда да и только, дверей не отпирают, боятся! — сказал он. — Тут тоже полицай живет, — и он показал на избу, возле которой они стояли.

— Я отучу их бояться, — говорит Инчин. Он подходит к окну, стучит и просит: — Подойди, хозяйка, не бойся!

В окне показалась женщина.

— Давай три буханки, три горшка с молоком, яиц, сала, иначе — видишь? — Инчин показал гранату.

Перепуганная полицайша подает в окно хлеб, молоко, сало — в том порядке, как было сказано.

— Вылей молоко в ведро, — приказывает Инчин.

Хозяйка исполняет. Инчин берет продукты и вместе с Хохловым бежит за сарай.

— Каким путем уходить? Где они попрятались? —

спрашивает Хохлов.

— Прямо пойдем, не заметят — уже темно, — отвечает Инчин.

Но предатель уже целится в партизан из-за укрытия. Гремит винтовочный выстрел. Из рук Хохлова падает сперва узел с продуктами, потом — винтовка; он отступает на три шага, расстегивает пояс с подсумком и тяжело опрокидывается на землю.

Инчин оставляет ведро и с самозарядкой наизготовку обегает сарай со двора. В это время полицай подошел к Хохлову, намереваясь обыскать его. Очередь из самозарядки — и полицай, выронив винтовку, опускается на колени. Из-за соседнего сарая выглянули еще два полицая, Инчин стреляет. Они бегут. Третьей очередью лейтенант добивает повисшего на заборе предателя, а сам торопится к своему другу.

— Жив? — спрашивает он, склонясь над ним.

Хохлов стонет, лицо его кривится от боли, он с трудом произносит:

— Не бросай меня…

Вдруг застучали два пулемета; трассирующие пули певуче пронеслись над крышей сарая. Закинув на спину винтовки Хохлова и полицая, Инчин поднимает раненого и несет его через огороды к лесу. Без умолку строчат пулеметы. Тяжело дыша, Инчин идет, с трудом переставляя ноги. На опушке леса он свистнул. Ему ответили двойным свистом.

— Ко мне, ребята! — кричит Инчин и через минуту передает раненого подбежавшим, а сам садится на землю и поникает головой.

— Наелись! — с болью произносит Панченко.

Они наскоро перевязывают Хохлова. Кровотечение не останавливается. В селе всё еще стреляют. Инчин и Родионов крадучись идут за оставленными на улице продуктами. Бойко пытается напоить Хохлова молоком. Раненый захлебывается, стонет.

— Ой… молоко… теперь уж отпился…

Сладив из веток носилки, положили на них Хохлова и понесли медленным, осторожным шагом. Хохлов часто просит пить. В полночь партизаны останавливаются в густом лесу на ночлег. Жаром пышет от Хохлова. В бреду он разговаривает с родными своими, наказывает им что-то, кричит и мечется.

Партизаны по очереди дежурят возле раненого, не в силах чем-либо помочь ему.

На рассвете Панченко говорит:

— Хлопцы, Хохлов помирает.

Скупая слеза поползла по небритым щекам Панченко. Он украдкой смахивает ее и долго смотрит на спокойное лицо друга, покрывающееся восковой желтизной. Штыком от немецкой винтовки партизаны поочередно копают могилу, а перед тем как опустить в нее мертвого друга, каждый поцеловал его в лоб. Панченко отвернулся и горько заплакал. Потом, спохватившись и словно прося извинения, сказал:

— Что это я…

Положили друга в яму, накрыли платком лицо, и посыпалась песчаная земля, мелко перемолотая руками боевых друзей…

Инчин дал передохнуть крохотному отряду только у железной дороги Знобь-Новгородская — Михайловский Хутор. Разостлали на земле карту, определили свое местоположение. Инчин сказал:

— Вот она — Пигаревка. Мадьярский гарнизон, полиция. Мы ее обойдем влево и заночуем в районе Лукашенкова, тут где-то должна быть речонка.

В середине ночи на севере показалось большое зарево. Вскоре такое же зарево заполыхало немного восточнее. Панченко разбудил Инчина. Проснулся и Бойко.

— Не иначе, как обе Гуты мадьяры запалили, — высказал предположение Инчин. — Выжигают подлесные села, сжимают кольцо блокады. Как ни заигрывали с населением, ничего не вышло. Вот и решили превратить в пустыню всю подлесную сторону.

Утром достигли Большой Березки. Здесь фашистские палачи совершили кровавое злодеяние: село сожгли, а жителей его всех поголовно расстреляли. Убирать трупы поручили полицаям; они побросали мертвецов в колодцы, погреба, открытые ямы.

Быстро прошли партизаны страшное место. Кругом ни души. За селом в кустах мелькнул одичавший кот.

Вконец измокшие, уставшие, партизаны перешли вброд речку Знобовку.

— Я бывал здесь в разведке, знаю эти места, — сказал Инчин. — Идем на хутор Ивотский!

Ивотский хутор встретил партизан приветливо. Разговорчивый старик и табачку дал, и медом угостил. Провожая, подробно растолковал, как идти.

— Идить оттак, прямо и прямо, выйдете на шлях. То вин и йде с Старой Гуты на Нову Гуту. Нехай вас, хлопцы, бог береже…

До самого вечера шлях Новая Гута — Старая Гута занимали мадьяры. Ранним утром партизаны пересекли шлях и вошли в лес возле Новой Гуты. Раскинувшись широким табором, в лесу спасалось население Новой Гуты, бежавшее от карателей. Смерти

избежали, но что делать в лесу с малыми детьми, с немощными стариками? Спасаясь, не успели захватить с собою самого необходимого.

Партизан встретили как родных, накормили, дали на дорогу продуктов.

К исходу дня путники достигли хутора Ильинского и здесь нашли Фомича.

Распоров подкладку куртки, Бойко вынул оттуда узкие ленты с зашифрованными директивами ЦК КП(б)У. Он передал Фомичу, что Никита Сергеевич очень интересуется деятельностью коммунистов подполья и жизнью населения, а также военно-политической обстановкой в оккупированных районах Украины, что товарища Хрущева крайне беспокоит тяжелое положение сумских партизан, создавшееся в результате блокады Брянских лесов войсками противника, и что партизанам в ближайшее время будет оказана серьезная помощь.

Инчин передал Фомичу наше девятое донесение.

Глава XIX
„СЛОВЕН РУССА НЕ УБИЕТ“

Утром 28 июля над Хинельским лесом появился «Фокке-Вульф» — самолет «рама». Покружив на большой высоте, самолет выбросил из обоих своих фюзеляжей серебристое облако и сразу же удалился.

— Почта, хлопцы! Воздушная почта! — объявил Сачко, следивший в бинокль за самолетом, — Готовьтесь письма диплом этические читать! Ультиматум от самого Гитлера!

Между тем серебристое облако раздвинулось, обложило весь массив Хинельского леса и уже невооруженным глазом было видно, как, трепеща и кружась в воздухе, спускались на землю тысячи бумажных листочков.

Это были фашистские листовки. Противник хотел поразить наше воображение «знанием» быта советских людей, но все труды его оказались напрасными.

Ромашкин быстро, на глаз подсчитал количество сброшенной фашистской чепухи.

— На каждого из нас приходится не менее тысячи листовок, — сказал он столпившимся партизанам.

— И мильйон не подействует, — заметил Артем Гусаков, раздувая костер. — Ух, и жарко гореть будут!

На этот раз листовки оказались с иллюстрациями, они поразили партизан наивностью и предельно-глупым своим содержанием.

На каждом листке было шесть рисунков и над ними заголовок:

Судьба Ивана

Первый рисунок изображал худого, обросшего волосами, босого человека с винтовкой в руках. Он сидит под сухим деревом, съежившись, глаза его пугливо расширены, под рисунком надпись:

> «Партизан Иван, скрывающийся в лесу, в вечном страхе».

Рядом другой рисунок: ветхая, с провалившейся крышей хата

объята племенем, перед нею стоит изможденная женщина с младенцем на руках, рядом с нею — истощенный, оборванный подросток. Они плачут.

Надпись поясняет:

«Его семья страдает…»

На третьем рисунке изображен кудрявый дуб, на суку которого повешен Иван… На него смотрят немецкие солдаты в шлемах, с обнаженными штыками.

Надпись гласит:

«Однажды судьба Ивана свершилась — банда раскрыта».

В нижней половине листа, под жирной чертой, нарисован Василь. Он пашет плугом землю. Волы у Василя большие, сильные. Сам Василь круглый, в вышитой сорочке, с широким ярким поясом, лицо румяное, с большими висячими усами.

«Василь обрабатывает землю…»

А вот Василь в своей уютной хате. За столом сидит чисто вымытый карапуз, перед ним букварь. Ярко светит Керосиновая лампа.

Это Василь «по вечерам обучает сына грамоте…» На последнем рисунке показано хозяйство Василя: исправный дом с размалеванными ставнями, с флюгером-петухом. Во дворе — кони, коровы, жирные свиньи, породистые куры, индюки… От колодца идет к дому молодая женщина с коромыслом, она — беременная.

Надпись заверяет, что «дома все в порядке…»

Вдоль нижнего края листовки большими буквами набрана вопрошающая надпись:

«Г д е ж е п р а в д а?»

— Ишь ты, чем купить захотели! — говорили партизаны, рассматривая листовку. — Керосиновой лампой после электрической!..

— И волами после трактора!

Между тем разведка донесла, что повсюду вокруг Хинельских лесов появились войска противника с артиллерией и бронемашинами.

Заняв все села вблизи леса, противник сразу же приступил к окопным работам, которые прекращены были только вечером.

Глядя с опушки на Хинель и Хвощевку, Анисименко сказал:

— Научились уважать нас фашистские генералы. Осторожней стали. Только к чему бы это они окапываются повсюду? Неужели собираются блокировать нашу группу такой силой?

— Должно быть, фронт приближается… — мечтательно произнес один из молодых партизан. — Скоро наши придут сюда…

Но фронт стоял далеко под Орлом, Курском, а дальше линия его уходила — страшно выговорить — к Сталинграду, к Волге.

«Неужели, — думалось мне, — Гитлер еще не израсходовал своих резервов, если снова дивизии действуют против горсти партизан?»

Вечером всё разъяснилось. Прибежавшие в лес подростки и женщины сообщили, что немецкие солдаты говорят, будто бы партизан в Хинельском лесу тринадцать тысяч.

По другим сведениям выходило, что вокруг нас накапливаются подневольные славяне и сербы, и эта дивизия насчитывает 25 000 солдат, что полками командуют немецкие офицеры, что командир дивизии — немецкий генерал.

Почуяв надвинувшуюся на Хинель грозу, возвратились отпускники. Они докладывали, что районные коменданты обратились к населению с требованием не выходить из сел в течение пяти суток, так как войсками будет проводиться облава на партизан, и каждый, кто будет обнаружен в лесу или в поле, будет считаться партизаном.

С подчеркнутой вежливостью на этот раз держались немецкие офицеры: они разъясняли местным жителям, что войска присланы для восстановления порядка и в интересах самого же населения.

— Мы ликвидируем в лесу партизан и дадим вам возможность мирно трудиться и убрать богатый урожай с поля. Мы обоюдно заинтересованы в этом: вы соберете урожай, мы — скорее кончим войну, — говорили фашисты, раздавая листовки о хозяйственном Василе и скрывающемся в лесу Иване.

Обсудив с командирами создавшееся положение, мы решили «исчезнуть», уклониться от боев с частями дивизии и вообще не подавать каких-либо признаков жизни.

План «исчезновения» предполагал: укрыть отряд в самой глухой, непролазной заросли леса; пушку, миномет, снаряды — утопить а лесном водоеме и в болоте; всё лишнее спрятать, и на опушках, на стрелках лесных дорог держать конные наблюдательные посты, чтобы следить за каждым шагом противника.

Приняв этот план к исполнению, отряд расположился в наиболее одичавшем, глухом месте леса — на стыке 34—35-го

кварталов.

Спать не пришлось. Работали круглые сутки. Прежде всего построили круговую оборону, окопались. Затем каждый взвод получил одну из основных дорог, пересекающих лес, где и делал основательные завалы.

Конники Гусакова, разбившись натрое, дежурили на лесных опушках, каждые два часа докладывая о противнике. Ромашкин со своей командой расставлял перед завалами мины, вместе со мной и двумя артиллеристами прятал орудия в водоем, находившийся в середине леса у квартальной линии. Поросший густым кустарником и прикрытый ветвями крушины и дуба, водоем этот не заметил бы самый зоркий глаз. Только примятая трава на дороге да колесные следы пушки могли как-то привлечь внимание посторонних, но и здесь выручила нас хитроумная догадка: Ромашкин дважды прокатил пушку вокруг квартального участка, — на земле, таким образом, остались встречные следы подков и колес, и даже следопыт не смог бы определить, куда именно увезено орудие.

Заметя следы и подняв примятую траву на краю водоема, мы удалились, вверив свою тайну лесу.

Примерно так же был спрятан Юферовым и его полковой миномет.

Со снарядами и минами было значительно проще: их закопали в приметном месте, замаскировав молодой посадкой и валежником.

Хозяйственную часть дела вел Артем Гусаков. С присущей колхозному завхозу изворотливостью, он действовал решительно и быстро.

— Так что, товарищ капитан, хозяйственная часть исправна, — докладывал он, — лошади привязаны в глухом осиннике, а туда не то что человеку — зверю дикому не добраться! И трава для них накошена! Повозки в другом месте, их тоже никто не сыщет!

— Ну, а продовольствие? — спросили Гусакова.

— Сухари и хлеб на деревьях, сало и запасы муки утопил в Ивотке — никому не придет в голову искать там, — ответил Гусаков. — Бидоны с медом закопали в землю. Коровы тоже в надежное место поставлены. Так что, — заключил Артем, — голодным никто не будет!

Никифоровну, Аню и остальных девчат Артем поставил у костров. Они жарили и сушили мясо — бойцы должны были получить на руки трехдневный паек.

— Проживем! Теперь не зима, — заверял Артем, — в такой зелени, да чтоб нас кто-то нашел!.. Ни за что не найдут! Головой

ручаюсь!

Вечером приехал командир севцев Коновалов. Мы договорились с ним, что он также сделает лесные завалы и укроет свой отряд по ту сторону Ивотки.

Отряд Коновалова значительно окреп и день ото дня увеличивался численно. Как и Хохлов в свое время, Коновалов действовал с отрядом на северных опушках леса, ведя разведку в Севске, в Середино-Буде и поддерживая связь с Суземкой.

Коновалов сообщил, что за последние десять дней его разведчикам не удалось проникнуть в Суземку, а потому он не знает, что и как там. На севере всюду пожары, слышна усиленная артиллерийская стрельба, и поэтому можно лишь предполагать, что Брянская армия продолжает обороняться.

Коновалов уехал к себе, в северную часть леса. Я провожал его до Ивотки, которая делит Хинельский лес на две равные части.

Большой дубовый пень на берегу речушки мы сделали своим секретным почтовым ящиком. В том случае, если бы открытая связь между нами оказалась невозможной, я и Коновалов должны были оставлять свои письма под этим пеньком.

Утром на притихший лес началось наступление. Войска продвигались с чрезвычайно медлительной осторожностью. На три-четыре километра, отделявшие сёла от леса, ушло у них не менее суток. Солдаты последовательно окапывались на трех рубежах. К вечеру они заняли лесные опушки и снова окопались, расположившись на ночь густыми непрерывными цепями.

Ту же процедуру наступления выполняли войска и на северных опушках леса.

Вдоль дороги с лесокомбината на Подывотье их цепи отсекли Хинельский лес от Неплюевских массивов. Образовался завязанный мешок. Прочёска должна была подсказать командиру дивизии, где именно мы прячемся. Он, конечно, рассчитывал, что мы обнаружим себя стрельбой, и тогда ему останется стянуть войска к месту боя и покончить с нами одним ударом.

Но мы твердо решили не покидать леса в любых обстоятельствах, веря в его спасительную чащобу, где даже просеки и дорожки были надежно затянуты и перепутаны побегами ольхи, березы и высоким травостоем. В таком лесу противник легко может не заметить притаившихся пеших партизан даже и в десятке метров. Но и обнаружив их, цепочка солдат не смогла бы сдержать отряда, который в таком случае введет в действие всю свою огневую мощь и прорубится сквозь любое окружение. Кроме того, мы могли драться с противником врукопашную и от нас зависело создать превосходство в силах и

средствах в любом избранном месте.

Прорвавшись, отряд неминуемо уйдет, так как партизанам нет надобности поддерживать равнение и взаимодействие с соседом, без чего не может обойтись противник. И, наконец, уходя от преследования в лесу, мы опять-таки пользовались бы одинаковыми средствами передвижения — ногами. Но и тут преимущество было на нашей стороне: уходя, мы спасали себя, а каждый солдат знает, что неотступное преследование грозит ему смертью.

Все эти рассуждения наши и тактические доводы являлись объектом политработы, которую проводил мой комиссар в подразделениях.

— Соображайте сами, — говорил Анисименко, беседуя с бойцами. — Вот, скажем, появился этакий горемычный солдат перед тобой. И всего в каких-то двух-трех метрах. Кто раньше выстрелит? Ты, конечно! Вот то-то! Ну, а там дружный удар товарищей! Ищи, свищи, — куда мы денемся! Но главное — выдержка. Никаких панических или случайных выстрелов, ни кашля, ни хруста, ни шепота! И от командира своего — никуда! Помни, — он иголка, а ты нитка. Ясно?

Такая же инструкция дана была и наблюдателям.

Они без стрельбы должны были постепенно отходить к отряду, следя за продвижением противника, не спуская с него глаз и все время донося об обстановке лично мне или комиссару.

Утром 30 июля началась стрельба вдоль всех опушек. Были пущены в дело все огневые средства пехоты. Налет продолжался около получаса. Затем офицеры подняли крепко прижатых к земле солдат и двинули их боевыми цепями в лесную чащу. С нашей стороны не последовало ни одного выстрела. Невидимые противнику наблюдатели, держа коней в укрытии, незаметно перебегали с места на место.

Сначала боевые цепи противника шли по всем правилам прочески, простреливая из пулеметов и автоматов каждый куст и продвигаясь вперед развернутым фронтом, соблюдая равнение и поддерживая между взводами и ротами зрительную связь. Но углубившись в лес, солдаты начали сбиваться в разные стороны, между подразделениями образовались разрывы. Сохранять равнение по фронту оказалось невозможно: лес лишал их необходимого в таких случаях обзора. Стройность боевых цепей ломалась. Солдаты поминутно теряли направление; одни вырывались вперед, другие отставали, третьи натыкались на своих же.

Вскоре в одном из подразделений противника возникла перестрелка, и туда повернули соседние боевые цепи.

Засуетились пешие связные, заметались разбежавшиеся, началось самоокружение, оно закончилось боем вслепую, который продолжался более часа.

Разобравшись в обстановке, офицеры убедились в невозможности управлять в темном лесу своими солдатами при движении развернутой цепью. Более того, офицеры, естественно, боялись, что при стычке с партизанами солдаты неминуемо разбегутся в разные стороны и оставят своих командиров беззащитными.

В середине дня измотанных солдат построили в колонны по два и повели вдоль просек и квартальных линий, оставляя лесные кварталы непрочесанными.

К вечеру войска прошли весь Хинельский лес, нигде не столкнувшись с партизанами, задерживаясь лишь для того, чтобы обезвредить или растащить завалы.

В одном месте рота наткнулась на наш зазевавшийся наблюдательный пост. Трое партизан бросились наутек, оставив лошадей привязанными к дереву, но солдаты не преследовали беглецов, они даже и не стреляли; смеясь, глядели вслед убегающим и выкрикивали:

— Стой, русс, не бойсь: покидаем сбрань, пшиски словены: шваба нет[4]. Мы — словены все — матка-Русь!

Солдаты даже не взяли оставленных коней с седлами и не подорвали обезвреженной ими мины.

Как узнали мы на следующий день, сербская дивизия была отозвана с фронта для борьбы с партизанами. Но сербские солдаты не имели ни малейшего желания драться с русскими и сделали все, чтобы дать нам возможность уйти из лесу, даже не замечая в нем нашего присутствия.

Проводниками у сербов были полицаи. Но вот что сделали сербы: в Неплюевских лесах и под Севском они прикончили трех начальников полиции, ссылаясь на то, что в лесах не оказалось ни одного партизана.

— Вы нас обманули, — сказали сербы и, расстреляв начальников, обезоружили рядовых полицаев, высекли их шомполами и прогнали.

После Хинельских лесов дивизия прочесывала Червонный, Глуховский и Хомутовский районы. Были обысканы поля, кустарники и хуторские поселки, но, как узнали мы впоследствии, сербы не нашли ни одного партизана, а жителям не причинили ни зла, ни ущерба.

— Не бойсь, ненько, — дедину[5] палить не будем, — говорили сербы, — мы — словены. Идем до дому. Скоро придет матка-Русь. Швабы будут побиты! Словены не пойдут воевать

Русь-матку! Словен русса не убиет!

Когда батальонная колонна проходила через Барановку, тетка Сергея Пузанова опознала в одном из прикрепленных к сербам проводников провокатора Плехотина. Войдя в Барановку, он заявил унтеру:

— Это бандитское село, — его сжечь надо!

В ответ на это унтер ударил Плехотина палкой по голове и толкнул к солдатам, которые прогнали Плехотина сквозь строй: он шел по «зеленой улице», и каждый солдат наградил его яростным пинком или оплеухами.

Дивизия ушла на юг, потом повернула на восток. Наши конные разъезды провожали сербские части до Эсмани. Их донесения о действиях и настроениях солдат сводились, в сущности, к тому, что «словен русского не убьет. Швабы будут побиты, Русь-матка в скором времени освободит Европу».

Невзирая на прорыв нашего фронта на юго-западном направлении и выход немецких войск к Сталинграду, славяне верили в несокрушимую мощь России, ждали того часа, когда она освободит народы Европы от фашистской тирании, когда русский богатырь — солдат социалистического государства — установит на земле мир всем и всяким народам.

Как только почтовый самолет сбросил свои вымпелы над селами и войска построились в походные колонны, наш отряд вновь разместился на южной опушке леса. Туча, сгустившаяся было над Хинельскими лесами, пронеслась мимо. Отряд с честью выдержал еще одно испытание на крепость нервов, на дисциплину и мужество. Не выдержал только один — боец из взвода Сачко по фамилии Клепинский: он перебежал к противнику еще до начала прочёски. Предположив неизбежную гибель всего отряда, он решил сохранить свою жизнь ценою предательства.

Жители села Хинели видели, как Клепинский водил за собой гестаповцев, показывая им те дома, в которых жили семьи партизан, сельского актива и коммунистов.

Талахадзе и Пузанов въезжали в Хинель в тот момент, когда последняя колонна противника еще шагала по улице села. Тут-то и был пойман Клепинский. Двое суток сидел он под арестом, умоляя о пощаде и добиваясь приема у командования. На третий день Клепинского привели к нам на допрос.

Предатель был уже немолод и по возрасту и по партизанскому стажу; по своим годам он вполне мог быть отцом почти каждого партизана.

— Что заставило вас перебежать к врагу? — спросил Анисименко.

Предатель, рыдая, упал нам в ноги.

— Встать! — сказал я строго.

Клепинский вскочил, вытянулся.

— Ты пришел просить о пощаде? — спросил Анисименко. — Лучше ответь-ка нам, как следует поступить с тобой по партизанской присяге?

Анисименко достал текст присяги, подчеркнул красным карандашом последние слова ее и подал Клепинскому.

— Читай вслух, громче читай!

Вытянувшись по-военному и глубоко вздохнув, Клепинский срывающимся голосом прочел:

> *…«Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы своего народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».*

Листок выпал из рук Клепинского. Толпившиеся вокруг нас партизаны стояли суровые, молчаливые. Никто не питал к предателю ни жалости, ни снисхождения.

— Что скажешь? — спросил я после долгой, тяжелой паузы.

— Подлец я… Предатель… Простите!

— Мы простим — товарищи не простят. Товарищи пожалеют — народ не пожалеет и не простит! Родина не простит! — проговорил Анисименко.

— Скажи сам, Клепинский, — обратился к нему я, — какого наказания заслужил ты своим подлым поступком?

— Расстрела… — ответил он, едва шевеля губами.

— Прими это как должное, — сказал я. — Предателю Родины нет помилования.

Клепинского увели копать яму. Я вызвал Сачко и людей того стрелкового отделения, в котором состоял Клепинский: они должны были исполнить волю отряда.

…Перед вечером весь отряд выстроился в две шеренги на поляне. Шагах в двадцати перед фронтом, спиной к отряду стояло отделение Сачко. На краю ямы, лицом к партизанам, стоял Клепинский.

Я подал знак. Сачко вынул из кобуры пистолет и, приподняв его, скомандовал:

— По изменнику Родины, заряжай!

Винтовки вскинулись; хрустнули затворы; двенадцать стволов уставились в грудь предателя. Двести шестьдесят пар глаз неотрывно смотрели в одну точку.

— Огонь! — громко скомандовал Сачко и выстрелил.

Одновременно грянул сухой залп из винтовок.

Клепинский рухнул в яму.

Я повернул отряд направо, привел к биваку и распустил всех на ужин. Но никто не приступал к еде. Пеплом покрывались потухающие под ведрами с супом угли.

Тихие сумерки наползали на наш лагерь, близилась ночь. Люди молчали, стараясь не глядеть в глаза друг другу, и лагерь, обычно живой и бодрый, выглядел на этот раз подавленно-удрученным. Кто-то из девушек пожалел казненного: все-таки свой был…

— Нужно разрядить это похоронное настроение, — сказал я Анисименко. И он и я понимали, что расстрел перед строем глубоко потряс каждого, хотя никто не сомневался, что жестокий приговор справедлив.

Требовалась немедленная физическая встряска отряду или такие слова, которые были бы авторитетны для каждого и еще раз подтвердили бы необходимость поступить так, как было сделано…

— Сын предал мать-Родину, изменил долгу и чести… — как бы про себя говорил Анисименко. — Постой, постой! — оживился он. — Откуда? Чьи это слова, капитан?

«Я тебя породил, я…» — припомнилось мне.

— Гоголь! — воскликнул Анисименко, — он, родной наш Гоголь! Ганна! — окликнул он Аню, — подай сюда сумку лейтенанта!

Аня хранила при себе сумку Инчина и вела в его отсутствие дневник отряда. В сумке Инчин всегда носил три любимые им книги: описание походов Суворова, «Тараса Бульбу» и драмы Пушкина.

— Ну вот! — поспешно листал Анисименко сильно потрепанную книгу. — Ко мне зовите всех! И хворосту в огонь побольше!

К костру один за другим подходили партизаны, молча усаживались в кружок, Анисименко искал в книге нужные ему страницы.

Пламя костра взвилось, освещая загорелые лица партизан, закрутилось, треща опаленным деревом.

Анисименко коротко рассказал содержанке гоголевской повести, а затем приступил к чтению той сцены, где старый Бульба лицом к лицу стоит со своим сыном Андрием, совершившим самое страшное преступление, какое только есть на свете, — предательство по отношению к своей Родине, измену ей.

— «Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи», — медленно и четко прочел Анисименко, обводя взглядом слушателей.

— «Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью, — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье…»

Анисименко поднял голову, пальцем прижал то место в книге, на котором остановился, и сказал, обращаясь к слушателям:

— Сто лет назад написана эта книга, товарищи… Три века назад жил и боролся с врагами родины гоголевский Бульба с сынами… Слушайте дальше:

— «Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова…»

— Родного сына убил! — воскликнул Баранников, ударяя шашкой о землю.

— И правильно сделал, — негромко заметил Петро и попросил не перебивать чтения.

Прочитав строк десять, Анисименко остановился и сказал:

— Мы подлого труса и предателя расстреляли… А вот Гоголь рассказывает нам, как за измену родине отец сына своего убил! И мускулом не дрогнул!

— «Батько, что ты сделал?» — читал дальше Анисименко.

— «Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

— Я, сынку, — сказал Тарас, кивнувши головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не

поругались бы над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас, — сказал Тарас: — будут у него плакальщики и утешницы».

— Понимаю! — себе самому сказал Баранников. — Родина Тарасу дороже сына была…

Долго читал комиссар Гоголя, и никто не ушел до тех пор, пока он сам не закончил чтения на том месте, где заучат над Днестром мужественные и гордые слова казачьего атамана:

«Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!..»

Партизаны разошлись, но и в шалашах, попыхивая цигарками, они еще долго повторили слова Остапа: «Батько! где ты? Слышишь ли ты?» — и отвечали себе так, как ответил сыну Тарас:

«Слышу!»

И мысли всех устремились к Москве, к великой матери, которая слышала всех и знала, сколь сурова в тяжка борьба и жизнь партизан, сражающихся за великую Советскую Родину в тылу фашистских захватчиков.

Глава XX
НОВОСТЕЙ — ВОРОХ

Миновали душные ночи июля, пронеслись золотые дни августа, пришел урожайный сентябрь, улетели на юг косяки пернатых гостей, и вдоль сизо-розовых опушек, над побуревшими полянами потянулась шелковистая паутина — признак погожей осени.

В борьбе против захватчиков и их прихвостней прошли три месяца в Хинельском лесу. Одни, отрезанные от Брянской лесной армии, без флангов и тыла вели мы свою малую войну на территории ближайших районов.

Несколько групп разведчиков, высланных нами в Брянский лес с донесением, не вернулись. Одни, как группа Пети-моряка и политрука Юхневича, трагически погибли при попытке прорваться к нам из Брянского леса, другие, как Фисюн или группа Инчина, пропали без вести…

Только зарева пожарищ да отдаленный, еле уловимый по утрам гул артиллерийской канонады говорили о том, что Брянская армия жива и не прекращает борьбы.

Разведчики Севского отряда ежедневно подсчитывали гробы в Середино-Буде и в Севске; солдаты и офицеры осадной армии, не овладев Брянскими лесами, гибли от партизанских пуль и подрывались на минах — количество березовых крестов вокруг Брянского леса продолжало увеличиваться.

Осадная армия имела еще достаточно сил для того, чтобы не пропускать к нам в Хинель связных и разведчиков. Мы продолжали действовать в отвоеванной нами полосе на свой страх и риск, руководствуясь указаниями партии и революционной совестью.

Много было проведено нами и дерзких налетов, и боевых операций, мелкими боевыми группами и всем отрядом, пока села всех четырех прилегающих к Хинельским лесам районов не были окончательно очищены от гитлеровских ставленников и самих оккупантов. Сельские и волостные управы отступили в районные центры, коменданты перешли сначала на «полулегальное» жительство, завели конспиративные квартиры в наиболее удаленных от Хинели селах, а потом вынуждены были и вовсе ретироваться в Севск или Глухов…

Четыре миллиона пудов хлеба, которые мечтал собрать гебитскомиссар Линдер в северной части «своего» округа, большое поголовье лошадей, скота, а также рабочая сила,

предназначенная для угона в Германию, — всё это осталось на месте. Последние эсэсовские отряды были угнаны из Сумской и Курской областей на фронт, под жернова сталинградской мельницы.

Пользуясь возможностью заложить в Хинельском лесу продовольственную базу, Артем Гусаков перевез с Севского шляха все бензоцистерны и бочки, заполнил их пшеницей и закопал в земляных амбарах. Сотни мешков с мукой он затопил в заводях речки Ивотки, находя, что лучшим способом предохранения муки от сырости является хранение ее на дне реки, под водою…

Первая группа выросла и окрепла. Каждый взвод реорганизован был в роту, кавалерийская группа — в эскадрон.

Снова обзавелись артиллерией, минометами, в несколько раз увеличилось число пулеметов.

Под крылом нашего отряда вырос новый, Хомутовский отряд, которым командовал житель села Доброе Поле — Шупиков. Вырос и возмужал второй Севский отряд Михаила Коновалова. В Хинельском лесу снова насчитывалось около шестисот народных мстителей, и мы с нетерпением ожидали возвращения из Брянских лесов остальных Хинельских отрядов и снова готовились к защите отвоеванного нами края.

Из данных нашей разведки и сведений, полученных от населения, мы знали, что жандармские и полицейские формирования городов Глухова, Рыльска, Севска и Ямполя готовят соединенными силами карательную экспедицию на Хинель. Тысячный отряд противника формировался в Глухове.

Наша конная разведка неусыпно следила за этой силой. Петро Гусаков сообщил, что передовой отряд карателей, проследовав через Эсмань, занял село Муравейная. Разграбить, а потом сжечь большие села Хинель и Хвощевку, расправиться с семьями партизан в Барановке и в других селах — вот о чем мечтали собравшиеся головорезы.

Муравейная — небольшое село, расположенное в степной балке. В нем нет ни одного каменного здания, ни церкви, ни каких-либо других сооружений, на которые могла бы опереться оборона противника. Позиция во всех отношениях никудышная. Только военной безграмотностью начальника этой карательной экспедиции можно было объяснить, почему исходным положением для похода на Хинель противник избрал это место.

— Другого случая истребить этих мерзавцев нам ждать нечего! — сказал я своему комиссару после оценки полученных сведений. Анисименко, знавший местность лучше меня, был того же мнения.

— Только бы не ушли они, прежде чем успеем ударить! —

высказал опасение комиссар. — А что, если сегодня же ночью напасть на них?

— Так они же не все пришли, — возразил Петро. — Нехай все эти обшарпанцы в Муравейной сберутся!

— Дело! Пусть собираются. Только как бы нам не спугнуть их?

— Да это мы зробим! — заверил Петро. — Надо чтобы они думали, будто мы в Брянский лес ушли…

Предложение Гусакова было, как всегда, дельным. Обсудив детали, мы приняли такой план действий: ночью окружить карательный отряд, под утро обрушиться на него всей мощью артиллерийского огня, выгнать в поле и там дать разгуляться нашим кавалеристам.

Во второй половине дня мы затаились в небольшой лесной балке вблизи винокуренного завода. Никто, кроме нескольких разведчиков, не должен был отлучаться за линию часовых, окружавших нашу стоянку.

Отряд стоял тихим биваком, в полной боевой готовности. В центре котловины размещался эскадрон Русакова. Кони — под седлами, подпруги и трензеля опущены, стремена закинуты наверх. На косогоре дымилось несколько очагов: в подвешенных ведрах готовился обед.

День выдался сухой, ясный.

Кавалеристы, чистя оружие и ремонтируя сбрую, раскуривали самокрутки, обсуждая последние новости.

— В Глухове опять было совещание бургомистров и старост, — говорит Пузанов, — установку дали: борьбу с партизанами вести только силами полиции, а немцев да мадьяр — всех на фронт…

— Брехня! — возразил Карманов, — Одна полиция с нами не справится.

— А что? Гитлер, может быть, уже всех немцев израсходовал. Ведь столько времени под Сталинградом они толкутся! Надо же кого-то перемалывать там! — поддержал Пузанова Троицкий.

— То-то! Говорят, полицаи да жандармы десяти районов в Эсмани собрались. Может, опять на нас собираются? — спросил своих друзей Толстыкин.

— Не «может быть», а определенно на Хинель идут! — подтвердил Пузанов.

— Ну и сказал! На Хинель! Кишка тонка! — пренебрежительно заявил Мишка Карманов.

— Спросите у Ромки! Говорили нам барановские бабы: приехала это вчера ихняя разведка в Барановку…

— Ну? Соврал! Не посметь им в Барановку! — перебил

Пузанов.

— Не то чтобы в самую Барановку, а так, в Барановский хутор… Вершники заехали, — поправился Карманов, — они там по хатам шарить начали. Кожухи да самовары у баб позабирали. Один глуховский полицай спрашивал: «И что у них там за Хинель? Верно, добра в ней всякого тьма… Хоть бы, дескать, глазом одним повидать…»

— Ишь, шелудивый! Хинель ему захотелось пограбить!

— А Плехотин, так этот из кожи лезет. Всю сволочь на Хинель тянет, бабы ревут…

Гусаков, потряхивая каштановым чубом, усердно точил лезвие сабли, натирал ее диким камнем. Уголки его губ чуть подрагивали, сдерживая хитрую улыбку.

На соседней полянке человек тридцать артиллеристов тянули две толстые веревки. Лейтенант Ромашкин стоял возле полковой пушки и, покачивая поднятой рукой, командовал:

— Раз, два, тяни! Раз, два, еще! Раз, два, сильно!

Канаты натягивались, как струны, и пели. Артиллеристы, напружинившись, оттягивали тело орудия. Шла заправка противооткатных цилиндров веретенным маслом:

— Стой! Так держать? Заливай! Заканчивай! Теперь опускайте, — распоряжался Ромашкин. Потом нагибался к салазкам орудия, проверял острым своим глазом работу артиллеристов.

— Плохо! Слабит компрессия!

— Накат неважный, товарищ капитан, — под большим углом возвышения и противотанковыми стрелять нельзя. Ствол не удержится… Сорвется!

— Ничего! Дальней стрельбы не требуется. Готовьте для работы шрапнелью, а противотанковую попросим у севцев. Они прикроют нас на случай, если покажутся броневики или танкетки, — сказал я артиллеристам, — главное теперь, чтоб шрапнель без отказа действовала. Попробуйте-ка на картечь!

По лесу раскатился гулкий выстрел, покрывший собой хлопок и чавкающий свист шрапнели. Стакан снаряда с воем воткнулся в отдаленную сосну. Отскочивший в заднее положение ствол медленно накатился.

«До красной линии не дошел», — отметил я про себя и сказал артиллеристам:

— Стрелять можно!

Появился встревоженный Анисименко.

— Как же с маскировкой, товарищ капитан? Ведь нас теперь за десять километров слышно!

— Ничего, Иван Евграфович, — пусть думают, что мина

подорвалась. А стрелять больше не станем. Зато на душе спокойнее, когда орудие испробовано.

Мы сидим в глухой балке уже третьи сутки. Несколько партизан во главе с Романом Астаховым распространяют по моему заданию слухи о том, что отряд ушел в Брянские леса.

— Все ушли, только больные и раненые в лесу, мы за ними досматриваем, — говорят они жителям окрестных сел и вместе с бабами ругают меня и Анисименко «за трусость»…

Хинель, Хвощевка, Барановка живут в тревоге, ожидая расправы. Каратели обнаглели. Собравшись робко под Глуховом и Севском, они теперь уже стоят в пятнадцати километрах от леса. Сегодня все их силы скопились в Муравейной. По всему видно, что будут ночевать, а наутро выступят на Хинель.

— Вот когда, — вслух мечтаю я с Анисименко, — можно будет расквитаться с ними за все и собрать богатое вооружение…

Нас лихорадило от нетерпения начать поскорее разгром этого многочисленного сброда. Мы думали: «Неужели они уйдут обратно, не останутся вблизи Хинели?..»

Нужно было притупить их бдительность, дать им возможность побывать в партизанских селах — даже в Барановке.

«Пусть бесчинствуют еще сутки, пусть пьянствуют и гуляют, — за все ответят сторицею!» — думали мы, беспокоясь об одном, а именно: останутся ли каратели на ночь в Муравейной? Останутся? В таком случае мы налетим на них всей силой. Кавалеристы зайдут в тыл, сделав обходный маневр на полсотни километров, и к утру остановятся под Фотевижем. Артгруппа займет позиции у барановского ветряка, который значится на карте, и это позволит определить огневую позицию и дистанцию с точностью до пятидесяти метров. С восходом солнца батарея откроет огонь по штабу карателей. Здание шкоды виднеется с ветряка на расстоянии менее трех тысяч метров. Две роты зажмут Муравейную в клещи, третья ударит в лоб, артиллерия накроет сверху. Застигнутый врасплох, лишенный укрепления, противник будет отступать вдоль шляха в сторону Эсмани и Глухова, Но там в засаде кавалеристы.

С нетерпением ждали мы вечерних сообщений о поведении противника. Сидя с комиссаром возле костра, я не знал, чем бы еще заняться: за трое суток все было рассчитано до мелочей. Время приближалось к обеду, оружие приведено в порядок. Патроны и снаряды осмотрены, боевой обоз подготовлен, артиллеристы ушли к своим очагам, Снова в нашем лагере тихо.

— Обидать, хлопцы!

— Собирайся на обед!

— Часовых смените! — слышалось то тут, то там.

Но вот где-то совсем рядом раздается громкий, радостный голос:

— Хо-хо! Привет из дому, братишки! От Брянской армии!

— Эрзя!

— Анатолий!

— Он, злючий мордвин, он, чертяку ему в боки!

— Откуда?

— Что там? Как наши? — послышались голоса из котловины.

Раздвигая кусты рыжего дубняка, появился Инчин в клеенчатом немецком плаще нараспашку. С ним Родионов и еще десятка полтора человек.

— Автоматы где взяли?

— Смотрите, они с автоматами! Новенькие! Наши, русские!

— Дай! Дай, посмотрим! Подержаться дай! — кинулись партизаны к Инчину, стиснув его со всех сторон, здоровались, передавали автоматы из рук в руки.

— Что за чудо, лейтенант?

— Как раздобыли?

— Наши, советские?

Инчин отвечал всем сразу.

— Автоматы наши, отечественные! У орловцев аэропорт в Смелиже! У них там прямое сообщение самолетами: Москва — Смелиж! Каждую ночь по десять самолетов садится!

— Ух, ты! Врешь?

— Во, заправил!

— Да ты серьезно?

— Смотри сам: автоматы-то новые? — выручал Инчина Родионов.

— А почему не указано, на каком заводе сделаны? — придирался подоспевший Кулькин.

— Э, брат, их не на заводе выделывают…

— А где же?

— Да что там! — важничал с видом знатока Родионов. — Московские девчата все равно что пирожки выпекают, — ножкой нажмет — пол-автомата готово!

— От то ж, дивчата!

— А брехать, однако, здоров ты! — заметил Родионову Козеха.

— Да что там брехать: неделю назад сделаны: гляди, сорок второго года выпуска и краской еще пахнет.

— Вот это да!

— Эх! Нам бы одну такую москвичку!

— Не москвичку, а автоматов побольше! — гудели другие.

Автоматчики наперебой рассказывали собравшимся вокруг

них партизанам брянские новости.

— Не в этом дело, хлопцы! — проговорил Инчин, стараясь завладеть вниманием. — Слушай! Новостей — ворох!

Он выждал, пока все затихнут, и произнес:

— Наши ватажки в Кремле побывали, все руководство партии и правительство их приняло!

— В Москве?

— Кто? Когда? Как? — вырвалось у партизан.

— Докладывай толком да без брехни! — потребовал Козеха. Инчин повел рукой.

— Да, в самом ЦК партии побывали наши старшие товарищи! — повторил он, широким жестом приглашая собравшихся сесть. — Дед Ковпак, Кошелев, Гудзенко, Покровский, Сабуров — все были в Кремле, у Сталина были, и теперь уже возвратились в лес. Члены правительства и Политбюро беседовали с партизанами не один час. Обо всем расспрашивали, интересовались, как вооружены мы, чем питаемся, как обуты, одеты, много ли фрицев на тот свет отправили. Словом, всем — вплоть до того, что курим и пьем ли горилку.

— Он як!

— А ты как думал? Там наше положение понимают…

— Знают, о чем спрашивать!

— Командующим партизанской армией назначен Климент Ефремович Ворошилов. Сказал — как тысяч тридцать нас в Брянских лесах соберется, сам приедет руководить нами… Обещали большую помощь. На первый случай автоматов штук тысячу дали! И привет вам, партизанам и партизанкам, шлют!

Инчин вытянулся и крикнул полным голосом:

— Привет от самого правительства и от партии принимайте, товарищи партизаны!

Раздался взрыв аплодисментов, крики «ура!». Все вскочили, вскинули над головами оружие, кто-то приплясывал, летели в воздух шапки… Бросив обед, в котловину бежали со всех сторон партизаны других подразделений. Возбужденная ликующая толпа шумела, смеялась, бурлила, забыв, что находится на особо конспиративном положении.

— Тише, тише, товарищи! Прекратите шум! — спохватился дежуривший по отряду Лесненко, но его не слушали.

Прошло еще несколько минут, прежде чем водворился порядок, и Инчин уже более спокойно сообщил партизанам, что Ковпаку и Сабурову присвоено звание Героя Советского Союза, Гудзенко получил орден Ленина и звание подполковника. Покровский и Кошелев награждены «Красным Знаменем», обоим

звание майора присвоено.

— А вас, товарищ капитан, — сказал мне Инчин, — на майора представили! Утверждение не за горами.

И спросил у присутствующих:

— Ведь сто́ит, хлопцы?

— Сто́ит! — громыхнула поляна.

— Поздравляем, товарищ капитан, поздравляем!

Партизаны аплодировали.

— Пакет вчера получил — и вот вручаю в полной сохранности, — Инчин протянул мне небольшой запечатанный конверт.

— Вчера? — переспросил Анисименко. — Да как же вы шли, какой дорогой?

— Прямо через Чуйковку, товарищ комиссар! Партизанские стёжки прямей стали! — смеясь, отвечал Инчин. — Ночью Чуйковку на таран взяли! Из автоматов в упор ударили — и через все село с триумфом прошли, — собака не тявкнула. Противник даже пулеметы нам оставил. Замучились: два станкача на себе тащили. А вот и остальная почта…

Он высыпал из мешка газеты, листовки, обращения.

Истомленный зноем путник не так бросается к роднику, как мы набросились на газеты… «Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Известия»… Целых три месяца не бывала в наших руках советская газета!

Грязные листки, выпускаемые фашистской прессой для населения оккупированных районов, наполнены были провокацией, клеветой, глупостью, бессовестным обманом. Никто из нас не мог без отвращения прочесть и строчки в этих листках.

И вот перед нами наши газеты! Мы слышим голос большевистской партии! Голос нашей печати! Газеты свежие. Передовицы зовут советский народ к героизму на фронте, в забое, в цехе, на колхозном поле. «Всё для фронта, все для победы над гитлеровскими захватчиками!» Колхозники вносят пожертвования на танковые колонны, на самолеты.

Мы рассматриваем фото забойщика — комсомолки Леоновой. Бывшая продавщица магазина, стройная и красивая, она стоит с гордо вскинутой головой, держа отбойный молоток, будто пулемет, на маленьком плече, за ней, как батарея за артиллеристом, — копер шахты. На другом фото — девушка в серой шинели — это фельдшер Клавдия Лыткина: она спасла шестьсот раненых!

Я слушал лейтенанта Инчина и одновременно читал. Рябило в глазах. Со страниц газет кричали огненные призывы:

«Смерть убийцам!»

«Отстоим волжскую твердыню!»

«Бей врага везде, где найдешь его!»

«Отстоим Кавказ!»

«Раздувайте пламя всенародного партизанского движения!»

Газеты мигом разлетелись по ротам и взводам. Все забыли про обед, Рассматривали и читали про себя, читали вслух. Многие просили оторвать половину, четвертку, чтобы самим поскорее прочесть о жизни на Большой земле.

Читали от «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» до номеров телефонов на последней странице. Среди газет нашлась и брошюра с первомайским приказом Народного Комиссара Обороны. С глубоким вниманием и радостью читали мы слова товарища Сталина:

«…Отечественная война вступила в новый период, — период освобождения советских земель от гитлеровской нечисти… Красная Армия стала организованнее и сильнее, ее офицерские кадры закалились а боях, а её генералы стали опытнее и прозорливее… Бойцы стали злее и беспощаднее. Они научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души».

«…Мы можем и должны бить и впредь немецко-фашистских захватчиков до полного их истребления, до полного освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Анисименко сделал паузу, посмотрел сияющими глазами в суровые лица партизан.

— Можем! Можем! — подтвердили партизаны.

— И будем бить! — твердо заявил Козеха.

— А что же про нас в приказе сказано? — спросил Петро.

— Не спеши, по порядку! Верховный Главнокомандующий нам первое место после армии отводит. Вот, слушай, как тут сказано:

«Партизанам и партизанкам — усилить партизанскую войну… не жалеть патронов против угнетателей нашей Родины!»

— Уже теперь не то что патронов, — себя не пожалеем!

Покажем им!

— До полного истребления! — повторяли слова приказа партизаны.

— Эх, Михаил Иванович! — взволнованно говорил мне Баранников. — Дошла партизанская славушка до Кремля!

— Дошла, Коля! Теперь дело на широкую ногу встанет!

Я вскрыл, наконец, пакет. Там находился приказ: немедленно привести всех людей в Брянские леса для выполнения особо важного задания. В конверте находилась и записка Фомича, адресованная мне.

> «М. И., — писал Фомич, — у нас много очень важных новостей. Предстоят большие, большие дела! Всё коренным образом меняется. Вашему отряду во что бы то ни стало нужно прибыть сюда как можно скорее! Именем К. Е. Ворошилова предлагаю прибыть со всем составом и вооружением к сроку. Жму Вашу руку. Фомич».

— Ну как, комиссар? — спросил я Анисименко, когда он познакомился с приказом и запиской.

— Давайте на прощанье вдарим! У хлопцев руки чешутся! — ответил Анисименко.

— Ты прав, Иван Евграфович: нельзя оставить головорезов в районе, совесть загрызет нас, надо «вдарить», чтоб чертям тошно стало!

Вечером на взмыленном коне прибыл Роман Астахов.

— Разведал, — доложил он. — Стоят в Муравейной. Не менее восьмисот бандюков. Насилуют и грабят. У моей матери последний кожух забрали. Бабы клянут вас, на чем свет стоит… Мы им такую баланду заправили, что вся Барановка взвыла… Твердят; «Покинули одних, в Хинели никого нет, что с нами будет?» Многие разбежались по другим селам. Паника. Ударить надо. Сегодня же, — сказал Роман, угадывая наше решение.

…После полуночи тревожно спавшие жители Хинели увидели конный отряд Гусакова. Он прошел быстро, тихо, без остановок.

— Ага, — говорила одна соседка другой, — значит, неправда, что Гусак ушел!

Через два часа проследовала через село в таком же строгом порядке пешая колонна. Шествие ее замыкали четверки спаренных коней под артиллерией.

— Ой, страсти, бой будет! — шептались высунувшиеся из ворот женщины.

— И куда вы? Там их сила-силенная!.. — тревожно говорили сестры и жены бойцам.

Когда над Лемешовским лесом покраснело небо, головная

застава уже проходила Барановку, а батарея занимала позиции у ветряка.

На барановской гребле наше походное охранение столкнулось с противником. Затрещали выстрелы. Послышалось несколько разрывов, взвились трассирующие пули, вспыхнули ракеты.

Прошло несколько томительных секунд, и вдруг застучали десятки пулеметов. На бугре, за греблей засверкали частые вспышки выстрелов. Над селом запели пули.

Я стоял у ветряка, на своем командном пункте. Примчался связной. Резко осадив коня, он доложил:

— Идут колонной! Застава вплотную наткнулась и залегла… Командир спрашивает, что делать.

Случилось то, о чем мы и не думали. Трое суток отрабатывали мельчайшие подробности наступления, казалось, готовы были к любой случайности. Но получился не наступательный, а встречный бой. Каратели также шли на Хинель и были в полной боевой готовности…

В памяти воскресают положения и требования военной школы: «Встречный бой выигрывает тот, кто захватит инициативу, кто первым откроет артиллерийский огонь, кто раньше развернется к бою».

Я вырвал из планшетки карту и воткнул иглу циркуля в ветряк; другой иголкой продырявил высоту за греблей и передал команду на батарею:

— Дистанция тысяча сто! По дороге на Фотевиж! Шрапнелью, беглым!..

— Огонь! Огонь! Огонь!!! — командуют Ромашкин и Юферов, Ветряк озаряется вспышками. Грянули почти одновременно и пушка и полковой миномет.

За южной окраиной Барановки, там, где треск пулеметов уже превратился в сплошной вой, взорвалась мина, озарив на секунду тесную походную колонну и обозы.

С подсасывающим воем несутся шрапнельные пули.

— Не жалеть снарядов против угнетателей нашей Родины, — повторяет Родионов, загоняя все новые и новые снаряды в казенник орудия. Минометчики и артиллеристы перешли на прицельное поражение. Шрапнельные разрывы накрывают противника уже над бугром. Черные фонтаны земли встают после взрывов тяжелых мин над расстроенной колонной противника.

Каратели опрокинуты… Бегут назад… Справа в туманной лощине, где-то там, в тылах противника, застучали пулеметы. Левая лощина ответила тем же. Это роты Буянова и Прощакова вступают в дело.

— Прекратить огонь! — кричу я на батарею.

Мне ясно, что в лощинах наши роты расстреливают убегающих полицаев. Уже видно, как, нахлестывая коней и прячась за густыми рядами еще не обмолоченных копен, показались кони и фигуры людей.

— Связной второй роты! — зову я.

— Есть связной! — отвечает тот сияя.

— Передать командиру: поднять роту и преследовать вдоль шляха на Фотевиж, до встречи с Гусаком!

— Есть до встречи с Гусаком! — повторяет связной и исчезает.

Наказав артиллеристам и хозяйственному взводу окопаться у ветряка, я мчусь со своим коноводом вдоль Барановки, мимо горящей хаты. Ее никто не тушит: село кажется вымершим. Мы летим туда, где только что кипел ближний бой и теперь раздаются лишь отдельные выстрелы.

В лощине, у моста, мой конь шарахается в сторону и боязливо обходит бьющуюся в судорогах лошадь. Съехавшее к животу седло мокнет в луже крови.

— Чей? Наш или вражий?

— Чужой! — отвечает коновод, и мы, пришпорив озирающихся коней, скачем на бугор, терпко пахнущий пороховой гарью. Там рассыпались по полю бойцы из роты Сачко и автоматчики Инчина. Партизаны собирают трофеи. Ловят перепуганных лошадей. На повозках пулеметы, минометы, ящики с патронами. Многочисленный обоз брошен. Ездовые разбежались; покинутые без присмотра кони сцепились повозками, ржут, пугливо озираясь на выстрелы. Разливается пулеметная дробь в лощинах.

Принюхиваясь, мой конь неторопливо пробирается по шляху, усыпанному брошенным оружием, повозками, кожухами, портянками, обувью.

* * *

…После того как раздался над Барановкой гром нашей артиллерии, Гусаков и его конники пережили много тревожных минут. Всем казалось, что нужно немедленно сорваться с занятой на огородах Фотевижа позиции и лететь сломя голову туда, где ухают разрывы, выручать товарищей.

Частая стрельба артиллерии, непрерывный огонь пулеметов, рой трассирующих пуль не над Муравейной, а над Барановкой терзали сердца конников.

— Неладно там, Петро, — тревожно говорит Баранников. — Дай рвану я, враз все узнаю!

— Почекай, Коля, в такое пекло скакать — только для глупой погибели! Да и не твое дело в связных быть, командовать взводом своим тебе надо.

— Нечего чекать! Ехать надо, и точка! Всем барановским ясно, что бой в нашем селе, Вон хата загорелась! Что мы тут высидим? И партизан перебьют и хаты наши спалят! — кипел Карманов.

— А ты не пыли, Миша, да подрасти трошки! От, бачь, як грюкнуло! Узнаёшь наших артиллеристов? Вон як точно бьют! — успокаивал товарищей Петро, наблюдая за разрывом 122-миллиметровой мины.

— И чтобы все вы, хлопцы, наперед знали, — отрываясь от бинокля, пояснял Гусаков: — як понадобится капитану наша подмога, он кинет над ветряком три красные ракеты!

— Ясно. Раньше времени срываться — только дело портить, — спокойно заявил Роман Астахов. — Не для того я трое суток перевязанным мотался да баб обманывал! Надо сидеть и ждать команды!

Роман тоже был уроженец Барановки. Несмотря на свой маленький рост и молодость, он отличался отчаянной смелостью и хладнокровием и успел завоевать уважение всех конников. Дерзостью он был схож с Гусаковым, но их отличал характер: Роман говорил мало, редко смеялся, был сух и суров, меж тем как свойствами Петра были общительность и юмор.

— Эй, эй, коноводы! Ховай в яр коней! Покличем вас, як треба буде! — кричал Петро на партизан, которые вышли из своего убежища и при свете поднявшегося солнца четко выделялись на горизонте.

От шляха, где на краю поля Гусаков спрятал в подсолнухах пулемет, брызнул сноп огня.

— По ком это Толстыкин сыпанул? — спросил Пузанов.

Пулемет выпустил очередь, потом вторую, третью. К нему присоединился другой пулемет, который стоял впереди конников, справа от дороги. Почти разом с ним длинными очередями заработал третий.

Пробежав несколько шагов вперед, конники увидели, что по шляху, из-за пригорка накатывалась на них орава пеших и верховых жандармов. Они перемешивались с повозками, до отказа набитыми людьми.

Три пулемета дружно гремели, свинцовым ливнем поливая колонну. Не ожидая встречного огня, она сбилась в кучу, испуганно кружась на месте. Наконец, туловище ее резко

раздвоилось и потекло направо и налево от дороги.

— Коноводы, сюда! По коням, хлопцы! Рубите сволочь! — яростно крикнул Гусаков, вскакивая в седло и бросаясь наперерез уходящим.

— В атаку-у, за мно-ой! — кричал, перекосив рот, Баранников. Он вытянулся свечой, клинок его сабли раскаленной иглой устремился к розовому небу, белый конь нетерпеливо рванулся, и весь взвод, подобно стреле, понесся над стерней.

Талахадзе осадил коня и, впившись горящими черными глазами в расчлененную колонну карателей, описал своей шашкой горизонтальный полукруг и ринулся со своим взводом в обход направо.

Роман Астахов с места поднял вороного в карьер и в несколько прыжков обогнал Гусакова. Взмахнув нагайкой, он полетел по полю черным дьяволом за двумя в зеленых френчах, что скакали далеко вправо, отделившись от бегущей колонны.

Роман еще раз взмахнул нагайкой, и его конь распластался в стремительном беге. Автомат черкнул очередью; задний всадник, взмахнув руками, упал на шею коня. Вспыхнула вторая очередь — конь беглеца отскочил в сторону; седок, не удержавшись, свалился на землю.

Роман настигает переднего всадника. Нахлестывая коня и поминутно оглядываясь, тот отстреливается, но пули его летят то высоко над головой, то впиваются в землю.

Вдруг Роман, качнувшись, ухватился за левый бок, сдавил его и, пришпорив коня, снова нацелился автоматом. Видно, как из ствола плещут огненные струйки: одна, три, ряд коротких. Скакун беглеца осел на передние ноги и рухнул через голову. Всадник стремительно и ловко соскочил с коня, но Роман уже настиг его и целится, чтобы убить. Но тот порывисто вскакивает и сдергивает Романа с седла. Падая, Роман хватает противника за горло, и оба они катятся по земле живым клубком.

Гусаков спешит на помощь. Он уже возле зеленого френча. Клинок, блеснув, опустился. Гусаков вынимает из кармана убитого документы.

— Майор Кон, военный комендант… — говорит Гусаков. — Эге! Да это старый знакомый!

Роман показывает Гусакову на свой пояс. Запасной диск испорчен. Комендант прострелил магазин. Пуля пробила крышку и впрессовалась в окне приемника. Роман развинчивает диск, извлекает уцелевшие патроны, вкладывает их в основной магазин автомата.

— Нет худа без добра, Рома! — говорит Петро. — Не прострели он диск, быть бы пуле в животе. Жить тебе теперь,

хлопче, долго!

Они идут обратно, ведя в поводу коней, подходят к тому, кто был подстрелен первым: убитый лежит на спине, оскалив зубы. Всмотревшись в него, Гусаков говорит:

— Так я и думал — Плехотин…

— Падаль, — сухо роняет Роман и, сплюнув, отходит.

Кавэскадрон рассыпался по голым полям, выскочил на Севско-Глуховский шлях, сверкая клинками и оглашая степь выстрелами. Рубили, топтали, гнали до Эсмани, до Сального, вытаскивали полицаев из-под снопов, и только к половине дня, обремененные захваченным оружием, собрались конники к Барановке.

На бугре появился Анисименко. Он все время был при первой роте. Окинув взглядом богатые трофеи, широкое поле и шлях, усеянный трупами врага, Анисименко повернулся лицом к Барановке и задумчиво проговорил:

— Вот она, товарищ капитан, гребля, где десять месяцев назад принял я боевое крещение!

Он показал вниз, на заболоченную речку, где только что закончилась боевая схватка с противником.

— Тогда нас мало было. Не более десятка, и бандиты смело по этим местам ходили. Тут секретаря райкома партии мы потеряли…

— Знаю, Иван Евграфович! И, более того, помню, что говорил он, умирая…

— Не забыл, Иван Евграфович, — перебил меня подошедший Лесненко, — помнишь, как храбр-р-ро ты тогда нами командовал?..

Лесненко прищурился, в глазах его блеснул насмешливый огонек. Анисименко смущенно улыбнулся.

— Смело, да неумело… До смехоты неумно, — ответил он. — Считал я в то время; тот командир бесстрашен, что грудь свою под пули подставил. Стою в полный рост и кричу глупо: «Если вы партизаны, идите сюда, а если полицаи, то мы — партизанский отряд и бой вести будем с вами…» Каково?

Анисименко махнул рукой, как бы отметая этим жестом прежнюю свою неопытность. Мы добродушно расхохотались.

— Школа, товарищ парторг, хорошая школа для всех нас эти Хинельские походы! — воодушевленно продолжал Анисименко. — Больше чем школа, товарищи. Для меня Хинельские походы — академия. Будто три жизни прожито мною за один этот минувший год!

— Выходит, товарищ капитан, девяносто лет теперь вам считать надо, — рассмеялся Лесненко.

А я совершенно серьезно ответил ему русской пословицей:

— Не тот, други мои, живет больше, кто живет дольше!.. Умудряют же солдата не годы, а боевые походы…

— Но помню я и другое, — Анисименко пристально и тепло поглядел на меня своими глубокими синими глазами: — помню, как в первый час нашего знакомства хорошо вы сказали, товарищ капитан: «А батальоны, думаю, организуем сами…»

Анисименко взял меня под руку. Мы не спеша спустились с бугра, перешли через греблю, дважды обагренную своей и вражьей кровью, остановились на Барановской улице.

Барановка ликовала… Кожухи, самовары, подушки, рушники — все, что было унесено карателями, возвратилось на свое место.

Партизаны сбрасывали с трофейных возов на зеленую улицу домашний скарб жителей.

Автоматчики, держа свое оружие на груди, с важностью расхаживали по улицам Барановки и Фотевижа, показывая людям автоматы — подарки, полученные три дня назад из Москвы, от самого Ворошилова!

— Где ты такую новую штуку добыл? — спросил старик Коршка.

— Москва прислала, — с гордостью ответил Коршок деду.

Старик склонил седую голову над автоматом, разбирая вычеканенный на металле год изготовления: «Тысяча девятьсот сорок второй», и наставительно сказал:

— Ну, коль Москва, так знай, хлопчина, против кого пользовать будешь этот подарок!

Отпраздновав победу над карателями, отряд на следующее утро покинул Хинель. С нами уходили партизаны-хомутовцы. Они уводили с собой стариков-родителей, детей и жен, бежавших из своих сел от карателей.

К вечеру следующего дня мы подошли к селу Дорошовка. Неплюевские леса окончились. Предстоял переход по́ля и фронта осадной армии. В ожидании ночи отряд расположился на опушке дубовой рощи.

Инчин развернул карту.

— Налево — Новгород-Северский, направо — Севск, а между ними мы, — сказал он. — Какие памятные места!..

Подумав, Инчин продекламировал:

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битве Игоря…

— Продолжай, — прилично, и даже очень кстати, — заметил я.

— Всего «Слова» не помню, — ответил Инчин.

— Читай, что помнишь, — сказал Анисименко.

Кони ржут за Сулою,
Трубы трубят в Нове-граде,
Стоят полки в Путивле.

— Так то ж про наши места написано! — обрадованно воскликнул Петро. — Кто написал?

— Еще, лейтенант, еще об Игоре, — просили лежавшие на лужайке артиллеристы.

— Спой арию Игоря!

Но Инчин, подчеркнув синим карандашом опорные пункты противника на карте, декламировал уже другое:

На завтра бой! Их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать… сотен…

— И того меньше, — поправляли Инчина артиллеристы, — втрое меньше!

— Пушкиным сказано — пятнадцать сотен, — пояснил он артиллеристам.

— Где? В каком месте сказано, лейтенант?

— В Хинельском лесу!

— Смеешься! Над Пушкиным нельзя смеяться!

— Ну вот еще, смеяться! Так и сказано у него: «В лесу под Севском»; не веришь, — прочти драму о Годунове, там словами ляха и такое говорится: «Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник, то я тебя, — Инчин потряс плеткой, — вот этим бы смирил!»

— И вовсе не этим, а саблей угрожал лях русскому, — уточнил Ромашкин.

— Наш брат русак без сабли обойдется: не хочешь ли вот этого? — Инчин поднял над головой кукиш.

Все захохотали.

— Напичкан ты, брат, классиками от макушки до пяток, — серьезно заметил Бродский Инчину. — Филологический окончил, наверное.

— Физико-математический. Готовился быть деканом, а стал, как видишь, партизаном…

От Дорошовки мы двинулись строго на север.

В головном охранении отряда шел со своей ротой Сачко.

Сухая прохладная погода и долгая ночь, ровный песчаный грунт под ногами — все это способствовало выполнению нашей задачи, и тридцатикилометровый марш до станции Победа на этот раз не казался трудным.

Еще затемно, когда нас коснулось влажное дыхание реки и колонна приближалась к станции Победа — единственному месту прохода мимо опорных пунктов противника, — вдруг началась артиллерийская стрельба.

Мы оказались в зоне осадной армии. Стреляли окопавшиеся в селах Красичке и Жихове гарнизоны противника.

В первую минуту мне показалось, что артогнем накрыт наш передовой отряд. Но Сачко ничего тревожного не сообщал, канонада продолжала греметь, гулко раскатываясь по лесу, и казалось, что это стреляют по всему фронту осадной армии.

Я отвел колонну с полотна железной дороги в лес и направился к передовому отряду.

Сачко лежал в голове своей колонны, возле обрушенного в речонку моста.

— Что тут? — спросил я его и вдруг поскользнулся. Кусок разорванной фермы покатился вниз, гремя о камни. Из-за речки, от станции Победа понеслись к нам сверкающие трассы.

— Станкач, — шепнул Сачко и пригнул меня к полотну дороги, — ложитесь!

Пулемет выпустил несколько очередей и, не получив ответа, замолчал.

— От чертяка им в бо́ки! — выругался Сачко. — Справа батарея, слева батарея, а впереди засаду выставили. Куда подаваться?

Подаваться, действительно, некуда было. Проход между селами Красичка и Жихово не превышал и трех километров. Ломиться куда-либо в сторону от станции — означало неминуемое столкновение с укрепившимся гарнизоном, что никак не входило в наши планы.

— Придется прорываться атакой, — ответил я командиру роты. — А пока что не мешало бы захватить «языка». Надо разобраться в обстановке.

Через несколько минут трое лазутчиков во главе с Колосовым пошли за «языком». Пользуясь темнотой и туманом, они направились в обход и, перейдя вброд речку и болотистый луг, подползли к пулеметному гнезду. Здесь лазутчики услыхали приглушенные голоса: разговаривали по-русски.

— Так и есть: от песка заедает. Говорил тебе, не труси песком над пулеметом.

— Да я не трусил! — оправдывался другой голос. — Только перекос устранил, для того и крышку короба поднимал.

— Перекос, перекос! Вечно у тебя перекосы, Дремать на посту не надо, вот что!

— Полицаи! — шепнул своим спутникам Колосов. — Продвинемся еще немного.

Лазутчики поползли во фланг пулемету. Чистый песчаный грунт, насыпанный когда-то для строительства служебных путей станции, благоприятствовал передвижению. Прошло несколько томительных минут. Хотя солнце должно было вот-вот взойти, над станцией еще стоял густой туман. У пулемета продолжалась какая-то возня.

— А вода где? — послышался недовольный голос. — Ведь ты без воды стрелял! Принеси сейчас же воды! А ты ленты остальные с КП тащи! Чего стоишь, впервой, что ли?

Две тени метнулись в разные стороны и исчезли.

— Теперь пора, — шепнул Колосов. — Ты, Жучкин, заходи от реки, будто воду несешь, а мы с Покамистовым со стороны КП. Да смелее! Только один полицаи возле пулемета остался!

Подойдя к пулеметному гнезду, Колосов схватил за глотку полицая, склонившегося над пулеметом. Тот вцепился зубами в его руку.

— Ах ты, полицейская шкура! Кусаться?

В это время подоспевший Жучкин ударил пулеметчика в переносицу. Тот обмяк, Покамистов подхватил полицая за ноги.

— Теперь назад! — шепнул Колосов, продолжая держать «языка» за шею. Волоча свою добычу по песку, они бросились прямо к речке, но рослый и сильный пленник царапался, бился, задерживая движение.

— Вот зараза! Задушу! — хрипел Колосов.

Жучкин, вырвав пулемет из гнезда, волочил его одной рукой за хобот, а в другой тащил две коробки с лентами. Отбежав шагов на пятьдесят, лазутчики остановились.

— Здоров верзила! — шумно выдохнул Колосов. — Если будешь сопротивляться, — пристрелю!

Это подействовало. Верзила перестал сопротивляться.

— Дайте дыхнуть, — еле выдавил он, вращая белками. Колосов разжал пальцы.

— Дыши, дрянь!

В этот момент кто-то произнес:

— Товарищ командир, где вы?

— Рятуйте! Тут я! — крикнул пленник. — Меня схватили! И пулемет.

Колосов снова сдавил ему горло.

— Говори толком: кто ты? Мы партизаны.

— Так и я…

— Чей? Какого отряда?

— Кульбаки, з Глуховского. Тут застава наша. На своих напали, — обрадовался «язык».

— Фу, чёрт! А кусаешься ты, брат, похлеще полицая! — И высвободил шею пулеметчика.

— Ну, ты ж не обижайся, — весело заговорил Жучкин. — Мы из Хинели идем, злые. Хорошо, что так кончилось… А то и душу мог бы отдать ни за понюшку табака…

— А пулемет отдайте. Наверное, опять песком засорили.

— Бери. Да не лови в другой раз раззяву! — насмешливо проговорил Покамистов, отпуская «языка».

Вскоре состоялась встреча с начальником заставы. От него мы узнали, что сегодня весь партизанский край перешел в наступление. Штурмуют повсюду, чтобы отвлечь на себя немецкие войска и оказать этим помощь Брянскому фронту. Эту директиву дал всем партизанским отрядам член Военного Совета фронта, он же секретарь Орловского обкома партии товарищ Матвеев.

Отряды Ковпака штурмовали противника на участке Жихово — Голубовка, в то время как Сабуров с Фомичом вели наступление на Знобь-Новгородскую.

Глава XXI
ПЕРЕД ГЛУБОКИМИ РЕЙДАМИ

К вечеру 5 октября мы, первая группа эсманцев, расположились в Брянском лесу за рекой Чернь, невдалеке от переднего края обороны партизанской армии. Мы разбили свой бивак на кочках небольшой бурой поляны, окаймленной обгоревшим лесом. Костров не разводили; стоянка находилась в зоне артиллерийского обстрела.

Холодно и голодно было в Эсманском отряде. Небольшие запасы хлеба, мяса и соли, доставленные нами из Хинели, пришлось передать в распоряжение Фисюна, который заведовал хозяйственной частью, как и ранее, и он объявил, что придется потуже затянуть пояса́.

По соседству с нами, в лесу, стояли табором жители Знобь-Трубчевской и Новгородской и других сел Знобь-Новгородского района. Женщины и ребятишки вырыли себе землянки, наскоро сколотили курные лачуги И ютились, терпя большие лишения. Урожай остался в поле, скот съеден, домашние вещи, припрятанные в ямах, достались полицаям. Питались одним картофелем. Женщины и партизаны ночью уходили в поле за десять-пятнадцать километров от стоянки и там, возле выжженных сел, украдкой выкапывали свою картошку. Противник, сидевший в дзотах, открывал огонь из минометов и пулеметов, как только улавливал скрип телеги или неосторожный говор.

Картофельные поля изрыты были воронками от мин и снарядов. Бывали случаи, когда в поисках капусты или табака партизаны натыкались на мины, расставленные на огородных грядках, и подрывались…

Ежедневно утром и вечером артиллерия противника обстреливала передний край Брянской лесной армии.

Каждый квадратный метр площади, прилегающей к Брянскому лесу, просматривался противником через оптические приборы и был закреплен за определенным пушечным или минометным расчетом. Артиллерийский огонь обрушивался даже на одного человека, если он осмеливался выйти в дневное время из лесу. Стреляли и по женщинам и по детям.

Жалкий вид имели наши эсманцы — остатки второй и третьей групп, когда мы после трехмесячной разлуки встретились с ними вблизи Знобь-Новгородской. Многие были без поясных ремней, без теплой одежды, босые. Численно они едва составляли

одну треть нашей первой группы.

В период летнего наступления противника вторая и третья группы эсманцев отошли за реку Неруссу. Форсировав ее вплавь, они лишились всего, в том числе обуви и одежды. Одни погибли, другие были ранены или заболели из-за отсутствия овощей, соли, и их эвакуировали в советский тыл на самолетах. Мы встретились с ними после боя за Знобь-Новгородскую, на похоронах погибших в этом бою командира третьей группы Николая Хомутина и Нины Белецкой. Хомутин был сражен пулеметным огнем из дзота. Пренебрегая огнем и близостью противника, Нина бросилась спасать командира. Она увлекла своим порывом и других, и смертельно раненый Хомутин был вынесен с поля боя, но уже не один, а вместе с Ниной.

Похороны состоялись на станции Знобь. Подле могилы шумел дуб. Накрапывал мелкий дождь, качались березки, порывистый ветер кружился над поляной, срывая с березы золотистые листья. Хомутина и Нину хоронили с отданием воинских почестей, всем отрядом. И тут мои партизаны увидели, как сильно поредели ряды второй и третьей групп.

— И это весь наш отряд? — изумились мои партизаны, ожидавшие увидеть в рядах второй и третьей групп по крайней мере столько же партизан, сколько было в нашей.

— А чьи это отряды к вам пристроились? — спрашивал в свою очередь лейтенант Зимников — командир взвода из второй группы, у Инчина.

— Это же первая группа!

— Ты смеешься! А конный отряд откуда?

— И конница своя!

— Ну-ну, рассказывай! — не верил Зимников.

— Сейчас расскажем, но как вы до такой жизни дошли? — изумился в свою очередь Инчин, глядя на исхудавших, босых и неподпоясанных эсманцев.

Но не один Хомутин погиб в Брянском лесу. Запертая со всех сторон в лесу противником, накануне суровой зимы, отрезанная от источников продовольствия и от населения, лесная армия переживала большие трудности и лишения. Жизнь подсказывала, что партизаны, оторванные от основной своей базы — от народа, обречены и позиционная война им не по силам.

С тяжелыми думами вел я моих партизан к новому месту расположения, в глубь неуютного теперь Брянского леса, где не уцелел от пожаров ни один населенный пункт.

— Напрасно командование отозвало нас из Хинели! Что мы тут будем делать?! — раздавались возгласы.

Никто, в том числе и я, не понимал, к чему все эти лишения и

необходимость «экономить на животе», если в Хинели всего вдоволь, а возвращение туда теперь, когда подорваны силы осадной армии, не такое уж сложное дело.

В самом деле, что тут делать? В Брянском лесу и без нас уже несколько десятков тысяч партизан, а на юге, вплоть до Черного моря, советские люди нуждаются в помощи и готовы принять участие в борьбе с фашистами, ждут слова правды о судьбе Советской Родины, о Красной Армии, о своих сынах. Ждут, как жаждет в знойное лето земля дождевой влаги, а мы, вместо того чтобы пойти туда, уходим на север, в глубину леса, — в зону пустыни, голода.

Но в глубине Брянского леса дела оказалось больше, чем мы предполагали, находясь на переднем крае… Лесные штабы разрабатывали проекты большой государственной важности: они готовились к выходу в далекий рейд на запад, за Днепр, на Украину!

Глубинные аэродромы, находившиеся в ведении Бондаренко, Емлютина и Дуки, принимали каждую ночь десятки транспортных самолетов. Воздушные корабли привозили из Москвы автоматы, противотанковые ружья, боеприпасы, медикаменты, радистов с походными радиостанциями и даже пушки. С вечера и до утра над лесами кружили советские самолеты.

Обменявшись с партизанами сигнальными ракетами, они рассекали густую тьму лучами своих прожекторов и садились на лесные аэродромы возле полыхавших костров. Оставив привезенные грузы, они увозили в Москву раненых и больных партизан, детей, стариков и женщин, а потом снова возвращались, успевая проделать над фронтом по два, по три рейса в ночь!

Вовсю действовал Украинский штаб партизанского движения во главе с генералом Строкачем.

Перед нами открывались новые горизонты, смелая идея народной войны, распространенной на всю Украину, — войны, отлично подготовленной, глубоко продуманной и организованной в Кремле.

«Так вот зачем вызывали партизан в ЦК партии!» — подумал я, когда от Фомича узнал о всех этих волнующих событиях.

— Вы — наш второй фронт, — ответили в ЦК партизанам на их вопрос: «Будет ли когда-нибудь открыт второй фронт англо-американцами?»

— Мы — второй фронт, — повторил Фомич, погруженный в мысли и заботы о рейде. — Понимаете, какая ответственность возлагается на нас, Михаил Иванович! На правый берег Днепра выйдут объединенные силы Ковпака и все остальные отряды

сумчан — Эсманский, Ямпольский, Знобь-Новгородский, Середино-Будский. Их возглавит Сабуров. Я иду с ними как комиссар. Все наши силы должны быть направлены к тому, чтобы как можно скорей и лучше выполнить указания ЦК партии.

Фомич развернул карту и показал мне примерное направление глубокого рейда, а также районы, куда должны выйти отряды Ковпака и Сабурова.

— Эсманский отряд необходимо переформировать, — продолжал Фомич. — Нечего греха таить, вторая и третья группы изрядно растрепаны и деморализованы. Их нужно укрепить за счет бойцов и комсостава первой группы.

Я внимательно слушал.

— В состав отряда должны входить четыре стрелковые роты и одна рота автоматчиков. Кроме того, надо иметь батарею и конную разведку. С прибытием вашего отряда все это решается легче. Вы, Михаил Иванович, назначаетесь начальником штаба. Командиром остается Иванов. Подберите себе людей. Мы вооружим наш отряд лучшей боевой техникой…

Фомич вынул из ящика кипу свежеотпечатанных карт.

— Вам карты в руки! Смотрите, Михаил Иванович, какой простор. От Десны до Случа! Есть над чем потрудиться толковому штабу!

Я с восхищением развернул пахучие листы двухкилометровки. Впервые в жизни видел я перед собой топографические карты полесья Украины. Оказалось, что северные районы Черниговщины, Киевщины, Житомирщины от Брянских лесов до границ Польши — это сплошные лесные массивы.

— Вот оно, Порфирий Фомич, вооружение командира! — вырвалось у меня после знакомства с картами. — Можете не давать мне ни оружия, ни патронов — снабдите только хорошей картой, и я буду чувствовать себя вооруженным!

— Да, теперь наши глаза далеко видят! — поняв мое душевное состояние, воскликнул Фомич. — Далеко видим и еще дальше слышим: в каждом отряде будет радиостанция и походная типография!

А я листал и листал хрустящие, новенькие карты, изучая пути на запад.

— Кстати, как вы смотрите на свое назначение?

Вопрос не застал меня врасплох.

— Если говорить откровенно, Порфирий Фомич, то я предпочел бы командовать ротой, если уж нельзя руководить отрядом… Не забудьте, — я уже не первый раз отказываюсь от лавров штабиста.

Фомич возразил:

— Вы не правы. Тогда было у нас, говоря вашими словами, «великое сидение», а теперь предстоит рейд! Да еще какой рейд! У нас много оружия, мы будем расти на ходу, отряд превратится в соединение… Словом, необходим очень знающий начальник штаба.

Я долгое время молчал.

— Ну, что же вы? Говорите без дипломатии.

— Не хочу, Порфирий Фомич. Не стану кривить душой… Но если это партийное решение, — подчиняюсь и буду работать.

— Но почему не хотите? Подумайте; рейд! Большой, глубинный рейд на три-четыре сотни километров!

— Я все понимаю. В таком рейде хочу командовать отрядом или хотя бы ротой.

— Этот вопрос уже решен райкомом… Я хочу, чтобы вы с огоньком приступили к новому делу.

— Постараюсь оправдать доверие, — ответил я.

Пожав друг другу руки, мы расстались.

Я вошел в помещение моей штаб-квартиры. Шалаш не спасал от холода, плохо укрывал от ветра, сюда сквозь занавеску залетали листья. Осмотревшись, я увидел, что стенки шалаша были сделаны из околоченных снопов, потемневших от времени; возле сбитого из нескольких досок стола стояли две чурки — стулья; в углу — постель из еловых веток, прикрытых соломой.

— Тут мы развернем канцелярию, и новый штаб подготовит отряд к рейду, — заявил Инчин.

Я взял к себе «штаб-офицерами» Инчина и Прощакова, командовавшего у меня первой ротой, и начал «заводить» штабную машину. Командир отряда находился на станции Знобь в главштабе Сабурова. Там разрабатывался план похода, собирались сведения о противнике, распределялось полученное вооружение, решались вопросы взаимодействия с брянскими партизанами, с соединением Ковпака и между отрядами. На это время штаб Сабурова стал для нас главным штабом. Оттуда поступали теперь разведывательные сводки, сообщавшие, что на переднем крае продолжалась обычная перестрелка, что осадная армия ничего не подозревает о наших приготовлениях и т. п.

Главштаб присылал обширные формы списков, бланки наградных листов, требовал сведения о составе партизан, о погибших, пропавших без вести, данные о вооружении, боеприпасах; запрашивал о раненых, престарелых, о женщинах с детьми — обо всех, кого нужно было эвакуировать в советский тыл, чтобы не обременять походные колонны в рейде. Деловая работа не прекращалась ни днем, ни ночью.

Появлялись новые люди — уполномоченные Украинского штаба, представители ЦК партии, ЦК комсомола, типографские работники, кинооператоры и многие другие.

Было поздно, когда, подписав наградные листы, сводки и отчеты, я направился со своими помощниками к командиру. С Ивановым мы встретились у костра, он только что прибыл из главштаба.

— Братва, решено! — сказал он. — На днях выступаем. В рейд пойдут не все. Кое-кто останется в своих районах… В том числе все местные коммунисты и Фомич. Теперь делиться надо.

— Вот и отлично! Мы пойдем, а вы в самообороне останетесь, — насмешливо заявил Инчин, причисляя к самообороне тех, кто не собирался в большой поход на запад.

— Да нет! Я тоже должен пойти с вами! Оставлять в первую очередь будут не военных, а местных. Да и то тех, кто послабей здоровьем. Так что теперь два отряда формировать надо: местный и военный.

— Жаль, — сказал Инчин, — советовал бы вам остаться.

— А кто же командовать будет в рейде? — вырвалось у Иванова.

— Ну, этому нас не учить, — сухо возразил Инчин.

Иванов колебался: его смущало, что основным ядром отряда будут мои люди, большинство которых он совсем не знал, и которые относились к нему без должного уважения.

— А как нам со стариком Гусаковым поступить? — спросил я Иванова. — Да и с Пряжкиным, кстати.

— Ладно, потом! — отмахнулся Иванов.

— Так он ведь третьи сутки ждет! И люди его голодают на аэродроме, а Пряжкин под арестом, — возразил я.

Речь шла о семьях партизан, которые находилась на Смелижском аэродроме в ожидании эвакуации в советский тыл. Непогода и грязь на аэродроме мешали посадке самолетов. Артем Гусаков, которому поручено было эвакуировать в Москву несколько сот детей и женщин, приехал ко мне с вопросом, что делать.

Самолетов все нет и нет, и никто не знает, когда начнется отправка. Дети и женщины голодают.

Фисюн неделю назад зарезал последнюю корову, и все продовольственные запасы на этом кончились.

Я предложил Иванову поговорить об этом в главном штабе, но Иванов медлил. Кое-кто из партизан перешел «на подножный корм», и эсманцы приобрели дурную славу среди населения.

Утром, когда наш штаб сидел за завтраком, — мы ели мясной суп с картошкой, — к нам подошла старушка. Она поздоровалась

и спросила, в чей именно отряд привели ее старые ноги.

— В Червонный, бабуся, — ответил Иванов.

— Вот хорошо! — сказала бабка, — А то мне говорили, что тут стоят какие-то иманцы, дуже пакостные…

Инчин рассмеялся.

— Да чем же они, бабуся, пакостные, эти самые иманцы?

— Мою коровушку увели! Прямо к вам! Последнюю в нашем курене взяли!

У меня кусок в горле застрял.

Иванов вспыхнул, как пион. Он уже догадался, в чем дело, но, пытаясь спасти честь отряда, нарочито грозно возразил:

— Ты, бабка, не ври! Мы краденое не принимаем!

— Да как же, родимый, я по следочку до вашего табора дошла… Копытца буренушки дуже добре отпечатались на тропинке, — проговорила старушка.

— По-твоему, только твоя корова в лесу и ходит? Куда ни глянь — всюду следы копыт!

— Так ведь шкура вон висит с моей буренушки… Еще тепленькая…

Старушка указала на свежевывернутую коровью кожу, которая висела меж двух берез и, действительно, была бурой масти.

— Черт знает, что такое! Да эта корова с весны в нашем таборе содержалась! Ты что, бабуся? Опомнись, милая! — пытался разубедить ее Иванов.

— Ой, родимые, стара брехать я! Кушайте на здоровье! Все равно ей не уцелеть. Зима на носу, а корму нет никакого, и хлева нет… Может, и мои где-то воюют. И тоже холодны и голодны… — прослезилась бабушка.

— Да я тебе, мать, говорю: не твоя это корова была, хоть и вправду похожая! Ну чего понапрасну плакать? — убеждал Иванов, но старушка стояла на своем.

— Как же не моя! От обиды плачу! Попросили бы, сама отдала бы. Нешто не понимаю, — воевать хлопцам надо. А то вот, — она показала на конец короткой веревки, — глядите: этим концом привязывала я буренушку к своей ноге, когда спала в курене. Утром гляжу — веревка отрезана, и след моей буренушки простыл. А теперь, сами посмотрите, на другом конце веревки кожу развесили…

Улики бабуси были убийственно изобличительны. Мы встали из-за стола. Мне показалось, что я съел нечто такое, от чего вот-вот будет дурно.

— Вот подлецы, вот сукины дети! — ругался Иванов. — Я мародеров найду!

— Отвезите бабке в курень и тушу, и шкуру, — сказал я ездовому хозчасти. — Отвезите сейчас же!

Старушка удалилась восвояси, увозя на подводе половину туши своей буренки. Она настояла, чтобы другая половина мяса осталась «на пропитание хлопцам».

Я спросил Иванова, кто мог сделать такую подлость.

— Пряжкин, есть тут такой, — буркнул Иванов и, все еще багровый, отошел в сторону.

— Расстрелять подлеца мало! — возмущался Фисюн.

— А с чего это он у вас в обозе околачивается? И заготовка продуктов ему доверена, — упрекнул я Фисюна.

Тот кивнул на Иванова:

— Так, поди ж ты, пристегнулся до него и второй раз пакостит… Из новичков он.

Я арестовал Пряжкина, посадил его в шалаше хозяйственной части, выставил часового.

Надо было хлопотать о продовольствии, решать, что делать с Пряжкиным. Иванов снова медлил.

— Слушай, Иванов! Я с тобой в рейд не пойду! — не выдержав, сказал я.

— Это почему?

— Да потому, что терпеть не могу, когда командир вместо точных и определенных указаний, всячески отмахивается от своего начштаба.

— А мне безразлично, терпишь ты или нет!

— Тебе безразлично наверное и то, уважают ли тебя остальные командиры и бойцы!

— Я заставлю уважать меня! А нет, так заявлю в главштаб, что подрываешь мне здесь дисциплину!

— Слушай, Иванов! Давай поговорим по-деловому, — спокойно сказал я, зная, что Иванов в горячке способен наговорить что угодно. Мы прошли в шалаш.

— Ты местный, Иванов, и оставайся командовать местным отрядом, а я пойду в рейд, — начал я. — Ты знаешь сам отношение ребят ко мне, и я люблю их. Давай разойдемся по-хорошему, как боевые товарищи.

Иванов задумался. Чувствовалось, что он колебался. Ему, конечно, не хотелось расставаться со многими близкими товарищами, которые оставались на Сумщине, как местные…

— Согласен, — сказал наконец он после долгого раздумья. — Пишем акт! Ты принимаешь командование над рейдовым отрядом, а я сдаю его и остаюсь с местным.

Мы написали акт, скрепили его своими подписями.

— Людей и оружие поделим завтра, — сказал Иванов.

Мы разошлись, пожелав друг другу доброй ночи.

— Ну, — сказал, выслушав меня, Инчин, — теперь задаст фашистам хинельская гвардия! Согласен управлять штабом, — добавил он, хотя предложения об этом еще не было.

— Утро умнее, лейтенант, — проговорил я и направился в шалаш к Фомичу.

— Здравствуйте, Порфирий Фомич, и — прощайте! — сказал я, усаживаясь на березовом чурбане.

— Как? Вы уходите с Сабуровым? — удивился Фомич. — Ведь только вчера вы говорили, что не удовлетворены назначением!

— Удовлетворен! Завтра я принимаю рейдовый отряд. Мне не хочется расставаться с друзьями. Поход обещает быть интересным и почетным… Вот акт о приеме.

— С друзьями! — с горечью воскликнул Фомич. — А с кем же я останусь? Думали об этом? Напрасно не посоветовались со мной!

Он взял акт и принялся внимательно читать его.

— Эх, Михаил Иванович! А я-то думал, что мы понимаем друг друга… Неужели ошибся?

Он вынул из московской посылки жестяной бидончик и вылил содержимое его в две чашки. Мы чокнулись. Будто огнем обожгло глотку!

— Что это такое? — спросил я, едва переводя дыхание.

— Не пили? Спирт!

Я действительно никогда не пил спирта.

— Москва прислала, — морщась, пояснил Фомич. — Там знают, что нам приходится и холодно и солоно…

Он достал из московской посылки две пачки папирос. Мы закурили «Пушку». От одной сильной затяжки у меня приятно закружилась голова. Синие кольца дыма поплыли над «летучей мышью», тускло освещавшей Фомича, темные полукружия отеков под его глазами, осунувшееся лицо.

— И зачем вы, Михаил Иванович, это делаете? — спросил он после продолжительного молчания.

— А что мне делать в самообороне? — сказал я.

— О какой «самообороне» речь? Состоялось решение Политбюро ЦК. Вот шифровка, подписанная самим Хрущевым. Я назначен секретарем подпольного обкома. Мы должны поднять население Сумщины на вооруженную борьбу с захватчиками. Читайте! Воля партии. Оставайтесь! Я пошлю радиограмму в ЦК. Вас утвердят. Вы получите полную возможность применять свои способности и знания! Я имею право не снимать вас с партийного учета, но этого я не сделаю. Скажите, чем испытывается боевая дружба? Наконец, что вам Сабуров? Вы почти не знакомы с ним, и

он вас мало знает.

Я слушал горячие слова Фомича и думал о том, что и в самом деле настало какое-то совсем другое время, что партизанское движение принимает новые формы, выходит из рамок войны «от тына до хаты», ломает границы районов и становится той силой, на которую и рассчитывает Ставка Верховного Главнокомандующего.

«Родина переживает величайшие испытания, — думал я, — Вот передо мною газета. Она призывает биться за каждый дом, за каждый камень, сражаться за волжскую твердыню, стоять насмерть. «Чем ты помог сегодня Сталинграду?» — спрашивает газета. Немцы у стен Сталинграда, а Москва шлет нам в лес газеты, оружие, подарки… Чем измерить внимание Москвы? Чем определить глубину заботы о нас со стороны партии и правительства?

— Скажите, Порфирий Фомич, зачем вызвали вы меня из Хинели? Разве нельзя было отправиться в рейд прямо оттуда?

— Да, вы правы. Это была моя ошибка, — ответил Фомич. — Я упустил из виду, что наш второй фронт должен проходить через всю толщу тылов противника. ЦК теперь меня поправляет. Я снова пойду в Хинельские леса, вновь буду собирать людей в партизанские отряды. Мы раздуем пламя на всю область! Наша работа столь же важна и ответственна, как и работа тех, что пойдут на Правобережье.

Он налил еще из жестяного бидончика.

— За Москву! За Сталинград! За победу, Михаил Иванович! За наш рейд на Сумщину! За наш второй фронт!

Мы закусили луковицей и быстро опьянели. Мне показалось, что Фомич выпил больше, чем хотел. Видимо, ему нужно было притупить волнующие чувства, высказаться откровенней. Он страдал.

Отправить за Днепр отряд, сколоченный за год упорной борьбы ценою гибели лучших людей, напряжением всех духовных и физических сил; самим остаться в убогом шалаше где-то в глуши Брянского леса, вдали от населения, с которым предстояло решать сложную задачу народной войны, — решать без опытных командирских кадров, без закаленных боями и трудностями воинов, да еще в момент, когда все сумские отряды уходят из пределов нашего края! Я хорошо понимал его душевное состояние. Беседа наша не вязалась. Она незаметно перешла в спор…

Все радости и горести, успехи и неудачи, промахи, недоделки — обо всем говорили мы тут, в неуютном шалаше, — говорили самокритично, прямо, беспощадно вскрывая свои и

чужие ошибки.

Не слишком ли робко, с оглядкой на других, боролись мы весь этот год? Не случалось ли так, что излишняя осторожность мешала Эсманскому отряду развернуть партизанскую борьбу вглубь и вширь?.. Почему прошлой зимой мы так неуверенно и скупо принимали в свой отряд людей, готовых вступить в смертельную борьбу с захватчиками? Священным долгом нашим и обязанностью большевиков, оказавшихся в тылу врага, было помочь этим людям взяться за оружие. Разве не могли мы поднять все районы области на борьбу с оккупантами?.. Что этому мешало? Чего мы ждали?

…Как издевательски выглядели наши самодовольные неумные, незрелые слова: «Без оружия не принимаем!..»

Я не мог забыть и того, как Фомич на мое предложение сформировать из военных людей бригаду или даже дивизию на лесокомбинате, ответил: «Что вы, Михаил Иванович, — не прокормим…», — не мог забыть, как мы разоружались, бросали боевую технику…

— А сиденье в большом лесу, — горько вспоминал я, — сиденье в болотах? Куда ориентировало оно партизанское движение? Как воспитывало? Ведь Эсманский отряд мог стать армией!

— Это наша беда, — с болью соглашался Фомич. — В самом деле, что мешало, к примеру, действовать нам с вами смелее, больше наращивать наши силы?

— Ах, что? Районные рамки! Нехватка тех настоящих людей, которым отказывали мы в приеме и которых, в конце концов, гитлеровцы загнали в концлагери!

Мы говорили обо всем откровенно, чтобы больше уже не возвращаться к этим вопросам, чтобы встретить новые трудности по-большевистски, Откровенная беседа сблизила нас, и я еще больше стал уважать Фомича не только как партийного руководителя, но и как человека, честного и боевого товарища.

— Да. Нужно было проверять нашу линию поведения партийной критикой, вместе с коммунистами и командирами обсуждать коренные вопросы народной войны, советоваться с ними, учиться и у рядовых партизан мудрости борьбы в тылу противника.

Мы перешли на «ты», поклялись не расставаться друг с другом.

Я торжественно заявил, что, несмотря на страстное желание мое уйти в рейд, несмотря на то, что мне бесконечно жаль расставаться с боевыми товарищами, — я остаюсь на Сумщине вместе с Фомичом для того, чтобы поднимать здесь новую волну

партизанского движения.

Было темно, когда мы вышли из шалаша. Октябрьская ночь была темна и холодна. Ветер доносил до нас слова песен. Это пели те, кто собирался в дальний поход на запад, а также и те, кто оставался на Сумщине. Что могло остановить советских воинов, начавших второй год борьбы в тылу противника, вдохновленных на подвиги самим ЦК партии? Отныне устанавливалась постоянная связь с Большой землей, с Москвой, и каждый чувствовал, что готовятся сокрушительные удары по оккупантам.

На поляне вокруг костра сидели «штабные». Десятка полтора людей стройно пели.

Я присоединился к поющим. Уже погасал костер, и ветер шумел все сильнее, а песня наша звенела не умолкая.

— От края и до края раздуем народную войну! — сказал Инчин, на минуту оставляя свою гитару.

— У-ух! И пойдет же лесная армия! — добавил Буянов, только что явившийся в штаб с наградными листами на своих товарищей.

Он проводил меня к кострам «рейдовых». Здесь гудела земля от веселой, буйной пляски. Тот кто еще вчера был разут и полуодет, сегодня надел новое обмундирование, добротные армейские сапоги, военные ремни и фуражки, — даже белье было прислано.

Партизаны обрели бравый, молодцеватый вид. Они вымылись, постриглись и побрились, и я невольно залюбовался, глядя на них.

— Скоро ли выступаем, товарищ капитан? — спросили меня мои боевые друзья. Я ответил:

— Вы — скоро, а я… я еще не знаю…

— Вы остаетесь в «самообороне»?

— Остаюсь, ребятки! — сказал я вздохнув, — хотя тяжело и больно мне расставаться с вами. Остаюсь командовать Сумскими отрядами!

«Пусть, — думалось мне, — уходят они на большое дело, как на праздник… А я…»

— Да кем же командовать? — послышались недоуменные голоса. — Ведь мы-то все уйдем!

— Организуем новые отряды, — ответил я. — Теперь мы мастера по этой части. Фомич, Красняк, Фисюн, Гусаков, Анисименко, Лесненко — вон какая сила! Не так ли? Вы уйдете на правый берег Днепра, а мы будем действовать на левом — на борьбу с фашизмом поднимется вся Украина!

— Так-то оно так, только как же это мы без вас! Привыкли к

вам! Сблизила, сроднила нас война навечно…

— Так надо, друзья мои. А что касается командиров, то каждый из вас может быть командиром! Прощайте, ребята! Спасибо за службу, за дружбу, за славные Хинельские походы! Верно служите Родине, партии помните партизанскую присягу! Счастливого пути, друзья боевые!..

Я крепко пожимал руки партизан, мысленно прощаясь с каждым. До свидания, юный командир тяжелых минометов Юферов; веселый, храбрый комроты Сачко; суровые, отчаянные Буянов, Калганов; скромные и безупречные в партизанской страде Богданов, Прощаков, Мухамедов, Яковлев, Бродский, пулеметчик Иванов; меткие артиллеристы Ромашкин, Родионов; воентехник Кулькин; преодолевший все невзгоды Колосов! Прощайте, лихие наездники Талахадзе, Серганьян, мой первый начальник боепитания Вася Анащенков! Прощайте, товарищи по первым партизанским походам!..

Взволнованно и трогательно отвечали мне партизаны.

Спазмы сжимали мне горло, когда я, круто повернувшись, скрылся за кустом калины. Мысли были вокруг людей, с ними, с моими боевыми товарищами.

Много труда положено было на воспитание этих замечательных людей. С ними, окончившими три курса Хинельских походов, действительно можно было творить чудеса и решить ту задачу, что поставила перед нами партия.

«Как-то используют вас новые командиры? — думал я. — Поручат ли вам дела, достойные вашего опыта и боевой закалки? Кому из вас суждено погибнуть геройской смертью в боях за Родину? Кому суждено остаться в живых и увидеть радостный день победы, мир и счастье человечества, освобожденного от тирании фашизма?

Глава XXII
СУМСКОЙ ШТАБ

На следующую ночь из Москвы на самолете прибыл представитель УШПД[6] полковник Мельников, Он привез с собой радистов с радиостанциями и топографические карты. Развернувшаяся радиостанция в тот же день приняла радиограмму товарища Хрущева, из которой следовало, что состоялось решение ЦК КП(б)У об учреждении в Сумской области подпольного руководящего центра — штаба по руководству партизанским движением на Сумщине.

В состав штаба вошли: Фомич, Мельников и я.

Начался для меня новый этап деятельности. В голове роились проекты больших дел, далеко выходящих за границы Червонного района и всего Брянского края.

Я объявил Иванову о своем новом назначении и приступил к передаче дел и имущества отряда. Лейтенант Инчин, которого прочил к себе на должность начальника штаба Иванов, заявил, что не хочет расставаться со мной, и, чтобы не осложнять отношений с Ивановым, куда-то на время скрылся. Других офицеров, подходящих на должность начальника штаба, у Иванова не оказалось. Время не ждало, и он начал принимать дела сам.

Недовольный и даже рассерженный, он принимал от меня делопроизводство и штабное имущество с несвойственной ему придирчивостью. Когда имущество и бумаги были переданы, Иванов потребовал, чтобы я сдал ему еще и мое личное снаряжение.

— Давай коня! Давай второго коня! — требовал он. — Седло давай! Плетку! Клинок сдай!

Он ободрал меня, как липку, ссылаясь на приказ, в котором было сказано: снабдить уходящих в рейд самым лучшим снаряжением и вооружением.

Я не хотел лишних ссор и потому не спорил. Только сказал ему:

— На великое ты дело собираешься, но мне тебя все-таки жаль.

— Чего это вдруг? — удивился, он.

— Да уж так: идя на такое дело, нельзя допускать, чтобы мельчала душа…

— Пожалуй, ты прав, — неожиданно сказал Иванов. — Только…

Он не договорил, взглядом встретившись с бабушкой, хозяйкой буренки. Она уже несколько минут стояла возле нас и сокрушенно покачивала головой, явно не одобряя того, что происходило.

— Тебе чего, мать? — обратился к ней Иванов и болезненно сморщился, решив, вероятно, что стряслась новая неприятность.

— Извините меня, товарищи начальники, — сказала бабушка и приложила руку к сердцу. — По большому делу к вам пришла, всю ночь глаз не сомкнула. Все из-за буренки этой…

Она покачала головой и посмотрела на часового у шалаша хозчасти.

— Вы, товарищи начальники, — заговорила она тоном весьма уверенной в себе просительницы, — не взыскивайте с того хлопца, который корову мою увел, — простите его! Я ж понимаю, что ему через это дело нехорошо будет! Всю ночь думала, старая, корила себя, и чего это вздумалось мне следы искать…

— Правильно сделали, что искали, — перебил я старушку. — У нас дисциплина, мы не допустим, чтобы…

— И не допускайте, товарищ начальник, — перебила и меня она. — А на этот раз простите. Ради сынов моих простите! Мать просит, товарищ начальник! — проговорила она, простая русская женщина, мать сыновей, сражающихся за свободу нашей Родины. Я был глубоко взволнован.

— Вернутся твои сыны, бабушка, — тихо произнес Иванов, без нужды оправляя на себе ремень и покашливая в ладонь. — Все вернутся живые и здоровые!

— Ох, спасибо на добром слове, сынок. Слово дайте, товарищи начальники, — уже спокойнее произнесла наша просительница. — А то — сердце не на месте. Людям у вас, может быть, и поесть нечего было!.. Родимые вы наши, касатики… Постояла тут подле вас, послушала… Ссоритесь вы между собою, — нехорошо это!..

Она отерла свои глаза подолом юбки и, сказав: «Прощайте!» — повернулась я старческим шагом пошла в сторону. Пряжкин, сидевший подле шалаша, видел эту сцену и, видимо, слышал все то, о чем только что говорила старушка.

Я обратился к нему:

— Ну что, Пряжкин? Твоя мать просила за тебя! Поблагодари ее! Мы тебя освобождаем.

Старушка обернулась, посмотрела издали на Пряжкина, улыбнулась ему, а он дрожащим голосом произнес:

— На Большую землю надо бы ее, товарищ капитан!

— Без тебя все сделано, — сказал ему Иванов. — Полетит она на самолете на Большую землю. Хорошая старушка, — добавил

он, взглянув на меня. — Правильно говорила!

Я кивнул головой. Иванов осмотрел груду вещей, отобранных от меня, перевел взгляд куда-то в сторону.

— Правильная старушка, — заметил я, улыбаясь.

— Вот что, капитан, — произнес Иванов, — забирай ты все это. Вспыльчив я! Ты меня извини, пожалуйста!.. Все забирай! И коня!..

Он протянул мне руку.

Я крепко, сердечно пожал ее и направился к землянке Красняка. Его отряд, согласно новым указаниям, тоже оставался на Сумщине; при нем разместился со своей группой Мельников.

Неподалеку от землянки я повстречался с Гнибедой. По-прежнему свежий и румяный, в новых яловых ботфортах собственного производства, он самодовольно улыбнулся и сказал свое любимое:

— Не мы, а вы в наши хоромы, капитан.

— Ошибаешься: теперь, как и раньше, вы с отрядом у меня. А «хоромы» придется оставить. Хватит кожи выделывать — в Хинель готовься!

— В Хинель завсегда рады, — смущенно произнес Гнибеда, — соскучился я за Хинелью!

— Пора, познакомь с гостями.

Войдя в землянку-светлицу, убранную скатертями, тюлевыми занавесками, с кухонной плитой и венской мебелью, я увидел за столом человека лет пятидесяти, с бледным лицом, широкоплечего и как лунь белого. Только густые, черные брови да темно-карие глаза говорили о том, что человек этот был когда-то брюнетом.

Я представился. Седой человек, вяло привстав, оказался маленького роста. Он протянул мне руку и, назвав себя Мельниковым, пригласил к столу. Стол уставлен был консервными банками, пачками сухарей, стаканами с чаем. Тут же сидели Анисименко, ставший теперь командиром эсманцев, Даниил Красняк, командир Конотопского отряда, — человек лет сорока, сухой, с продолговатым смугло-желтым лицом. Оказалось, Конотопский отряд, так же как и Ямпольский, по решению ЦК оставались в Сумской области.

— Капитан Кочемазов, — вытянулся по-военному командир конотопцев.

— Много наслышан, — ответил я Кочемазову, — небольшой, но превосходный отряд имеете. Сколько теперь ваших конотопцев?

— Шестьдесят два, шесть станковых пулеметов, двенадцать ручных и сто пять винтовок, — отрапортовал Кочемазов.

— Отличная база для роста! А у вас, товарищ Гнибеда?

— Сто двадцать хлопцев со мною и с райкомом, — ответил тот, усаживаясь на стул по-хозяйски и скрипя новыми ботфортами.

— Эсманцев девяносто, — подсказал Анисименко, — да и те еще не сколочены.

— Для начала не столь уж плохо, — заметил немногословный Мельников, — я думаю, — пополниться надо…

— Вырастем. Только не здесь, товарищ полковник. Нужно уходить в Хинель, и предметом нашей беседы должен быть именно этот вопрос. Если вы не устали, у меня есть некоторые предложения.

— Прошу, прошу. Я готов ознакомиться.

— Но прежде всего — карту.

Мне не терпелось завладеть десантной сумкой Мельникова, которая до отказа была набита превосходными картами.

Все встали и вышли, оставив меня с Мельниковым с глазу на глаз. Договорившись в принципе о необходимости вывода сумских отрядов на Хинельскую базу, мы послали за Фомичом. Он не замедлил явиться, и, таким образом, состоялось первое совещание сумского штаба.

В результате обмена мнениями мне поручили заниматься чисто военной частью: диспозицией, боевым использованием отрядов, разведкой, связью, планированием боевых операций, вождением отрядов при перемене дислокаций и всей службой непосредственного охранения.

Фомич оставил за собой руководство подпольем и партийно-политическую работу среди партизан и населения. Круг задач Мельникова на первое время ограничился поддержанием радиосвязи с УШПД, информацией его о военно-политической обстановке и налаживанием связи с Москвой самолетами.

Сумской штаб принял решение немедленно начать подготовку к выводу на Сумщину оставшихся в нашем распоряжении отрядов.

На этом совещание окончилось. Я вышел из землянки и среди поляны увидел двух миловидных девушек, очень похожих одна на другую, и пятерых парней. Среди них был Инчин.

— Ба! Наш капитан! Знакомьтесь, товарищи!

Двое в военном щелкнули каблуками и взяли под козырек.

— Лейтенант Байдин! — представился стройный молодой брюнет с быстрыми темными глазами, — начштаба Конотопского! — Техник-лейтенант Лопатников, — указал он на своего помощника, высокого блондина с пухлыми, как у ребенка, губами.

— Забияка! — грузно повернулся ко мне низкорослый и необыкновенно плотный парень лет тридцати, с медно-красным лицом и могучей шеей, и добавил, что он помпохоз Кочемазова.

Четвертым был Петрикей Петр Игнатьевич, комиссар Кочемазова, — шатен, со смугловатым лицом, по внешности застенчивый и скромный.

— А с девушками? — спохватившись, произнес Инчин.

— Девушки потом, эрзя, — сказал я. — Сейчас же берись помогать мне. Составь списки партизан, готовь почту, распорядись, чтобы Баранников подготовил и накормил двух лошадей; вечером выедем к орловцам. Словом, приступай к своим обычным обязанностям и не забывай вести дневник о Хинельских походах.

— О, громы неба! — захохотал Инчин. — Впервые получаю столь длинное распоряжение! Слышите, отныне я не таинственный беглец, а офицер подпольного областного штаба! — Он картинно расшаркался перед девушками и побежал к шалашам эсманцев.

Девушки засмеялись.

— Это пулеметчицы наши, сестры Галушки, — подсказал Петрикей, — а отец их — командир пулеметной роты.

Я подошел к девушкам.

— Не соскучились по Конотопу, девчата?

— Скучаем, товарищ капитан, только не по Конотопу, а по хутору Воздвиженскому, Мы из Ямпольского района, — ответила старшая, лет восемнадцати, которую звали Марусей.

— Тем лучше, скоро побываете дома.

— Дома никого нет, — с грустью ответила ее сестра Валя. — Мама и двое братиков с нами были в отряде, а теперь — на аэродроме. На Большую землю полетят!

— Очень неплохо, но почему бы и вам не улететь с мамой?

— Нет, нет! — запротестовали девушки, — Кто же останется с папой?

Конотопцы произвели отличное впечатление — выбритые, подтянутые, бодрые.

— Хорошие ребята, — сказал я Инчину, придя в шалаш.

— О! Девчата еще лучше! — воскликнул Инчин. — Честное слово! Сестры Дроздовы, сестры Галушки, Костырева Маруся и особенно медфельдшер Лизочка! Ах и хороша! Я влюблен по уши! Глаза — огонь, а сама — крапива! Она знает вас.

— Едва ли, — сказал я.

— Вспомните Знобь, когда сапоги собирали. Вы у них в квартире были, а Сачко и теперь в тех сапогах щеголяет, помните? Ему Лиза подарила.

— Помню! Самое главное, что она медичка, это для нас особенно дорого!

Знакомство с конотопцами зарядило меня новой энергией, и предстоящие задачи уже не казались столь тяжелыми, как это было, когда я расставался с моими партизанами.

— Снова в Хинель поедем? — спросил Инчин.

— В Хинель и дальше, Анатолий! Придет час, узнаешь… Проклюнем мы брянскую скорлупку, братец мой, расправим крылышки и — в степной простор. До самого синего моря!..

— До Черного!..

Мы просидели за списками до полуночи, когда надвинулся на Брянский лес обложной дождь. Завернув пакеты в пергамент и уложив их в переметную суму седла, мы тронулись без промедления в дорогу.

Хотелось быстрей решить вопрос о выводе отрядов на Сумщину, сдать пакеты на почту, а для этого необходимо было побывать в главном орловском штабе, а также у Гудзенко, повидаться с Покровским, познакомиться с харьковчанами: последние оставались на Сумщине и поэтому переходили в подчинение сумского штаба.

Об этом надо еще было сообщить Воронцову и Гуторову.

Расстояние в тридцать километров предстояло проехать вдоль линии железной дороги, в направлении на восток от разъезда Скрипкино. Ехали верхом, без коноводов, — других лошадей в распоряжении сумского штаба не было.

Дождь уныло стучал по брезенту, накинутому поверх моей черной шинели. Вода струилась по лицу, проникала за шиворот, и от этого было зябко. Скрытый быстро несущимися тучами месяц скупо освещал землю. По топкой лесной тропе, почти вслепую, с трудом добрались мы до Скрипкино. В одном из четырех полуразрушенных бараков светилась лампа.

Оставив коня на попечение Инчина, я направился на огонек. Вошел. Дым коромыслом. Вокруг стола сидят «боги Олимпа» — начальство партизанского отряда имени Котовского. Харьковчане. «Боги» играют в «двадцать одно»…

Поздоровался. Встретили тепло. Усадили в разбитое мягкое кресло, неведомо где добытое.

На столе, между грудами окурков, лежат кипы червонцев. На мой вопрос о боевых планах Воронцов и Гуторов ответили, что до зимы — никуда, а там в рейд на Харьковщину!

— Почему до зимы? — не понял я.

— А куда в грязь тащиться?

— Ну хотя бы на Сумщину.

— Нет уж! Пусть другие попробуют!

— Ну, а вместе с нами, с сумским штабом?

— Не слыхали такого. Эсманцев, тебя — знаем…

— Значит, отстаете от жизни. Сумской штаб руководить вами будет, пока вы вблизи Сумщины. И он потребует вашего выхода на Украину.

Я познакомил Воронцова и Гуторова с указанием Н. С. Хрущева, а заодно и рассказал о своих продовольственных и других ресурсах в Хинельском лесу. Харьковчане заинтересовались.

— Придем, непременно придем всем отрядом! Придем, как только возвратится разведка и мы получим питание к радиостанции, — заверяли Воронцов и Гуторов.

Я ушел от них, ничего не узнав об обстановке, и поехал дальше, по дороге к Старому Погощу. Кругом ни души — ночь и лес. Казалось, что во всей вселенной только два человека: я и Инчин. Но и Инчина вскоре я потерял из виду; он пришпорил коня и поскакал вперед. Мой конь скоро догнал его, и мы, спешившись, пробирались ощупью.

Утомившись, мы снова сели на коней. Дождь назойливо барабанил по плащу, страшно хотелось спать.

Переходя через мосток, который оказался без настила, конь Инчин а провалился между бревнами. Лейтенант вылетел из седла. Я поспешил ему на помощь. Включив фонарик, висевший на поясе, мы с трудом подняли стонавшего коня. Инчин опознал место: именно тут провалились кони, когда мы везли по рельсам вагоны.

Плетемся дальше, спотыкаясь о шпалы. Впереди должен быть разъезд Новенький, но его что-то нет и нет. Сверяемся по компасу — движемся правильно. И все-таки мне кажется, что едем к Трубчевску…

Но вот вдали мелькнул огонек. Мы приняли его за ракету. Лезть на рожон не было никакого смысла.

Оставив коней Инчину, я пошел разведывать дорогу. Условились: если меня обстреляют, он должен отъехать в сторону и ожидать. Если свои, я три раза свистну и буду пеленговать фонарем.

Иду… Показались строения. Кто-то прошел в дом с головешкой в руках.

Я приготовил гранату, вынул пистолет и притаился за углом сарая, перед которым тлели угли, Кто-то вышел из дома и направился к костру. Выскочив из-за сарая, я произнес:

— Ни звука! Руки вверх! Ни с места!

Осветив лицо своего пациента, я увидел заспанную физиономию и задранные кверху руки. За плечом у человека —

полуавтомат, под ногами — кучка картофеля.

Увидев мой немецкий плащ, бедняга потерял на некоторое время дар речи. Как? Немцы — и вдруг здесь, в партизанском крае?!

Я узнал, что он — партизан, и стал уверять его, что я также партизан, но он долго не хотел верить.

Оказалось, что я попал к ворошиловцам. Здесь, на пепелище Старого Погоща, стоял батальон Гудзенко. Штаб находился в Стеклянной Гуте.

В девять утра, смертельно уставшие, мы пришли к подполковнику Гудзенко. На груди его сиял орден Ленина. На радостях мы выпили.

Он едва успевал отвечать на наши расспросы о Москве. Его ответы делали нас счастливыми и спокойными за будущее нашей Родины.

А в середине дня гостили мы в лагере майора Покровского. Ворошиловцы оставались в Брянском лесу и готовились к новому походу по Орловской области. Совершив рейды под Брянск, их отряды превратились в отлично вооруженные бригады, из Москвы они получили пушки и противотанковые орудия. Гудзенко и Покровский составляли теперь неотъемлемую часть Брянской лесной армии.

В результате суточного путешествия по лесным штабам я получил возможность предложить нашему штабу три вероятных маршрута: «А», «Б» и «В». Все они рассчитаны были на скорейший выход оставшихся в нашем распоряжении партизан на Сумщину, независимо от того, какими путями будут выводить свои отряды Ковпак и Сабуров.

Отоспавшись после утомительной поездки к ворошиловцам, я занялся формированием комендантского взвода. Это подразделение должно было охранять сумской штаб и радиоузел. Я включил в это подразделение всех партизан, которые остались от первой группы: Баранникова, Сергея Пузанова, Романа Астахова с братом Ильей, Карманова, Коршка, Володю Шашкова, Троицкого; под командой Инчина эта комсомолия, согласно моему замыслу, должна была в будущем составить ядро нового отряда на Украине.

Закончив формирование комендантского взвода, я познакомился с радистами — Лёней Малым и Николаем Агафоновым. Устроившись в одной из лучших землянок, они сидели там со своими аппаратами с утра до ночи. Путешествуя по эфиру, ребята вылавливали радиограммы, порой передавали для всех нашу родную песню или сводку Советского Информбюро. С каким трепетом слушали партизаны Москву, бой кремлевских

курантов, вдохновляющие звуки гимна!

Понять все это может только тот, кто был оторван от Большой земли хотя бы на короткое время.

Радиоаппарат был для нас вестником правды о Советской Родине, о Красной Армии. Радиостанция давала возможность рапортовать Родине о наших делах, получать помощь, быть всегда в курсе политической, военной и хозяйственной жизни Родины. Одно то, что партизаны ежедневно разговаривают с Москвой, оказывало магическое действие на местное население.

Партизанский штаб, имеющий радиостанцию, был в глазах населения официальным органом советской власти, а командир отряда, с которым имеет дело Москва, был и для партизан и для населения официальным представителем Советского государства, его уполномоченным на оккупированной территории. Самой большой заслугой УШПД того времени лично я считаю организацию широко разветвленной радиосвязи Москвы с населением временно оккупированных районов.

Благодаря партизанскому штабу и радиосвязи мы получили возможность вызывать к себе самолеты, то есть получать помощь вооружением и боеприпасами, медикаментами, эвакуировать больных и раненых, отправлять и получать почту.

И вот я высылаю свой денежный аттестат моим родителям на Урал, в родное село Большую Соснову.

Заботами партии и правительства партизаны приравнивались к кадровым военным. Мой месячный оклад по военной должности сохранился за мной. Я просил своих родителей позаботиться о жене и сынишке, если им удастся найти их.

Еще в конце мая прошлого года моя жена с трехлетним сыном Славиком уезжала в гости к бабушке, в Шостку. Мы простились на Львовском вокзале. Живы ли они? На советской они территории или на оккупированной? Были слухи, что они эвакуировались из Шостки с последним эшелоном, но находились свидетели, которые уверяли, что эшелон этот подвергся бомбардировке с воздуха, что двенадцать вагонов с женщинами и детьми были разбиты…

И вот сегодня я получил возможность послать на родину письма и аттестат. Я подробно писал о своих скитаниях по тылам врага, о попытках перейти фронт, о жизни партизан, просил сообщить о судьбе сестер и братьев.

Первое письмо на Родину!

Любой оставшийся в тылу врага советский человек полжизни отдаст за то, чтобы дать знать о себе своим родным. И вот все пишут на Большую землю… Пишут родным, знакомым, героическому народу, самоотверженно защищающему Отчизну от

врага. Клянутся мужественно и до конца бороться с фашизмом.

Инчин писал матери и своей невесте в Шенталу, на Волгу… Писал с большим чувством, с вдохновением:

Лети, письмо мое,
На крыльях краснозвездных,
Поведай Родине о юношах… седых,
«пропавших без вести»,
«в сражениях погибших»,
«не вынесенных с поля»,
Но… ж и в ы х!
Лети, письмо,
Спеши в очаг родимый,
Любимой, суженой отчаянье развей!
Отцам и дедам, Родине Советской
Поклон неси
От верных сыновей.

На следующий день, двадцать второго октября, при штабе Ковпака состоялось последнее совещание руководителей партизан Сумской области. На вопрос Фомича о сроке выхода из Брянских лесов на юг Ковпак, подумав, ответил, что он надеется вместе с Сабуровым прорвать оборонительный пояс противника в ночь на двадцать восьмое, после чего они дадут и нам возможность выйти из Брянского леса. Кто-то из штабистов Ковпака не без иронии добавил:

— А если возьметесь нас повести, то идить вперед.

Губы Ковпака при этом чуть дрогнули, и он поспешил прикрыться густой дымовой завесой. Сабуровцы и остальные ковпаковцы сдержанно улыбнулись.

Фомич вспыхнул. Полковник Мельников принял насмешку стоически, а меня она, что называется, заела.

Поспешна распрощавшись, мы покинули совещание и собрались у себя…

После долгих раздумий мы приняли маршрут «А» и решили выступить на Сумщину в ночь на двадцать шестое октября.

По маршруту «А» еще накануне Инчин расставил скрытые наблюдательные посты. Через цепь этих хорошо замаскированных в перелесках и кустарниках постов он бдительно наблюдал за противником. Начались сборы. Ямпольцы и конотопцы имели солидные обозы. Готовясь к рейду на запад, они получили много боеприпасов и вооружения — общим весом до десяти-пятнадцати тонн. Это осложняло предстоящий опасный переход.

Пришлось примириться с необходимостью вести за собой до

тридцати повозок с боеприпасами, минометами и станковыми пулеметами.

Собрав всех старших и младших командиров, я потребовал завязать ремнями морды лошадей, копыта обмотать тряпками, колеса обильно смазать, а на оси надеть кожаные или резиновые прокладки: обозу необходимо было пройти незамеченным мимо укреплений противника.

— У нас нет колесной мази, — заявили командиры.

— Мажьте салом, маслом! — отвечал я.

— Телеги маслом? — изумился командир Конотопского отряда. Кстати сказать, у него имелся не один бочонок масла.

— А у меня и масла нет! Коровы теперь мало доятся! — жаловался Гнибеда.

— Режь коров, добывай сало! Телеги должны идти неслышно!

Длительная жизнь в лесу научила партизан беречь продукты питания. Только вчера я «с кровью выжал» у Кочемазова мешок сухарей для отряда Анисименко, а у Гнибеды телушку. При этом они уверяли меня, что теперь придется им остаться голодными.

При сборах же оказалось, что этим отрядам не хватает повозок для боеприпасов: все повозки нагружены были у них сухарями, салом, маслом. Кочемазов и Гнибеда хотели еще гнать своих коров вместе с отрядом…

— Да что вы, товарищи? — внушал им Инчин. — В драке волос не жалеют! Вот увидите: завтра же раздобудем продуктов, сколько хочешь!

— Мельницу конную куда определить? А швейные машины? — осаждали Гнибеду портные, сапожники, кожеделы, пастухи.

Я с укором поглядел на Гнибеду.

— Признайся, друг! Неужели не мешало тебе воевать всё это?

Он смутился, долго смотрел на меня, думая что-то, и, наконец, крикнул своим интендантам:

— Сказано вам, — одни патроны да оружие грузить! Дывиться у меня, коль хоть одну машинку или кожу на возах увижу!

В лесу из сумчан оставался только Горюнов и с ним группа человек в двадцать. Это были партизаны Середино-Буды, лишенные возможности выйти в рейд по состоянию здоровья.

Горюнов стал богачом. Ему было сдано всё лишнее имущество, что обременяло обозы ямпольцев и конотопцев, и вменено в обязанность снабдить Артема Гусакова продовольствием, которое необходимо было женщинам и детям, ожидавшим на аэродроме отправки на самолетах.

Утром двадцать шестого октября мы закончили подготовку к

походу.

Отстучав радиограмму в ЦК Н. С. Хрущеву и в УШПД Строкачу, мы покинули комфортабельную землянку Гнибеды.

День выдался ясный, солнечный. Поляну усеял золотистый лист. Отряды стояли, вытянувшись в походную колонну, ожидая команды. Командиры повернули людей фронтом. Я поздоровался с ними:

— Здравствуйте, товарищи сумские партизаны!

Дружное «здр-р-рас!» прозвучало в ответ.

Я поднял руку: «Внимание!» И махнул по направлению к югу. Колонна двинулась.

Сев на коней, мы с Фомичом вырвались вперед, чтобы договориться на переднем крае с орловцами о предстоящем выходе сумских отрядов в свои районы.

На лесной дороге мы обогнали обоз Артема Гусакова. Старик уезжал в Смелиж, на аэродром, увозя продукты. По поручению сумского штаба он обязан был эвакуировать в советский тыл до четырехсот человек — жен и детей партизан, больных и раненых, дряхлых стариков, — всех, кто был отсеян из соединении Сабурова и Ковпака и других отрядов сумчан перед рейдом.

— Прощай, Артем Михайлович! Береги порученных тебе людей! Поклонись от нас Москве, всем людям нашим, земле советской! — крикнули мы вслед Гусакову.

Артем, махая шапкой, ответил:

— А вот почуете: до самого Ворошилова дойду, а до дела всех там пристрою, уберегу-у, не подкача-ю!..

Я подъехал к Фомичу, сказал ему:

— Итак, Фомич, мы идем туда, где нет теперь ни одного партизанского отряда… На голое место идем…

— Идем, Михаил Иванович, но не на голое место! Там ждут нас тысячи людей, измученных гитлеровской неволей! И мы поможем им в борьбе за свободу!

Через час мы выехали на передний край, где уже стояли заставы Покровского. Ворошиловцы сменили сумчан на этом участке с тем, чтобы и впредь Брянский лес оставался неприступным для захватчиков.

Глава XXIII
ХИНЕЛЬСКАЯ АРМИЯ

Светло и чисто в штабной землянке. Посреди комнаты жарко топится сделанная из железной бочки печка; яркий желтоватый свет тридцатилинейной «молнии» падает на висящую топографическую карту, золотит узор двух заиндевевших окон, освещает стол и входную дверь.

В противоположном конце землянки постреливает плита: там пищеблок главштаба — ведомство нашего шеф-повара Софьи Сергеевны. Меж канцелярией и плитой отсек из досок и одеял — это моя и Фомича спальня. Справа — кровать, слева — другая, между ними — ход, связывающий «парадную» дверь землянки с запасным выходом через кухню. В делом наша землянка — это дзот: четыре узких окна — амбразуры.

По такому же принципу устроены и другие землянки нашего «Копай-города». Число их растет ежечасно. Люди идут в Хинельский лес толпами, в одиночку и семьями, целыми сёлами, пешком и на подводах, кто с ружьем, кто с топором. Идут из Ямполя от Шостки, пробираются из Кролевца и Конотопа, едут из-под Ворожбы и Белополья. Отказа нет никому. Придя в лес, берут ломы и лопаты, валят на пухлый снег деревья, топоры и пилы звенят в «Копай-городе» день и ночь, мороз научил людей строить добротно и скоро. Жилище на двадцать человек возводится в одну ночь, самое большее — в сутки. Оконные рамы, доски, печки подвозят из сёл, освещение — каганцы, вместо кухонных котлов — ведра над кострами.

Вокруг моей землянки — кольцо других землянок-дзотов. Это хозяйство хрущевцев, нового отряда под командой Инчина, за ним кольцо конотопцев, ямпольцев, эсманцев, вкопавшихся в землю в 35-м и 36-м кварталах. Через два километра нас окружают землянки двух Курских и второй Севской бригады. Кроме того, весь этот лагерь сумчан, орловцев, курян опоясан обручем дзотов. Дзоты построены по общему плану обороны на каждые сто — сто пятьдесят метров. На случай длительного боя они снабжены дверьми, маленькими печками и запасом мелко нарубленных дров.

Но и это еще не весь «Копай-город». Он имеет свои «пригороды». В погребах и подвалах лесокомбината, винокуренного завода и на месте уничтоженных сел: в Подывотье, в Подлесных Новоселках, в Быках и в Забытом живут партизанские сторожевые заставы, — где взвод, где рота, и они

тоже имеют дзоты. Хинельский «Копай-город» населяют четыре партизанские бригады и несколько больших и малых отрядов.

«Копай-город» тесен. Партизаны заняли много сел, и вновь, как десять месяцев назад, загнали оккупантов в Глухов, в Рыльск, во Льгов, в укрепленный Севск. Вокруг Хинели снова возник партизанский край. На юго-восточной его границе стоят батальоны первой и второй Курских бригад, на южных — эсманцы, юго-запад оберегает бригада Гудзенко, север — вторая Севская бригада Коновалова.

На дворе морозно, слышны поскрипывающие шаги часового, мерно постукивает движок нашей радиостанции — она в соседней землянке, гудит пламя в раскаленной докрасна печке. Я один и весь погружен в изучение висящей на стене карты. Она сверху донизу прорезана красной изломанной линией — это предположительный маршрут рейда на юг области. Туда — к Мирополью, к Сумам, в район Ахтырки и Гадяча, на Харьковщину устремлены мои думы. Туда пробираются наши разведчики, инструкторы и связные Фомича. Тернист и опасен их путь в условиях суровой зимы, в открытых степных районах. Экипированные под местных жителей, с гранатой и пистолетом в кармане, они то пешком, то на одинокой подводе пробираются глухими дорогами от одного села к другому, отдыхают и спят под копной сена или где-нибудь в торфяной куче, а то а просто в яру под снегам. Многие пропадают бесследно, другие, как группа Петрикея из Конотопа или Николенко из Глушкова, вернулись обмороженными, полуживыми. Распространение листовок подпольного обкома, центральных газет, сводок Советского Информбюро, поиски связей с местными подпольными центрами — вот их опасная работа.

Туда же, в открытые степи Харьковской области, ушли со своим отрядом Воронцов и Гуторов. Ушли — и словно в пучину канули…

Две недели назад выступил Харьковский отряд из Хинели. Сначала он доносил о себе ежедневно. Но вот уже пятый день его рация молчит, не отвечая на наши позывные. Встревожены и в Москве. Три запроса поступило от Строкача. Но ни Воронцова, ни Гуторова не слышно…

«Что с ними там? Неужели участь всех, направленных в степные районы Украины, одинаково трагична?»

На кухне хлопнула дверь, кто-то вошел, послышался воркующий голос. Узнаю по голосу: это Софья Сергеевна беседует с одной из трех дочерей, — не понять, с кем именно, — то ли с Аней, то ли с одной из Марусь, похожих, как две капли воды, друг на друга.

— Аня, — спросил я однажды, — почему обе сестренки Маруси? Имен что ли, не хватило?

Она многозначительно сжала губы и, чтобы не услышала мать, прошептала:

— Поверила мама бабкам, что из двух схожих останется жить только одна, потому и назвала их одинаково.

Среди конотопцев также имеется несколько семей: семья Охрименко — мать и дочь; семья Дроздовых — отец и две дочери; семья Галушки — сам с женой, две дочери, два сына — эти воевали уже второй год, и многие другие последовали их примеру, после того как радио, а затем и газеты принесли к нам радостные вести. Сначала с берегов Волги, неделей позже — от Великих Лук и Ржева, немного спустя — от Среднего Дона и Северного Кавказа. Эти вести неслись по тылам оккупантов, будто морские волны в дни шторма, распространяясь все дальше на запад, потрясая ненавистный «новый порядок», поднимая на борьбу с фашизмом села и районы, семьи и одиночек.

Четыре бригады и десять больших и малых отрядов превратились в Хинельскую армию!

Хинельский лес стал партизанским краем, со своей пехотой и конницей, с радиоузлом и аэродромом, на который прямым сообщением из Москвы садятся каждую ночь самолеты.

«Новый удар наших войск юго-западнее Сталинграда!» — слышу я в вечернем сообщении по радио.

«А что сделали мы — штаб партизанского движения на Сумщине? Немного сделано нами! Ничтожно мало!» — отвечаю я себе и снова обращаюсь к карте, хотя за эти два месяца появилось много нового: организован и действует на своем участке Шостенский отряд; возник и вырос в значительную силу второй Шалыгинский; создан второй Глуховский; сформирован Недригайловский отряд, выявлены партизанские группы в городе Сумы, в Белополье и Ворожбе; «нащупаны» значительные скрытые резервы партизан в виде подпольно действующих отрядов в районе Новая Сечь и Кияница, у Тростянца, под Лебедином, в Боромле…

Эсманский отряд никогда еще не был столь большим. Он имеет в своих рядах до девятисот бойцов, почти столько же — Ямпольский. Дела сумского штаба одобрены маршалом Ворошиловым и начальником Центрального штаба Пономаренко. Они поздравили нас с успехом.

Но для меня ясно, что лучшее — враг хорошего. И в этом наши разногласия внутри штаба.

«Для второго года войны, — думаю я, — делаем мы все же мало. Москва ждет от нас действий на юге области, на главных

коммуникациях врага. Это видно из напоминающих радиограмм Строкача, а он действует от имени Центрального Комитета партии. Украинский штаб шлет для наших отрядов оружие, боеприпасы, взрывчатку, фуфайки и шапки, валенки, мыло и соль, табак и медикаменты. Новые условия и обстановка, поэтому совершенно иной должна быть и наша тактика.

Силы партизан огромны, тылы противника почти голы, зима — отличное время для рейда большими силами: ночи длинны, дороги легки, мостов и бродов искать не нужно, — это ли не благоприятные условия для стремительных партизанских рейдов!

Следует как можно скорее двинуть три тысячи сумчан в степи, на юг области, обрубить коммуникации врага на самом ответственном направлении Киев — Харьков! Курским партизанам нужно поддержать наш выход силой двух бригад, они должны ринуться на магистральные пути Курской дороги! Далее: необходимо прикрыть наши тылы активными действиями второй Севской бригады, а затем Гудзенко ударит по магистрали Конотоп — Бахмач, — вот в чем должна выразиться наша помощь фронту!»

Стук в дверь обрывает мои размышления.

Вместе со струей холода в землянку входят командиры — подтянутые, чисто выбритые, каждый с планшетом, компасом и полевой сумкой. Они пришли точно к назначенному сроку — в 16.30.

Ежедневно я провожу до 18.30 командирские занятия. Фомич и Мельников уходят к этому времени в типографию или в одну из штабных землянок «Копай-города».

Сегодня командно-штабное учение в классе. Тема: дневка отряда в селе после ночного марша. Командиры усаживаются за стол, развертывают свои учебные карты, на которых нанесены обстановка и решение. Первым докладывает Гусаков.

Его слушают: Кочемазов со своим штабом, Пастушенко и Спилывий — от ямпольцев, Щебетун, Рогуля и Лаврик — от недригайловцев, Боров и Анисименко — от эсманцев.

— Так что, — говорит Гусаков, — справа у нас гарнизон, слева бронепоезд на станции, и должен провести я свой отряд через железную дорогу, а после, до наступления утра, расквартироваться в удобном месте на дневку…

Гусаков свесил свой чуб над планшетом — брови сдвинуты, на высоком лбу проступили мелкие капельки пота, — для него работа над картой представляет большой труд, он просил меня освободить его от предстоящего рейда «по чужим районам», уверяя, что не сможет командовать «в степу», не умея

пользоваться картой.

Сегодня, после месяца упорной учебы, ориентирование и чтение карты уже освоены, но учебная программа предъявляет Петру каждый день новые требования; взяв одну высоту, Петро принужден карабкаться на следующую кручу. Закончив курс военной топографии, мы «берем» на классных занятиях следующий «рубеж» — специальную тактику, разработанную мною применительно к рейду.

— Так что решил я, — вытирает лоб Петро, — пройти «навпростець» под путями через вот эту трубу, — Гусаков указывает на то место на карте, где значится виадук при небольшой балке. — А на дневку займу Велику Неплюевку, ось тут червоным карандашом указано…

Петро выпрямился и облегченно вздохнул, словно снял с себя тяжелую ношу.

Я гляжу на его карту. Жирная линия пропахала на бумаге глубокую борозду. Исходное положение «к форсированию» железной дороги избрано верно — в пятнадцати километрах от магистрали, азимут вычислен без ошибки, место пересечения железной дороги удачно.

— Всё хорошо, Петро, одно плохо, — замечаю я, — скажи, как далеко избранное тобою село от магистрали?

— В семи, — на карте обозначено…

— Вижу. Садись. У кого другое решение?

— Неплюевка не подходит, — говорит лейтенант Байдин, — с бронепоезда обстреляют. Я выбрал Юрьевку, что в двадцати километрах от дороги и в тридцати от города Ромны.

— Так думаю и я. А дальше что будем делать?

— Мое решение: оцепить село, закрыть все входы и выходы, обрубить линии связи, выслать по всем дорогам разведку, выставить заставы, и только после всего этого — на отдых, — бойко рапортует Байдин.

— И это не все, — спокойно докладывает Кочемазов, — необходима в степях маскировка!.. Завесить окна, будто село спит, и огней не должно быть видно; коней, возы и тачанки укрыть в сараях, чтобы днем не обнаружили самолеты, людей разместить по отделению на хату, да обязательно чтобы командир был с ними…

— Тоже верно, но и это не все, — говорю я озадаченным командирам.

Они уже привыкли к тому, что угодить мне трудно, и потому не спорят. Выслушав решение каждого, я донимаю их вопросами:

— А круговую оборону кто вам организует? А наблюдателей кто в соседние села выставит? Мосты кто разбирать будет? И

почему обязательно рубить линии связи, а не попытаться завладеть телефоном, чтобы уже самим с комендантами разговаривать от имени старосты?..

Моя «академия» работает строго по расписанию уже второй месяц. Ежедневно по два часа в классе, по четыре — с бойцами в поле. Мы уже отработали встречный бой, действия отряда в засаде, ночной марш, действия отряда по уничтожению железнодорожного моста и еще до десятка других задач, необходимых для командиров в условиях предстоящего рейда по открытой степной местности.

— Завтра, — объявил я командирам, заключая занятия, — начнем пристрелку оружия и стрельбы. Каждый боец и командир должен знать бой своего оружия для того, чтобы верить в него, когда придется вести огонь по живым целям. Должны быть приведены к нормальному бою винтовки, автоматы, пулеметы, и не должно быть ни одного бойца, который не поразил бы головную мишень в десятку.

Занятия окончены, командиры вышли. В землянке снова тихо, мерно стучит движок радиостанции. Радисты — зеленая молодежь. Их уже втрое больше. Аня и еще три девушки проходят курсы. Они уже знают настройку, овладевают передачей «на ключ». Я хочу, чтобы каждый отряд в рейде имел свою радиостанцию.

— Воронцова не слышно, — докладывает Леня Малый, — Москва предлагает самолеты на посадку. Каков будет ответ?

— Стучи: «Принимаем на посадку любых типов», — говорю я. — Сигналы старые.

Малый выстукивает наши позывные лозунги, просит переходить на прием, Агафонов быстро зашифровывает текст ответа.

«Два на посадку, — думаю я, — значит, через четыре часа мне быть на аэродроме».

Я ухожу к себе. Меня ждет Баранников. Он в белом халате поверх шинели, с новеньким русским автоматом, на боку, в прорешке халата, виден бронзовый эфес шашки. Лицо обветренное, взгляд строгий, прямой.

— Что, Коля, саван напялил? — спрашиваю я Николая.

Баранников теперь — командир комендантского взвода по охране штаба, глава хрущевской конной разведки.

— Только что с тактики, — рапортует он. — На ночные учения ездили.

— А каковы успехи?

— Ручаюсь, все как один компасом владеют. Седьмое задание выполнено!

— Присядь, Коля. Посмотрим, как выполнили…

Я достал из стола памятку Инчина. Отправляясь в пятый Брянский поход, он просил меня следить за боевой подготовкой разведчиков. На двадцать шестое декабря в расписании занятий его четким почерком было помечено:

> «Учения в составе взвода по топографии. Тема: «вождение отряда по азимуту без дорог, ночью». Задание: найти спрятанный пулемет в квадрате 23-01-б. Исходная точка — развилка дорог у 35-го столба. Движение: к ориентиру 1 (лесокомбинат) — под углом 270° — 700 метров, к ориентиру № 2 (второй мост на Сычевке) — под углом 250° — 450 метров, пулемет под снегом — 280° — 3800 метров».

— Ну и как? Нашли пулемет?

Баранников смеется:

— Без затворной рамы… Бойцы весь квадрат клинками перепахали; думали, что завалящий какой случайно попался, ну, и сомневаются…

— Так вот, — говорю я, — скажи им, что они молодцы, работают, как настоящие разведчики, что эта наука поможет им в степном рейде.

— Да уж наука надежная, все понимают, — соглашается Николай. — Только и науки уже все прошли, говорят бойцы, а дела настоящего все нет и нет, Михаил Иваныч! И маскхалаты пошил я, и брюки ватные… Хорошо бы, Михаил Иваныч, и коней маскхалатами снарядить. Для разведчиков… Дозвольте на это дело материальчику!

— Посмотрим, Коля, что Москва подбросит, А сколько надо?

— Да что там, пустяк. Из двух парашютов двадцать халатов для бойцов пошито, а на коней, думаю, четырех достаточно.

Десантное снаряжение у нас использовалось без остатков: из сумок и грузовых мешков шили одежду, из ремней и добротных пряжек получались превосходные подпруги к седлам, вата целиком шла на фуфайки и брюки. Из полотна парашютов в первую очередь изготовлялись бинты, затем маскхалаты, подкладка для теплых вещей и белье. Даже стропы, и те шли в дело: из них наши портные вытягивали отличные нитки, которые тут же запускали в машинки.

— Нет, Коля! Четыре парашюта нам дороже двадцати лошадей. Лучше уж сорок бойцов в халаты оденем. И ты гляди, лейтенант приедет, так чтобы в мастерской был порядок!

Баранников спохватился:

— Ох! Виноват, Михаил Иванович! Анатолия Ивановича

привезли, может быть, час назад! Филонов доставил. Я думал, вы знаете…

— Ранен он, что ли?

— Нет, цел. Только жар у него…

Я поспешил к землянке Инчина, Там уже хлопотали Оксана Кравченко, старшина хрущевцев Виктор Жаров и Филонов, сопровождавший Инчина в его пятом Брянском походе.

— Признаки тифа, — без обиняков доложила Оксана, уже второй год работавшая у эсманцев фельдшером. — Температура за сорок, — добавила она и приказала Баранникову: — Все снять и прожарить в бочке, укрыть теплее и подать чаю с медом, горячего молока! Если простуда, — поможет! Иди!

Обычно смешливая и задорная, с ямочками на розовых щеках, с жгучими темными глазами, Оксана преображалась, становясь воинственной богиней исцеления в тех случаях, когда отряду грозила какая-нибудь инфекция или эпидемия.

— Чего очи вылупил? На больного гляди, а не на меня, — накинулась она на старшину Жарова, поедавшего ее глазами. — Вот же, не мычит, не телится!

— Дежурных санитарок назначь, — опалив Жарова огнем агатовых глаз, требовательно продолжала Оксана, — хорошенько топи печку, не давай выходить больному на холод! Одеяло теплое или тулуп, свежие простыни и белье подавай сейчас же!

Инчин лежал на койке и безразлично глядел на собравшихся. Меня признал сразу же.

— Вы тоже сюда, товарищ капитан… Как же там наши в Хинели? Холодно тут…

В землянке было жарко, но его знобило, он бредил.

Филонов передал мне сумку лейтенанта, и я вышел, оставив больного на попечение Оксаны и Баранникова.

Две недели назад Инчин был командирован в Смелиж, в ставку орловцев, для того чтобы провести из Брянского леса к нам большую трупу партработников, которую готовил высадить в Смелиж УШПД. Кроме того, я просил Инчина ускорить отправку на Большую землю семей сумских партизан, все еще находившихся в Смелиже и, судя по письму Артема Гусакова, переживавших там большие лишения.

> «Хлеба и сухарей, товарищ капитан, давно нет, — жаловался Артем, — детишки болеют, женщины плачут. Жить приходится в землянке, а погода плохая, и самолеты не прилетают. Отправил я в Москву только половину, — которые послабей да поменьше, а с остальными бедую…»

Инчин должен был «выколотить» продовольствие от командиров Знобь-Новгородского и Середино-Будского отрядов Горюнова и Сеня и тем поддержать «девятую нестроевую» Гусакова, а пока я хлопотал о том, чтобы вслед за Инчиным направить старику специальный продовольственный обоз.

Теперь это уже сделано: пятьдесят голов рогатого скота и десять коровьих туш (на тот случай, если бы скот разбежался при перестрелке), а также двадцать возов с пшеницей были направлены Гусакову и нашим северным отрядам.

В эту экспедицию ходила рота конотопцев под командой самого Кочемазова. Он возвратился, а часть партработников была высажена на хинельский аэродром, и вот сейчас дневник Инчина должен рассказать мне о партизанских семьях и о положении в Брянском лесу.

Я поспешил в свою канцелярию. Она по-прежнему была пуста: Фомич и Мельников гостили у ямпольцев, отмечавших знаменательную дату — годовщину своего отряда.

Я взял тетрадь Инчина с надписью на ней: «Четвертый Хинельский поход» и приступил к чтению.

«24.10.42 г.

Закончена «дележка», намечены командиры и комиссары обоих эсманских отрядов, командиры и политруки групп, комвзводы и младшие командиры. Написан приказ, капитан Наумов назначен начальником сумского штаба, а я еще ничего не знаю о себе. Куда пойду?

Назначают меня начштаба Военно-эсманского отряда, но это меня нисколько не устраивает. Хочу остаться с капитаном. Слишком уж я привык к нему. Да и он не хочет расставаться со мной, но — пока мы не выступили из Брянских лесов — капитан не в силах применить свою власть.

25.10

Эсманцы так и не смогут окончательно расстаться: одни переходят к военным, другие от военных уходят к местным, причем отряд № 2 называют в шутку «Отрядом местной обороны». Командиром этого отряда назначен Анисименко.

Я категорически отказался следовать с Ивановым.

27.10

Отряды направились в путь. Мы следуем в зону Хинельских лесов. Мы — это партизанские отряды Ямпольский, Эсманский № 2 и Конотопский. Я следую с главным штабом.

Исходный пункт — Белоусовка. Здесь мы простились с

Эсманским № 1, Сабуровским и прочими, которые будут двигаться в рейд завтра.

Идем через ст. Победа на пос. Озерное, Александровский, Родионовка, Ломленка.

Эсманцы в Александровском захватили шесть полицаев, старосту, бочку спирта.

1.11

Намечена операция в Марчихиной Буде.

Бой начался налетом наших автоматчиков. Гитлеровцы сопротивлялись, но сбежали, оставив ямпольцам 1 станковый пулемет, 25 винтовок, 12 убитым и и 6 пленными. Захвачено 30 лошадей, 50 коров, 1000 пудов зерна. Я достал одну бочку меду, гитару. У нас потерь нет. Один человек легко ранен.

2.11

В 4.00 получил приказание перевести гарнизон в Хинельские леса. Главштаб также переводится на дислокацию в зону Хинельских лесов.

3.11

Строю землянки штабу.

Ношусь, как леший, от отряда к отряду, от группы к группе, от командира к командиру: требую людей, повозки, коней, лопаты, топоры, пилы…

Третий день идет снег, ударил мороз. Отряды вышли на операцию, у меня людей нет, землянки не готовы, просто кричи караул да и только. Сам захандрил. Лихорадит.

6 и 7.11

В ознаменование Великого Октября совершили рейд по всему Червонному району. Во многих селах провели митинги и собрания. Выступали Фомич и Анисименко. Обошлось без боя.

9.11

Утром проводил работы по устройству штабных землянок. Одну уже сдал «в эксплуатацию»: устроились там Малый Леня и Николай (радисты). Сидят с утра и до ночи, священнодействуют.

Получили приветственную радиограмму товарищей Пономаренко и Ворошилова 7.11.42 г. Дали ответную.

В 11.00 пять самолетов противника начали бомбить село Хинель, в котором сосредоточились отряды Ямпольский, Конотопский, две роты второго Ворошиловского и главный штаб. Сброшено 30 бомб.

23.11

Готовлю бомбоубежище для штаба. Сделаем и себе. Есть у меня и диверсионная группа. Теперь буду готовить бронебойщиков, пулеметчиков и минометчиков.

Словом, умирать нет времени. Вместе с конотопцами готовлю кузницу. Все это создано из ничего, в лесу, при остром недостатке в людях. Кроме того, мы сами обеспечиваем себя, штаб, работников типографии и три партизанские семьи всем необходимым.

Завтра буду восстанавливать 45-миллиметровую противотанковую пушку.

Организм крайне нуждается в отдыхе. Устал я. Да и раны на ногах все не проходят. Всё надо преодолеть. На то и война.

26.11

Вчера вечером в 22.00 из Москвы прилетел на нашу площадку первый транспортный самолет. Привезли нам толу, питание для радиостанции, автоматы, патроны.

Из Москвы получили радиограмму: «Ожидайте самолет, сигналы прежние».

Фомич (как зовут его в кругу своих ближних) решил «сходить» в Москву. Быстро собрался и поехал на аэродром. Женя Байдин дал мне двести пятьдесят рублей, и я их передал Фомичу с просьбой привезти из Москвы одеколона, зубных щеток, порошка.

Написал рапорт товарищу Строкачу с просьбой о помощи моей матери: аттестата она так и не получила. Послал письмо Лизе. Поздравил с Новым годом.

4.12

После обеда направил два отделения (Журавлева и Рудницкого) вместе с группой конотопцев на операцию в с. Воздвиженское.

Ничего существенного. Промотались целую ночь в степи — заблудились. Проехали около 90 км и чуть не заехали в Ямполь, — а там полиция, казаки, мадьяры, немцы.

В Воздвиженском хлопцы достали спирт, самогон и, доехав до Марбуды, напились; подъезжая к заставе (с. Ломленка), открыли стрельбу. Держала заставу группа второй Ворошиловской партизанской бригады (командир — подполковник Гудзенко). Ворошиловцы, думая, что нападает противник, пошли в атаку на конотопцев. К счастью, разведчики обеих сторон действовали сноровисто и своевременно выяснили, в чем дело, — все

обошлось хорошо и без жертв. Однако в наш штаб рапортом сообщили о нарушении порядка.

Я немедленно арестовал и посадил на «строгую диету» своих «героев».

5.12

Собрали партийное собрание, распесочили парторга Журавлева, который, командуя операцией, допустил до пьянства ребят.

6.12

Провели комсомольское собрание. Распекали «всех и вся».

Я многое извлек и для себя от этого собрания. Вывод прост — оторвался от массы, много гонора. Надо учесть и исправлять ошибку.

7.12

Провожу занятия, готовлю сухари к рейду и прочее. Получил новое противотанковое ружье, 80 гранат и 6 автоматов. Обучаю автоматчиков (их теперь у меня 20). Швейная мастерская изготовила сумки для патронов бойцам, маскировочные халаты, брюки, гимнастерки, фуфайки. Немного приодену ребятишек.

8.12

Сегодня нарисовал картину «Парад гробов», или «Русская вежливость». Направляю в Москву (в «Кр. звезду» или «Крокодил»).

Написал письмо маме. Послал ей сто рублей. Группа эсманцев изловила Фетищенко (бывшего пулеметчика 1 группы Эсманского партизанского отряда, сбежавшего в полицию). Смотрит, стервец, волком. Я ему дал-таки разок в зубы… Расстреляли перед строем отряда.

9.12

Вечером с конотопцами выехали на операцию в Гремячку, Ямпольского района, Сумской области.

Мадьяры (70 подвод), заняв Горелые хутора, перерезали нашу коммуникацию. Часть пути шли лесом, по азимуту.

В лагерь вернулись благополучно, пройдя около ста километров.

В Марбуде отдыхали… Немецкий самолет сбрасывал листовки. Агитируют, паразиты, не воевать с ними. Дескать, опомнитесь, вам осталось еще пять минут на размышление.

Я выставил ПТР и оба своих пулемета «готовиться к

подвигу — сбить «асса».

Было чертовски холодно — до 36—38°. Двое обморозили щеки — командир второго отделения Журавлев и конник Карманов.

10.12

На самолете У-2 из Смелижа прилетел капитан Туркин с женой и ребенком. Будет начальником аэродрома.

Условились с ним: как только будут поступать раненые партизаны для отправки на Большую землю, отобранное у них оружие сдавать мне.

13.12

В 11.00 капитан Наумов, облачив особыми полномочиями, предложил мне ехать в Брянские леса на Смелижский аэродром для встречи и проведения в зону Хинельских лесов оперативной группы (работников райкомов и обкомов КП(б)У, прибывших с Большой земли от товарища Строкача).

Невзирая на больную ногу, я, конечно, согласился. Ребята, близкие приятели, начальство передали мне уйму писем для отправки на почтовую станцию.

14.12

Утром приехали с Филоновым в Быки. Накормили коней, подкрепились сами.

Прибыло 11 человек из Курского объединения во главе с комиссаром Матвеевым и старшим лейтенантом Корчагиным. Объяснил всем порядок движения, разбил по звеньям, назначил командиров троек. В сумерках, приняв боевой порядок и выставив головное и боевое охранение, тронулись в путь. Благополучно доехали до моста на шляхе Суземка — Севск, что в трех километрах восточнее Невдольска, где мадьярская застава. Не доходя 400 метров до Невдольска, свернули со шляха и, взяв курс на север, направились далее. Едем полем… Из Устари и Невдольска противник изредка бросает ракеты. Это для нас удобно.

В 23.30 разгорелся бой. Полнеба охватило кровавое зарево.

Головное охранение добралось до кустиков. Нас остановил окрик: «Стой! Кто идет?» Мы ответили: «А какое вам дело?» — и умчались к лесу. Впоследствии выяснилось, что это была засада партизанского отряда «За власть Советов» и бой был в селе Шепетлево.

Противник из Суземки открыл методичный артиллерийский огонь по опушке Брянских лесов.

Форсировав реку Неруссу, прибыли в 5.00 15 декабря на место дислокации партизанского отряда «За власть Советов».

Итак, снова в Брянском лесу!

15.12

Я явился к командиру п/о «За власть Советов» просить пристанища для уставших и озябших людей. Командир грубо ответил, что греться можно и на улице, стоит лишь развести костры для этого; далее сказал нелепицу вроде того, что мы (боже упаси!) передадим им свой тиф. На помощь поспешил ко мне старший лейтенант Корчагин, причем часовой, стоявший у дверей командира отряда, не хотел впускать бедного Корчагина в святилище своего владыки.

Ворвавшись в землянку командира отряда «За власть Советов», Корчагин бросился в словесную атаку на командира. Мы резко предъявили требование отвести помещение для людей, иначе… Короче говоря, наше требование было удовлетворено.

До 8.00 отдохнули. У меня стащили буханку белого хлеба, добрый кусок сала и байковое одеяло с седла. Я отчасти понимал их.

Поспешили убраться из этого отряда.

…Одеяло мне заменили.

В 14.00 прибыли в Смелиж. Начались «хождения по мукам»: от командира в сельсовет, от сельсовета в РИК, к начальнику аэродрома и пр. Это в поисках квартир, фуража и продовольствия. Конники все были направлены в Чухраи, в Смелиже остались только я, Корчагин, Филонов.

16.12

Поехали с Филоновым в главный штаб западных районов Орловской области с докладом о нашем прибытии. На полпути, в лесу, встретили автомашину. Завернули коней, догнали ее. Оказалось, едут Емлютин и Бондаренко (командир и комиссар главного штаба западных районов Орловской области). Передав им порученные мне документы для них, я вернулся в Смелиж. Условились встретиться с ними в политотделе, но они не явились туда. Словом, день пропал.

17.12

В 8.00 добился приема в главном штабе (комиссар Алексей Бондаренко). Рассказал о нашем житье-бытье. Просил оказать помощь в одежде и обуви. Мне выписали 1 парашютный мешок, 10 метров парашютного полотна, две пары носков, табак, две пары рукавиц меховых, две пары белья и 1 кг соли. Поделили все

с Филоновым. В наших условиях это целое богатство.

18.12

Приехал начальник штаба Знобь-Новгородского отряда. Добился приема у т. Горюнова (зам. члена Военного Совета Брянского фронта). Говорили по вопросам:

1. О семьях партизан украинских отрядов, ушедших в дальний рейд на Украину. Семьи бедствуют, нет продуктов, и отправка их на Большую землю задерживается.

2. О пополнении нашего вооружения.

3. Об ожидаемой оперативной группе.

4. О выдаче нам одежды и обуви.

Результаты переговоров:

1. Семьи партизан отрядов Украины будут направлены в первую очередь.

2. Опергруппы по прибытии на смелижский аэродром получат проводников до Хинельских лесов. О времени прибытия неизвестно.

От эсманцев, конотопцев и ямпольцев направили по одному человеку в Знобь-Новгородский отряд за продуктами.

Получил парашютный мешок, отдал шить себе гимнастерку. Заказал брюки ватные и фуфайку.

19.12

Направил людей в отряды Середино-Будского, Гремячского и Хильчанского районов за продуктами. Дал указание в Середино-Будский партизанский отряд прислать в мое распоряжение двое саней для перевозки груза ожидаемой опергруппы. Как назло, погода стала отвратительная: то туман, то снег. Самолетов еще не было.

Напрасно торчал ночь на аэродроме. Болит нога. Вскрылись обе раны. Направлял Филонова в Чухраи за продуктами для нас. Ни черта не добился. В отрядах выдают по 300 граммов хлеба (50 % муки, 50 % желудей).

Адски болит нога. Раны кровоточат.

Вечером, наконец, прибыло на аэродром семь самолетов. Все из Москвы. Один из них был поврежден противником и сбросил груз без парашютов над линией фронта. Самолет еле дотянул до Смелижа.

Только утром отправили его обратно.

Опергруппа не прибыла.

22.12

Вызвал начальника штаба Хильчанского партизанского

отряда за приемкой груза. Завтра прибудет. Ездил в Чухраи. Привез продукты. Вечером приехали люди из Хильчанского партизанского отряда, привезли 52 килограмма сухарей. Я их распределил из расчета 300 граммов на человека. Посыльным дал по три килограмма.

Прибыл начальник штаба Хильчанского партизанского отряда. Вечером приехали конотопцы во главе с капитаном Кочемазовым, комиссаром и начальником штаба.

Пригнали 50 голов скота (коров). Отсюда заберут груз. Капитан Наумов предусмотрительно снабдил конотопцев радиостанцией. Будет с Хинелью связь.

24.12

Получил радиограмму от капитана Наумова.

Мне, наконец, разрешили покинуть Смелиж. Получил письмо от Веры и Лизы. Дома все в порядке.

13.00. Простившись с Артемом Гусаковым, выехали в Денисовку. Люди продовольствием обеспечены. Они теперь спасены.

В 15.00 выступили к Подгородней Слободе. Село сожжено. Отдохнули и направились в Хинельские леса — в пятый Хинельский поход!

Из Подгородней Слободы выступили в сумерках. Противник из Суземки беспрерывно ведет орудийный обстрел района Брянских лесов, в котором мы находимся… Явный недолет.

Вышли из зоны Брянских лесов. Ветер, снег в лицо, тьма кромешная. Только вышли на шлях Суземка — Севск, как из Невдольска бросили пару снарядов на шлях.

Устарь, Невдольск, Суземка ежеминутно освещаются ракетами. Это неплохо.

Снег забивает глаза. Дошли благополучно до села Атракинь. Отдохнули. Днем здесь была мадьярская конница численностью до двадцати шести человек с пушкой. Направились в Середино-Буду».

Я закрыл тетрадь. В землянку ввалился Воронцов, весь покрытый инеем, багроволицый, в черной романовской шубе. Не поздоровавшись, он тяжело опустился на стул, брякнув колодкой маузера, и, не глядя на меня, глухо произнес:

— Стою… в Ломленке снова!..

Он прицелился прищуренным глазом в карту Сумщины. Увидел на ней яркую полоску своего рейда и криво усмехнулся, наморщив лицо, как от сильной зубной боли.

— Шалыгинский завод взорвали! Охранный отряд истребили

начисто — всех сто восемьдесят головорезов!

Из донесения по радио я знал, что автоматчики — харьковчане и шалыгинцы — проникли под видом рабочих на территорию завода вместе с ночной сменой. Они оцепили казарму, забросали ее термитными шарами. Этим и было положено начало истреблению гарнизона гитлеровцев и разрушению действовавшего сахарного завода.

Воронцов оглядел всю канцелярию, словно ища кого-то, ударил тугим кулаком по столу, проговорил грозно:

— Трофеев прорву увез! Рыльский шлях зелеными фигурами усеял при встречной схватке, обоз с оружием отнял у них, и… все потерял! Все бросил на третий день! Сам едва ушел с побитым рылом! Рации и радиста лишился, — все пошло к черту в зубы в этом степном походе!

Воронцов сорвал с головы ушанку, яростно потряс своими иссиня-черными космами.

— Курить дай! — выкрикнул он.

Я подвинул к нему пачку «Пушки», высек огонь из зажигалки и спокойно ожидал, что скажет мой гость дальше. А он резким движением отпустил ремень, сбросил на пол маузер, распахнул шубу и, глубоко затянувшись папиросой, четко, по слогам произнес:

— Не про-шел!

И уставился на меня воспаленным, вызывающим взглядом.

— Вижу, — ответил я, поигрывая циркулем. — Знаю, почему разбили тебя.

— Не знаешь. Я не доносил… о последствиях, — с горькой усмешкой отозвался Воронцов. — Нечем было…

— Все равно, знаю, — повторил я.

— Угадываешь! А, может, кто из моих рассказывал? Шептунами да доносчиками обзавелся?

Сизая щека его и веко задергались. Я улыбнулся.

— Тебе больше верю, Воронцов!

— Ну, так говори: кто ябедничает?

— Циркуль подсказывает… Да, да, не удивляйся, — циркуль-измеритель — вот этот!

Воронцов откинулся на спинку стула, в темных глазах блеснули недобрые искры.

— Смеешься, капитан! — глухо произнес он. — Или совесть потеряна в большом штабе? Мне в Кумовых Ямах не до смеху было. В капкан поймали фрицы, и не тебе бы подыгрывать этому, капитан!

— А я совершенно серьезно! И хочешь, скажу, почему побили тебя?

— Н-ну?

— Ты плохо шел, Воронцов. Медленно, слишком вяло продвигался с отрядом, — каких-нибудь километров десять в сутки, не больше. И разведка… Что за метод разведки? Послать ее на сто километров вперед, приморозить себя к одному месту. Сиднем сидеть в селе трое суток, ожидая сведений о противнике, в то время как он — повсюду и обстановка меняется ежечасно. Ну, скажи на милость, кому нужна такая, с позволения, сказать, разведка? Это же не лес тебе! В степи нельзя так!

Воронцов вскочил:

— Ерунда! Какие там десять! Я и по сорок километров делал, ежели знать хочешь!

— Так, делал, а в среднем что получается? Сколько километров прошел ты за полмесяца? Не считал? Так давай посчитаем: до Кумовой Ямы от нас семьдесят километров. Так или нет?

Воронцов зорко следил за каждым шагом моего циркуля, а я отсчитывал:

— И обратно столько же. Всего, стало быть, сто сорок. Что скажешь?

— Пусть будет сто пятьдесят, — согласился Воронцов. — И что с того?

— Сколько дней ты рейдировал?

— Семнадцать, — глядя в сторону, ответил он.

— Теперь дели сто сорок на семнадцать и получишь семь с половиной в сутки! Ты ж, голова садова, променаж для аппетита делал, а не рейдом шел! Сам себя под удар подставил!

Воронцов потемнел. Синяя жила на седеющем виске его вздулась, квадратный лоб прорезала вертикальная складка.

— Врешь!

— Пересчитывай, если не верится!

— Нет, ты сам сходи в степь для променажа, сам попробуй! Это тебе не циркулем средние цифры выкручивать! Сходи и понюхай, чем пахнут степи украинские!

Он надвинулся на меня разъяренным медведем.

Я отложил циркуль и тоже поднялся.

— Не злись, Воронцов, — сказал я, — уважаю тебя за смелость! Твой рейд — наука, пробный камень в омут, и я извлекаю из него уроки. Учусь, потому что сам пойду туда же в степи и, будь спокоен, доведу тебя до Харьковской области. Согласен?

Воронцов сел, бросил окурок в печку и, попросив стакан чаю, ответил:

— С тобой, капитан, пойду! Только дай срок, поправлюсь…

Отослав радиограмму в УШПД о возвращении из рейда, Воронцов уехал в Ломленку. Следом за ним выехал и я, направляясь к аэродрому. Наш аэродром был расположен на опушке Хинельского леса. Девять изб поселка, до самых крыш заметенных снегом, представляли собой служебные помещения порта. Поселок этот с поля прикрыт плоской возвышенностью, его не видно даже из села Хинели, и угадывается он только по трубам, торчащим из-под снега.

Огромное поле перед Хинельским лесом и было отличной посадочной площадкой. Избы в те дни всегда наполнены были ранеными, детьми и женщинами, ожидавшими отправления на спасительную Большую землю.

Было уже десять часов вечера. Полная луна висела в морозном небе, пустынную тишину изредка нарушал скрип снега под ногами аэродромной прислуги. По всему пространству аэродрома уже пылали крестообразно сложенные костры из сухих бревен — условный знак для посадки самолетов.

На аэродром приехали все командиры бригад: Панченко и Казанков, Коновалов и Гудзенко. Каждый уверял, что ожидаемый самолет везет грузы для них, и поэтому все прибыли на аэродром с эскортом и обозом для боевого груза.

По праву начальника копайгородского гарнизона и хозяина Хинельского аэродрома, я оцеплял в таких случаях посадочную площадку конниками Баранникова и, кроме командиров бригад, не подпускал никого к самолету.

Оставив теплые избы, партизаны толпились вблизи костров, — им не терпелось увидеть хотя бы издали корабли с красной звездой на крыльях.

— Гудит! — произносит стоящий подле меня капитан Туркин, а через минуту добавляет: — Летит!

На небосклоне зажглись две зеленоватые звезды, они движутся к нам, это подфарники самолета. Гуденье усиливается, с аэродрома летят в зенит три красных, по горизонту столько же зеленых ракет, самолет рассыпает с бортов зеленые и красные гирлянды, кружит над нами и снижается.

Вдруг вспыхивают ярким, режущим глаз светом два прожектора самолета, весь аэродром блестит и сияет, как исполинская накрахмаленная скатерть, и в туче снега воздушный корабль скользит вдоль костров по аэродрому.

Через полчаса прилетевшие гости — заместитель начальника УШПД подполковник Дрожжин и депутат Верховного Совета подполковник Мартынов — представители ЦК и правительства Украины — входят в землянку Сумского штаба, и мы приступаем к важному совещанию.

Партизанское движение переросло и областные рамки, — оно должно теперь охватить всю Украину. Устами своих представителей ЦК КП(б)У поставил перед Сумским штабом и подпольным обкомом вопрос: готовы ли мы к выходу в степной рейд по Украине?

Совещались всю ночь. Перед утром объявили перерыв, и я вышел через запасный выход на воздух. После духоты и жарких споров, после табачного спертого воздуха приятно дышать крепким морозным настоем. Ярко светит луна, потрескивают ветви деревьев, часовой стучит ногой об ногу.

Я обошел землянку и направился к «парадному ходу». Возле окна моей землянки темнела прильнувшая к окну фигура: кто-то силился подслушать разговор в штабе. Я схватил его за рукав кожуха, человек порывисто отскочил, обернулся, и я увидел перед собой Баранникова.

— Попался, Коля! — сказал я, отлично понимая душевное состояние моего верного боевого друга. — Подслушивать вздумал!

— Чего попался! — осклабился Баранников. — Не один я хочу знать, у всех одно на душе — скорее бы за настоящее дело. Скажите, Михаил Иваныч, что вырешено?

— Проверь, Коля, потники и подпруги, — ответил я, глядя в глаза Баранникову и следя за тем, как загораются они светом радости. — Набивай овсом и сухарями переметные сумы. Завтра будет назначен день, когда вырвемся мы на оперативные просторы!

— Да неужели правда, Михаил Иваныч! — воскликнул Баранников и лихо подбросил шапку, словно уже видел себя в лихом походе.

Баранников исчез в соседней землянке, чтобы порадовать новостями своих друзей, а я остался один с мыслями о новом, необычайно захватывающем деле. Я представил себе оперативную карту. Верхнюю часть ее заливала зеленая краска лесного края, а нижнюю — голубой разлив Черноморья и меж ними раскинувшаяся на семь сотен километров, покрытая снегами, ровная и широкая украинская степь с большими селами, с городами, с густой сетью пока работающих на врага железнодорожных магистралей.

Я мысленно обозревал эти бескрайние степи. Сейчас они занесены снегом, ветер свистит в открытых просторах, и глазу больно от ослепительного блеска шуршащего, перешивающегося искрами снега.

Но там сотни тысяч людей, готовых по зову партии подняться на вооруженную борьбу с гитлеровскими захватчиками. Они ждут

нас. И вот Центральный Комитет идет на помощь им. Он посылает туда Хинельскую армию.

Черновцы — Ленинград — Киев 1948—1960 гг.

К УЧАСТНИКАМ ПОХОДОВ И ЧИТАТЕЛЯМ

Эсманский, он же Червонный партизанский отряд Сумской области явился родоначальником четырех партизанских соединений, известных на Украине, как соединения под командованием П. Ф. Куманька, Я. М. Мельника, М. И. Наумова и Л. И. Иванова.

В книге «Хинельские походы» повествуется о самоотверженной борьбе партизан-эсманцев против гитлеровцев на протяжении 1942 года.

Большую часть книги занимает повествование о делах и днях первой группы эсманцев, которая находилась в отрыве от ядра отряда, остававшегося в блокированном Брянском крае.

Автор понимает что в книге недостает упоминания еще о многих и многих достойных героях из состава других групп Червонного отряда. Однако из-за утраты почти всех документов подпольного райкома и отряда, спрятанных где-то в глуши Брянского леса, пока что не было возможности пролить должный свет на имена и знаменательные дела многих патриотов.

Минувшие десятилетия также не могли не унести многого из памяти участников или очевидцев событий.

В распоряжении автора были только сохранившийся дневник старшего адъютанта группы — Инчина А. М. да некоторые документы из архивного фонда С. А. Ковпака вместе с уцелевшей книгой приказов эсманскому отряду. Большинство же событий и имен записано автором по памяти и со слов партизан, проживающих вблизи Хинели.

«Хинельские походы» — только первая часть боевого пути и творческих усилий автора. Впереди — описание боевых рейдов из Хинели к Южному Бугу, из Белоруссии на Киевщину и на запад, к Сану, к Висле.

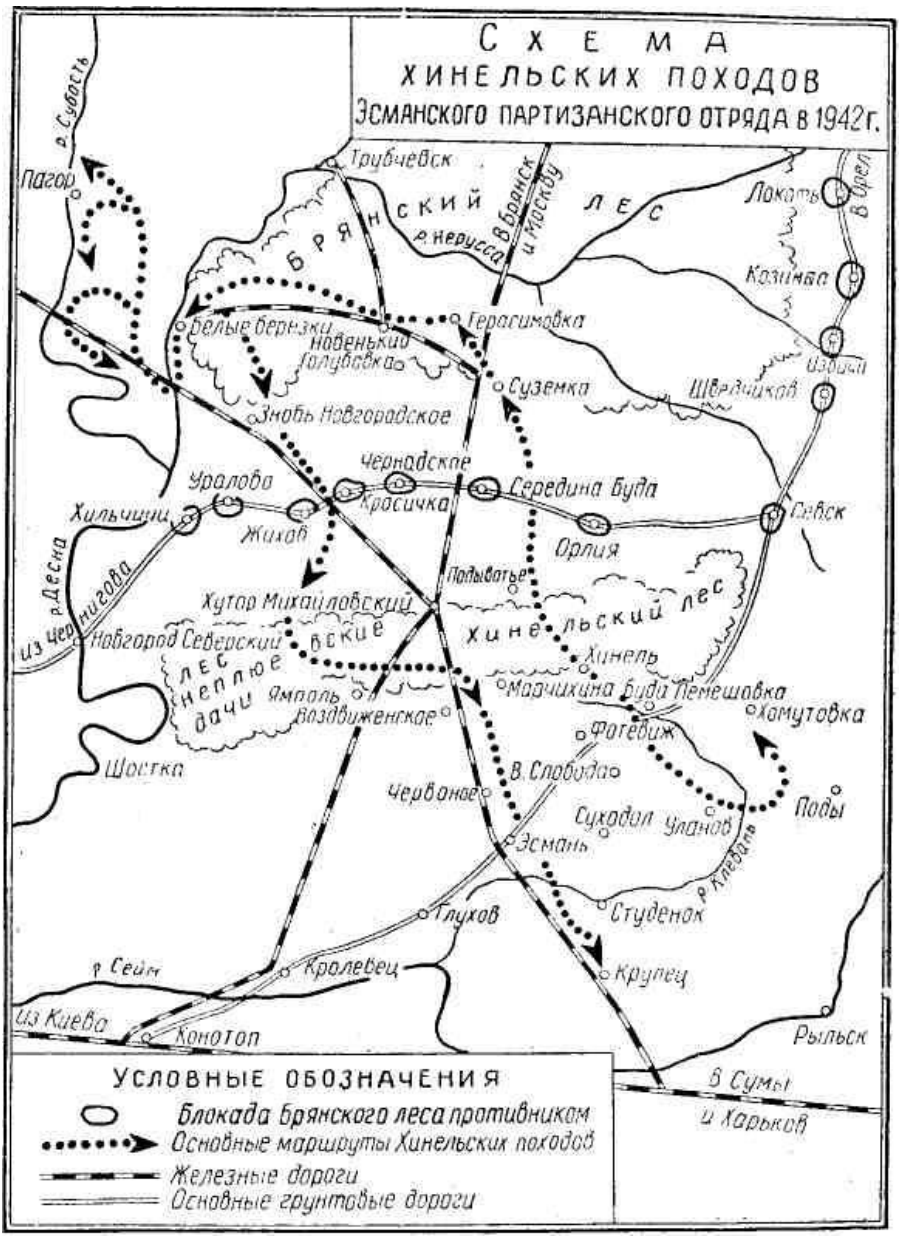
Еще в 1944 году по указанию Н. С. Хрущева многие командиры, политработники и представители интеллигенции, участвовавшие в партизанском движении, написали свои воспоминания об этих рейдах.

Сохранились также штабные документы. Многие участники походов продолжают присылать в распоряжение автора свои записные книжки и воспоминания. Но для создания художественного произведения нужно как можно больше воспоминаний и других материалов о партизанской войне в Брянском крае, на Украине и в Белоруссии.

Автор просит участников боевых походов и читателей помочь ему советом и материалами.

Автор

СХЕМА ХИНЕЛЬСКИХ ПОХОДОВ



notes

Примечания

1

Так пренебрежительно называли на Украине националистов.

2

Гебит *(нем.)* — округ.

З

Эрзя *(мордовск.)* — мордвин.

4

Русские, не бойтесь: бросим оружие, все славяне, немцев среди нас нет.

Дедина *(сербск.)* — деревня.

УШПД — Украинский штаб партизанского движения.